

15603.

IX, 971.

Гимназія

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

Годъ VI

Мартъ LIII — Апрель LIV — Май LV

1893

Содержаніе

1. С. Рожанковскій, Ревель. На 15 мая 1893 г. Подражанье Пиндару.
2. П. Коцевольскій, Рязань. Отрицательныя стороны въ занят. по русск. яз.
3. К. Котельниковъ, Владивостокъ. Параллели.
4. Е. Ветнекъ, Ревель. Отрывокъ изъ метод. коммент. къ Метаморф. Овидія.
5. H. Raude, Въ Англійскихъ гимназіяхъ (прод.) VI.
6. А. Нейфельдъ, Хортица. Нѣсколько мыслей о преподав. лат. яз. въ младш. кл.
7. Н. Марковъ, Елисаветградъ. «Добрый молодецъ» и «Красная дѣвица» въ пѣсняхъ Кольцова.
8. М. Преображенскій, Полангенъ. Отвѣтъ г. В. Андрееву.
9. П. Милютинъ, Карачевъ. По вопросу о классн. перев. съ русск. яз. на древнѣе.
10. А. Толубѣвъ, Люблинъ. Нѣсколько словъ о литер. бесѣдахъ учениковъ старш. кл. гимназій.
11. К. Котельниковъ, Владивостокъ. С. Valerii Catulli c. III.

Приложенія

12. Я. А. Коменскій. Великая Дидактика (прод.).
13. Я. А. Коменскій. Діогенъ Циникъ. Перев. Г. Яичевецкій.
14. Я. А. Коменскій. Открытая дверь языковъ (прод.).
15. Гомеръ. Илиада. Перев. Г. Яичевецкаго (прод.).
16. Гомеръ. Одиссея. Перев. его же (прод.).
17. Гомеръ. Гимны. Перев. его же (прод.).
18. Я. Мищенко. Краткій очеркъ греч. литер. (прод.).
19. П. Бракенгеймеръ. Униформированіе въ яз. литово-словенской семьи.
20. Объявленія.

Сотрудники „Гимназій“

- Ахтырка. М. Лисицынъ (прог.).
 Балтійскій-Портъ. Свящ. І. Регема.
 Болградъ. К. Гертеръ (прог.).
 — А. Кондрацкій (г.).
 Борисоглѣбскъ. В. Гедрихъ (прог.).
 — Л. Горкевичъ.
 Бѣла. Е. Гомеровъ (гимн.).
 — Р. Киричинскій (гимн.).
 Бѣлый. К. Бродскій (прог.).
 Варшава. Л. Демченко.
 — І. Канскій (дир. гимн.).
 Вильно. Ф. Монюшко (ж. г.).
 Воронежъ. С. Николаевъ (гимн.).
 Вязма. И. Виноградовъ (г.).
 Владивостокъ. К. Котельниковъ (прог.).
 Владикавказъ. С. Боршевскій (г.).
 Глуховъ. М. Демковъ (учит. инст.).
 Гомель. М. Окиншевичъ (прог.).
 Екатеринбургъ. Г. Бергъ (р. уч.).
 Елецъ. П. Первовъ (гимн.).
 Елисаветградъ. Л. Коссовскій (ж. г.).
 — Н. Марковъ (р. уч.).
 — В. Рклицкій (р. уч.).
 Замостье. Е. Киричинскій (прог.).
 Ив.-Вознесенскъ. М. Лакомте (б. дир. г.).
 Казань. В. Латышевъ, Г. Гортановъ.
 — Д. Нагуевскій (проф. ун.).
 Калуга. Ф. Штифтаръ (гимн.).
 Каменецъ-Подольскъ. М. Гринчакъ (г.).
 Камышинъ. А. Рождественскій (дух. уч.).
 Карачевъ. А. Лецинскій (уч. сем.).
 — П. Милотинъ (прог.).
 Киевъ. И. Анненскій (дир. К. П. Г.).
 — С. Воскресенскій (гимн.).
 — И. Корольковъ (проф. дух. ак.).
 — Я. Мищенко (г.).
 — А. Степовичъ (пр. доц. ун.).
 — А. Юркевичъ (б. уч. гимн.).
 Коломна. Е. Крыловъ (г.).
 Краснослободскъ. К. Трейманъ (прог.).
 Курскъ. М. Куклинъ (гимн.).
 Либава. В. Зайцъ (р. уч.).
 Лодзь. А. Шумейко (гимн.).
 Люблинъ. А. Толубѣевъ (г.).
 Мозырь. П. Изенфламъ (прог.).
 Москва. В. Аппельротъ (гимн.).
 — Л. Подивановъ (дир. гимн.).
 — И. Семеновъ.
 — Г. Фишеръ (гимн.).
 — В. Шенрокъ (гимн.).
 Н.-Новгородъ. А. Кроляницкій (гимн.).
 — И. Шенрокъ (гимн.).
 Новочеркаскъ. И. Автократовъ (гимн.).
 — И. Шамонинъ (р. уч.).
 Новый Бугъ. А. Крыловъ (дир. уч. с.).
 — И. Успенскій (уч. с.).
 Нѣжинъ. А. Кузнецовъ (инст.).
 Одесса. П. Бракенгеймеръ (гимн.).
 — А. Григорьевъ (прог.).
- Одесса. П. Ладновъ (прог.).
 — М. Попруженко (пр.-д. ун.).
 — А. Флеровъ (г.).
 Омскъ. К. Ельницкій (кад. к.).
 Полаangenъ. М. Преображенскій (прог.).
 Полтава. М. Андриашевъ (гимн.).
 Ревель. Е. Ветнекъ (г.).
 — Н. Добронравинъ (г.).
 — В. Жемчужинъ (р. уч.).
 — Н. Кораблевъ (гимн.).
 — А. Миллеръ (ж. г.).
 — П. Пользинскій (г.).
 — А. Реде (ж. г.).
 — С. Рожанковскій (дир. г.).
 — М. Тимофеевъ (б. уч. г.).
 — Е. Шмидтъ ф.-д.-Лауницъ (г.).
 — Г. Яичевецкій (дир. г.).
 Рига. Свящ. А. Аристовъ.
 — И. Желтовъ (б. уч. г.).
 — М. Крыгинъ (г.).
 — С. Шарова (ж. г.).
 Рыбинскъ. Н. Вергинъ (гимн.).
 Рыльскъ. А. Волоткинъ (прог.).
 Рязань. П. Коцевольскій (г.).
 Смоленскъ. С. Влажеевскій (г.).
 — М. Дроздовъ (дух. сем.).
 — Г. Лобовиковъ (р. уч.).
 С.-Петербургъ. М. Андреевнъ (г.).
 — С. Гинтовтъ (г.).
 — А. Желобовскій (г.).
 — И. Кириановичъ (г.).
 — Д. Лебедевъ.
 — М. Лянченко.
 — В. Межовъ.
 — А. Маленгъ.
 — М. Нагорскій (г.).
 — Н. Невзоровъ (г.).
 — А. Образцовъ (г.).
 — Н. Розовъ (г.).
 — Н. Санчурскій (окр. инсп.).
 — А. Филоновъ (б. дир. г.).
 — Х. Шванебахъ (б. дир. р. уч.).
 — Д. Яичевецкій.
 Ставрополь. Н. Кузнецовъ (г.).
 — Г. Дорощевъ (г.).
 Таганрогъ. А. Громачевскій (дир. г.).
 Тверь. Н. Овсянниковъ (б. дир. г.).
 Тифлисъ. Е. Богословскій (гимн.).
 — А. Приселковъ (гимн.).
 Тула. Прот. А. Ивановъ (гимн.).
 Урюпино. Н. Чекановъ (р. уч.).
 Усть-Медвѣдица. Н. Боголюбовъ (г.).
 Холмъ. В. Инатовъ (гимн.).
 Хортица. А. Нейфельдъ (зав. центр. уч.).
 Черниговъ. А. Тиховъ (гимн.).
 Царское-село. С. Цыбульскій (гимн.).
 Эривань. В. Романовскій (гимн.).
 Феодосія. И. Бутовъ (уч. инст.).
 — А. Солоникіо (гимн.).

Гимназія

ЖУРНАЛЪ

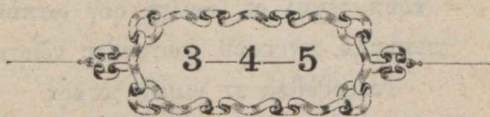
ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

In primis, ut tenerae mentes tracturaeque altius, quicquid rudibus et omnium ignavis insederit, non modo, quae diserta, sed vel magis, quae honesta sunt, discant. Ceteris, quae ad eruditionem modo pertinent, longa aetas spatium dabit. Quint. inst. or. I, 8.

ГОДЪ VI

LXIII—LXIV—LXV

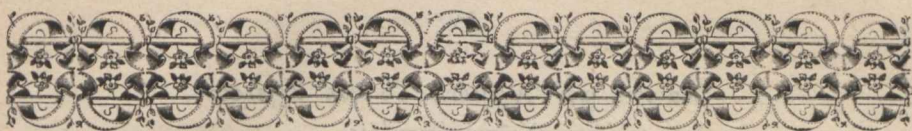
1893

Ревель.

Печатано въ типографіи «Ревельскихъ Извѣстій».

1893.

Φυᾶ τὸ γεγραῖον ἐπιπρέπει ἐκ
πατέρων πασι λῆμα.

Ἡνδάρως.

Παῖς ἀλίου, ποιδεννότατον φάος
ἄλλαμψε Μόσχα χρυσοφεγγεῖ·
θεωρὸς εὐφαιμῶν παρέστα
δᾶμος ἄμ' εὐξόμενος Τεῖγγε,

Ἵπιερ νόον σεμναῖς ὑπὸ φροντίσι
τιθεῖ τόδ' ἄμαρ· ματρόπολιν φίλαν,
ὦ Ρωσσίας κῦδος, κατέρχου
στέμματι δὴ στεφανοῦσθ' ἀνάκτων

Κάρα Σὸν ἀγνόν· ἀλλὰ μέλει Σε τέφω
καὶ πῶς κέν ὑμνοῖμ' ἐξαπίνας ἄτε
κέλευθον ἐμβὰς ἀλλόφυλον θ'
Ἑλλάδος ἡρμέμος ἀβράν φωνάν;

Χαῖρ' Ἀγεμών· τεὸς βίωτος γέμοι
τύχας ἀώτων· εὐφροσύναν τὸ μὲν
ἄνδρεςσιν ἀλκίμοις παρεῖσαι
Σοί ποτι Σοῖσι τ' ἄγοιεν ὄραι·

Σκάπτω γὰρ ἀγλαῶ, τὸ λάχες παρὰ
πατρῶν σεβαστῶν, θάρσυνος ἀμφέπεις
κράτος θέμιν τε ὀρθόβουλον
εὐνομίαν παρέχων τοῖς λαοῖς·

Ἄθυμιας δ', ἐφαμερίφ γενεῖ
ᾗς οὐκ ἔγεντο δεινότερα νόσος,
πέπανκας ἄμμ', ἦμαν, ἀδὴν δὴ
τειρομένους μογεραῖσι λύπαις·

Χαίροις μοι Ἀγεμόν· Τὸ γὰρ ἀγγελεῖς
 ἱρὰν εἰρήνην Σοῖσιν ὑπακίους,
 ὅσοι νέμοντι οὐκ ἄκαρπον
 Ῥωσσίδος εὐρυχόρου ἄρουραν

Σπουδᾷ ταρασσόντες χθόνα καὶ χερῶν
 ἀκμᾷ σέβοντι θ' ἀγνότατον κράτος
 Δάματρος ἀρθέντες πρόπαντες
 χαρμωσύναις ἐπακουσόμεσθα

Ἔπος Μονάρχου ἀσυχίας κλέος
 τίς δαΐων τολμᾷ διαβαλλέμεν
 νεῖκος φυτεύσαις; σῆλε γ' ἀχῶ
 κοιλοπέδοισι νάπαις βρέμοισα

Θράκας Ἀσίς τε μάρτυρές εἰσιν, οἳ
 ἔρδειν ἐν αἰγμᾷ θ' ὄψι περιέμμεναι
 ἐναντίων ἴσαντι Ρῶσσοι
 ἀμφ' Ἀγὸν ἰστάμενοι μαχαταί·

Ῥωμαγιῶν ἐσλῶν θάλας ἀνθέων,
 δὴν ἄρχ' ἀκηράτου πόλιος· μάλα
 Θεῶ τὸδ' εὐχόμεσθα ἄμμες
 συγγενέων ἀνέρων θ' ὄμαιγμοι,

Πατρός Τεοῖο συμμαχίας ἄτερ
 ὥνπερ πολλοῖσιν οὔποτε δούλιον
 κ' ἀμύνην ἄμαρ· ἀλλὰ δέξαι,
 Ἐσλέ, κράτος Θεόθεν παθῆχον.

Отрицательныя стороны въ занятіяхъ по русскому языку (опытъ анализа «Методическихъ указаній» Н. Невзорова).

П. Коцесомскій, Рязань.

Въ циркулярѣ по Духовному Вѣдомству за 1890-й годъ содержится, между прочимъ, Записка, состоящаго въ Учебномъ Комитетѣ при Св. Синодѣ инспектора С.-Петербургской 3-й гимназіи Н. Невзорова, подъ названіемъ: *Методическія указанія относительно преподаванія русскаго языка въ духовныхъ училищахъ.* Хотя прошло уже около двухъ лѣтъ со времени появленія въ печати этой записки, но вопросъ о наилучшей постановкѣ учебныхъ занятій въ заведеніи, при которой учащіеся вполне основательно усваивали бы главное и существенное въ предметѣ, но при этомъ оставалось бы у нихъ и достаточно времени на прогулку и для занятій физическихъ, никогда не потеряетъ своего значенія. Въ прошлую весну онъ, какъ извѣстно, возникъ съ новою силою по поводу другого, связаннаго съ нимъ вопроса о пригодности, или бесполезности годовыхъ экзаменовъ, взволновавшаго всѣхъ учащихся, учащихся, родителей послѣднихъ, и раздѣлившаго было педагогическій міръ на два враждебныхъ лагеря. Въ послѣднее время послѣдовало со стороны учебнаго начальства нѣсколько распоряженій и указаній съ цѣлью тѣхъ же самыхъ улучшеній въ ходѣ учебнаго дѣла. Поэтому, не безынтереснымъ будетъ ознакомиться ближе съ поименованною запискою г. Невзорова, такъ какъ содержащіяся въ ней указанія, повидимому, рекомендуются для школъ цѣлаго Вѣдомства (духовнаго).

Методическія указанія свои г. Невзоровъ предназначааетъ спеціально для духовныхъ училищъ, такъ какъ всюду при словѣ «школа», «училище», «заведеніе» онъ непремѣнно прибавляетъ слово «духовный»; но въ чемъ состоитъ особенность, спеціальнѣйшій оттѣнокъ занятій русскимъ языкомъ въ этихъ училищахъ, почтенный авторъ не обмолвился нигдѣ ни однимъ словомъ. Въ духов. училищахъ, какъ это извѣстно частью изъ практики, частью изъ программъ сихъ заведеній съ объяснительными къ нимъ записками, частью изъ напечатанныхъ отчетовъ имѣющихся въ духовномъ вѣдомствѣ ревизоровъ, подробнѣе, чѣмъ въ гимназіяхъ, изучается церковно-славянскій языкъ, съ цѣлью приучить къ чтенію въ церкви при богослуженіи, и особое стараніе прилагается къ тому, чтобы научить учениковъ хорошо и выразительно читать, такъ какъ въ семинаріи они должны приучаться къ декламации въ виду предстоящей имъ проповѣднической карьеры. Последняя сторона занятій, особенно интересовала насъ, и узнавши только недавно о существованіи записки г. Невзорова подъ столь заманчивымъ названіемъ, я особенно интересовался найти въ ней ключъ къ тому, какъ приобрѣтается выразительность чтенія; но, вмѣсто того, на стр. 16-й прочель пустякъ, ничего не стоящій, даже ошибочный, какъ показано будетъ ниже, замѣтки относительно объяснительнаго чтенія. Поэтому, записка г. Невзорова терять свой спеціальнѣйшій характеръ и заключаетъ въ себѣ методическія указанія для занятій русскимъ яз. во всякомъ учебномъ заведеніи.

Въ запискѣ г. Невзорова прежде всего неприятно поражаетъ то, что преподающіе русскій языкъ въ дух. училищахъ, судя по предлагаемымъ имъ наставленіямъ, представляются большими невѣждами, которымъ неизвѣстны элементарныя дидактическія правила и которые имѣютъ крайне ограниченныя свѣдѣнія въ своемъ предметѣ. Г. Невзоровъ считаетъ нужнымъ сообщать имъ такія азбучныя правила: «теоретическія положенія должны быть выводимы изъ примѣровъ», «спряженіе глаголовъ не слѣдуетъ механически заучивать подобно глаголамъ въ греческой и латинской грамматикахъ», «всѣ филологическія

тонкости (?) и грамматическія подробности (!) только затуманиваютъ дѣтскія головы», «слѣдуетъ давать ученикамъ задачи для упражненій, не слѣдуетъ быстро переходить отъ одного отдѣла грамматики къ другому». Какой преподаватель русск. языка не знакомъ съ этими ясными для всякаго требованіями здраваго смысла и станетъ назначать урокъ, не объяснивъ его, или же заставить безсмысленно затверживать таблицу склоненій и спряженій, какъ напрасно и, кажется, неосновательно предполагаетъ г. Невзоровъ? Намъ лично извѣстны нѣсколько учителей дух. училищъ, весьма почтенныхъ, умныхъ, трудящихся; среди воспитанниковъ семинарій многіе пишутъ по-русски хорошо, научившись грамотности въ дух. училищѣ, и успѣшно занимаются въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но обратимся къ «методическимъ указаніямъ» записки.

Подъ методическимъ указаніемъ слѣдуетъ разумѣть, какъ согласится съ нами самъ Невзоровъ, разъясненіе того пути, того способа и пріема, какой, на основаніи опыта, лучше ведетъ къ полному уразумѣнію учащимися преподаваемого имъ. Въ методическомъ указаніи выступаетъ передъ нами самъ учитель со свойственною ему и выработанною имъ манерою возбуждать въ ученикѣ умственную работу, руководить ею и мало-по-малу, путемъ вопросовъ, сравненій, наведеній, доводить его до яснаго пониманія. Поэтому, методическое указаніе есть какъ-бы общій снимокъ съ класной работы наставника, содержащій въ себѣ характерныя частности.

Такого рода методическихъ указаній не обрѣтается въ запискѣ г. Невзорова ни одного, за исключеніемъ слабыхъ намековъ на нихъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ. На стран. 8-й, говоря о «наглядныхъ или описательныхъ опредѣленіяхъ въ элементарномъ курсѣ грамматики, которыя могутъ состоять въ указаніи только очевидныхъ признаковъ», авторъ пытается разъяснить это указаніе на частномъ случаѣ и продолжаетъ: «Возьмемъ для примѣра изъ русской грамматики отдѣлъ о частяхъ рѣчи, о видахъ, наклоненіяхъ и залогахъ глагола: преподающему нѣтъ надобности давать научное понятіе о

глаголь (еще-бы?! оно и не дается ни въ какой элементарной грамматикѣ), а достаточно уяснить различіе между залогами посредствомъ извѣстныхъ вопросовъ: кого, что? — дѣйствительный з.; кѣмъ-чѣмъ? — страдательный з.; съ кѣмъ, съ чѣмъ? — взаимный». Пользуясь только этимъ однимъ нагляднымъ приѣмомъ, ученикъ найдетъ, что глаголы: ходить, гулять, разговаривать (съ кѣмъ?) и масса другихъ, послѣ которыхъ можно поставить вопросъ: «съ кѣмъ, съ чѣмъ?», будутъ взаимные, а глаголы: читаю, пересматриваю (книгу), учу, переписываю (урокъ) съ товарищами (съ кѣмъ, съ чѣмъ?) выходятъ на одинаковыхъ правахъ и дѣйствительными, и взаимными. Ясное дѣло, что показанныхъ г. Невзоровымъ очевидныхъ признаковъ недостаточно, а необходимы еще и другіе, не менѣе очевидные. Но авторъ нашъ съ рѣшительностью продолжаетъ: «другія, болѣе точныя и научныя опредѣленія залоговъ, а также частей рѣчи, видовъ и наклоненій глагола, приложенія (? вѣроятно — «приставки»), корня словъ, суффикса и т. под. совсѣмъ не подь силу ученикамъ училища». Я совершенно не понимаю, о какихъ «другихъ» опредѣленіяхъ для всѣхъ частей рѣчи говорится въ приведенныхъ словахъ, когда онъ остановился только на описательномъ опредѣленіи залога; опредѣленія же частей рѣчи, содержащіяся въ нашихъ грамматикахъ, достаточно ясны и легко усвоятся учениками гимназіи. Не повѣрю я г. Невзорову, чтобы опредѣленія эти были не подь силу и ученикамъ дух. училищъ, слава Богу, не обдѣленнымъ смысломъ и прилежаніемъ, если и въ сельскихъ школахъ мальчики достаточно разумѣютъ части рѣчи, отличая ихъ одну отъ другой.

Но послушаемъ дальше: «Вся трудность въ изученіи спряженій будетъ устранена, если ученики предварительно самыхъ (? слѣдуетъ «самихъ») спряженій усвоятъ (что?), основательно и быстро научатся различать въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола его залогъ, видъ и основу». Постигнуть ученику неопредѣленное наклоненіе — дѣло сложное, предполагающее хорошее знакомство съ опредѣленными формами глагола; ученикъ долженъ предварительно ознакомиться со

всѣми тѣми формами (лицо, число, время), которыя онъ долженъ устранить, чтобы получилась неопредѣленная, существительная форма глагола. Отсюда слѣдуетъ, что когда ученикъ «научится быстро различать въ неопред. наклоненіи залогъ, видъ и основу», то онъ уже умѣетъ спрягать, и не придется «устранять никакихъ трудностей», такъ какъ эти трудности уже побѣждены, предварительная работа уже сдѣлана. Особенно трудно для ученика различать въ неопред. наклоненіи видъ глагола, т. е. въ одномъ отвлеченіи усматривать вмѣстѣ и другое отвлеченіе; а нашъ авторъ требуетъ, чтобы къ этой головоломной работѣ ученикъ приобыкъ до изученія спряженій, т. е. въ самомъ низшемъ классѣ. Между тѣмъ всякому преподавателю русскаго языка извѣстно, что ученики легче всего научаются различать виды глагола, когда знаютъ, что несовершенный видъ имѣетъ настоящее время, а совершенный не имѣетъ сего времени, а вмѣсто него — будущее несложное. И всякій ученикъ, если требуется отъ него опредѣлить видъ извѣстнаго глагола, быстро въ умѣ своемъ образуетъ похожую на настоящее время форму, уразумѣетъ ея значеніе, припомнитъ правило, и тогда даетъ отвѣтъ; у одного ученика эта предварительная умственная работа ведется быстрѣе, у другого — медленнѣе, но каждый сперва непременно идетъ этимъ путемъ, если онъ показанъ ему, и никогда не събьется. Значительно послѣ, съ большимъ развитіемъ пониманія и навыкомъ къ отвлеченности, является возможность непосредственно въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола различать видъ его; но и здѣсь остается вопросъ: непосредственно ли? не производится ли въ нашемъ умѣ все та же обычная работа въ различеніи настоящаго и будущаго времени, но только чрезвычайно быстро и незамѣтно для нашего сознанія? Поэтому, неправильно говорить г. Невзоровъ, что «когда ученики станутъ различать глаголы (конечно, въ неопред. наклоненіи) по видамъ, (то) узнаютъ, что глаголы вида совершеннаго по самому значенію своему не могутъ имѣть настоящаго времени». О временахъ, принадлежащихъ тому или другому виду, ученики знаютъ раньше знакомства съ видами глагола, пользуются ими въ

своей рѣчи раньше изученія грамматики, и видъ глагола опредѣляютъ именно по наличности того или другого времени въ данномъ глаголѣ. Что же касается причинной связи между видами глагола и относящимися къ нимъ временами, то она едва ли доступна сознанию ученика средней школы. Г. Невзоровъ, вѣроятно, помнитъ изъ практики, что ученики нерѣдко прошедшее время совершеннаго вида называютъ настоящимъ временемъ и поправляются, когда сообразятъ личныя окончанія. Происходитъ это оттого, что прошедшее совершеннаго вида, указывая на дѣйствіе, совершившееся въ прошедшемъ, въ связной рѣчи, подобно латинскому *perf. praesens*, представляетъ мысли нашей результатъ законченнаго дѣйствія какъ бы существующимъ и продолжающимся въ настоящемъ. Ученикъ правъ въ своемъ непосредственномъ пониманіи, и отступаетъ отъ него только изъ-за личныхъ окончаній. Значитъ, и въ глаголахъ вида совершеннаго встрѣчается отгѣнокъ, настоящаго времени. Посему, для ученика училища достаточно знать, что виды глагольные составляютъ характерную особенность роднаго языка, замѣняя собою обиліе временъ въ иноземныхъ языкахъ, что ихъ слѣдуетъ строго отличать одинъ отъ другого и не смѣшивать въ употребленіи. Объ изученіи самаго спряженія глаголовъ методическія указанія г. Невзорова весьма кратки и состоятъ всего изъ 6 строкъ. «Послѣ этого (т. е. когда ученики научатся въ неопредѣл. наклоненіи глагола усматривать его залогъ, видъ и основу) ученики безъ всякаго затрудненія прибавятъ къ основѣ 3-го лица (а число?) или къ основѣ (неопред. наклоненія) какъ личныя окончанія, такъ и причастныя, т. е. научатся спрягать». Авторъ представляетъ дѣло механически, забывая о тѣхъ звуковыхъ измѣненіяхъ, которыя немало затрудняютъ учащихся при образованіи глагольных формъ, и даже при нахожденіи основы неопредѣл. наклоненія. — Но обо всѣхъ этихъ измѣненіяхъ говорится въ учебникѣ русской грамматики? возразитъ намъ авторъ нашъ. Конечно, говорится, равно какъ содержится въ ней и все то, о чемъ трактуетъ рассматриваемая записка; но въ послѣдней было бы весьма

умѣстно указать на тотъ путь и тѣ приемы, при которыхъ наиболѣе успѣшно можно разобратся въ наиболѣе трудной и запутанной статьѣ нашей грамматики, статьѣ о спряженіи глаголовъ. Ясно, что прежде различенія залоговъ и видовъ глагола по неопредѣл. наклоненію ученику нужно спрягать и спрягать устно цѣлые разряды глаголовъ, вмѣстѣ съ симъ необходимо выучить личныя окончанія для прочности правописанія, въ виду разныхъ отбѣнковъ говора учениковъ, особенно въ низшихъ классахъ. «Что касается самаго порядка заучиванія глагольныхъ формъ (настоящее, прошедшее, будущее вр., повелительное, причастіе)», вѣщаетъ авторъ, «то этотъ порядокъ не составляетъ существенной стороны дѣла». Напрасно такъ думаетъ. Обычный порядокъ глагольныхъ формъ существуетъ съ незапамятныхъ временъ, наблюдается во всѣхъ грамматикахъ изучаемыхъ въ нашихъ заведеніяхъ языковъ; никто никогда отъ него не отступалъ и даже не заявлялъ намѣренія нарушать его. Любопытно было бы, какъ бы г. Невзоровъ началъ изученіе спряженія съ причастій, и чему научились, что уразумѣли бы ученики при такомъ порядкѣ занятій? Существующій распорядокъ глагольныхъ формъ имѣетъ глубокое психологическое основаніе, обуславливается филологическими законами, вполне соответствуетъ педагогическимъ потребностямъ; почтенному педагогу слѣдовало бы подумать обо всемъ этомъ и не говорить лишняго.

О склоненіи именъ г. Невзоровъ говоритъ мимоходомъ, по связи со спряженіемъ, и по словамъ его «раздѣленіе существительныхъ по однимъ учебникамъ на 3 склоненія, по другимъ на 4 и даже на 5 скл. не составляетъ существенной стороны дѣла; такое или иное дѣленіе на склоненія, если и полезно для учениковъ русскаго происхожденія, то исключительно въ видахъ прочнаго усвоенія особенностей правописанія окончаній». А для какой же иной цѣли изучается вся этимологія, съ относящимися къ ней законами фонетики, какъ не для того, чтобы учащіеся умѣли правильно писать какъ корни, такъ преимущественно окончанія словъ, научившись предварительно

правильно образовывать самыя формы? Въ безразличномъ отношеніи г. Невзорова къ такому или иному числу склоненій въ родномъ языкѣ, высказывается только недостаточное вниманіе его къ общепризнаннымъ даннымъ филологіи и слабость педагогическаго разумѣнія. Несомнѣнно, что имена средн. рода составляютъ съ мужескимъ р. одно склоненіе, имена женскаго рода на *а* и *я* образуютъ особое склоненіе; слова женск. рода на *ь* ($\equiv u$) — опять особое склоненіе; къ сему послѣднему примыкають, какъ исключеніе или, правильнѣе, какъ архаизмъ, группы именъ на носовой звукъ и съ темою на согласный звукъ (*р, с, т*), составляющія въ нѣкоторыхъ учебникахъ 4-е склоненіе (съ наращеніемъ). Вотъ несомнѣнныя данныя филологіи, принятыя въ большинствѣ нашихъ учебниковъ по русскому языку. Зачѣмъ же спутывать учащихся пятью склоненіями на подобіе числа латинскихъ склоненій, давать имъ завѣдомо невѣрныя свѣдѣнія, приучать ихъ къ механизму, обременять излишними и бесполезными правилами? Если приведенныя филологическія данныя не были извѣстны почтенному автору въ 1879 году, когда вышли вторымъ изданіемъ его этимологія и синтаксисъ русскаго и новаго церковно-славянскаго языка (Казань, 1879 г.), гдѣ у него красуются все пять склоненій, крайне запутанно расположенныя со славянскими склоненіями, то они не могли остаться неизвѣстными ему по переходѣ его въ С.-Петербургъ. Впрочемъ, и программа по русскому языку для дух. училищъ страдаетъ тѣми же пятью склоненіями, и, вообще, въ ней не мало крупныхъ недостатковъ въ порядкѣ учебнаго матеріала, особенно же въ совмѣстномъ изученіи русскихъ и славянскихъ формъ, отчего онѣ неизбѣжно должны перепутываться въ памяти ученика. Г. Невзоровъ, состоя въ Духовно-Учебномъ Комитетѣ, должно полагать, безмолвно согласился съ принятою въ немъ программой, иначе и методическія указанія его не пошли бы въ ходъ. Но — *amicus Plato, amicus Cicero...*

Далѣе г. Невзоровъ, не рекомендуя заучивать суффиксы существительныхъ и прилагательныхъ въ такомъ порядкѣ, какъ они напечатаны въ учебникѣ (кто же дѣлаетъ это?),

продолжаетъ: «Для усвоенія подобныхъ отдѣловъ*) элементарной грамматики достаточно указать ученикамъ на существованіе (чего?) и особенности въ начертаніи словъ съ извѣстными суффиксами (какова точность рѣчи!) и затѣмъ на цѣломъ разрядѣ словъ довести учениковъ до умѣнья находить (?) и опредѣлять значеніе важнѣйшихъ изъ этихъ суффиксовъ». Но какіе изъ суффиксовъ важнѣйшіе, объ этомъ напрасно умолчалъ авторъ. — Въ порывѣ негодованія своего на механическое заучиваніе грамматическихъ правилъ, авторъ нашъ высказываетъ что-то совсѣмъ непонятное. «Всѣ филологическія тонкости и грамматическія подробности (неужели всѣ? даже и основные законы русской фонетики?) только затуманиваютъ дѣтскія головы, производя какой-то разрывъ между языкомъ и мыслью (?); у него появляются «сотни придуманныхъ практическихъ правилъ», даже «безчисленные правила съ безчисленными къ нимъ исключеніями», — чрезмѣрно гиперболочно, нѣчто въ родѣ безконечности, помноженной на безконечность. Гдѣ есть такія грамматики? — интересно знать.

Курьезно сужденіе г. Невзорова о примѣрахъ изъ сочиненій образцовыхъ русскихъ писателей. «Изученіе родного языка на примѣрахъ изъ сочиненій образцовыхъ писателей развиваетъ въ учащихъ наблюдательность (?) надъ языкомъ и сознательное (?) отношеніе къ рѣчи; въ учащихъ вырабатывается привычка разумно понимать, подмѣчать и усвоить разнообразныя явленія (?) въ родномъ языкѣ; въ изученіи грамматики, на основаніи образцовыхъ примѣровъ, учащійся увидитъ не сухое, безплодное и потому скучное занятіе, но интересъ серьезный (?)». Здѣсь что ни слово, то недомолвка, неясность, недоразумѣніе; сказано много, но безосновательно и запутано, и не сказано самаго главнаго, именно, какъ поступать учителю, чтобъ при его содѣйствіи ученики достигали всѣхъ высказанныхъ благъ.

На стр. 12-й, вновь повторяя, что надобно разъяснять граматич. правила на примѣрахъ, г. Невзоровъ въ частности останавливается на правописаніи нарѣчій не и ни и замѣчаетъ,

*) Какіхъ же именно? авторъ говоритъ специально о суффиксахъ.

что, «самыя точныя и подробныя правила о томъ, когда и съ какими частями рѣчи пишутся не и ни слитно и раздѣльно, не принесутъ такой пользы, какъ выясненіе на цѣломъ рядѣ примѣровъ, доводящихъ до самой сущности и значенія сихъ нарѣчій». Опять напрасныя слова. Во 1-хъ, смыслъ этихъ нарѣчій (у автора «сущность») понимается легко; 2) ни пишется слитно въ немногихъ словахъ, (именно: никто, ничто, никой, никакой, ничей, никогда, нигдѣ, никуда, ниоткуда, нисколько, ничуть, нимало, никакъ и нибудь — см. Грам. П. Коцеволевскаго, изд. 2-е, страница 79-я); 3) не пишется слитно только съ существительными, нарѣчіями и прилагательными въ строго опредѣленныхъ случаяхъ.*) — Здѣсь, начавъ рѣчь о необходимости упражненія для укрѣпленія и усовершенствованія въ правописаніи, почтенный авторъ опять высказываетъ несообразности. «Есть образованные люди, которые пишутъ правильно не потому, что знаютъ разныя грамматическія тонкости, а потому что посредствомъ упражненія въ письмѣ и внимательнаго чтенія книгъ постепенно развивали память зрѣнія и зоркость орфографическую; этимъ способомъ (т. е. переписываніемъ и чтеніемъ) они выработали тонкое чутье въ пониманіи самой сущности (?!) законовъ языка и основаннаго на нихъ правописанія». Опять что ни слово, то недоумѣніе. 1) Трудно представить себѣ образованнаго человѣка безъ обычнаго школьнаго обученія; сверхъ сего, онъ достигъ значительнаго умственнаго развитія и дальнѣйшимъ обученіемъ, и серьезными самостоятельными занятіями. Такой человѣкъ привыкъ отдавать себѣ отчетъ во всемъ, провѣрять себя, и когда писать, то какъ бы говорить самъ съ собою, диктуетъ самому себѣ, слѣдитъ за каждой буквой — и пишетъ правильно. Эта строгая внимательность къ себѣ отъ частаго повторенія обращается въ привычку, ведется какъ-бы механически, и самому пишущему кажется, что онъ пишетъ, не заботясь о грамматическихъ правилахъ и какъ бы не помня

*) Изрѣдка въ глаголахъ, какъ то: ненавидѣть, негодовать и т. п.

ихъ. Отсюда видно, что 2) память зрѣнія и орфографическая зоркость, о которыхъ говоритъ г. Невзоровъ, сами по себѣ не имѣютъ смысла. Въ состояніи возбужденномъ, взволнованномъ, когда вниманіе какъ-бы привязано къ извѣстному чувствованію и находится подъ его давленіемъ, даже опытный учитель можетъ не усмотрѣть, пропустить ошибки въ сочиненіи ученика; въ подобномъ же состояніи и самый успѣшнѣйшій ученикъ можетъ наставить не мало грубыхъ ошибокъ. Точно также и при недостаточно возбужденномъ вниманіи, или разсѣянности, сочиненія учениковъ бывають наименѣе исправными; допустившіе ошибки сами находятъ ихъ и объясняютъ появленіе ихъ своею разсѣянностью. Итакъ, дѣло не въ памяти зрѣнія, а въ нашей душевной дѣятельности, во вниманіи, соображеніи, разсужденіи. Зрѣніе и при чтеніи, и при письмѣ остается все тѣмъ же органомъ для воспріятія впечатлѣній отъ внѣшняго міра; посредствомъ зрѣнія начертаніе слова видитъ нашъ умъ, онъ же и обсуждаетъ правильность и законность его; но процессъ этотъ, отъ частаго упражненія, совершается такъ быстро, что можетъ показаться, будто зрѣнію принадлежитъ здѣсь какая-то самостоятельная роль. — 3) Нельзя оставить безъ разъясненія и того ошибочнаго мнѣнія нашего автора, будто «перепиской и чтеніемъ можно выработать тонкое чутье въ пониманіи самой сущности законовъ языка и основаннаго на нихъ правописанія». Законы языка (сущность — лишнее слово) узнаются путемъ сравнительнаго языкознанія и ученыхъ историко-филологическихъ изслѣдованій; чутье, инстинктъ языка пріобрѣтается говоромъ на немъ съ ранняго дѣтства, усиливается разумнымъ школьнымъ обученіемъ, не исключая и ознакомленія съ образцовыми писателями; въ правописаніи же много условнаго, вовсе не касающагося «сущности законовъ языка». Приводимое авторомъ сравненіе (стр. 13.) изученія правилъ правописанія съ занятіями на музыкальныхъ инструментахъ и не остроумно, и некстати. Можно еще провести параллель между упражненіемъ въ сказываніи рѣчей, въ составленіи письменныхъ работъ, съ одной стороны, и въ игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ, съ другой.

Но разъ научившись грамотно писать, напишешь правильно, хотя бы и приходилось писать нечасто.

На стр. 13-й, п. 3., г. Невзоровъ говорить, что «послѣ выведеннаго изъ примѣровъ теоретическаго положенія слѣдуетъ давать ученикамъ задачи для упражненія.» Что это за задачи? Диктовка, подборъ примѣровъ учениками, списываніе съ книги для развитія орфографической зоркости? Но обо всѣхъ сихъ занятіяхъ говорится у него особо. Наконецъ, въ «Учебномъ курсѣ русской грамматики, составленной комиссіею изъ преподавателей С.-Петербургскихъ гимназій (1890 г.)» оказались особыя упражненія. Это — группа примѣровъ, подогнанныхъ къ извѣстному правилу; ученикъ обязывается переписать эти примѣры изъ книги въ тетрадь, исполнивши при семъ требуемую правиломъ работу, т. е. написать означенныя въ примѣрахъ слова въ требуемомъ падежѣ, родѣ, степени сравненія, времени, лицѣ. Трудно подыскать работу, болѣе скучную и механичную; переписки слишкомъ много, а интересу и толку никакого; вотъ именно работа, при которой дремлетъ мысль и тупѣетъ сообразительность.

На стр. 15, п. 5. г. Невзоровъ не рекомендуетъ пользоваться диктовкою, какъ средствомъ къ прохожденію и усвоенію курса. Почему? Потому что «диктовка развиваетъ только слухъ, а чтобы доводить (довести?) учащихся до полной грамотности, надобно упражнять не одинъ слухъ, но преимущественно зрѣніе». Но гдѣ же больше требуется вниманія, размысленія, сообразительности отъ ученика, какъ не при диктовкѣ? Пиша со слуха, ученикъ даетъ себѣ отчетъ въ каждой буквѣ; онъ и припоминаетъ, и соображаетъ; а при умственномъ возбужденіи и оживленіи именно и совершается наше развитіе, крѣпнущи силы, уясняется сознаніе и, такъ-сказать, органически сливаются съ нами сообщаемыя извнѣ свѣдѣнія. При диктовкѣ участвуетъ въ работѣ вся душа съ исполнительными органами своими, рукою и глазами; посему-то диктовка считается, по справедливости, наилучшимъ упражненіемъ при прохожденіи и усвоеніи грамматики, служба вмѣстѣ подготовкою къ составленію ученикомъ собственнаго

пзложенія. Но г. Невзоровъ, по странному недоразумѣнью, больше стоитъ за пассивное разсматриваніе слова.

На стр. 14 рекомендуется, чтобы «на каждомъ урокъ русскаго языка ученики имѣли особыя тетради, въ которыя и вносили бы всѣ упражненія (классныя и домашнія). Исправленіе нѣкоторыхъ (?) ученическихъ упражненій иногда (?) можетъ происходить и въ классѣ.» А остальные упражненія, и притомъ большинство ихъ, могутъ оставаться и неисправленными, какъ слѣдуетъ изъ связи рѣчи? Напротивъ, каждая письменная работа каждаго ученика должна быть пересмотрѣна и исправлена наставникомъ. Потому то работы эти не могутъ быть многочисленны и должны состоять преимущественно изъ диктантовъ, дабы всѣ они могли быть исправлены одновременно у всѣхъ учениковъ и при общемъ ихъ участіи. Конечно, можно дать ученикамъ въ классѣ списывать одинъ и тотъ же отрывокъ изъ хрестоматіи; но что это за работа? Молчаливая, скучная, совершенно не свойственная школьному возрасту, и безплодная. Ученики, вмѣсто того, чтобы думать и соображать, будутъ втихомолку созерцать буквы; а учитель тоже молчитъ, и наблюдаетъ за тѣмъ, какъ наблюдаютъ ученики.... Не слыхиваль я, чтобы такія занятія практиковались даже и въ дух. училищахъ. Роль учителя такъ важна въ классѣ, а уроковъ по русскому языку такъ мало, а дѣла такъ много, — и исправить написанное ученикомъ, и разъяснить урокъ, и упражнять учащихъ въ составленіи примѣровъ на разъясненное, и наблюдать за чтеніемъ учениковъ и мн. др., — что наставнику сему приходится дорожить всякою минутою, чтобы воспользоваться ею производителью, сказать, спросить, поправить и т. д., а г. Невзоровъ желаетъ, чтобы этотъ наставникъ значительную часть класснаго времени проводилъ въ молчаніи, разыгрывая съ учениками своими роль нѣмыхъ. Не спорю, и при излюбленномъ г. Невзоровымъ созерцательномъ методѣ занятій ученикъ научится кой-чему; но само занятіе поставлено будетъ на извращенный путь; подобно тому, какъ выучивались встарину читать, складывая буквы такъ: буки-рцы-иже-ры, вѣди-рцы-иже-ры, и т. д.

На той же 14-й стр., въ 7 пунктѣ, г. Невзоровъ находитъ полезнымъ, чтобы «ученики имѣли подъ рукою алфавитный справочный словарь и безпрепятственно пользовались имъ во всякое время, такъ какъ правильное начертаніе слова, находясь передъ глазами ученика, легче запоминается, а въ дѣлѣ усвоенія правописанія учащимися весьма важно предупредить ошибки». Сіе методическое указаніе, родственное съ орфографическою зоркостью, на практикѣ соединено съ новыми неудобствами и затрудненіями. Какъ вести диктовку, если ученикъ имѣетъ право о каждомъ словѣ навести справку? Одинъ отыскиваетъ въ лексиконѣ одно слово, другой — другое; возможна ли диктовка, когда то одинъ, то другой ученикъ будутъ останавливать? Возможно ли, вообще, провѣрка знаній при такомъ ходѣ занятій? Но это — сторона внѣшняя; а важно то, что умственная дѣятельность учащихся, при такомъ в з и р а т е л ь н о м ѣ методѣ, пребываетъ въ покоѣ, въ бездѣйствіи. Ученикъ все больше превращается въ пассивнаго наблюдателя, ожидающаго, чтобы въ глазѣ его, какъ на желатинной фотографической пластинкѣ, отпечатлѣлась форма слова; онъ только замѣчаетъ, и въ случаѣ надобности припоминаетъ, представляетъ себѣ страницу и строку справочнаго словаря, но не соображаетъ, не уразумѣваетъ причины, общаго правила.

Въ методическихъ указаніяхъ относительно объяснительнаго чтенія, не отличающихся вообще логичностью и ясностью изложенія, можно остановиться на слѣдующихъ мысляхъ.

1) Само собою разумѣется, что изъ выученныхъ учениками образцовъ многіе «послужатъ необходимымъ матеріаломъ для духов. семинаріи»; но едва ли можно согласиться съ авторомъ, что въ училищѣ должны быть изучаемы баллады и элегіи, оды, характеристики. Всѣ эти произведенія превышаютъ степень пониманія даже воспитанниковъ старшихъ классовъ. Вообще, мы увѣрены, что, при выборѣ статей для объяснительнаго чтенія, слѣдуетъ, вопреки мнѣнію г. Невзорова, держаться строго педагогическихъ соображеній, предлагая учащимся интересное для нихъ, вполне доступное и вмѣстѣ подходящее, по

строю рѣчи, къ проходимому ими грамматическому курсу; образцы же одъ, элегій и балладъ должно оставить для семинаріи.

2) «Чтеніе отъ преподавателя требуется только ясное и выразительное, но не артистическое». Мнѣ представляется истинно художественное артистическое чтеніе не только не излишнимъ, но весьма желательнымъ и полезнымъ; но не всякій преподаватель владѣетъ такимъ чтеніемъ. Поэтому, слѣдовало бы поощрять наставниковъ къ возможно лучшей обработкѣ своего чтенія, до приобрѣтенія художественности; а г. Невзоровъ выражается такъ, какъ будто истинно прекрасное чтеніе нежелательно въ дух. училищахъ.

3) При чтеніи статей повѣствовательнаго характера, г. Невзоровъ находитъ полезнымъ остановиться и на логической сторонѣ, какъ будто при изученіи поэтич. произведеній дѣлать сего не слѣдуетъ.

4) «Объясненныя статьи прочитываются нѣсколько разъ лучшими учениками (а отчего не худшими), съ цѣлью развитіе механизмъ чтенія (быстроту) и вмѣстѣ приучить ихъ къ сознательному и выразительному чтенію». Но выразительность совершенно противоположна механизму и приобрѣтается вовсе не быстротою, которая скорѣе вредитъ ей.

Послѣ такихъ предварительныхъ замѣчаній, авторъ нашъ приводитъ самый перечень образцовъ. Образцы сіи преимущественно стихотворные; многіе изъ нихъ находятся то въ той, то въ другой изъ извѣстныхъ книгъ для класснаго употребленія; но всѣ они, за исключеніемъ трехъ, имѣются въ хрестоматіи самаго г. Невзорова;

Первый отдѣлъ начинается не содержащимися въ книгѣ г. Невзорова образцами: «Спаситель» — г. А. Толстого и «Чудо у мощей Дмитрія царевича» — Пушкина; здѣсь же и 3-й образецъ «Сельская Церковь» — Некрасова; остальное все взято имъ изъ собственной книги. Но и въ семь краткомъ отдѣлѣ перечня авторъ нашъ не могъ обойтись безъ неточностей. Отдѣлъ озаглавивается: «статьи и стихотворные отрывки религіознаго содержанія»; но статьи прозаической нѣтъ здѣсь ни одной. Поименованныхъ трехъ образцовъ не имѣется и въ

рекомендованныхъ книгахъ для чтенія Водовозова и Смирновскаго, и только въ «Родинѣ» Радонежскаго встрѣчаемъ одно изъ нихъ — «Чудо у мощей Димитрія царевича». А между тѣмъ г. Невзоровъ съ важностью поучаетъ: «если какого-либо изъ указанныхъ произведеній не найдется въ сборникахъ, одобренныхъ Учебн. Комитетомъ, то преподавателямъ рекомендуется продиктовать оное въ классѣ ученикамъ». Къ чему эти увертки, могущія вызвать только улыбку? Не лучше ли прямо сказать: «Къ намъ, къ намъ! У нашего Якова товару про всякаго... развѣ малости какой нѣтъ, безъ чего и обойтись можно!»

И на темы для упражненій г. Невзоровъ такъ щедръ, что предлагаетъ ихъ 16 для разсказовъ и 15 для описаній, — темъ, «расчитанныхъ на средняго по способностямъ ученика 3 и 4 кл.» Но перечень сей, составленный безпорядочно и не снабженный никакими объяснительными замѣчаніями, есть не болѣе, какъ случайный наборъ ихъ, и любой преподаватель русскаго языка можетъ дать еще большее число темъ и, быть можетъ, лучшихъ. На стр. 24—25 перечисляется нѣсколько темъ, признаваемыхъ авторомъ неудобными по педагогическимъ соображеніямъ. Темы эти раздѣлены на извѣстныя категоріи, откуда видно, что г. Невзоровъ предварительно обдумывалъ то, что писалъ. Онъ заявляетъ, что «нѣкоторыя изъ приводимыхъ имъ темъ извлечены изъ годичныхъ отчетовъ о состояніи дух. училищъ.» Нѣкоторыя, значитъ далеко не всѣ, а меньшинство, ибо въ этомъ смыслѣ, при указаніи на количество, употребляется слово «нѣкоторыя.» Поэтому, мы въ правѣ думать, что темы: о богатствѣ, о бѣдности, о счастіи, о пользѣ знанія, о благотворительности относятся къ числу семинарскихъ темъ, и едва ли какой учитель давалъ ихъ въ дух. училищѣ. Темы второй категоріи, «требующія размышленія для своего раскрытія» (какъ будто можно что либо писать безъ размышленія), по словамъ самого автора, «будучи объяснены наставникомъ, могутъ вызвать въ ученикѣ опредѣленныя представленія» и, слѣд., могутъ быть и годными; здѣсь, въ числѣ поименованныхъ авторомъ, тема: воспоминаніе украшаетъ предметы не поддается объясненію и прямо безтолкова и невозможна.

Что касается темъ первой категоріи, «требующихъ обнаруженія сокровенныхъ сторонъ духовнаго міра ученика, его личной жизни и семейной обстановки», то непонятно, почему признается неудобнымъ «описаніе домашней обстановки». У всѣхъ учениковъ она одинаково бѣдна и неприглядна; похвастаться нечѣмъ, скудостью не удивишь; а между-тѣмъ ученикъ пишетъ вполнѣ ему извѣстное и многократно прочувствованное, излагаетъ дѣйствительно пережитое, пишетъ съ нѣкоторымъ увлеченіемъ и приучается къ искренности и правдивости. По симъ же педагогич. соображеніямъ, отчего учителю не назначать ученикамъ «высказать свои мысли и чувства при поступленіи въ училище и при разставаніи съ нимъ», если учать и воспитываютъ въ немъ хорошо, и, вообще, правильно поставлена училищная жизнь? Другое дѣло, когда ревизующій учебное заведеніе назначаетъ темы, касающіяся училищной жизни, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться откровенными признаніями учениковъ для своихъ цѣлей! — Къ сожалѣнію, и въ сихъ темахъ, раздѣленныхъ на категоріи послѣ предварительнаго размышленія, остается много недодуманнаго.

Обратимся къ методическимъ указаніямъ относительно письменныхъ упражненій.

На стр. 20—21 «особенно рекомендуются» слѣдующія письменныя упражненія: 1) задачи, ничтожность и бесполезность которыхъ показана нами выше; при семъ почтенный авторъ впадаетъ въ ошибку, говоря, будто въ нѣкоторыхъ учебникахъ русской грамматики изъ числа одобренныхъ Учебн. Комитетомъ помѣщены такія задачи; въ одобренныхъ учебникахъ Кирпичникова и Вс. Миропольскаго такихъ задачъ не обрѣтается. 2) Письменные отвѣты на продиктованныя учителемъ вопросы въ формѣ полныхъ предложеній съ повтореніемъ самихъ вопросовъ. Это упражненіе весьма сходно съ задачей, по своему механическому характеру, и также бесполезно, и даже вредно; ученику, при выполненіи его, придется измѣнить нѣсколько тѣхъ же словъ въ другіе падежи, а между тѣмъ онъ обременяется двойною перепискою одного и того-же (вѣроятно, въ цѣляхъ пріобрѣтенія орографической зоркости)

и теряетъ дорогое для него время. 3) Сказавъ, что прежде письменнаго пересказа прочитанной статьи «ученикъ долженъ, подъ руководствомъ преподающаго, уметь устно передавать содержаніе ея», авторъ нашъ продолжаетъ: «съ такою же предварительною подготовкою въ классѣ должно поступать (?) и тогда, когда матеріалъ для упражненія ученики должны придумывать сами, напр., при составленіи разсказовъ и описаній». Но что же останется придумывать ученикамъ, когда учитель въ классѣ же научитъ ихъ устно передавать цѣлый разсказъ или описаніе? Да и возможно ли это исполнить? Слѣдуетъ автору выразить свою мысль точнѣе и опредѣленнѣе.

Въ «руководящихъ указаніяхъ относительно самостоятельныхъ темъ для письменныхъ упражненій»*) авторъ безпорядочно бросаетъ громкія фразы о «степени общаго духовнаго развитія въ ученикѣ», о «духовномъ достояніи его», о «цѣлокупномъ вліяніи школы на ученика» и под. Г. Невзоровъ такъ путается въ словахъ, что допускаетъ даже въ ученикѣ 1 и 2 кл. «развитіе литературнаго вкуса и образованіе логическихъ пріемовъ: наведенія, обобщенія и классификаціи», смѣшивая ихъ дѣтскій лепетъ съ «сочиненіемъ вообще». Изъ двухъ руководящихъ указаній въ одномъ говорится, чтобы темъ для сочиненій не были двусмысленны и неопредѣленны (кому неизвѣстно это?), а другое поучаетъ наставниковъ оберегать учащихся отъ «сочинительства». Напрасно авторъ забываетъ о томъ, для кого пишетъ и что самъ написалъ прежде. Развѣ можно «задаваться цѣлью готовить будущихъ писателей и ораторовъ» среди учениковъ, которымъ «не подъ силу точныя опредѣленія о частяхъ рѣчи»? И не самъ ли авторъ говорилъ раньше, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда ученики матеріалъ для упражненій должны придумывать сами, учитель долженъ дать имъ и мысли, и распорядокъ ихъ, и выраженіе? Гдѣ-же здѣсь мѣсто сочинительству, отъ котораго считаетъ нужнымъ предостерегать нашъ авторъ?

*) Слѣдовало бы сказать: «темъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій» . . . Главное — сочиненіе ученика, а не тема, данная учителемъ, которая можетъ быть и заимствована.

Въ замѣткахъ объ оцѣнкѣ письменныхъ упражненій г. Невзоровъ прежде всего напоминаетъ преподавателю, что строгость и требовательность должны быть справедливы и растворены христіанскою любовью къ малымъ симъ. Великое слово «христіанская любовь», и большого искусства требуется, особенно отъ преподавателей школьныхъ, выражать ее такъ, чтобы и авторитетъ сохранять, и похвалки не давать, и поощрять и взыскивать, и снисходить однимъ не въ ущербъ другимъ. Не станемъ касаться сего священнаго и животворнаго начала нашей душевной дѣятельности, разработывать которое слѣжитъ на совѣсти человѣка и составляетъ задачу всей его жизни. Ограничимся желаніемъ отъ учителя только справедливости и педагогическаго такта. Что же дальше? Дальше авторъ наставляетъ, что «при оцѣнкѣ письменныхъ упражненій надобно имѣть въ виду не только количество и отчетливость знаній ученика, но и то, насколько внутренній человѣкъ обогатился въ внѣшнемъ обученіи (вѣроятно, разумѣется здѣсь общее развитіе ученика); ссылается на примѣры людей очень развитыхъ и владѣющихъ правильною, даже изящною рѣчью, но очень дурно пишущихъ (непонятно, къ чему это), свидѣтельствуя, что не только у учениковъ, но и у нѣкоторыхъ взрослыхъ есть двѣ ороеграфіи: официальная — болѣе осмотри- тельная, и домашняя — въ черновыхъ тетрадяхъ; указываетъ на не вполне спокойное состояніе духа ученика во время экзаменовъ, и, наконецъ, заявляетъ, что «къ экзаменнымъ работамъ относиться должно до нѣкоторой степени снисходительно». По требованіямъ здоровой педагогики, учитель долженъ быть прежде всего безусловно справедливымъ, держась и при оцѣнкѣ экзаменнаго упражненія установленныхъ у него пріемовъ. Что же касается снисхожденія, то его долгъ — заявить объ этомъ совѣту учебной корпораціи съ указаніемъ мотивовъ на снисхожденіе. Но насъ поражаетъ нагроможденіе въ одну кучу мыслей, разнородныхъ до противоположности: то у г. Невзорова обогащеніе внутренняго человѣка (значить, и сочинительство?), то естественная и какъ бы извинительная безграмотность, то непонятная взволнованность (правильнѣе, трусли-

вость) ученика, хотя «при исполненіи имъ экзаменной работы не должно встрѣчаться никакихъ затрудненій относительно матеріала и плана.» Какъ все это вяжется?

Заканчиваетъ г. Невзоровъ замѣтки свои объ оцѣнкѣ письменныхъ упражненій напоминаніемъ объ элементарныхъ правилахъ русскаго правописанія, приводитъ списокъ словъ (до 80) съ предполагаемыми ошибками и правильнымъ ихъ начертаніемъ (между семи словами есть допускатоція двоякое начертаніе), перечисляетъ случаи объ употребленіи прописной буквы и, наконецъ, высказываетъ мнѣніе свое о знакахъ препинанія. Для кого нужны все сіи свѣдѣнія? Преподавателю русскаго языка они, безъ сомнѣнія, извѣстны, а въ случаѣ надобности онъ знаетъ, гдѣ найти справку съ необходимыми поясненіями; ученику въ руки не попадется записка г. Невзорова для укрѣпленія его въ орфографической зоркости; остается предположить одно, что самъ авторъ любитъ въ ней своими свѣдѣніями. Впрочемъ, о знакахъ препинанія почтенный авторъ опять напуталь. Открывъ истину, что въ учебникахъ грамматики перечисляются не все случаи употребленія знаковъ препинанія, и что у каждаго изъ образцовыхъ писателей замѣчается особая манера пунктуаціи, авторъ продолжаетъ: «образованные люди руководятся при этой разстановкѣ больше пониманіемъ логическаго строя рѣчи,*) чѣмъ теоретическими правилами грамматики». Но знаки препинанія и основываются именно на логическомъ строѣ рѣчи; они суть общепринятыя и наглядныя значки именно для различенія и разграниченія мыслей въ живомъ и связанномъ сочетаніи представлений и чувствъ писателя. Кто понимаетъ строй рѣчи и умѣетъ различать въ ней одну мысль отъ другой, тотъ и знаки эти разставитъ въ своемъ письмѣ вѣрно, по крайней мѣрѣ, главнѣйшіе изъ нихъ, точку и запятую. Грамматическія правила о знакахъ препинанія суть только обобщенія однородныхъ частнѣйшихъ случаевъ при разграниченіи мыслей въ

*) Мнѣ разъ пришлось слышать отъ одной барыни такое мнѣніе объ употребленіи знаковъ препинанія: «ставить много запятыхъ неприлично»... Какъ думаетъ объ этомъ г. Невзоровъ?

связномъ письменномъ изложеніи. И если нашъ почтенный авторъ считаетъ необходимымъ въ умственномъ процессѣ пишущаго образованнаго человѣка выдѣлять знаніе правилъ грамматики какъ нѣчто стороннее, наносное, а не входящее въ тотъ же умственный процессъ, какъ отдѣльный актъ его, то сіе по истинѣ странное сужденіе г. Невзорова только и можно объяснить изъ его созерцательнаго метода изученія грамматики, при которомъ изъ многократныхъ наблюденій надъ запятыми, точками и пр. образуются въ памяти учащагося какъ бы особыя наслоенія, въ родѣ отдѣльныхъ картинъ, которыя въ потребныхъ случаяхъ и появляются въ нашемъ сознаніи. Г. Невзоровъ, вообще склонный къ образности въ выраженіяхъ и къ гиперболамъ, въ ущербъ ясности и точности, находитъ «у нѣкоторыхъ знатоковъ языка особую пунктуацию, выразительную и тонкую, которая даетъ читателю ноты для текста, помогаетъ прочитать фразу именно въ томъ смыслѣ и съ тѣмъ оттѣнкомъ, какой желательно было дать пишущему». Но ему не безызвѣстно, что произведенія Гомера и слѣдующихъ за нимъ лириковъ и трагиковъ греческихъ записывались первоначально безъ всякихъ знаковъ препинанія; значить, греческіе пѣвцы, чтецы и лицедѣи лишены были возможности и не умѣли придать фразѣ тотъ смыслъ и оттѣнокъ, какой желательно было автору произведенія? Съ другой стороны, если взять правильно пунктированный отрывокъ изъ любого отечественнаго писателя и предложить его двумъ-тремъ образованнымъ для прочтенія, то они, имѣя въ пунктуациі «ноты для текста», одинаково и прочтутъ ихъ, оттѣняя именно все то и именно такъ, какъ было въ мысляхъ у писателя? Предположимъ невозможное (доказательство *ex absurdo*, столь частое въ математикѣ): представимъ, что во всѣхъ книгахъ какого-либо писателя исчезли всѣ точки съ запятыми, и предъ нами сплошной текстъ безъ раздѣленій даже одного слова отъ другого. Конечно, произведенія этого писателя ни на одну іоту не потеряны для насъ, и можно надѣяться, что самъ г. Невзоровъ, при надлежащемъ вниманіи, довольно порядочно разставилъ бы въ немъ всѣ знаки. На какомъ основаніи? На

пониманіи логическаго строя рѣчи и различеніи въ немъ мыслей по взаимному отношенію. Ясно теперь для автора, что знаковъ препинанія нельзя сравнивать съ нотами. Но онъ крѣпко держится своего сравненія и продолжаетъ: «ключемъ къ этимъ нотамъ служатъ логика (!) и грамматика»: а выше самъ же онъ говорилъ, что образованный человѣкъ при постановкѣ знаковъ больше руководится пониманіемъ логическаго строя рѣчи, чѣмъ знаніемъ правилъ грамматики. Къ категоріи «ключа» онъ относитъ «также и обстоятельный синтаксическій разборъ лучшихъ отрывковъ изъ образцовыхъ писателей подъ руководствомъ преподавателя». Только-что указанное занятіе т. е. синтаксическій разборъ образцовъ съ прибавленіемъ «диктовки», мы считаемъ, вопреки г. Невзорову, главнѣйшимъ и единственно вѣрнымъ средствомъ для сознательнаго и прочнаго усвоенія всѣхъ доступныхъ школъ тонкостей грамматическихъ, особенно въ знакахъ препинанія. На разборѣ отрывковъ, нарочно приспособленныхъ для сей цѣли, можно и развить въ ученикахъ природный смыслъ, и научить ихъ связно мыслить, и въ порядкѣ группировать свои представленія, и разъяснить имъ основанія для такой, а не иной разстановки знаковъ, и вывести отсюда содержащіяся въ грамматикѣ правила (названныя г. Невзоровымъ почему-то теоретическими), и подтвердить ихъ множествомъ другихъ примѣровъ, и исправить неправильную пунктуацію въ нѣкоторыхъ сборникахъ статей, и объяснить кажущіяся особенности и отступленія отъ правилъ. Ученики мало-по-малу укрѣплятся въ самомъ процессѣ разграниченія представленій и мыслей въ связной письменной рѣчи и привыкнутъ давать отчетъ въ постановкѣ такого или иного знака. А такого разумѣнія совершенно достаточно для ученика; въ дальнѣйшихъ письменныхъ работахъ своихъ онъ, держась только логическаго строя рѣчи, будетъ ставить знаки совершенно согласно съ общими требованіями грамматическихъ правилъ; а если гдѣ отступитъ, повидимому, отъ нихъ, то представитъ достаточное для того основаніе. Такимъ образомъ, и сей, въ сущности совершенно правильный, дидактическій совѣтъ г. Невзорова,

поставленъ имъ, чуть не на третьемъ планѣ и въ запискѣ его не сопровождается никакими методическими указаніями. Замѣчанія наши на статью г. Невзорова достигли значительнаго объема, превышающаго самую статью. Но г. Невзоровъ коснулся такого важнаго предмета, судить и выражается такъ своеобразно, что оказалось необходимымъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе его положеній, чтобы представить въ полной ясности мысль его и дать ей надлежащую оцѣнку. Резюмировать все вышеизложенное можно въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) статья не имѣетъ прямого отношенія къ духовн. училищамъ; 2) въ ней не содержится никакихъ методическихъ указаній; 3) сужденія автора объ изученіи этимологіи ошибочны; 4) его мнѣнія о письменныхъ работахъ и предлагаемыя имъ совѣты неосновательны; 5) разъясненія правилъ орѳографіи со спискомъ словъ и темъ для сочиненій излишни и безцѣльны; 6) списокъ образцовъ не рекомендателенъ для автора; 7) сужденія автора, вообще, не отчетливы, запутаны, нѣтъ въ нихъ прямой логической нити и анализа; 8) авторъ любитъ употреблять громкія слова общаго содержанія и гиперболы, не уясняющія дѣла; 9) статья сія не принесетъ никому никакой пользы, но можетъ послужить во вредъ, особенно молодому преподавателю, затемняя въ немъ ясныя представленія, отклоняя его отъ прямого и естественнаго пути, колебля въ немъ трезвое и серьезное отношеніе къ дѣлу соображеніями, о малоцѣнности грамматическихъ занятій и склоняя его къ безосновательной уступчивости, отъ которой не далеко до поблажки себѣ и другимъ.

Какъ могла появиться такая незрѣлая статья? Въ объясненіе сего напрашивается самъ собою слѣдующій фактъ. Въ «Христіанскомъ Читеніи» за 1889 г., № 7—8, появилась довольно обширная статья М. Григоревскаго подъ названіемъ «О преподаваніи русскаго языка и церковно-славянскаго въ духовныхъ училищахъ». Она не даетъ ничего новаго, но обосновываетъ и уясняетъ существующіе приемы при занятіяхъ роднымъ языкомъ, а потому ознакомленіе съ ней не бесполезно для всякаго учителя, особенно же принадлежащаго къ духов.

училищу. Статья написана въ независимомъ духѣ, по мѣстамъ съ основательной критикою существующей въ дух. училищахъ программы. Г. Григоревскій состоитъ при томъ же Духовно-Учебномъ Комитетѣ. Г. Невзорову, какъ, вѣроятно, специалисту по отдѣлу русскаго языка въ Комитетѣ, не взлюбилось вмѣшательство въ принадлежащую ему область человѣка другой профессіи. Ну, и самъ написалъ.

Параллели.

Молитва.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ
И дышетъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко,
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

Preces.

In summo rerum cardine,
Seu quid fit triste cor,
Statim, dolores tardine
Hoc urgeant, precor
Precesque mirabiliter
Sanant repente vi
Quadam cor dantes nil iter
Doloris jam novi.
Tum sacris verbis adeo
Venustus flat ture,
Moles labuntur a deo
Pulsae manu curae.
Foras fit dubitatio,
Clara nitet fides
Et lacrimae solatio
Cor illuunt leves.

К. Котельниковъ, Владивостокъ.

ОТРЫВОКЪ

изъ «Методическаго комментарія къ *Метаморфозамъ*
Овидія».

(Meth. Lehrer-Kommentar zu Ovids Metam. Bearb. v. Lange=Ergebnisse d. altsprachl. Unterr. I. Gotha. 1892. Ц. 4 марки).

Е. Ветникъ, Ревель.

Нападенія на классическую систему образования, которыми отличается особенно послѣднее время, заставляютъ поборниковъ ея не дремать и готовиться къ отраженію противниковъ. Никто не ослѣпленъ настолько, чтобы не признать, что классицизмъ нашихъ гимназій часто дѣйствительно соотвѣтствуетъ прозванію мертвечины, которое ему дается противниками. Но недостатки классицизма не органическіе, а случайные, внѣшніе, зависящіе отъ постановки древнихъ языковъ въ гимназіяхъ. Вся суть въ методѣ преподаванія. Отъ учителя зависитъ сдѣлать чтеніе классиковъ плодотворнымъ для учениковъ или способствовать къ возбужденію въ ученикахъ отвращенія къ нимъ. Поэтому успѣшнѣйшимъ средствомъ въ борьбѣ съ противниками классицизма есть надлежащее приготовленіе учителей и добросовѣстное приготовленіе учителя къ уроку. Чтобы помочь послѣднему обстоятельству, книгоиздательство Андрея Пертеса въ Готѣ затѣяло изданіе «Ergebnisse d. altsprachl. Unterrichts», которое будетъ состоять изъ ряда руководствъ для учителей древнихъ языковъ. Передъ нами первая часть I тома этого изданія, заглавіе котораго выписано въ заголовкѣ.

Книга Ланге (VIII + 206 стр.) дѣлится на 2 части: 1) Введеніе (стр. 1—44) и 2) Комментарій къ избраннымъ

мѣстамъ изъ первыхъ пяти книгъ *Метаморфозъ* (стр. 45—206). Введение состоитъ изъ слѣдующихъ частей: § 1. *Метаморфозы* въ школѣ. § 2. Задачи чтенія Овидія. § 3. Выборъ матеріала. § 4. Какой порядокъ слѣдуетъ соблюдать въ чтеніи? § 5. Заучиваніе отрывковъ на память. § 6. Методъ преподаванія. Книгу слѣдуетъ признать весьма полезной особенно для начинающихъ преподавателей. Какъ образчикъ, дадимъ отрывокъ «Сотвореніе міра» (*Ov. Met. I, 5—88*).

Предпошлемъ однако нѣсколько общихъ замѣчаній изъ «Введенія» (§ 6) о ходѣ чтенія.

1) Прежде чѣмъ приступить къ чтенію новаго, должна быть установлена связь его съ прежнимъ, прочитаннымъ (А въ комментаріи), и къ этому присоединяется спрашиваніе заученныхъ дома словъ и грамматическихъ формъ, для удостовѣренія въ томъ, добросовѣстно ли ученикъ приготовился къ уроку и не пользовался ли онъ недозволенными пособіями. Здѣсь же учитель объясняетъ замѣчательныя по производству формы и слова. Здѣсь же ученикамъ предоставляется право заявлять, чего они не поняли; непонятныя мѣста объясняются учителемъ или кѣмъ-нибудь изъ учениковъ. На все это предназначается всего нѣсколько первыхъ минутъ урока.

2) Слѣдуетъ выразительное чтеніе учителемъ небольшого отдѣла, составляющаго нѣчто цѣлое. На той ступени, гдѣ читаются *Метаморфозы*, ученики еще не въ состояніи до интерпретаціи толково прочесть отрывокъ, а безтолковое, бессмысленное чтеніе новаго отдѣла ученикомъ уничтожаетъ впечатлѣніе цѣльности и внушаетъ отвращеніе. Напротивъ, выразительное чтеніе, которое можетъ дать учитель, сосредоточиваетъ вниманіе на отрывкѣ и способствуетъ пониманію его со стороны учениковъ. (При повтореніи, разумѣется, требуется плавное и осмысленное чтеніе и отъ учениковъ. См. п. 7).

3) Потомъ идетъ переводъ отрывка учениками. Этотъ первый переводъ можетъ быть совершенно буквальнымъ. Только если ученикъ невѣрно переводитъ или затрудняется, учитель перебиваетъ его и привлекаетъ другихъ учениковъ къ переводу.

4) Послѣ такого предварительнаго перевода слѣдуетъ интерпретація (В въ комментарий), къ которой учитель привлекаетъ, по возможности, весь классъ. Прежде всего содержанію переведеннаго отрывка дается заглавіе. Потомъ переведенное разбирается по содержанію и формѣ; устраняются затрудненія въ пониманіи смысла, метрикѣ, грамматикѣ; устанавливается соотвѣтствующее значеніе словъ и тѣмъ дается ученику руководство къ изящному переводу. Для перевода важны два пункта: 1) переводъ долженъ быть, по возможности, близокъ къ оригиналу: неточный переводъ ведетъ къ поверхностности и недобросовѣстности; 2) переводъ долженъ соотвѣтствовать требованіямъ русскаго языка, вкуса и переводимаго рода литературы (переводъ поэта долженъ быть поэтичнымъ). Оба требованія соблюдаются такъ, что отступленія отъ дословнаго перевода дѣлаются только тамъ, гдѣ этого требуютъ условія 2-го пункта.

Дѣло интерпретаціи указать также на поэтическія выраженія мыслей. Такія указанія способствуютъ пониманію разницы между поэтическимъ и прозаическимъ слогомъ и будятъ эстетическій интересъ.

Какъ можно нагляднѣе должно быть представлено развитіе дѣйствія и выдѣлены отдѣльные элементы его (время, мѣсто дѣйствія, обстановка, дѣйствующія лица). *Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu.* Яснаго пониманія поэтическаго произведенія ученикъ достигнетъ только тогда, если ему будутъ наглядно выяснены отдѣльные моменты дѣйствія. Такая наглядность достигается: 1) внѣшними средствами, при помощи моделей, картинъ, статуй, относящихся къ читаемому; 2) внутренними средствами: яснымъ изображеніемъ мѣста дѣйствія, группировки дѣйствующихъ лицъ, ихъ одежды, украшеній, и т. д. Только такимъ путемъ удастся оживить преподаваніе и сообщить представленіямъ рельефность и наглядность, дѣлающія ихъ духовной собственностью ученика.

Не слѣдуетъ упускать случая будить нравственное чувство въ ученикѣ. Особенно Метаморфозы годны къ этому. Напр., типичная картина гостепріимства — Филемонъ и Бавкида;

они награждаются богами. Не соблюдающіе гостепріимства подвергаются наказанію со стороны боговъ, какъ Ликаонъ и сосѣди Филемона. Примѣромъ хорошихъ товарищескихъ отношеній служатъ Пириѳой и Фезей въ «Калидонской охотѣ» и въ разсказѣ о борьбѣ Лапитовъ съ Кентаврами; далѣе, Кадмъ, рискующій жизнью, чтобы отмстить за смерть спутниковъ. Представители вѣрной любви: Пирамъ и Фисба, Орфей и Евридика, Филемонъ и Бавкида. Материнскую любовь проявляютъ: Церера, Латона, Гекуба, Ніоба. Истинная набожность представлена въ Девкаліонѣ и Пиррѣ, Филемонѣ и Бавкидѣ. Типична *ἔβρις* Ніобы, любовь Мидаса къ золоту, преступное корыстолюбіе Полиместора: наказаніе ихъ соотвѣтствуетъ тяжести проступковъ. Чувство справедливости, требующее возмездія за неправду и нарушеніе довѣрія, проявляется въ различныхъ мифахъ: Нессъ наказывается смертью за нарушеніе довѣрія Геркулеса, и т. д. При всемъ воинственномъ настроеніи героическаго поколѣнія нарушителя мира ненавидятъ: насилія Кентавровъ на свадьбѣ Пириѳоя и Ипподамы не остались неотомщенными прочими гостями.

5) Если отдѣльныя части отрывка такъ разработаны по содержанію и формѣ, то въ концѣ дается краткое содержаніе его [напр., I, 5—20: описаніе хаоса: 1) по внѣшнему виду (5—14), 2) по внутреннимъ свойствамъ (15—20)].

6) Интерпретація заканчивается образцовымъ переводомъ учителя.

7) Пониманіе отрывка ученикъ доказываетъ: 1) осмысленнымъ чтеніемъ и 2) плавнымъ переводомъ, возможно близко примыкающимъ къ образцовому переводу учителя.

Такъ же разрабатываются и прочіе отдѣлы какого нибудь цѣльнаго разсказа, пока не прочитанъ весь разсказъ. Теперь слѣдуетъ рекапитулирующій обзоръ цѣлаго разсказа (С въ комментаріи): планъ, развитіе дѣйствія, отдѣльныя ступени его, и т. д. Такіе обзоры того, что достигнуто предшествовавшимъ разборомъ, педагогически весьма важны: ученикъ видитъ, что онъ приобрѣлъ, и получаетъ радостное чувство обогащенія своего знанія, побуждающее его къ дальнѣйшей

дѣятельности. Такое же дѣйствіе оказываетъ плавный безошибочный переводъ цѣльнаго разсказа, уже поэтому необходимый.

Комментарій къ Ов. Мет. I, 5—88.

Предполагается прочитаннымъ I, 1—4.

А.

Учитель спрашиваетъ: «Какъ смотритъ Овидій на сотвореніе міра (ст. 3)?» Отв.: «Какъ на первое превращеніе». — Вопросъ: «Поэтому, что, по его взгляду, должно было уже существовать до сотворенія міра?» Отв.: «Матерія, которая превращалась». — Описаніе этой матеріи мы читаемъ въ ст. 5—20.

В.

(Изъ этой части комментарія исключимъ самую интерпретацію; дадимъ только общій планъ съ концентрирующими вопросами. Результаты интерпретаціи см. подъ С).

I. Описание хаоса. Ст. 5—20.

1) по его внѣшнему виду: ст. 5—14.

2) по его внутреннимъ свойствамъ: ст. 15—20.

Концентрирующие вопросы: Что было до сотворенія міра? Хаосъ. — Какъ онъ изображается? Какъ беспорядочная масса смѣшанныхъ между собою основныхъ матерій. — Внутреннее состояніе? Онѣ борются другъ съ другомъ. — Причина? Онѣ по природѣ несовмѣстимы (*discordia*, ст. 9). — Какимъ Овидій представляетъ соединеніе ихъ? Нецѣлесообразнымъ (ст. 9: подъ *bene iunctarum*). — Какъ поэтому называетъ онъ самый хаосъ? *Rudis indigestaque moles* (ст. 7). — Что должно произойти, чтобы *rudis indigestaque moles* превратилась въ благоустроенный міръ (*mundus, kósmos*)? Отдѣльные элементы должны быть разъединены. — Какъ это происходитъ, мы видимъ изъ слѣдующаго отрывка.

II. Назначеніе отдѣльнымъ элементамъ особыхъ пространствъ. Ст. 21—31.

1) Освобожденіе элементовъ изъ ихъ смѣси: ст. 21—23.

2) Удаленіе отдѣльныхъ элементовъ въ особья пространства: ст. 24—31.

Конц. вопр.: Что до сихъ поръ получилось? Только четыре элемента (какіе?). — Прогрессъ противъ отд. I? Отдѣльные элементы являются теперь, послѣ разъединенія, въ ихъ настоящемъ видѣ. — Пока еще нѣтъ никакихъ тѣлъ; посмотримъ, какъ далѣе происходитъ сотвореніе міра.

III. Сотвореніе неодушевленной природы. Ст. 32—68.

1) Образование земли и моря: ст. 32—51.

2) Воздухъ: ст. 52—66.

3) Образование эира: ст. 67—68.

Конц. вопр.: Насколько подвинулось сотвореніе міра? Создана неодушевленная природа. — Чего еще недостаетъ? Живыхъ существъ.

IV. Сотвореніе живыхъ существъ. Ст. 68—88.

1) Сотвореніе созвѣздій, боговъ и животнаго царства: ст. 69—75.

2) Сотвореніе человѣка: 76—88.

C.

I. Повт. вопр. — Отмѣтить отдѣльныя ступени въ сотвореніи міра! 1) Хаосъ: элементы соединены въ массу; 2) разъединеніе элементовъ; 3) сотвореніе неодушевленной природы; 4) сотвореніе живыхъ существъ, заканчивая человѣкомъ, вѣнцомъ созданія. — Дѣйствующія лица? Созидающій міръ богъ (*fabricator mundi, orifex regum*); на ряду съ нимъ, при сотвореніи человѣка, Прометей.

II. Составить планъ разсказа.

III. Содержаніе. Въ началѣ элементы, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовался міръ, соединены въ беспорядочную массу — хаосъ; нѣтъ свѣта; несовмѣстимые элементы хаоса находятся въ непрерывной борьбѣ между собою. Божество, прежде всего, освобождаетъ элементы изъ ихъ связи и опредѣляетъ каждому извѣстное мѣсто. Потомъ создаются отдѣльныя части міра: земля получаетъ шарообразный видъ; кругомъ нея кладется море; на землѣ образуются воды, горы, долины, лѣса; земля, какъ и небо, дѣлится на 5 поясовъ.

Надъ землею и моремъ помѣщается воздухъ; здѣсь назначается мѣсто облакамъ и вѣтрамъ вмѣстѣ съ громомъ и молніею. Высочайшая часть вселенной предназначена для ээира. Потомъ отдѣльныя части вселенной населяются: ээиръ — созвѣздіями и божествами, воздухъ — птицами, суша — земноводными животными, море — рыбами. Последнимъ создается человекъ по образу боговъ съ назначеніемъ господствовать надъ животными.

IV. Параллель. Сравненіе съ библейскимъ рассказомъ о сотвореніи міра. Общими силами всего класса, подъ руководствомъ учителя, устанавливается слѣдующее сходство и различіе.

1) Сходство: а) Какъ въ хаосѣ нѣтъ свѣта (ст. 10—11), такъ и въ Библии первоначальное состояніе міра характеризуется тьмою (I Моис. 1, 2).

б) Порядокъ сотворенія міра, въ общемъ, тотъ же: сперва сотвореніе неодушевленной природы (3 первыхъ дня по Библии), потомъ одушевленной (по Библии три послѣднихъ дня). Такъ же въ частностяхъ есть сходство: какъ у Овидія послѣ хаоса слѣдуетъ отдѣленіе суши, моря, воздуха и ээира (неба) другъ отъ друга, такъ и въ Библии послѣ сотворенія вселенной выдѣляются: небо, земля и море. — Сотвореніе живыхъ существъ у Овидія, какъ и въ Библии, начинается сотвореніемъ созвѣздій, которыя и по представленію іудеевъ были (одушевленными существами; въ Библии и у Овидія слѣдуетъ созданіе животныхъ, а потомъ послѣднимъ созданъ человекъ, какъ высшее созданіе.

2) Различіе: а) Въ Библии и у Овидія слѣдуетъ созданіе животныхъ, а потомъ послѣднимъ созданъ человекъ, какъ высшее созданіе.

б) Въ Библии и у Овидія слѣдуетъ созданіе животныхъ, а потомъ послѣднимъ созданъ человекъ, какъ высшее созданіе.

3) Въ Библии и у Овидія слѣдуетъ созданіе животныхъ, а потомъ послѣднимъ созданъ человекъ, какъ высшее созданіе.

4) Въ Библии и у Овидія слѣдуетъ созданіе животныхъ, а потомъ послѣднимъ созданъ человекъ, какъ высшее созданіе.

5) Въ Библии и у Овидія слѣдуетъ созданіе животныхъ, а потомъ послѣднимъ созданъ человекъ, какъ высшее созданіе.

6) Въ Библии и у Овидія слѣдуетъ созданіе животныхъ, а потомъ послѣднимъ созданъ человекъ, какъ высшее созданіе.

7) Въ Библии и у Овидія слѣдуетъ созданіе животныхъ, а потомъ послѣднимъ созданъ человекъ, какъ высшее созданіе.

8) Въ Библии и у Овидія слѣдуетъ созданіе животныхъ, а потомъ послѣднимъ созданъ человекъ, какъ высшее созданіе.

9) Въ Библии и у Овидія слѣдуетъ созданіе животныхъ, а потомъ послѣднимъ созданъ человекъ, какъ высшее созданіе.

г) Второй рассказ Библии (Моис. I, 2, 6—7) сходенъ относительно сотворенія челоуѣка съ Овидіевымъ мифомъ о Прометей: какъ Богъ изъ влажной земли дѣлаетъ тѣло челоуѣческое и оживляетъ, такъ и Прометей создаетъ челоуѣка изъ влажной земли: ст. 82—83.

2) Разница:

а) По библи. рассказу въ началѣ существуетъ только Богъ, который создаетъ небо и землю; по Овидію предполагается существующею матерія, хаосъ, изъ котораго образуются отдѣльныя части міра.

б) Потому средоточіе библи. рассказа есть личность всемогущаго Создателя (ср., напр., постоянно повторяющееся: «Богъ рекъ»); средоточіе Овидіева рассказа составляетъ матерія, изъ которой создается міръ, между тѣмъ какъ о Создателѣ міра говорится только въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ (ср. ст. 32: *quisquis fuit ille deorum*; ср. 21, 57; ст. 78: *sive hunc divino semine fecit ille opifex rerum.... sive recens tellus.... cognati retinebat semina caeli, quam satus Iapeto... finxit etc.*).

в) Слѣдовъ распредѣленія дѣйствій міросоздателя по днямъ у Овидія нѣтъ.

V. *Реалии.*

1) Мифологическія: Названія міросоздателя? см. ст. 21, 32, 57, 79. — Мифологическія личности:

а) Боги: Титанъ (ст. 10), Феба (ст. 11), Амфитрита (ст. 14); что это за божества? Божества природы. — Надъ чѣмъ они господствуютъ? Надъ солнцемъ, луною, моремъ. — Боги вѣтровъ (ст. 60).

б) Титаны: Япетъ (ст. 82) и сынъ его Прометей. Кто изъ названныхъ боговъ ближе къ нимъ? Богъ солнца, сынъ Титана Гиперіона. — Отношеніе Титановъ къ Олимпійскимъ божествамъ? Титаны, дѣти Урана и Геи, древнѣйшій родъ боговъ, суть представители дикихъ, необузданныхъ силъ природы; владыка ихъ Кроносъ = *Saturnus*; могущество ихъ сокрушается Олимпійскими богами, высшими духовными силами нравственнаго міроустройства (Ср. старшихъ богатырей былинъ съ младшими). — Мѣсто жительства боговъ? См. ст. 73.

2) Естественно-историческія (и) географическія. Сколько элементовъ? Четыре. Какіе? Воздухъ, огонь (эфиръ), вода, земля. Разница между воздухомъ и эфиромъ? См. ст. 23. 52—53. — Какое представленіе о созвѣздіяхъ? Они живыя существа божественнаго рода; см. ст. 72—73. — Представленіе о видѣ земли? См. ст. 34—37; ср. 12—13. — Сколько поясовъ? Представленіе о жаркомъ и холодномъ поясѣ? См. ст. 49—50. — Какіе вѣтры? *Eurus, zephyrus, boreas, auster*. Русскія названія? Какое двойное представленіе о вѣтрахъ? Какъ о предметахъ (ст. 56 и сл.) и какъ о лицахъ (*fratrum* ст. 60). — Какія страны упоминаются? Аравія (*regna Nabataea*) ст. 61; Персія и Индія (*radiis iuga subdita matutinis*) ст. 62; Скиѳія, ст. 64. Какія страны считаются крайнимъ востокомъ? Аравія, Персія, Индія. Какія крайнимъ сѣверомъ? Скиѳія.

VI. Граммат. и стилист. замѣчанія.

1) Фигуры и тропы. Метонимія: Титанъ 10, Феба 11, Амфитрита 14, *pontus* (= *aqua*) 15, *flamma* 51. — *Abstr. pro concr.*: *origo* (= *auctor*) 79. — *Part. pro toto*: *freta* 36. — Описат. выраженія: *igneae vis caeli* (= *igneum caelum*) 26, *formae deorum* 73. — Метафора: *cornua* 11, *corpore* 18, *membra* 33, *Scythiam... invasit boreas* 64—65, *induit... hominum figuras* 88. — *Prolepsis*: *ambitae circumdare litora terrae* 37, *erectos tollere vultus* 86. — *Litotes*: *ne non aequalis* 34. — *Asyndeton*: 43—44. 73—75.

2) Числа. Множ. вм. единств.: *terras* 5 и 22, *frigora* (*intensiv.*) 56; *lumina* 10, *ponderibus* 13.

3) Падежи. *Dat.* (ср. греч.): *frigida pugnabant calidis* 19. — *Abl. loci*: *marginē* 14, *tellure* 48.

4) *Adj. praedicat.* вм. нарѣчія: *nona reparabat* 11. — *Адверб. выраж.* вм. прилаг.: *sine pondere* 20 и 26, *sine imagine* 87. — *Neutr. subst.*: *ultima* 31. — *Существ. вм. прилаг.*: *cura dei = deus curans* 48.

5) Глаголь. Страд. возвр. *extendi* 43, *tegi* 44. — Страд. неперех. глаг.: *habitandae* 74. — *Part. fut. act.* (= назначенный къ чему либо): *motura* 55. — Пропущена

связка; *densior* (*erat*) 29. — *Verb. fin.* повторяется въ причастиі: *secuit sectamque* 33.

6) Мѣстоим. — подлежа. въ асс. с. *inf.* опущено: *tueri iussit* 85—86.

7) Предлоги: *cum* вм. *et* 56. — *in* (цѣль) 35, 83.

8) Частицы: *et* = *etiam* 38, 43. — *ut... sic* *advers.* 16—16. — *adhuc* (о прош. дѣйств.) 10, 77.

9) Типичное выраженіе: *satus Japeto* 82.

10) Тмезисъ: *septemque trionem* 64.

11) Отступл. въ образ. формъ: 3. *Plur. perf.* на ге 7. — *Gen. pl.* на *um* вм. *ium*: *moderantum* 83. — Греч. формы: *Persida* 62, *aethera* 68.

12) Разстановка словъ. Слово съ удареніемъ въ концѣ стиха 10, 11, 12, 14. — Относ. мѣст. передъ существ.: 5, 63, 70, 87. — Предлогъ послѣ существ.: *speciem in* 35, *haec super* 67. — *Хіазмъ*: 75.

VII. *Просод. и метрическія особенности.*

Versus spondiacus: *Amphitrite* (имя собств.!) 14, *matutinis* 62. — *deerat* (двухсложн.) 77. — *Japeto* (четырёхсложн.) 82.

VIII. *Звукоподражаніе.*

Свистъ вѣтра (*f*): *fulminibus facientes frigora* 56.

IX. *Темы для русскихъ сочиненій*).*

1) Сотвореніе міра по Овидію.

2) Сравненіе Овидіева разсказа о сотвореніи міра съ библейскимъ.

*) На этотъ отдѣлъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, обратить особенное вниманіе. Еслибы преподаватель русскаго языка иногда давалъ темы для сочиненій по соглашенію съ препод. др. яз., то это могло бы оказывать только благотворное дѣйствіе. Учениковъ не принуждали бы писать о томъ, чего они не знаютъ, какъ часто бываетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ тверже запечатлѣлось бы прочитанное изъ классика.

Н. Raydt.

Въ Англійскихъ гимназіяхъ.

(Прод. См. кн. LXII).

VI.

Hampton Court.

Физическое упражненіе есть сбереженіе
человѣческой жизни, напильникъ природнаго
огня, пробужденіе спящей природы, укрѣ-
пленіе добродѣтелей, поглощеніе ненужныхъ
соковъ, врагъ лѣности, выигрышь времени,
долгъ молодости и отрада старости.

Въ прошломъ письмѣ я говорилъ объ англійскихъ юно-
шескихъ играхъ и показалъ, что онѣ играютъ большую роль
не только въ школѣ при воспитаніи мальчиковъ, но имѣютъ
громадное значеніе и въ академической жизни молодежи.
Сегодня я хочу описать значеніе игръ въ средѣ взрослыхъ,
которыми онѣ не только не забываются, но, напротивъ, служатъ
«отрадою и забавою», ибо игры также необходимы человѣку,
какъ пища и питье.

Сегодня меня особенно занимаетъ эта тема потому, что
на прошлой недѣлѣ цѣлый рядъ дней принесъ мнѣ чрезвычайно
характеристическое показаніе того, какъ невѣроятно глубоко
любовь къ спорту запустила корни въ британскія сердца и
какое громадное количество народа спортъ привлекаетъ въ
свою область.

Мѣстность Hampton Court на Темзѣ, откуда я пишу тебѣ
это письмо, служитъ живымъ доказательствомъ того значенія,
которое приобрѣлъ водяной спортъ для населенія Лондона.

Идемъ ли по Темзенскому мосту, или же вдоль берега, видимъ здѣсь такъ же, какъ и въ Оксфордѣ, лодку за лодкой; послѣднія принадлежатъ частнымъ лицамъ, часто живущимъ въ Лондонѣ. Они ввѣряютъ свои лодки, хранящіяся въ опредѣленныхъ становищахъ или въ крытыхъ сараяхъ, заботливому надзору свѣдущихъ сторожей. Домовладѣльцы, отдающіе въ наймы свои дома, построенные здѣсь въ длинный рядъ на песчаномъ берегу, обязаны высокими цѣнами, получаемыми за квартиры и за комнаты, главнымъ образомъ, водяному спорту. Пароходы и желѣзныя дороги служатъ посредниками для сношеній между городомъ и этими загородными мѣстечками и ведутъ даже въ воскресенье почти такую же энергическую эксплуатацію, такъ какъ въ воскресенье на рѣкѣ загараются особенно оживленная дѣятельность. Водяной спортъ не считается англичанами за особенный грѣхъ, какъ, напр., прочія игры и удовольствія, и такимъ образомъ воскресныя прогулки на водѣ получили значительное распространеніе.

Меня чрезвычайно обрадовало то, что сравнительно многія дамы также предаются съ ревностью и искусствомъ этому здоровому физическому упражненію. Ихъ движенія при греблѣ, конечно, не настолько сильны, какъ движенія мужчинъ, но все же достаточны, чтобы направлять небольшую лодочку съ порядочною быстротою. При этомъ онѣ умѣютъ придать граціозную осанку всему стану, такъ что видъ ихъ дѣйствуетъ пріятно на зрителя. Упражненіе въ греблѣ особенно полезно для дамъ, такъ какъ, благодаря движенію веслами, свободно выступаетъ впередъ и расширяется грудь, къ сожалѣнію, часто стѣсненная неразумнымъ дамскимъ костюмомъ. Конечно, онѣ при этомъ надѣваютъ соотвѣтствующій, свободный и простой костюмъ изъ легкой фланели, которому онѣ, однако, умѣютъ придать изящество красивымъ покроємъ и отдѣлкою, чего, разумѣется, всегда слѣдовало ожидать отъ прекраснаго пола.

Сегодня вечеромъ солнце очень ясно сіяло на голубомъ небосклонѣ, и на рѣкѣ было особенно большое оживленіе, такъ что не слишкомъ широкая рѣка казалась черезъ чуръ переполненной народомъ. На меня произвелъ чрезвычайно пріятное

впечатлѣніе спокойный и приличный тонъ, царившій среди этого, въ высшей степени разнокалибернаго общества, не смотря на случайныя столкновенія лодокъ на шлюзахъ. Вообще, всѣ подобнаго рода удовольствія проходятъ здѣсь безъ большого шума, тревоги и брани, что образуетъ счастливую противоположность шумнымъ воскреснымъ увеселеніямъ, какими часто заканчиваются у насъ праздничные дни въ загородныхъ трактирахъ и увеселительныхъ заведеніяхъ большихъ городовъ. Эта разница происходитъ оттого, что англичанинъ, вообще, очень спокоенъ отъ природы и рѣдко волнуется. А главная причина заключается въ томъ, что при нашихъ воскресныхъ увеселеніяхъ пиво и водка играютъ самую первенствующую роль, и общество, разгоряченное напитками, къ сожалѣнію, часто заканчиваетъ эти удовольствія шумомъ, ссорами, бранью, даже несчастіями. Въ этомъ случаѣ главное условіе заключается въ физическихъ упражненіяхъ на открытомъ воздухѣ. Здѣсь обыкновенно пьютъ лишь столько, чтобы утолить жажду, а трактиры играютъ въ этихъ воскресныхъ увеселеніяхъ совершенно второстепенную роль. Слѣдовательно, и здѣсь, при водяномъ спортѣ, мы опять таки видимъ, что физическое упражненіе не только благотѣльно вліяетъ на здоровье, но и въ нравственномъ отношеніи даетъ болѣе желательный отдыхъ.

Въ водяномъ спортѣ устраиваемыя состязанія въ греблѣ служатъ притягательнымъ пунктомъ, сообщающимъ самымъ упражненіямъ болѣе большой интересъ. Клубовъ для гребли существуетъ, разумѣется, большое количество, какъ маленькихъ, такъ и большихъ, употребляющихъ массу денегъ и старанья для того, чтобы ихъ суда и они сами одерживали побѣды на состязаніяхъ. Узкія бѣговыя лодки составляютъ, по истинѣ, образцовыя произведенія лодочнаго строительнаго искусства, и очень мало такихъ мастерскихъ, гдѣ умѣютъ ихъ строить съ должнымъ совершенствомъ; зато эти исключительныя мастерскія очень дорого цѣнятъ свое искусство. Тѣ, которые на большихъ лодкахъ являются представителями клубовъ, школъ или университетовъ, что почитается ими за величайшую честь, уже за нѣсколько мѣсяцевъ до того готовятъ къ

тому спеціальнымъ образомъ жизни и упражненіями по всеѣмъ правиламъ искусства, съ давнихъ лѣтъ разработаннаго въ Англіи и теоретически, и практически такъ, какъ ни въ какой другой странѣ въ мірѣ. Водяной спортъ есть и всегда останется самымъ выдающимся и преобладающимъ національнымъ удовольствіемъ обитателей Британскихъ острововъ.

На прошлой недѣлѣ мнѣ пришлось еще разъ убѣдиться въ томъ, какъ велика симпатія англичанъ къ такого рода спорту. Установившееся, приблизительно, съ 1839 года, ежегодное состязаніе въ греблѣ между университетами Оксфордскимъ и Кэмбриджскимъ, сдѣлавшееся настоящимъ событіемъ для всего Британскаго міра, вызываетъ такое оживленіе на берегахъ Темзы, что передать его на письмѣ невысказуемо.

Напряженный интересъ, возбуждаемый этимъ состязаніемъ въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ Великобританіи, даетъ намъ право, безъ особенной несправедливости, сравнить его съ Олимпійскими играми древней Греціи. Но въ Англіи существуетъ громадное количество такихъ состязаній. Прекраснымъ примѣромъ можетъ служить видѣнное мною на этой-же недѣлѣ большое двухдневное состязаніе между Гарро и Этономъ, происходившее въ Лондонѣ у Lords.

Хочу набросать тебѣ, милый другъ, краткое описаніе этихъ состязаній и объяснить тебѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что значитъ „Lords“; но прежде всего нужно же тебѣ сказать, что Гарро и Этонъ — двѣ изъ самыхъ важныхъ англійскихъ Public Schools. „Lord's Cricket Ground“ представляетъ большую, превосходную игорную площадку, находящуюся въ центрѣ Лондона. Эта площадка представляетъ собою громадную денежную стоимость, т. е. земля въ этой мѣстности цѣнится очень высоко. Лѣтъ сто, по меньшей мѣрѣ, тому назадъ, это мѣсто было продано тогдашнимъ владѣльцемъ, по имени Lord, крикетъ-клубу по очень высокой цѣнѣ. Этотъ клубъ есть настоящая глава всѣхъ крикетныхъ игроковъ въ Англіи. Онъ посылаетъ своихъ членовъ во все мѣста государства, такъ благоволящаго къ спорту, а также и въ другія страны, гдѣ находятся честолюбивые Cricket-Clubs, дерзающіе потягаться силами съ

знаменитыми лондонскими игроками. Клубъ пріобрѣтенную площадку обратилъ въ превосходную, покрытую дерномъ, игорную площадку, на которой происходятъ знаменитыя matches. На прошедшей недѣлѣ здѣсь происходило ежегодное состязаніе между университетами Оксфордскимъ и Кэмбриджскимъ, а на будущей недѣлѣ австралійцы будутъ играть противъ англичанъ. Теперь нерѣдко случается въ Великобританіи, что Cricket- и Football-Clubs изъ колоній переходятъ черезъ океанъ, чтобы помѣрить свои силы и ловкость въ игрѣ съ жителями континента, и по обѣимъ сторонамъ моря находятся въ напряженномъ ожиданіи результата борьбы, въ нѣсколько минутъ времени сообщаемого по телеграфу въ Аделаиду, въ Калькутту и др. мѣста. Этому результату ожидаютъ съ такимъ-же точно напряженіемъ, съ какимъ развѣ только греческіе колонисты на чужбинѣ могли ожидать извѣстій объ Олимпийскихъ играхъ.

Впрочемъ, Cricket-Club дѣлаетъ порядочные обороты съ своей большой игорною площадкой. На всѣхъ происходящихъ тамъ публичныхъ matches взимается входная плата отъ 1 до 2 марокъ за каждый день. Такъ какъ тамъ ежедневно присутствовало 10,000 человекъ, то собранная плата весьма значительная, а даже сообразно съ англійскими понятіями. Къ этой суммѣ слѣдуетъ еще прибавить плату за мѣста на трибунѣ, плату за постой экипажей, также деньги, собранныя рестораномъ; все это, вмѣстѣ взятое, составитъ очень большую сумму.

Я еще никогда не былъ на знаменитой игорной площадкѣ и не совѣмъ хорошо зналъ, какъ туда попасть. Я уже хотѣлъ было обратиться къ полицейскому, отвѣчающему въ такихъ случаяхъ съ величайшею любезностью, но въ это самое время возлѣ меня прогремѣлъ omnibusъ, украшенный маленькими флагами, и кучеръ съ кнутомъ и въ шляпѣ съ цвѣтными бантами, служившими обозначеніемъ чего-то особеннаго, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „Lords, Sir?“ Разумѣется, я тотчасъ вскочилъ въ огромный экипажъ и вскорѣ сѣдлъ на скамейкѣ рядомъ съ кучеромъ, радуясь суматохѣ, среди которой онъ управлялъ грузными лошадьми съ

баснословною ловкостью. Превосходный управитель коней, получивъ отъ меня хорошую сигару, сдѣлался словоохотливъ и разсказалъ мнѣ, что сегодня у Lords будетъ очень полно и что тамъ будетъ присутствовать Дворъ; и, дѣйствительно, туда явилось нѣсколько представителей Двора. Въ промежуткахъ своего разсказа усердный паренъ не переставалъ сзывать публику, которая, по его предположенію, направлялась къ Lords. Чѣмъ ближе мы подѣзжали къ цѣли, тѣмъ больше становилось количество экипажей. Нарядныя кареты, тяжеловѣсныя „bus“ (употребительное сокращеніе омнибуса), быстро катящіе кабриолеты, Cabs, Hansoms (своеобразные экипажи, въ которыхъ кучеръ помѣщается на возвышенномъ сидѣніи позади сѣдока и управляетъ лошадыю черезъ его голову), между всѣмъ этимъ велосипедисты, а на тротуарахъ громадное число пѣшеходовъ, — всѣ стремились къ одной цѣли, и большое число полицейскихъ было занято наблюденіемъ порядка среди экипажей и многочисленныхъ рядовъ людей, тѣснившихъ другъ друга. И что такое случилось? что привело сюда такое громадное собраніе народа? Да ничего больше, какъ только то, что одиннадцать лучшихъ игроковъ въ Cricket изъ двухъ Public Schools захотѣли помѣрить свое искусство въ Cricket, зрѣлице, показавшееся бы скучнымъ для непосвященныхъ въ плѣнительныя чары крикетной игры и отъ котораго большинство изъ насъ вскорѣ отвернулось бы, съ недоумѣніемъ покачивая головой.

Прибывъ къ Lords, я при входѣ купилъ у газетчика программу съ именами игроковъ и вступилъ въ пространство, со всѣхъ сторонъ окруженное высокими стѣнами. Я много слышалъ про знаменитую игорную площадку и про оживленіе, происходящее тамъ, но то, что я увидаль, превзошло всѣ мои ожиданія.

Вокругъ прекрасно уравненного и, не смотря на жаркое лѣтнее время (конецъ іюля), все еще чудеснаго зеленого газона голшилось такое безчисленное множество народа, что, не взирая на величину площадки, мнѣ трудно было хорошенько рассмотреть положеніе игры, находившейся въ самомъ большомъ

разгарѣ. Вокругъ большой площадки были поставлены низкія скамейки, которыхъ однако не хватило для всей многочисленной публики, какъ что еще нѣсколько рядовъ зрителей помѣстилось по другую сторону скамеекъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были раскинуты трибуны, откуда со скамеекъ особенно хорошо было наблюдать за игрою; кромѣ того, ряды для сидѣнія прерывались мѣстами для стойки экипажей, густо наполненныхъ множествомъ взрослыхъ и дѣтей. Нѣсколько растерянный, толкаясь возлѣ наружной ограды, я случайно былъ замѣченъ знакомымъ мнѣ семействомъ, занимавшимъ мѣста въ большомъ открытомъ омнибусѣ. Предупредительный хозяинъ съ величайшею любезностью предложилъ мнѣ мѣсто въ экипажѣ, уже довольно тѣсно набитомъ, такъ что вскорѣ я очутился среди веселаго общества дамъ и мужчинъ, слѣдившихъ за игрою. И какъ же слѣдили за ней всѣ эти тысячи зрителей! Когда слѣдовалъ особенно удачный ударъ, рукоплесканія и громкіе одобрительные возгласы слышались въ похвалу игрокамъ. Непріятныя замѣчанія, въ случаѣ какого нибудь неудачнаго удара, высказывались также громко, т. е. въ такихъ вещахъ англійская публика въ высшей степени строгій судья. Разумѣется, судъ этотъ бываетъ нѣсколько пристрастенъ, смотря по тому, кто какую школу больше заинтересованъ. У этого семейства, съ которымъ я сидѣлъ, былъ сынъ въ школѣ въ Этонѣ; слѣдовательно, оно было заинтересовано свѣтло-голубыми воинами. У каждой партіи свои извѣстные цвѣта на поясахъ, шапкахъ и на такъ называемыхъ *fielding-jackets*: у воспитанниковъ Этона — свѣтло-голубой и темносиній. Приверженцы каждой партіи надѣваютъ также ея цвѣта, что даетъ возможность дамамъ украсить еще съ бѣльшимъ вкусомъ свои утренніе туалеты. Мужчины, по большей части, продѣваютъ въ петлю бантикъ уважаемаго ими цвѣта. Такое явное участіе въ интересахъ какой-нибудь партіи, разумѣется, еще больше увеличиваетъ интересъ къ игрѣ; мужчины держатъ пари, что еще больше увеличиваетъ выражаемое ими участіе къ игрѣ.

Случающимися во время игры паузами пользуются для

веселыхъ разговоровъ и для подкрѣпленія тѣла. У буфетовъ, находящихся въ углубленіи игорной площадки, накрыты длинныя столы, гдѣ можно получить полный завтракъ за порядочныя деньги; можно также получить закуски, какъ бутерброды, чаши съ пуншемъ, пиво и т. д. Семьи, нанявшія себѣ отдѣльный экипажъ, по большей части, берутъ завтракъ изъ дому; такимъ образомъ, при такомъ большомъ match образуются уютныя пикники, которыхъ непринужденный тонъ вноситъ радость и веселье. Самымъ употребительнымъ моднымъ освѣжительнымъ напиткомъ въ болѣе знатныхъ семьяхъ служить въ такихъ случаяхъ шампанское, такъ что во время паузы въ большинствѣ экипажей можно было видѣть стаканы съ живительнымъ пѣнящимся виномъ, составляющимъ, вообще, чуть-ли не исключительно любимый напитокъ благородныхъ слоевъ общества въ Лондонѣ. Во время паузы, посвященной завтраку, можно перейти къ большому павильону, гдѣ сидятъ почетные гости, учителя заведеній, участвующихъ въ игрѣ, судьи сраженія, маркеры и всѣ тѣ, кто имѣетъ непосредственное отношеніе къ игрѣ. Здѣсь вывѣшены большія доски, на которыхъ громадными цифрами отмѣчаются runs каждой партіи, видимыя издали, такъ что каждый можетъ постоянно слѣдить за ходомъ игры. Это особенно важно для репортеровъ, телефонирующихъ или телеграфирующихъ цифры въ редакціи; для этой цѣли существуютъ на самомъ плацу особыя припособленія. Въ вечернихъ изданіяхъ бываютъ уже помѣщены подробности сраженія за истекшій день, а въ тотъ же вечеръ газетчики выкрикиваютъ „Cricket-match“, какъ особую рекомендацію своихъ газетъ. Телеграфируютъ также и за предѣлы Лондона во всѣ стороны, такъ что по всей Англии и Шотландіи, по истеченіи самаго короткаго срока, можно получить самыя точныя свѣдѣнія о ходѣ такихъ matches. Но вотъ подходитъ полицейскій и проситъ уйти съ газона, такъ какъ скоро должна возобновиться игра. Непричастныя къ игрѣ очень быстро очищаютъ крикетную площадку, и игру продолжаютъ со свѣжими силами. Другая партія вошла „in“, и всѣ ждутъ съ напряженіемъ, какъ то она себя заявитъ.

Batsman стоитъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ и даетъ пролетѣть неудачно подброшенному bowler'омъ мячику на лѣво или на право отъ bat. Такимъ образомъ проходитъ нѣсколько ударовъ, и публика начинаетъ изъяслять знаки нетерпѣнія. Но какое до этого дѣло batsman'у, стоящему самымъ непри- нужденнымъ образомъ передъ wicket'омъ, который онъ защи- щаетъ, въ легкомъ, свободномъ фланелевомъ одѣяніи. До него, кажется, вовсе не касаются эти 20,000 глазъ, на него устре- мленные. Но вдругъ всѣ его мускулы разомъ напрягаются: сильная рука ударяетъ тяжелымъ bat съ колоссальною тя- жкостью и непогрѣшимую увѣренностью по летящему къ нему на встрѣчу мячу, отсылая его, черезъ головы противниковъ, къ противоположному концу площадки, гдѣ ни одинъ fielder не можетъ его поймать. Громкое рукоплесканіе служитъ на- градою счастливому воину, который съ bat'омъ въ рукѣ мѣ- няется мѣстомъ съ союзнымъ своимъ batsman'омъ одинъ, два, три, четыре, даже пять разъ, все время сопровождаемый ли- кующими криками и аплодисментами публики, прежде, нежели враждебная партія успѣетъ опять пустить мячъ въ wicket. Такіе удары удаются ему теперь одинъ за другимъ, такъ что всѣ усилія противниковъ оказываются совершенно безплодными. Ничто не можетъ нарушить его невозмутимаго спокойствія, и чѣмъ дальше продолжается борьба, тѣмъ болѣе, какъ будто все растутъ и растутъ его силы. Такимъ образомъ, благодаря ему, его партія уже выиграла болѣе 100 runs, а онъ все еще проворной рукой подымаетъ отбойникъ и отсылаетъ мячъ по всѣмъ направленіямъ черезъ обширное зеленое поле. Но, на- конецъ, и ему судьба измѣняется. Утратилъ ли онъ отчасти спокойствіе духа и зарвался въ пылу битвы, дерзнувъ сдѣлать еще run, когда уже не подобало, или же озлобленные про- тивники на этотъ разъ обратно отослали мячъ съ необыкно- венною быстротою, пока онъ еще не успѣлъ добѣжать на разстояніе bat отъ своего crease, но wicket, тронутый мячемъ, лежитъ на землѣ. И легче дышется враждебной партіи, на- конецъ, таки покончившей съ такимъ опаснымъ и счастливымъ противникомъ. Хладнокровно опускаетъ онъ свой bat, отсте-

тиваеть съ ноги предохраняющую кожу и небрежнымъ шагомъ, свойственнымъ юной Англїи, направляется къ павильону, сопровождаемый одобрительнымъ рукоплесканіемъ публики, отдающей должную цѣну выказанной имъ ловкости даже и теперь, когда онъ побѣжденъ.

Такимъ образомъ продолжается два дня, съ утра до вечера, и такъ же точно устраиваютъ matches во многихъ англійскихъ городахъ и деревняхъ, къ удовольствію не только игроковъ, но и ихъ близкихъ, а также и всего народа.

Насколько высокопоставленная публика находитъ удовольствіе въ такихъ вещахъ, это мнѣ тоже удалось видѣть на прошлой недѣлѣ днемъ въ Хрустальномъ дворцѣ. Одинъ уголь сада, принадлежащаго этому колоссальному, всемірному учрежденію, представляетъ чудесный игорный плацъ съ прекрасно содержаннымъ зеленымъ газономъ; его невѣроятные размѣры вызываютъ невольное изумленіе каждаго иностранца. Въ этотъ день отъ половины второго до шести тамъ происходили физическія игры на призы, и многочисленная публика въ нѣсколько тысячъ человѣкъ внимала игрѣ съ живѣйшимъ интересомъ.

Изъ обозначенныхъ на программѣ номеровъ для меня особенно интересенъ былъ бѣгъ съ препятствіями, т. е. я никогда не видѣлъ такого бѣга, исполненнаго людьми. По окружности плаца разставлено было порядочное количество изгородей вышиною въ 1 метръ, приблизительно, слегка воткнутыхъ въ деръ остріями; черезъ эти то препятствія должны были, во время бѣга, перепрыгивать конкуренты. Конечно, эти прыжки среди бѣга представляютъ прекрасное упражненіе. Во всякомъ случаѣ, видъ этихъ бѣгуновъ, съ удивительною легкостью бравшихъ препятствія и подскакивавшихъ въ вышину съ эластичностью резинового мячика при перепрыгиваніи плетней, представлялъ чрезвычайно красивое зрѣлище. И что это были за мускуластыя и сильныя фигуры, одѣтыя въ разноцвѣтное трико и оспаривающія другъ у друга призы. Высокія и стройныя, совершенно правильно сложенныя, онѣ отнюдь не состояли изъ кожи и костей, какъ это часто говорится у насъ

въ насмѣшку про худощавыхъ англичанъ, но желѣзные мускулы ихъ, при полномъ отсутствіи малѣйшаго намека на излишній жиръ, выступали съ силою въ плотно прилегающей, живописной одеждѣ, и онѣ напомнили мнѣ изображаемыя на портретахъ красивыя фигуры воиновъ изъ греческаго классическаго міра, служащія для насъ еще и сегодня идеаломъ мужскаго тѣла.

Въ Хрустальномъ дворцѣ, рядомъ со мною, съ величайшимъ трудомъ добившійся мѣста въ самой серединкѣ, стоялъ англійскій мастеровой съ сыномъ лѣтъ восьми. Ему почти все время пришлось держать мальчика на рукахъ, чтобы тотъ могъ что нибудь увидѣть, и отецъ исполнялъ эту обязанность въ теченіе нѣсколькихъ часовъ подъ рядъ съ изумительнымъ терпѣніемъ. Мальчикъ, казалось, интересовался игрой самымъ необычайнымъ образомъ. При каждомъ хорошемъ исполненіи онъ хлопалъ ручонками до того, что онѣ, навѣрное, послѣ болѣли у него, и издавалъ радостные звуки, насколько позволяли его маленькія легкія. «О, папа, взгляни на желтаго. Какъ хорошо! Bravo! bravo!» кричалъ онъ опять уже охрипшимъ голосомъ, а добрый отецъ улыбался, при видѣ радости своего сына. Во время одного перерыва, пока оба были заняты принесенными съ собою закусками, мальчикъ припоминалъ съ величайшимъ оживленіемъ все выдающіеся пункты прошедшихъ игръ и усердно увѣрялъ улыбающагося отца, что и онъ можетъ сдѣлать то-то и то-то, что другъ его Джекъ можетъ сдѣлать такую то вещь, а еще другую онъ попробуетъ завтра на игорной площадкѣ съ другими мальчиками.

Такія же представленія, какъ только что описанное мною въ Хрустальномъ дворцѣ, бывають во многихъ мѣстахъ почти что во всякое время года. Если взять въ руки любую изъ провинціальныхъ газетъ, сейчасъ встрѣтишь массу объявленій о такихъ атлетическихъ спортахъ, а вслѣдъ затѣмъ цѣлые столбцы бывають посвящены ихъ точному описанію и критикѣ.

Кромѣ того, существуетъ нѣсколько газетъ, исключительно посвященныхъ спорту, напр., «The Sporting Life», ежедневная

большая газета, которая слѣдитъ за всѣми мало мальски выдающимися matches и даетъ подробное описаніе ихъ.

Дѣйствительно, физическія игры, атлетическіе спорты и все, что съ ними связано, приобрѣли въ Великобританіи такую силу, которая привлекла въ свою сферу, безъ исключенія, всѣ слои населенія; даже молодые ремесленники и фабричныя ищутъ и находятъ отдохновеніе отъ тяжелой работы въ національныхъ физическихъ играхъ и другихъ удовольствіяхъ спорта.

Но когда же имъ играть? спросишь ты, милый другъ. Вѣдь, въ рабочіе дни не такъ рано оканчивается работа, чтобы еще осталось время на cricket и т. д., а въ англійское воскресенье такія игры не допускаются. Совершенно вѣрно. Но здѣсь нужно принять во вниманіе уже упомянутое мною правило, что всѣ работы прекращаются въ субботу къ обѣду. По большей части, всѣ рабочіе освобождаются въ 2 часа, какъ я тебѣ уже писалъ, и тогда вся суббота послѣ обѣда бываетъ посвящена такимъ удовольствіямъ.

Кромѣ того, если англичане почитаютъ воскресенье болѣе, нежели какой бы то ни было другой народъ на землѣ, то къ другимъ праздникамъ, не воскреснымъ, они относятся совершенно иначе. Священникъ, съ которымъ я заговорилъ объ этомъ удивившемъ меня явленіи, объяснилъ мнѣ, что это совершенно естественно, т. к. воскресенье установлено было самимъ Богомъ въ Его заповѣди, остальные же праздники людьми, что праздники Пасхи, Троицы и Рождества тоже были введены не церковью, а парламентомъ. Эти три дня и первый понедѣльникъ въ августѣ были введены по внушенію филантропа сэра Джона Леббока и сдѣлались официальными праздниками только въ новѣйшее время, установленными закономъ собственно съ тою цѣлью, чтобы дать народу возможность повеселиться. Ихъ называютъ «bankholidays» (банковыми праздниками), т. к. банкъ «Англія» бываетъ закрытъ въ этотъ день, а всѣ другіе банки и коммерческія учрежденія слѣдуютъ его примѣру. Многія matches исполняются въ эти праздники.

Мужескій полъ, какъ и слѣдовало ожидать, составляетъ главный контингентъ дѣятельныхъ участниковъ въ этихъ со-

стызаніяхъ. Даже самымъ эксцентричнымъ нашимъ дамамъ дамское состязаніе въ Cricket или состязаніе въ football показалось бы не совсѣмъ приличнымъ. Зато ladies, въ качествѣ почетныхъ зрительницъ, съ величайшею ревностью слѣдятъ за состязаніемъ, по нашимъ понятіямъ, нерѣдко утомительно длиннымъ. Въ иныхъ спортахъ онѣ являются участницами и душою и тѣломъ, какъ, напр., въ упомянутомъ уже нами Lawn-Tennis, въ греблѣ, стрѣляннн изъ лука и многихъ болѣе мелкихъ играхъ, хотя воспитаніе въ женскихъ пансіонахъ представляетъ имъ, по большей части, малую возможность для такихъ упражненій. Однако въ послѣднее время въ этомъ отношеніи стало лучше, свободнѣе и какъ то свѣжѣе, чему, между прочимъ, много способствовало въ высшей степени замѣчательное сочиненіе Герберта Спенсера «О воспитаніи».

Главнымъ спортомъ англичанокъ высшаго сословія служитъ верховая ѣзда; на лошади англичанка чувствуетъ себя въ своемъ элементѣ.

Нѣсколько мыслей о преподаваніи латинскаго языка въ младшихъ классахъ.*)

А. Нейфельдъ, Орловъ.

Новые прусскіе учебные планы ставятъ преподаванію древнихъ языковъ цѣлью «достиженіе пониманія важнѣйшихъ классическихъ писателей и словесно-логическое образованіе».**)

*) Новые учебные планы, введенные въ Пруссіи, какъ извѣстно, значительно ограничили время, назначенное для латинскаго языка, какъ показывается слѣдующая таблица числа уроковъ для латинскаго языка въ различные періоды развитія прусскихъ гимназій:

	VI.	V.	IV.	III. b.	III. a.	II. b.	II. a.	I. b.	I. a.	Всего.
Въ 1856—1882 г.	10	10	10	10	10	10	10	8	8	8 = 86
» 1882—1892 »	9	9	9	9	9	8	8	8	8	8 = 77
Съ 1892 г.	8	8	7	7	7	7	7	6	6	6 = 62

(Число уроковъ и теперь все еще значительно больше, чѣмъ въ нашихъ русскихъ гимназіяхъ). Не только такіе крайніе защитники классической системы въ ея прежней формѣ, какъ извѣстный директоръ Іегеръ въ Кельнѣ, но и менѣе предубѣжденные представители классическаго образованія, какъ Шрадеръ (см. *Zeitschrift f. G. W.* 1892. Сентябрь) высказывали неувѣренность, можно ли будетъ при теперешнемъ положеніи дѣлъ достигнуть того общаго развитія силъ, того образованія въ древнихъ языкахъ, котораго высшія школы въ правѣ и обязаны требовать отъ поступающихъ студентовъ. Dr. W. Fries, преемникъ извѣстнаго покойнаго О. Фрика въ должноти директора Франковскихъ учрежденій въ Галле и по редакціи хорошо извѣстныхъ читателямъ «Гимназій» — «*Lehrproben und Lehrgänge aus der Praxis der Gymnasien und Realschulen*», въ послѣднемъ (33-емъ, за ноябрь 1892 г.) выпускѣ названнаго изданія помѣстилъ статью: «*Bemerkungen zu dem neuen Preussischen Lehrplane für den lateinischen Unterricht*», въ которой доказываетъ, что, при добросовѣстной работѣ и правильныхъ дидактическихъ и методическихъ приемахъ, въ двухъ младшихъ классахъ вполне возможно достигнуть хорошаго результата и исполнить поставленныя имъ задачи, такъ чтобы полученное въ нихъ образованіе служило надежною основою для дальнѣйшей работы. Насъ, впрочемъ, интересуютъ больше общія соображенія о задачахъ и формѣ первоначальнаго преподаванія латинскаго языка, почему мы и не даемъ перевода статьи, а изложене ея съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями.

**) Наши учебные планы опредѣляютъ эту задачу нѣсколько уже: «обученіе древнимъ языкамъ въ гимназіяхъ должно быть главнымъ образомъ къ осмысленному чтенію древнихъ авторовъ и точному переводу ихъ на вполне правильный и литературный русскій языкъ». Тамъ требуется пониманіе, здѣсь переводъ. Разница этихъ двухъ опредѣленій хорошо выяснена въ указанной ниже статьѣ Красснігъ'а. Въ частности доказывается, что часто заботы о точномъ переводѣ прямо таки затрудняютъ правильное пониманіе. «Словесно-логическое образованіе» совершенно не упоминается. Впрочемъ, учебные планы вслѣдъ за опредѣленіемъ задачи обученія продолжаютъ: «Везъ основательнаго и твердаго знанія грамматики такое плодотворное чтеніе древнихъ авторовъ невозможно. Поэтому грамматика полагается въ основу изученія древнихъ языковъ. Очевидно, министерство не ожидало и не желало опалы грамматическому обученію.

Послѣднее выраженіе указываетъ на то, что и за грамматикой признается самостоятельное значеніе и она не ограничивается служебною ролью по отношенію къ чтенію авторовъ, какъ этого желали бы многіе какъ въ Германіи, такъ и у насъ. Очевидно, тѣ преподаватели, которые прежде все преподаваніе древнихъ языковъ сводили къ зазубриванію грамматическихъ правилъ, дѣлали это изъ любви къ удобству, а вовсе не по дидактическому принципу, и потому то они теперь первые и явились яркими противниками грамматическаго образованія, доходя въ этомъ до крайности и ужъ, конечно, не обнаруживая этимъ правильнаго пониманія смысла новыхъ министерскихъ инструкцій. Разъ дѣятельность учителя не направляется принципами, а случайными вѣянїями или, хотя бы и правильными, но ложно истолкованными предписанїями, проку ждать намъ нечего. Вчерашній кумиръ — грамматика — смѣненъ новымъ кумиромъ — переводомъ; но этимъ, въ сущности, нисколько не улучшается дѣло и ужъ, конечно, не исключается возможность сухого вербализма, переутомленія и другихъ недостатковъ, дѣйствительно или яко бы присущихъ нашей школѣ. Простой переводъ съ цѣлью раскрытія мыслей писателя и бесплоденъ, и бесполезенъ, такъ какъ эта цѣль вполне достигается существующими прекрасными переводами, какихъ не мало уже и въ русской литературѣ (Мищенко, Янчевецкій, Алексѣевъ, Фетъ и др.). На самомъ же дѣлѣ школа преслѣдуетъ при изученіи языковъ еще и другія цѣли, а именно: 1) знакомство съ самими классическими языками, во всѣхъ отношенїяхъ своеобразными и превосходящими новые языки по богатству и эластичности формъ, насколько они, какъ совершеннѣйшее выраженіе самостоятельно развивагося духовнаго образованія и художественнаго умѣнья этихъ народовъ (въ поэзїи и краснорѣчїи), составляютъ и самое непосредственное образовательное средство для нашего времени, отчасти зависимаго, отчасти невыгодно отличающагося отъ классическаго міра. 2) Филологическое образованіе вообще, даваемое раскрытіемъ и усвоеніемъ лексическаго запаса рѣчи, этимологїи, пзмѣненія значенія словъ, грамматическаго строя

въ прозѣ и поэзіи и историческаго развитія, и сравненіемъ съ роднымъ языкомъ, не только выясняющимъ намъ этотъ послѣдній, но, въ нѣкоторой степени, даже совершенствующимъ его.*). Отсюда и ясно самостоятельное значеніе грамматики. Вспомнимъ также, что говоритъ Willmann въ своей замѣчательной, къ сожалѣнію, мало извѣстной у насъ книгѣ: «Didaktik als Bildungslehre nach ihren Beziehungen zur Socialforschung und zur Geschichte der Bildung» (I т. 1882. II т. 1889): «Грамматическія занятія, имѣющія своимъ предметомъ родной языкъ, можно сравнить съ демонстраціей находящейся въ движеніи машины; видишь функцію частей, но онѣ не хотятъ устоять, понимаешь цѣлое, и потому слабѣ побужденіе проникновенія въ частности. Ученику меньше приходится учиться чему-нибудь новому, чѣмъ переучивать то, въ чемъ онъ уже приобрѣлъ умѣнье, такъ что ему остается быть доведеннымъ до знающаго умѣнья... Родной языкъ никогда не становится для насъ настолько предметнымъ, какъ чужой, и изученіе его никогда не можетъ быть такъ плодотворно, потому что объектъ слишкомъ тѣсно сросся съ субъектомъ; какъ собственное тѣло неудобный предметъ для перваго естественно-историческаго наставленія, такъ и живой организмъ родного языка не вполне удовлетворительный объектъ для перваго грамматическаго наставленія» (стр. 45 и слѣд.). Дальше: «Латинскій и греческій языки самый удобный матеріалъ для упражненія и развитія искусства пониманія... Сущность правила въ языкѣ и техника его примѣненія по латинской грамматикѣ можетъ быть выяснена такъ же хорошо, какъ сущность правового постановленія и вердикта по римскому праву» (стр. 113 и слѣд.). Короче (Г. Циглеръ**) выражаетъ эту мысль такъ: «Филологическое образованіе лучше достигается на чужомъ языкѣ, чѣмъ на родномъ, и лучше всего на латинскомъ, который, вообще, лучшій грамматическій слуга для всѣхъ остальныхъ языковъ.»

Реформа преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ

*) См. «Lehrproben u. Lehrgänge», тотъ же выпускъ, статья I. Krassnig'a: «Ist das Übersetzen für den erfolgreichen Betrieb der klassischen Lectüre unentbehrlich?»

**) См. его сочиненіе: «Die Fragen der Schulreform».

служила новымъ сильнымъ импульсомъ къ оживленію книжной промышленности, такъ какъ появился спросъ на сокращенные руководства, наглядныя пособия, иллюстрированные комментаріи и т. д. Но не въ нихъ мы видимъ благо, а въ надлежащей научной и дидактической подготовкѣ учителей гимназій, теперь, по общему признанію, слишкомъ неудовлетворительной. При нынѣшней организаціи университетскихъ занятій, какъ и при прежней, далеко не всякій учитель достаточно имѣетъ познаній по латинскому языку,*) и грамматическія ошибки со стороны учителя далеко не рѣдкость даже и въ младшихъ классахъ, не говоря уже о полномъ незнакомствѣ съ стилистикой и недостаточномъ пониманіи текста. Введенныя по новому уставу практическія занятія, какъ я лично убѣдился, также мало полезны, уже по установившемуся на нихъ у студентовъ и профессоровъ взгляду. Такимъ образомъ, часто молодой учитель имѣетъ не больше или даже меньше знаній по своему предмету, чѣмъ при окончаніи гимназій. Хорошо, если онъ постояннымъ чтеніемъ увеличиваетъ запасъ своихъ знаній и всегда основательно готовится къ своимъ урокамъ не только со стороны методической, но и матеріальной. Но кто знакомъ съ жизнью педагоговъ въ нашей глухой провинціи, тотъ знаетъ, что этого нѣтъ, и да, пожалуй, и не можетъ быть.

Для педагогической подготовки въ нашихъ университетахъ пока ровно ничего не дѣлается: лекцій по педагогикѣ и дидактикѣ или методикѣ предметовъ не читается, семинарскія занятія носятъ исключительно филологическій, а не педагогическій характеръ. Пробный годъ подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ у насъ еще не установленъ. Назначеніе сверхштатнымъ преподавателемъ у насъ практикуется или какъ наказаніе, или какъ назначеніе временное, пока откроется вакансія, и молодые сверхштатные преподаватели или сидятъ безъ всякаго дѣла, забывая послѣднія крохи своихъ знаній по

*) Я анаю случай, какъ будущій кандидатъ на окончательномъ испытаніи переводилъ „faciebat“ будущимъ временемъ, поправившись тѣмъ, что онъ читаетъ „faciebit“ (1), и былъ очень недоволенъ поставленною ему отмѣткою три.

древнимъ языкамъ, или имѣютъ незначительное число уроковъ, но работаютъ безъ всякаго руководства со стороны старшихъ и даже контроля со стороны директора, въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ десятки лѣтъ вовсе не посѣщающаго уроки учителей или посѣщающаго ихъ только при ревизіяхъ. Большинство учителей только задаватели уроковъ, выработавшіе себѣ извѣстную рутину, которую и считаютъ педагогическимъ знаніемъ и умѣніемъ, и учителями они считаютъ себя только отъ девяти до трехъ въ учебные дни; педагогическія мысли, идеалы, заботы не живутъ не только въ груди учителя, но и вообще въ стѣнахъ учебнаго заведенія. Предметныя коммисіи не засѣдаютъ никогда, развѣ только «для обсужденія» присылается какой-нибудь проектъ; общія конференціи бывають въ концѣ четверти, при производствѣ испытаній или въ случаѣ получения бумаги на имя педагогическаго совѣта; учительская корпорація тяготится тѣми и другими.

Во введенныхъ реформахъ и въ частныхъ распоряженіяхъ управляющихъ учебными округами несомнѣнно чрезвычайно много хорошаго, много въ нихъ высказывается педагогическихъ истинъ, много выражается теплаго участія къ школь и судьбѣ учащагося юношества. Усиле н і е — количественное и качественное — преподаванія родного языка, соединеніе предметовъ (русскаго и латинскаго языковъ) въ рукахъ одного учителя (только хорошо ли, если это будетъ учитель русскаго языка?), совмѣстный просмотръ письменныхъ работъ учителями двухъ языковъ, вообще требованіе большей концентраціи при преподаваніи, распоряженія о составленіи рациональныхъ распредѣленій уроковъ, о рациональномъ веденіи повтореній и др. — все это мѣры, выдающіяся по своему педагогическому значенію; но можно ли предполагать, что нынѣшніе учителя способны уразумѣть истинный смыслъ всѣхъ этихъ мѣръ, или если можно, то захотятъ ли и смогутъ ли они осуществить благія приказанія начальства? Практика, кажется, даетъ на это отрицательный отвѣтъ. Самый тотъ фактъ, что педагогическія наставленія приходится давать въ формѣ циркулярныхъ пред-

писаній, не есть ли ненормальный и не указываетъ ли онъ на то, что основной вопросъ есть вопросъ о подготовкѣ учителей и о томъ, чтобы создать для учителей условия жизни и работы, возбуждающія въ нихъ интересъ и любовь къ дѣтямъ и къ своему призванію, и дающія имъ возможность усовершенствованія? Вѣдь нечего скрывать отъ себя, что у насъ слишкомъ мало учителей по призванію и любви къ дѣлу.

Сначала остановимся на нѣкоторыхъ общихъ дидактическихъ правилахъ, соблюденіе которыхъ важно, конечно, и при другихъ предметахъ, но, къ сожалѣнію, весьма мало соблюдаемыхъ на самомъ дѣлѣ.

1. Преподаваніе должно вестись живо; вопросы и отвѣты должны живо и быстро чередоваться между собою и съ яснымъ рекапитулирующимъ сводомъ разобраннаго черезъ опредѣленные промежутки.

2. Учитель долженъ воспитывающимъ и образовательнымъ образомъ воздѣйствовать на учащихся своею личностью, свободной самодѣятельностью, а не быть исключительно только посредникомъ и слугою учебника и книги упражненій.

Это особенно часто случается съ новичками, которые боязливо прячутся за книгой, и съ учителями, слишкомъ любящими удобство. Книга только учебное пособіе, учитель долженъ стоять впереди ея и надъ нею, разумно и свободно пользуясь ею.

3. Главное вниманіе должно обращать на устные упражненія. Излишнее пользованіе письмомъ ведетъ къ механизму. Но съ другой стороны, не слѣдуетъ и пренебрегать этимъ средствомъ, во многихъ случаяхъ рѣшительно необходимымъ, напр. при заучиваніи новыхъ словъ и формъ и т. д.

4. Усвоеніе учебнаго матеріала производится въ многократно измѣняющейся формѣ, причемъ нужно соблюдать правильную послѣдовательность упражненій и переходить отъ легчайшаго къ труднѣйшему.

Отъ простаго усвоенія отдѣльныхъ формъ и парадигмъ памятью до правильнаго примѣненія ихъ въ предложеніи

большой шагъ. Это умѣнье достигается только при обдуманномъ переходѣ отъ ступени къ ступени; желая перескочить черезъ одну ступень, мы достигнемъ только того, что ученики будутъ неувѣренны, потеряютъ бодрость и любовь къ работѣ, и этимъ подавляется успѣшность работы. Только увѣренность при примѣненіи приобретенныхъ знаній, хотя бы первоначально въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, возбуждаетъ и поддерживаетъ любовь къ ученію. «Любовь къ ученію», говоритъ уже Якобъ (въ предисловіи къ своей элементарной греческой книгѣ 1805 г.) «возбуждается и поддерживается у дѣтей не поученіемъ о выгодахъ упорнаго ученія, а тѣмъ, что дѣти съ самаго начала извлекаютъ изъ ученья извѣстную выгоду. А это возможно только тогда, когда мы дѣлаемъ ихъ способными съ самаго начала цѣлесообразно примѣнять заученное. Молодые люди хотятъ видѣть свою цѣль вблизи. Ихъ путь часто нужно дѣлить на части; они должны часто убѣждаться въ пользѣ дѣла маленькими выгодами, чтобы, наконецъ, одержать побѣду въ цѣломъ».

5. Классной доской нужно пользоваться не только для изображенія парадигмы, но и при заучиваніи новыхъ словъ, при исправленіяхъ и т. д. Тогда въ тетрадяхъ учениковъ окажется гораздо меньше ошибокъ.

6. Именно при первоначальномъ изученіи чужого языка учитель особенно долженъ обращать вниманіе на цѣлесообразную форму своихъ вопросовъ. Вопросы должны быть коротки, опредѣленны, обращены къ цѣлому классу, и затѣмъ только предлагаемы отдѣльнымъ ученикамъ, и притомъ только такимъ, отъ которыхъ можно ожидать правильнаго отвѣта. Неудачные отвѣты внушаютъ слабымъ ученикамъ робость, легко вырываютъ у учителя обильные упреки и, во всякомъ случаѣ, замедляютъ ходъ обученія; слабѣйшимъ ученикамъ нужно задавать болѣе легкіе, «ободрительные» вопросы.

7. Отвѣтъ долженъ быть полный: напр., если спрашиваются слова, то отвѣтъ долженъ заключать самое слово, родительный падежъ его и родъ, а также и значеніе. Особенно послѣднее способствуетъ крѣпкому запоминанію. На вопросъ: богатство?

— отвѣтъ долженъ быть слѣдующій: *divitiae, divitiarum, femininum*, богатство.

8. Если вызванный ученикъ вовсе не отвѣтилъ или отвѣтилъ неправильно, то онъ долженъ повторить правильный отвѣтъ товарища. — Этимъ часто пренебрегаютъ, и это ведетъ къ тому, что слабѣйшіе ученики дѣлаются все равнодушнѣе и лѣнивѣе и въ успѣхахъ класса начинаетъ чувствоваться все большая неравномѣрность.

9. Часто слѣдуетъ заставлять учениковъ говорить хоромъ. Это оживляетъ занятія и способствуетъ легкому и вѣрному усвоенію памяти, конечно, при условіи основательной предшествующей переработки матеріала и при хорошей дисциплинѣ. Учитель долженъ тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы не допускать ошибокъ. Можно чередовать произношеніе хоромъ всею классомъ съ произношеніемъ хоромъ по партамъ и отдѣленіямъ.

10. *Festina lente*. Ни одного шага впередъ, пока не будетъ основательно усвоено все предыдущее. Не слѣдуетъ удовлетворяться неполными результатами, надѣясь на будущее пополненіе и повтореніе. Именно въ этомъ учитель серьезный, добросовѣтный отличается отъ поверхностнаго, мало думающаго. Матеріаль нужно усвоить навсегда, чтобы онъ никогда не забывался и всегда легко и свободно воспроизводился и употреблялся въ дѣло; только увѣренность въ такомъ знаніи и умѣньи сообщаетъ дѣтямъ настоящее удовольствіе отъ работы; такая строгая и послѣдовательная пунктуальность учителя дѣлаетъ преподаваніе воспитательной силой, ободряя лѣнливыхъ, приучая легкомысленныхъ къ серьезному проникновенію въ матеріаль, внимательныхъ къ постоянной напряженной работѣ.

11. *Repetitio est mater studiorum*. Самый матеріаль даетъ поводъ къ постоянному повторенію; но этого недостаточно: нужно прилежно, основательно и систематически повторять, помня слова Песталоцци: «чѣмъ кто не занятъ, то онъ забываетъ.» Именно здѣсь проявляется ловкость и духовная подвижность учителя, и успѣшность упражненій зависитъ, главнымъ образомъ, отъ метода; кто ведетъ ихъ однообразно, огра-

ничиваясь простымъ выспрашиваніемъ въ опредѣленномъ порядкѣ, дѣлаеть уроки скучными и безплодными; нужно отыскивать все новыя отношенія и связи, все снова группировать и комбинировать матеріалъ по новымъ точкамъ зрѣнія. Это — группирующий методъ повторенія.

12. Домашнія работы служатъ только для повторенія матеріала, бывшаго предметомъ класснаго ученія и упражненія. Кто на нихъ смотритъ иначе, тотъ сваливаетъ на учениковъ работу, которую надлежало бы исполнить ему самому; ученики неохотно берутся за такую работу, а неуспѣшность ея отнимаетъ у нихъ всякую увѣренность и самостоятельность.

При грамматическомъ обученіи новыя конструкціи требуютъ строгаго ограниченія правильнымъ и исключенія всего неправильнаго,*) и это требованіе справедливо не только при сокращеніи числа уроковъ. Невозможно достигнуть яснаго знанія и твердаго умѣнья, если картина въ душѣ ребенка все затмевается отъ присоединенія отступающихъ формъ, напр., при отступленіяхъ въ родѣ и окончаніяхъ именъ третьяго склоненія. Изъ-за этого придется отказаться отъ многихъ словъ, весьма удобопримѣнимыхъ при упражненіяхъ по книгѣ для чтенія — напр., *iter, fons, mons, pons, juvenus, virtus, salus, manus*, — но доминирующей точкой зрѣнія для насъ должно являться то, что ученикъ прежде всего долженъ твердо усвоить всѣ правильныя формы. Уже въ младшихъ классахъ придется усвоить значительное число глаголовъ, отступающихъ въ образованіи времени, но въ этомъ нельзя видѣть отступленія отъ принципа, такъ какъ — за исключеніемъ глаголовъ 3-го спряженія на *io* — приходится усваивать только легко усвоиваемыя памятью коренныя формы, а не собственно отступленія во флексіи. Можетъ быть, было бы лучше отказаться и отъ глаголовъ на *io*, хотя трудно было бы обойтись безъ глагола *facio*

*) «Признано возможнымъ сократить грамматическій матеріалъ. Все единичное и случайное, всякія рѣдкія исключенія или мелкія подробности совершенно устраниются изъ курса грамматики и того, и другого языка, дабы ученики тѣмъ болѣе могли сосредоточиться на всемъ главномъ и тѣмъ тверже усвоили основныя грамматическія правила. Изъ исключеній должны быть пройдены только тѣ, которыя, дѣйствительно, необходимы для чтенія назначенныхъ для гимназій авторовъ» и т. д.

и сложныхъ съ нимъ. Во всякомъ случаѣ, въ первыхъ двухъ классахъ нужно ограничиваться самымъ необходимымъ, а необходимо только то, что ученику нужно для чтенія и связанныхъ съ нимъ письменныхъ упражненій. *) Въ этомъ отношеніи теперь уже сдѣланъ большой успѣхъ; уже не стремятся къ систематической полнотѣ, убивая этимъ интересъ и ревность дѣтей, но все же въ книгахъ еще приходится дѣлать разумный выборъ. Напр., количественныя нарѣчія и числительныя собирательныя перечисляются въ грамматикѣ все, но только ограниченный и механически работающій учитель станетъ заучивать ихъ и упражняться въ ихъ употребленіи такъ же, какъ числительныхъ количественныхъ и порядковыхъ. Такой же выборъ нужно дѣлать при прохожденіи мѣстоименій, особенно неопредѣленныхъ. Но и изъ глаголовъ, отступающихъ въ образованіи временъ и неправильныхъ, слѣдуетъ дать предпочтеніе болѣе употребительнымъ; напр., часто еще слишкомъ много времени и труда посвящается глаголамъ начинательнымъ. При первомъ введеніи въ латинскій языкъ нужно исходить отъ родныхъ понятій и формъ, чтобы имѣть въ нихъ опоры интуиціи и систематически подготовить пониманіе и усвоеніе чужой грамматики, выясняя и укрѣпляя знанія по грамматикѣ родного языка. Учителя слишкомъ часто предполагаютъ эти знанія существующими и поэтому, въ лучшемъ случаѣ, поверхностно касаются ихъ; въ такомъ случаѣ преподаваніе не можетъ спокойно и обдуманно итти впередъ, а придется безпокойно перескакивать отъ одного къ другому и часто невольно возвращаться къ предметамъ, знаніе которыхъ предполагалось. По этому учитель латинскаго языка не долженъ упоминать ни одной формы, какъ падежъ, число, родъ, время, наклоненіе, залогъ, личная и безличная форма и т. д., не разъяснивши предварительно ихъ значенія на родномъ языкѣ и достигши пониманія ихъ, такъ чтобы, въ общемъ, грамматика обоихъ языковъ проходила параллельно.

*) «Изъ глаголовъ, уклоняющихся въ образованіи *perf.* и *sup.*, надлежитъ пройти во II классѣ лишь наиболѣе употребительные. . . . Глаголы эти надлежитъ проходить не въ видѣ особаго курса, а постепенно, по мѣрѣ того, какъ они будутъ встрѣчаться при чтеніи латинскихъ текстовъ».

Парадигмы записываются на доскѣ, грамматическое руководство не необходимо. Вообще, всегда нужно добиваться отчетливаго усвоенія формы; въ частности, при прохожденіи третьяго склоненія нужно обращать постоянное вниманіе на различеніе основы и окончанія.

Расположеніе матеріала не требуетъ измѣненій. Послѣ 1-го спряженія (основа на а) удобно сдѣлать перерывъ, во время котораго можно проходить имена числительныя и мѣстоименія, упражняя въ тоже время учениковъ въ употребленіи заученныхъ уже глагольныхъ формъ. По твердомъ усвоеніи 1-го спряженія слѣдуетъ и легко усваивается сходное спряженіе на е и нѣсколько отступающее спряженіе глаголовъ на і. Послѣ новаго перерыва дѣлается переходъ къ глаголамъ съ согласной основой. При повтореніи разнообразныя комбинаціи еще болѣе выдѣляютъ сходства и различія въ образованіи формъ и въ частности развиваютъ способность учениковъ къ различенію на сходныхъ глаголахъ, какъ *audeo* и *audio*, *cado* — *caedo*, *occido* — *occido*, *fugo* — *fugio*, *jaceo* — *jacio*, *pendeo* — *pendo*, *paro* — *pareo* — *pario*, *vinco* — *vincio* — *vivo* *). Дальше слѣдуютъ отложительные глаголы, склоненія, степеніи спряженія, числительныя, мѣстоименія, предлоги и, наконецъ, неправильные глаголы.

При изученіи формъ важно быстрое усвоеніе, постоянное упражненіе и примѣненіе этихъ формъ. Для усвоенія синтаксическихъ и элементарныхъ стилистическихъ правилъ, на которыхъ особенно должно развиваться чувство языка учениковъ, предпочтителенъ методъ индуктивнаго нахожденія ихъ при разборѣ статей въ книгѣ для чтенія. Отдѣльныя синтаксическія правила, указанныя учебными планами, должны сообщаться въ удобное время, такъ чтобы при прохожденіи формъ, болѣе усваиваемыхъ памятью, наступали перерывы, а съ другой стороны, была бы дана возможность достаточнаго примѣненія синтаксическихъ формъ и оборотовъ, болѣе усваиваемыхъ раз-

*) Я прекрасно помню, какъ трудно давалось мнѣ и моимъ товарищамъ это различеніе до окончанія курса, уже, конечно, не потому, что само по себѣ это различеніе такъ трудно.

судкомъ. Конструкція *Accusativus cum Infinitivo* должна быть сообщена возможно раньше — какъ только ученики для пониманія ея будутъ обладать достаточнымъ запасомъ словъ и грамматическихъ свѣдѣній, — такъ какъ съ нею ученикамъ нужно, такъ сказать, сжитъ. Что касается стилистическихъ свѣдѣній, то важнѣе всего знаніе правильнаго расположенія словъ; въ руководствахъ правилъ объ этомъ обыкновенно содержится больше, чѣмъ необходимо; въ практикѣ же часто наблюдается противоположное явленіе; впрочемъ, трудно указать правильный размѣръ этихъ свѣдѣній. Лучшія указанія по этому предмету учитель найдетъ въ книгѣ Rothfuchs'a: «*Beiträge zur Methodik des altsprachlichen Unterrichts*».

Элементарное обученіе prepares къ чтенію авторовъ. Особенно важно въ этомъ отношеніи заучиваніе словъ. При выборѣ ихъ ограничиваются словами, встрѣчающимися у Непота и Цезаря, принципиально исключая всѣ слова, которыя впоследствии вовсе не будутъ встрѣчаться, или встрѣтятся только изрѣдка, такъ какъ они безъ пользы обременяли бы память ученика*). Этимъ правиломъ ограничивается матеріалъ, усиливается значеніе самаго дѣла, такъ какъ ставится практически важная и легко исполнимая задача.

Такъ какъ необходимость методическаго заучиванія словъ общепризнана, то часто прибѣгали къ особымъ вокабуляріямъ, но безъ всякаго успѣха, такъ какъ изолированное заучиваніе словъ, не находящееся въ связи съ остальными упражненіями, не можетъ дать хорошихъ результатовъ. Поэтому теперь все больше сознаютъ необходимость связи заучиваемыхъ словъ съ матеріаломъ для чтенія.***) Если же слова берутся непосредственно оттуда по мѣрѣ ихъ употребленія, то

*) «Тѣ исключенія, которыя хотя и встрѣчаются въ читаемыхъ въ гимназіяхъ авторахъ, но не въ тѣхъ формахъ, кои представляютъ неправильность, или, хотя бы и въ этихъ формахъ, но въ отдѣльныхъ единичныхъ случаяхъ, должны быть при прохожденіи грамматики опускаемы и о нихъ упоминается при случаѣ во время самого чтенія».

**) «Тексты статей служатъ исходною точкою для всѣхъ класныхъ занятій и практическихъ упражненій». ...При этихъ упражненіяхъ желательно, чтобы ученики пріобрѣтали постепенно и необходимый запасъ словъ, и именно тѣхъ, которыя имъ могутъ понадобиться при дальнѣйшемъ чтеніи авторовъ».

этимъ самымъ устанавливается и индуктивный способъ для заучиванія ихъ, какъ единственно естественный, какъ это подробно доказалъ Пертесъ; самъ, впрочемъ, идущій слишкомъ далеко и дающій этому предмету научное обоснованіе, превышающее силы учениковъ младшаго класса.

Ученикъ долженъ ознакомиться съ словами въ связи предложенія, чтобы они съ самаго начала были для него нѣчто большее, чѣмъ просто слова; только въ такомъ случаѣ связь заучиванія словъ съ чтеніемъ будетъ не только чисто внѣшняя.

Въ книгѣ для чтенія вокабулы должны быть распредѣлены по отдѣльнымъ статьямъ, но въ соответствіи съ порядкомъ, въ которомъ должно итти заучиваніе ихъ, помѣщаются за статьями. Распредѣленіе ихъ грамматическое, но важно, чтобы хоть въ видѣ прибавленій слова группировались и по этимологическимъ и реальнымъ основаніямъ, что особенно важно при повтореніи, но что все еще не общепризнано. Разнообразіе этого упражненія способствуетъ твердому запомнанію и легкому воспроизведенію въ случаѣ надобности. Повтореніе словъ, смотря по способу веденія его, можетъ быть самымъ скучнымъ и утомительнымъ, но и самымъ одушевленнымъ и интереснымъ урокомъ, — интереснымъ будетъ оно особенно и тогда, если учитель связываетъ съ нимъ, примыкая къ прочитанному, самостоятельное составленіе предложеній. Исходная точка можетъ быть самая различная: можно итти отъ общаго къ частному, или обратно (это для начинающаго учителя лучше), или отъ средняго члена къ высшимъ и низшимъ; группировка въ главныхъ чертахъ должна записываться на доскѣ, такъ чтобы ученики, такъ сказать, видѣли передъ собою всю разбираемую область словъ и понятій.

Примѣръ: exercitus — copiae.

Для I. класса:

Вождь? dux, imperator, legatus, centurio.

Воинъ? miles,

Роды войска? pedes, eques (pes, equus).

Оружіе? arma: scutum — tela: gladius, hasta, sagitta.

- Мѣста стоянки? oppidum, castra.
- Признаки ихъ? murus, porta, vallum, fossa, turris.
- Свойства война? fortis, audax — ignavus, timidus.
animus, audacia — ignavia.
- Гдѣ испытаны? bellum, pugna, proelium.
periculum, insidiae.
impetus.
- вѣдѣ victoria, triumphus — clades, fuga.
- Глаголы: pugnare, vincere, superare, fugare — fugere, obsidere,
oppugnare, expugnare, capere, delere, defendere.
- Фразы: exercitui praeesse; bellum parare, indicere, suscipere,
gerere; proelium committere; cladem accipere; castra
munire; pacem facere.
- Примѣръ для 2 класса: civis — гражданинъ.
- Собраніе ихъ? civitas.
- Болѣе обширныя понятія? res publica, patria
gens, natio, populus — vulgus.
- Классы? liberi (libertas) — servi (servitus).
divites (divitiae) — pauperes (paupertas).
- Государственное устройство? res publica, regnum, imperium.
rex, regina, imperator.
leges.
- Правители? magistratus, collega.
consul (dictator), praetor, censor, tribunus.
potestas, munus, officium.
- Части страны? urbs, oppidum, pagus; provincia, colonia.
- Доходы? Vectigal, tributum.
- Глаголы. administrare, regere, creare, eligere.
- Фразы: magistratum gerere; rem publicam gerere, rei publicae
praeesse; bene mereri de re publica.
- Примѣры эти можно бы развить еще итъ больше. При
составленіи примѣровъ во 2. классѣ не слѣдуетъ ограничиваться
общимъ содержаніемъ, какъ въ 1. классѣ (dux hostes vincit или
milites oppidum expugnaverunt), и не прибавленіемъ нарѣчій и
прилагательныхъ (dux fortis hostes timidos vicit или milites au-

daces oppidum contra hostes defenderunt), а слѣдуетъ пользоваться историческимъ матеріаломъ изъ разобранныхъ статей и составлять предложенія, напр., подобныя: Graeci Trojam decem annos oppugnauerunt; Hector Priami filius patriam fortissime defendit. Hannibal, cum apud Zamam a Scipione victus esset, pacem fecit.

Ничто не радуется и не поощряетъ ученика больше сознанія, что онъ можетъ почти охватить духовнымъ взоромъ цѣлую область жизни, и что его знанія для него уже не безполезны. При искусной постановкѣ вопросовъ и руководствѣ учителя онъ не настолько замѣчаетъ неполноту своихъ знаній, что это могло бы лишить его бодрости, и самые пробѣлы, чѣмъ дальше, тѣмъ больше пополняются.

Эти упражненія уже въ первомъ классѣ служатъ переходомъ къ различенію легко усвоиваемыхъ синонимовъ, напр., hostis — inimicus; arma — tela; facilis — levis; difficilis — gravis; regnare — regere; во 2-омъ классѣ: jus — fas; oppidum — urbs; oratio — sermo; videre — cernere; tam — ita; contra — erga.

Если мы заботимся о томъ, чтобы облегчить работу памяти учениковъ, связывая слова съ предметами, то это даетъ намъ поводъ сдѣлать еще шагъ впередъ и по примѣру почтеннаго стараго Orbis pictus представить учащимся и изображенія предметовъ. Почему бы въ самомъ дѣлѣ пользоваться наглядными средствами только съ 3—4 класса (историческія карты etc.), а не съ младшаго, хотя бы въ ограниченномъ объемѣ. Почему бы ученику 1-го или 2-го класса не показать изображенія гомеровскаго героя, римскаго солдата, vallum, turris, templum и т. д. Вѣдь обо всемъ этомъ онъ при поступленіи въ школу не имѣетъ никакого представленія и, читая объ этомъ, не знакомясь съ предметомъ наглядно, онъ постепенно пріучается не связывать съ словомъ ровно никакого представленія, дѣлается поэтому столь равнодушнымъ, что наглядныя объясненія въ старшихъ классахъ являются запоздалыми и у многихъ не производятъ достаточно глубокаго впечатлѣнія, хотя бы и навязывались въ иллюстрированныхъ изданіяхъ классиковъ.

Еще одно. Ясно, что отъ описаннаго выше способа заучиванія и повторенія словъ только одинъ шагъ къ тому, чтобы говорить по латыни, лучше говоря, что латинскій разговоръ уже заключается въ этомъ способѣ. Отнимать у мальчика такъ естественно представляющійся къ латинскому разговору случай значило бы нарочно избѣгать его и такимъ образомъ отказаться отъ весьма полезнаго въ смыслѣ усвоенія языка средства, полезнаго особенно въ рукахъ прилежнаго и умѣлаго учителя*).

Преподаваніе по указанному способу нуждается въ подходящей книгѣ упражненій, которая должна заимствовать свой матеріалъ главнымъ образомъ изъ области древней исторіи и сказаній.**). Выборъ замкнутаго круга изъ близкой ребенку области***) возможенъ и полезенъ, пожалуй, при преподаваніи новыхъ языковъ, но становится неудобной фикціей въ книгѣ для изученія древнихъ языковъ и притомъ нарушаетъ связь съ читаемыми авторами какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Новымъ людямъ приходится говорить на латинскомъ языкѣ, новыя отношенія изображать въ старой формѣ, не говоря уже о томъ, что тутъ трудно избѣгнуть нелатинскихъ оборотовъ.

Всѣ отрывки должны переводиться въ школѣ сначала подъ руководствомъ и при помощи учителя, постепенно же все болѣе самостоятельно; переводъ для повторенія задается на домъ (самостоятельное — устное или письменное — приготовленіе уроковъ на дому исключается).****) Сначала учитель самъ медленно читаетъ предложеніе, заботясь о правильномъ произношеніи и логическомъ удареніи; чтеніе текста учениками допускается только послѣ окончательнаго разъяс-

*) «Тексты служатъ основою всѣхъ упражненій. Они переводятся, разбираются, пересказываются на латинскомъ языкѣ по вопросамъ, которые могутъ быть предлагаемы и по русски, и по латыни, переводятся обратно на латинскій языкъ и перефразируются, при чемъ, конечно, заучиваются слова, а также и цѣлыя изреченія и небольшія статьи».

**) См. С. Lattmann, die Verirrungen des deutschen und lateinischen Elementarunterrichts. Göttingen. 1892.

***) Такъ построена книга Meuser'a: Pauli Sextani liber.

****) «Въ двухъ низшихъ классахъ на домъ не задается никакихъ работъ, не только не разъясненныхъ, но, по возможности, и не разученныхъ въ классѣ, чтобы дома ученикамъ оставалось только утверждать въ памяти усвоенное въ классѣ».

ненія его по содержанію и формѣ; иначе никогда не будетъ читаться предложеніе, какъ таковое, а только отдѣльныя слова. Если разбирается связный отрывокъ, то этого при первомъ прохожденіи нужно расчленять на предложенія или иначе, смотря по требованію содержанія, и затѣмъ повторить какъ цѣлое. Особенно нужно заботиться о возбужденіи самодѣятельности учащихся, возбуждать въ нихъ охоту, самимъ преодолевать всѣ трудности, чтобы вызвать въ нихъ затѣмъ и чувство удовлетворенности при успѣхѣхъ и сознание роста духовныхъ силъ.

Это далеко не легкая задача. Учителю нужно большое умѣнье; ему не нужно нетерпѣливо порываться впередъ, а терпѣливо сопровождать учениковъ, взвѣсивая тщательно, гдѣ и какъ имъ нужно бы оказать помощь. Такъ разобранный матеріалъ задается для повторенія на домъ, послѣ котораго требуется бойкій, легкій переводъ и правильное, осмысленное чтеніе. Ученику нужно часто слышать чужой языкъ и при помощи уха выработать чувство языка. Въ этомъ отношеніи намъ многому нужно научиться отъ преподавателей родного языка въ народной школѣ. «Какъ много», говоритъ E. Förster (die allgemeinen Bestimmungen vom 15 October 1872. Berlin 1881), «зависитъ отъ хорошей рѣчи учителя! Ученики подражаютъ рѣчи учителя, говоритъ ли онъ быстро или медленно, сонно или живо, монотонно или отчетливо, ясно или неясно. Ни въ какомъ случаѣ не обнаруживается яснѣе, какъ сильно ученики походятъ на учителей. У каждаго учителя должна быть особая сила и внутреннее, вытекающее изъ любви къ дѣлу, побужденіе къ тщательному самонаблюденію въ этомъ отношеніи; онъ долженъ самъ себя дисциплинировать и не пренебрегать такъ называемыми мелочами. Малѣйшая небрежность въ этомъ отношеніи ведетъ къ тому, что учитель становится слѣпымъ по отношенію къ своимъ недостаткамъ и привыкаетъ къ обученію, недостаточность котораго другимъ бросается въ глаза съ перваго раза». Особенно строгимъ нужно быть при первоначальномъ преподаваніи, ибо прорѣхи его позднѣе исправляются только съ большой трудностью;

съ другой стороны, конечно, нужно остерегаться и того, чтобы хорошіе навыки не утратились на высшей ступени вследствие небрежности учителя.

Важными упражненіями являются конструированіе и обратный перевод.*) Къ первому нужно прибѣгать съ самаго начала; ученикъ рано долженъ упражняться въ томъ, чтобы понимать строеніе и содержаніе предложенія. Практически доказано, что въ латинскомъ текстѣ удобно отыскивать сначала сказуемое, потомъ подлежащее; при выборѣ перваго въ простыхъ предложеніяхъ трудно ошибиться, а нашедши его, легко ориентироваться въ мысли и опредѣлить остальные части предложенія. Какъ поступить при разборѣ сложнаго предложенія, относительно этого можно найти цѣнныя указанія въ названной книгѣ Ротфукса и въ его же книгѣ: „Bekanntnisse aus der Arbeit des erziehenden Unterrichts“ (стр. 50 и сл.). При чтеніи Непота и Цезаря уже легко замѣчается, какіе ученики основательно упражнялись въ конструированіи, которые — не упражнялись: первые спокойно охватываютъ цѣлое предложеніе и по твердымъ правиламъ увѣренно опредѣляютъ части его, даже въ трудныхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, при надлежащемъ руководствѣ со стороны учителя; вторые безпокойно хватаются то за ту, то за другую часть, постоянно прерываютъ переводъ, часто не могутъ сдѣлать ни шага безъ помощи учителя.

Что касается ретроверсін, то въ послѣднее время ею занимались меньше, чѣмъ прежде, думая, что она, главнымъ образомъ, служитъ выработкѣ умѣнья говорить, не требуемаго учебными планами. Дѣйствительно, это упражненіе способствуетъ и развитію этого умѣнья; но главное значеніе его лежитъ въ томъ, что оно обнаруживаетъ пониманіе содержанія и формы читаннаго и углубляетъ его болѣе свободнымъ способомъ повторенія, согласно старому правилу, что наше пониманіе растетъ по мѣрѣ того, какъ мы занимаемся предметомъ. Въ этомъ смыслѣ ретроверсія навсегда остается полезнымъ

*) См. выше примѣчаніе — выписку изъ объяснительной записки къ нашимъ учебнымъ планамъ, гдѣ также указывается на эти упражненія.

упражненіемъ и могла бы совершенно сдѣлать излишними переводъ спеціально для этой цѣли подобранныхъ фразъ и статей съ родного языка на латинскій. Во всякомъ случаѣ, учитель по отношенію ко всѣмъ учебнымъ пособіямъ, въ младшихъ классахъ особенно по отношенію къ книгѣ упражненій, долженъ занимать настолько свободное положеніе, чтобы иногда оставлять непереуведенными русскіе отрывки, а вмѣсто того заставлятъ переводить обратно или передавать въ свободной формѣ содержаніе латинскаго отрывка. Подробный разборъ латинскаго текста, конечно, долженъ предшествовать такому упражненію.

Что касается заучиванья наизусть,*) то полезно во всѣхъ классахъ заучивать не только поэтическіе, но и прозаическіе отрывки. Конечно, при этомъ нужно соблюдать мѣру, но самое упражненіе весьма важное подспорье при изученіи языка. Въ первыхъ двухъ классахъ, конечно, приходится ограничиваться заучиваніемъ сентенцій и маленькихъ разсказовъ. Первыхъ имѣется много простыхъ по формѣ и содержанію. Утвержденіе, будто такое раннее заучиваніе, такъ сказать, профанируетъ содержаніе — неправильно; напротивъ, при возрастающемъ общемъ образованіи учениковъ, интересъ этого матеріала возрастаетъ и онъ оказывается примѣнимымъ и при другихъ предметахъ образованія, напр., для углубленія историческаго пониманія.

Конечно, до заучиванія матеріалъ долженъ быть основательно разобранъ по формѣ и содержанію, и обращено достаточное вниманіе на выразительное чтеніе.

Согласно разъясненіямъ новаго учебнаго плана «письменные упражненія могутъ быть только классными», и такую же точку зрѣнія въ Германіи поддерживалъ одинъ изъ виднѣйшихъ гимназическихъ педагоговъ, проф. Шиллеръ. Такое постановленіе вызвано, вѣроятно, многочисленными злоупотребленіями. Но, замѣчаетъ Fries, — *abusus non tollit usum*. Задавать большое число парадигмъ или письменныхъ переводовъ

*) И это упражненіе указано въ нашихъ учебныхъ планахъ.

безъ предварительной подготовки — значитъ осудить ученика на механическую, бессмысленную работу или переутомлять его; но что говорить противъ того, чтобы фразы или отрывки, разобранные въ классѣ, дома еще разъ просматривались и переводились письменно? Не слѣдуетъ ставить слишкомъ низко дидактическое значеніе этихъ упражненій въ смыслѣ укрѣпленія знаній; а вѣдь именно на первой ступени всѣми средствами слѣдуетъ стремиться къ вѣрному и твердому усвоенію и примѣненію. Увеличеніе числа письменныхъ работъ вредно; но при изученіи чужихъ языковъ частыя, хотя бы краткія письменныя упражненія необходимы.

Экстемпоралии особенно подвергались нападеніямъ со всѣхъ сторонъ, такъ какъ они будто бы требуютъ чрезмѣрнаго напряженія и больше всего повинны въ переутомленіи дѣтей. Если у учениковъ нѣтъ хорошей подготовки, а для экстемпоралий задаются совершенно новыя задачи, требующія самостоятельной подготовки, то это можетъ быть; но если работа хорошо готовится, такъ чтобы она состояла въ сводѣ и повтореніи знакомаго, то всѣ жалобы неосновательны.

Говорили дальше, что учителя при оцѣнкѣ учениковъ слишкомъ односторонне руководились письменными работами; но при тѣсной связи устныхъ и письменныхъ упражненій это даже невозможно. И еслибы, дѣйствительно, нѣкоторые прилежные ученики въ началѣ не успѣвали въ экстемпоралияхъ, гдѣ должны соединяться быстрое воспріятіе и основательное обдумываніе, то при достаточномъ упражненіи это продолжается очень недолго. Во всякомъ случаѣ, новые учебные планы скорѣе разрѣшаютъ недостаточно, чѣмъ слишкомъ много. «На письменные переводы съ русскаго не слѣдуетъ посвящать цѣлаго урока», и это очень рационально, такъ какъ полные уроки утомляли бы дѣтей физически и умственно: напряженіе уменьшается къ концу урока, на что указываетъ возрастаніе числа ошибокъ. Дальше, учебные планы требуютъ, «чтобы для перевода предлагались такія русскія фразы и связныя статьи, которыя примыкали бы непосредственно къ тексту, читаемому и разбираемому въ данное время въ классѣ».

Классныя работы должны находиться въ тѣснѣйшей связи со всѣми вообще остальными упражненіями, вытекать изъ нихъ, такъ чтобы они взаимно пополняли и укрѣпляли другъ друга. Чтобы служить окончательной провѣркой достигнутаго умѣнья, нужна терпѣливая подготовка при участіи всего класса. Учитель равенъ сѣятелю; онъ долженъ дожидаться созрѣванія, но всѣми силами и средствами способствовать созрѣванію; классная письменная работа не единственный, но одинъ изъ весьма важныхъ плодовъ его работы. Смотря по болѣе или менѣе удовлетворительнымъ результатамъ, онѣ могутъ служить и для критики самого учителя, его ревности, основательности, умѣнья.

Важны еще два обстоятельства. Классная работа есть провѣрка приобрѣтеннаго знанія и умѣнья, но было бы ошибочно нарочно затруднять работу, отыскивать рѣдкія формы и выраженія; въ этомъ случаѣ работа будетъ полезна только для немногихъ. Вотъ въ этихъ работахъ въ первомъ классѣ не слѣдуетъ начинать слишкомъ рано, когда классъ еще не усвоилъ достаточнаго количества знаній и еще не достаточно дисциплинированъ, т. е. приученъ къ вниманію, порядку и опрятности. Для этого нуженъ, по крайней мѣрѣ, одинъ мѣсяць.

При исправленіи работъ нужно быть строгимъ и последовательнымъ; возвращая тетради, нужно разобрать каждое предложеніе, указывать на надлежащій выборъ словъ, расположеніе словъ и т. д., часто указывать на правильную формулу. При этомъ разборѣ должны привлекаться все ученики, и особенно слабѣйшіе; важныя частности должны твердо усваиваться путемъ произношенія хоромъ и съ помощію наглядныхъ пособій.

Прусскіе учебные планы требуютъ, чтобы учителя не затрудняли учащихся тонкостями произношенія. Важно только, чтобы учитель, самъ правильно произнося, приучалъ учениковъ къ правильному произношенію, и вовсе не требуется теоретическихъ наставленій. Особенно важно правильное произношеніе гласныхъ, въ виду будущаго чтенія поэтовъ. Практикой достигается и правильное письмо латинскихъ словъ.

«Добрый молодецъ» и «Красная дѣвица» въ пѣсняхъ Кольцова.

Н. Марковъ, Елисаветградъ.

Кольцовъ по преимуществу поэтъ деревни. Небольшое число его произведений, выходящихъ изъ круга этого содержания, равно какъ и его думы, не прибавляютъ ничего къ значенію и оригинальности нашего поэта крестьянской среды и деревенской природы. Стремленіе разрѣшить въ лирической формѣ возникавшіе порою въ душѣ поэта нравственные и религіозные вопросы у Кольцова, въ большинствѣ случаевъ, остается только стремленіемъ. Умъ его обыкновенно смолкалъ подъ бременемъ его думъ и успокаивался или въ тихой молитвѣ, или въ благоговѣйномъ сознаніи человѣческаго ничтожества передъ вѣчными тайнами бытія.

О, гори, лампада,
Ярче предъ Распятьемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!

Такъ заканчиваетъ Кольцовъ свое стихотвореніе «Великая тайна», а стихотвореній этого тона у него не мало. Въ нихъ поэтъ какъ бы переставалъ быть самимъ собой. Пѣсня его смѣнялась думой, поэтическое воодушевленіе размышленіемъ, точность и ясность — неопредѣленностью, пластически образный языкъ — искусственностью; самый складъ стихотворной рѣчи, часто нарушающій въ пѣснѣ требованія грамматики и просодіи, смѣнялся строгимъ ритмомъ и изъ естественнаго и

простого переходилъ въ торжественный и риторическій. Біографія поэта въ достаточной степени разъясняетъ появленіе его думъ указаннаго содержанія. Въ сатирико-элегическомъ посланіи къ А. П. Серебрянскому Кольцовъ говоритъ о себѣ, — каковъ онъ поэтъ теперь и какимъ бы онъ могъ быть при другихъ обстоятельствахъ. «Теперь я самъ собой поэтъ» пишетъ онъ своему другу, и въ этомъ «самъ собой» звучитъ горестная нота сожалѣнія о маломъ просвѣщеніи и тяжелой обстановкѣ, въ которой дарованіе поэта, какъ ему самому казалось, не развилось въ должной степени.

«Что жъ дѣлать! я такой поэтъ,
Что на Руси смѣшнѣе нѣтъ»,

говоритъ онъ въ томъ же посланіи, и въ этихъ словахъ не одна лишь авторская скромность, но и дѣйствительное сознаніе своего исключительнаго положенія въ ряду поэтовъ его времени. Удовлетворяло ли нашего поэта это сознаніе и въ чемъ, наконецъ, заключалась эта исключительность? Оставляя первый вопросъ біографамъ Кольцова, мы отвѣчаемъ на второй. Оригинальность Кольцова выразилась въ новизнѣ темъ, поставленныхъ имъ въ русской литературѣ и въ художественномъ исполненіи невиданныхъ дотолѣ картинъ. Это были темы живой дѣйствительности, а краски для картинъ взятыя у самой природы. Въ этомъ смыслѣ позволяемъ мы себѣ толковать выраженіе Кольцова: «я самъ собой поэтъ». Дѣйствительно, съ содержаніемъ своей поэзіи онъ стоялъ особнякомъ между современными ему писателями. Слащавый тонъ псевдо-народныхъ пѣсенъ предшественниковъ Кольцова не могъ отнять у него значенія первенства и низвести его въ ряды продолжателей.

Слѣдовательно, вся сила и значеніе нашего поэта заключаются въ томъ, что онъ въ общее содержаніе русской литературы внесъ новые мотивы, представилъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ житье-бытье русскаго крестьянина и сдѣлалъ его предметомъ литературной работы и общественной мысли, а самъ сталъ преимущественнымъ пѣвцомъ русской деревни.

Но, изображая русскую деревню, Кольцовъ не касается социальныхъ условій ея жизни, онъ не беретъ сюжетовъ изъ отношеній ея коренныхъ обитателей къ другимъ лицамъ, напริมѣръ, къ помѣщику, или къ поставленной въ деревнѣ власти; даже отношенія деревни къ городу у него не составляютъ особаго содержанія и упоминаются только вскользь. Онъ не говоритъ о крестьянствѣ, какъ о единицѣ государственнаго сословнаго дѣленія и, если затрогиваетъ его политико-экономическое положеніе, то не съ принципиальной какой либо точки зрѣнія, какъ это можно наблюдать у писателей позднѣйшаго времени, а какъ непосредственный наблюдатель, воспроизводящій положеніе дѣла такъ, какъ оно есть. Вслѣдствіе этого, изображеніе дѣйствительности у Кольцова не впадаетъ въ ту или другую крайность и не страдаетъ односторонностью.

Въ крестьянской средѣ Кольцовъ наблюдаетъ не особенности характера личности, не детальныя подробности различныхъ проявленій духа; онъ даже не даетъ полныхъ біографій своихъ героевъ, рѣдко называетъ ихъ собственными именами, а говоритъ о нихъ какъ объ общихъ образахъ. Только въ поэтизаціи движеній молодого сердца онъ погружается въ анализъ этихъ движеній и указываетъ ихъ различныя направленія. Вслѣдствіе этого, его образы имѣютъ значеніе типичныхъ представителей среды. Возьмите его «Пѣсню пахаря», «Крестьянскую пирушку», «Что ты спишь, мужичекъ» и проч.: вездѣ вы увидите цѣльные образы съ ихъ достоинствами и недостатками; это даже нормальные типы въ собственныхъ положеніяхъ.

Не смотря на то, что Кольцовъ по складу своего дарованія, преимущественно, поэтъ лирической, онъ умѣетъ, гдѣ нужно, удержать ноту эпическаго повѣствованія и остается вполне объективнымъ наблюдателемъ среды. Близко знакомый съ обиходомъ жизни селянина, онъ даетъ небольшой, но тѣсный рядъ живыхъ образовъ, изъ которыхъ каждый говоритъ самъ за себя. Вотъ предъ нами крестьянинъ-пахарь, вышедшій на свою десятину съ первымъ свѣтомъ красавицы зорьки, слуга и хозяинъ своей покорной сивки. Онъ бодръ и веселъ за сво-

имъ трудомъ, полный надежды отдохнуть лѣтомъ на снопахъ тяжелыхъ, глубоко удѣжденный въ томъ, что Богъ уродитъ ему хлѣбъ — его богатство. Вотъ цѣлая деревня, съ трепетомъ и молитвой ждавшая Божьей милости. Она вся на богатой нивѣ въ страдную пору. Люди семьями принялися жать, косить подъ корень рожь высокую. Вотъ передъ нами крестьянская семья, принимающая по обычаю и вѣжеству пріѣхавшихъ гостей. Каждый за своимъ дѣломъ. Хлѣбосолюю нѣтъ границъ: молодая жена съ чашей горькаго, самъ хозяинъ съ брагой хмѣльной, а хозяйская дочь съ медомъ сыченымъ. На столѣ куръ, гусей, пироговъ, ветчины блюда полныя. Рады хозяева, довольны и гости. Они пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ про хлѣба, про покосъ, про старинушку. Но рядомъ съ ними мы видимъ у Кольцова и другіе образы изъ той же деревни. Вотъ сельскій староста, отецъ Грунюшки. Онъ богатъ; его домъ чаша полная, но сердце его чуждо другихъ движеній, кромѣ стремленій къ наживѣ. Вотъ и тотъ лѣнливый мужичекъ, который проспалъ въ безпечности и весну и лѣто. Голосъ совѣсти, правдивые упреки приводятъ на память ему прожитое время, какъ катилось оно золотою рѣкой. Вотъ мельникъ Иванъ Кузмичъ, колдунъ и чародѣй. Къ нему собирается добрый молодецъ снести двѣ четверти ржи, чтобы помощью чаръ его привлечь къ себѣ вниманіе «завѣтной» дѣвицы.

Такъ встаютъ передъ нами вызванные геніемъ поэта въ яркихъ очертаніяхъ образы русской деревни. Не много, правда, этихъ образовъ найдемъ мы у Кольцова. Но гдѣ ихъ взять больше изъ того міра, въ которомъ надобно «сидѣть дома, работать, съ женой хозяйничать, ребятишкамъ сказки сказывать».

Тѣмъ не менѣе это не всѣ образы взятой нами среды: между ними недостаетъ тѣхъ, на которыхъ слѣдуетъ остановиться подробнѣй, кого полише рисуетъ самъ поэтъ; между ними нѣтъ тѣхъ, кого съ издавнихъ лѣтъ русскій народъ типично зоветъ «добрымъ молодецъ» и «красной дѣвицей». Къ этимъ образамъ переходимъ мы, желая дать имъ изъ пѣсенъ Кольцова общую характеристику.

Молодость, какъ въ представленіи отдѣльнаго лица, такъ и въ представленіи народномъ является лучшею порою жизни человѣка. Съ точки зрѣнія физическаго возрастанія человѣка — это время здоровья, бодрости и стройности организма; это время яркаго цвѣтенія и красоты. Народные эпитеты: «добрый» молодецъ и «красная» дѣвица говорятъ сами за себя. Въ пѣснѣ Кольцова говорится: «ахъ прошли, прошли наши красные дни!» и такъ говорится про минувшую молодость. Эти красные дни такъ же понятны, какъ понятны — солнце красное, весна красна и проч.

Замѣтимъ, что и мать въ своей колыбельной пѣснѣ поетъ сыну про то, какимъ бы она желала видѣть его въ молодости; дальше этой желанной поры ея чувства и мысли не заходятъ, потому что за ней настанетъ время увяданія. Въ духовномъ развитіи человѣка молодость имѣетъ свои черты, свою особенность. Это пора возвышенныхъ стремленій, пора идеаловъ, чистыхъ и прекрасныхъ, какъ прекрасна сама молодость. Чувство человѣка, еще незагрубѣлое, отзывчивое и мягкое, преисполнено благородныхъ порывовъ. Сердце юноши не поддается безъ борьбы холоду расчетливаго разсудка; право разума еще не подчинило его себѣ; это чувство само есть право, не безъ пользы иной разъ указывающее путь разсудку. Въ одной изъ пѣсенъ Кольцова добрый молодецъ, оглядываясь на свое прошлое, спрашиваетъ:

Гдѣ ты, жизнь моя,
Радость милая!
Пылкой юности
Заря красная?

Сама народная мудрость снисходительно смотритъ на промахи молодости, она не заноситъ въ обвинительный актъ этихъ промаховъ, потому что «быль молодцу не укоръ».

Конечнымъ предѣломъ удалой молодости считается время предъ вступленіемъ добра молодца или красной дѣвицы въ бракъ. Съ женитьбою, равно какъ и съ замужествомъ, начинается новая жизнь, новыя заботы. То было время воли и свободы,

А теперь другая думушка
Грызеть сердце, крушить голову....
Какъ свою казну трудомъ нажить.

Не то разочарованіе, не то сожалѣніе о мелькнувшей молодости слышатся въ пѣсняхъ изъ перваго же времени послѣ женитьбы добра молодца. Этотъ же мотивъ находимъ мы и у Кольцова:

Какъ женился я, раскаялся,
Да ужъ поздно, дѣлать нечево:
Обвѣчавшись, не разженишься,
Наказаль Господь, такъ мучайся.

Еще болѣе горечи въ словахъ молодой женщины, которая поетъ:

Для того ли молодость
Соблюдали, нѣжили
За стекломъ, отъ солнышка
Красоту лелѣяли,
Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ
Горевала, плакала!

Неудивительно послѣ того, что въ представленіи славянскихъ народовъ существуетъ соотношеніе между бракомъ съ одной стороны, и смертью, съ другой. «Барвинокъ, говоритъ Костомаровъ, зелье свадебное — сѣдится и на могилахъ, можетъ быть, по причинѣ той таинственной связи, которую славянскіе народы находятъ между бракомъ и смертью.»

Обратимся къ Кольцову и пополнимъ его словами характеристику молодости, какъ поры человѣческой жизни.

Молодость это пора золотая. Время ея поэтъ сравниваетъ съ короткимъ временемъ соловьиного пѣнія. Она проходитъ быстро, какъ быстро смолкаетъ пѣсня этого пѣвца весны.

Словьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла —
Пора золотая
Была, да сокрылась.

Въ другомъ мѣстѣ поэтъ время юности опредѣляетъ еще короче. Не одно-ль мгновенье, говоритъ онъ,

И веснѣ и юности.

Быть можетъ, эта краткость переживаемаго молодостью времени вызываетъ со стороны сѣдой старости слѣдующій совѣтъ:

Поспѣшайте жь, юноши,
Наслаждаться жизнью,
Отпируйте въ радости
Праздникъ вашей юности!

Но этотъ «праздникъ юности» не разгулъ, не праздность и не пиршество до самозабвенія. Этотъ совѣтъ старца не къ тому, чтобы потратить

Молодую жизнь до времени,
чтобы потомъ не сказать себѣ:

До чего ты, моя молодость,
Довела меня, домыкала.

Молодость богата своими духовными качествами: у нея много думъ въ головѣ, много въ сердцѣ огня. Эти качества должны быть направлены на дѣло, на работу жизни, которая, какъ извѣстно, предлагаетъ не одни только наслажденія,

Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать.

Въ этихъ словахъ поэта мы слышимъ назидательный урокъ молодости, совѣтъ, оберегающій ее отъ позорнаго малодушія при встрѣчѣ съ жизненными невзгодами, которыхъ можетъ быть не мало, ибо «жизнь прожить — не поле пройти за сохою».

Обратимся теперь къ характеристикѣ образовъ русской деревенской молодости по пѣснямъ Кольцова.

Внѣшній образъ добра молодца простъ и выразителенъ. Красота его проявляется, прежде всего, въ силѣ и удали. Это красота рѣзкая и могучая; черты ея не сглаживаются переживаниями тѣней, ея сила въ цвѣтущемъ здоровьѣ и въ физической крѣпости. Кольцовъ называетъ добра молодца «дѣти-нушкой», «удальцомъ», «яснымъ соколомъ». Наилучшее вы-

раженіе красоты молодца мы находимъ въ «Косарѣ». Молодой косарь, отправляясь на чужую сторону, поетъ про себя:

У меня ль плечо	Кровь отцовская
Шире дѣдова,	Въ молоко загла
Грудь высокая	Зорю красную.
Моей матушки.	Кудри черныя
На лицѣ моемъ	Лежать скобкою.

Это русская красота — кровь съ молокомъ. Въ ней за-
таилась сила богатырская, по-истинѣ, «мочь желѣзная». Это
богатырь, который зоветъ на бой съ собою грозу, вѣтеръ,
тучу, который готовъ ринуться на встрѣчу грозной стихіи:

Выходи ты, туча,	Молодецъ удалый
Съ страшною грозою,	Соловьемъ засвищетъ...
Обойми свѣтъ бѣлый;	Что ему дорога —
Закрой темною!	Тучи громовыя!...

Самый складъ стиха, краткость рѣчи въ отдѣльных
сильныхъ предложеніяхъ, которыми Кольцовъ рисуетъ своего
героя, вполне соотвѣтствуютъ рѣзкимъ чертамъ красоты
молодца.

Цѣлую группу молодыхъ друзей изображаетъ поэтъ въ
стихотвореніи «Поминки»; они собрались подъ тѣнью роскош-
ныхъ кудрявыхъ березъ.

Могучая сила	По небу блестять.
Въ душѣ ихъ кипить,	Шумна ихъ бесѣда
На блѣдныхъ ланитахъ	Разумно идетъ;
Румянецъ горить.	Роскошная младость
Ихъ очи, какъ звѣзды	Здоровьемъ цвѣтеть.

Ловокъ и пластически красивъ добрый молодецъ и за
своимъ крестьянскимъ дѣломъ на степи раздольной съ своей
косой острою, когда говорить себѣ:

Разсудишь, плечо,	Ты пахни въ лицо,
Размахнись, рука!	Вѣтеръ, съ полудня!..

Сила — это дѣйствительно «таланъ» молодца, которымъ
онъ живетъ, оберегаетъ себя. «Вмѣстѣ съ бѣдностью» при-
знается онъ,

Далъ мнѣ батюшка

Лишь одинъ таланъ: —

Силу крѣпкую.

Такой образъ, напоминающій иной разъ образъ былиннаго богатыря, могъ только родиться и воспитаться на вольной деревенской природѣ. Она вскормила его живительными соками, убрала его своими яркими красками и вдохнула въ него силу, какъ бы заботясь о немъ въ его трудѣ на нивѣ колосистой.

Съ тѣми же чертами естественной красоты въ гбсняхъ Кольцова является и русская красная дѣвица:

Лице бѣлое,

Заря алая,

Щеки полныя!

Грустная дума омрачаетъ это лицо, но не смѣняетъ ея красоты:

Стоитъ она, задумалась!

Дыханьемъ чарь обвѣяна,

Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ.

Вмѣстѣ съ силою и физическою красою въ добромъ молодцѣ живетъ его удаль. Приложение силы и физической энергіи добра молодца, равно какъ и дѣятельности красной дѣвицы, происходитъ, прежде всего, такъ сказать, у себя дома, въ родной семьѣ, за крестьянской работой. Въ образѣ косаря мы видѣли этого добраго молодца на раздольной степи, съ косою, острою во всей красотѣ его крестьянскаго дѣла. Но это дѣло обычное, въ немъ нѣтъ подвига, и доброму молодцу оно кажется слишкомъ обыкновеннымъ и прозаичнымъ. Въ пору полного разцвѣта молодыхъ силъ онъ не удовлетворяется этимъ дѣломъ. Молодость ищетъ чего то другого —

Такъ и рвется душа

Изъ груди молодой.

Хочетъ воли она,

Просить жизни другой!

Этотъ-то порывъ силы, это стремленіе выйти изъ круга обыденности и обычая въ крестьянскомъ добромъ молодцѣ выражается въ его удали. Въ народѣ удалство признается какъ качество положительное, возвышающее челоуѣка и украшающее его нравственное существо. Это проявленіе духа и

физической энергіи, заключающее въ себѣ общія психологическія основанія, въ русскомъ удалцѣ имѣеть свое историческое объясненіе. Кромѣ того, самый просторъ русской равнины съ ея открытымъ безграничнымъ небомъ занимаетъ въ этомъ объясненіи не послѣднее мѣсто. «Здѣсь ли не быть богатырю, говоритъ Гоголь, когда есть мѣсто, гдѣ пройтись и развернуться ему».

Итакъ, удалецъ ищетъ себѣ другого поприща для своей силы; трудъ крестьянина ему представляется, въ данномъ случаѣ, ниже его.

Мнѣ ли молодцу
Разудалому
Зиму зимскую
Жить за печкою?

Мнѣ ль поля пахать,
Мнѣ ль траву косить,
Затоплять овинь,
Молотить овесъ?

Куда же стремится эта душа? чего она просить? Стремится она къ волѣ, просить личной, безграничной свободы, чтобы проявить свой порывъ, избытокъ физической силы въ подвигѣ. У него, какъ у богатыря, сила по жилочкамъ такъ живчикомъ переливается; она влечетъ его несдержимо. Предъ нимъ рисуется картина разбоя, въ которой онъ главное дѣйствующее лицо; онъ упивается своимъ подвигомъ и расходуетъ свою силу. Ловкій и статный на своемъ добромъ конѣ, съ булатнымъ ножомъ, гуляетъ онъ въ темныхъ лѣсахъ и ждетъ добычу.

Снаряжу коня,
Наточу булатъ,
Затяну чекмень,
Полечу въ лѣса.

Не таковъ ли и тотъ добрый молодецъ, которой въ известной народной пѣснѣ готовится держать отвѣтъ передъ грознымъ судьей — самимъ царемъ. Таковъ и тотъ братъ разбойникъ, который у Пушкина рассказываетъ о своихъ подвигахъ. Однако дальше этого параллель между удалыми разбойниками и удалцомъ Кольцова не простирается. У первыхъ двухъ разбой — конечная цѣль; у второго только мечта, только одинъ порывъ. Сила сильнѣйшая подавляетъ въ немъ

неразумное желаніе и онъ отыскиваетъ своему порыву иной исходъ. Добрый молодецъ Кольцова вспомнилъ о грѣхѣ. Правственное и религіозное начало беретъ верхъ и удалецъ, отказавшійся отъ низменнаго, по его мнѣнію, крестьянскаго дѣла, идетъ туда, гдѣ можно въ честномъ бою сложить голову

За царевъ законъ

За крещенный міръ.

Въ этомъ смыслѣ добрый молодецъ Кольцова приобретаетъ особенное значеніе, и его мысль о законѣ и крещенномъ мірѣ есть великая мысль служенія родинѣ и обществу.

Юность есть періодъ неопредѣленныхъ мечтаній, естественный, но опасный, требующій со стороны старшихъ, если не радикальнаго излѣченія, то во всякомъ случаѣ внимательнаго наблюденія. Этотъ періодъ можетъ быть бурнымъ: тогда онъ выражается въ созиданіи, конечно, несбыточныхъ плановъ, въ стремленіи къ самодѣятельности, для которой не существуетъ преградъ. Этотъ же періодъ можетъ быть и тихимъ: тогда онъ выражается въ мрачномъ погруженіи юноши въ самага себя, въ созерцаніи своего внутренняго міра и можетъ привести къ печальному исходу. Это явленіе находится въ связи съ фізіономическими законами. Тотъ же періодъ неопредѣленныхъ порывовъ находимъ мы и въ добромъ молодцѣ Кольцова. Куда рвется его душа? Почему «дома жить значить свою молодость ни на что губить?» На это мы не получаемъ яснаго отвѣта. Правда, въ одномъ мѣстѣ соколу, у котораго крылья связаны, «на свѣтъ глядѣть хочется, облетѣть его душа просится». Но какое содержаніе хочетъ дать молодецъ своей жизни внѣ дома, — мы не знаемъ. Заключительныя строки «Думы сокола» также не ясны;

Со двора пойду,

Куда путь манить.

А жить стану тамъ,

Гдѣ ужъ Богъ велить!

Эта неудовлетворенность, это исканіе выхода близки къ тому, что въ интеллигентномъ обществѣ и въ художественной литературѣ называется разочарованіемъ.

Иногда же это стремленіе къ волѣ является у нашего добра молодца въ болѣе рѣшительномъ выраженіи и сказывается въ порывѣ дѣйствительнаго трагизма. Молодецъ, которому судьба подрѣзала быстрыя крылья соколиныя, восклицаетъ:

Гой ты сила пододонная!
Отъ тебя я службу требую:
Дай мнѣ волю, волю прежнюю,
А душой тебѣ я кланяюсь!

Что это за сила пододонная, которой добрый молодецъ душою кланяется? Мотивъ извѣстный! Сила пододонная — это темная сила, существо демоническое, у котораго цѣною души можно купить прежнюю молодость, красоту и наслажденіе жизнью въ ея матеріальномъ содержаніи.

Но этотъ періодъ душевнаго состоянія проходитъ; охлаждаются чувства жаркія, смолкаютъ рѣчи вольныя или же принимаютъ иное содержаніе. Ихъ смѣняютъ новыя желанія, новыя думы. Эти думы про житье-бытье домашнее. Наступаетъ новая пора жизни, тотъ переходъ къ сознательному труду, который объясняется, прежде всего, смѣною одного возраста другимъ. Недавнее прошлое удалой молодецъ предастъ забвенію и прощается съ нимъ навсегда.

Ты прости, прощай,
Сырѣ дремучій боръ
Съ лѣтней волею,
Съ зимней выгою!
Одному съ тобой

Надобло жить...
Поднимусь, пойду
Въ свою хижину,
На житье — бытье
На домашнее.

Своя хижина, семья — вотъ начало новой жизни, гдѣ, можетъ быть, нѣтъ прежняго простора силамъ, гдѣ нѣтъ мѣста для широкаго полета юношеской мечты, такъ какъ эта сфера жизни тѣснѣе и опредѣленнѣе, но за то здѣсь мѣсто производительному труду, мѣсто мирнымъ завѣтнымъ думамъ.

Легко было замѣтить, что удалъ Кольцовскаго добра молодца есть естественное проявленіе молодости, но это качество внѣшней природы не подавляетъ въ немъ, однако, нравственнаго начала, а, напротивъ того, само готово служить благо-

роднымъ дѣлямъ души. Она не овладѣваетъ молодымъ всецѣло и свободно переходитъ къ покою въ житѣ — бытѣ домашнемъ.

Обратимся къ нравственнымъ качествамъ молодца и дѣвицы и посмотримъ, какими движеніями живетъ душа этихъ представителей крестьянской молодежи.

На первомъ планѣ, въ этомъ случаѣ, надобно поставить то непосредственное религіозное чувство, которое внушается крестьянину всей обстановкой его жизни, которое сопровождаетъ его съ малыхъ лѣтъ до могилы. Стихійныя силы природы, отъ дѣйствія которыхъ такъ или иначе зависитъ благосостояніе крестьянина, грандіозныя явленія ея, производящія неотразимыя впечатлѣнія на душу, дѣйствуютъ на крестьянина то возвышающимъ, то подавляющимъ образомъ. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ крестьянинъ не забываетъ Бога. «Громъ не грянетъ — мужикъ не перекрестится»; эта не совсѣмъ къ чести русскаго мужика сложенная пословица, тѣмъ не менѣе, свидѣтельствуетъ о томъ же религіозномъ созерцаніи, съ которымъ онъ относится къ атмосфернымъ явленіямъ. Хорошій дождь въ пору крестьянинъ такъ и называетъ благодатью. Слѣдовательно, религіозное чувство внушается нашему крестьянину изъ стари самою природой. Съ нимъ же, съ этимъ чувствомъ, начинаютъ и проводятъ свои работы «люди сельскіе». Отдавая свои зерна землѣ, крестьянинъ уповаетъ на милость Божию. Молча и покорно ожидаетъ онъ урожая на своей нивѣ. Его хлопоты были закинута въ землю кормилицу ржицу,

А тамъ Богъ уродитъ,

Микола подсобитъ

Собрать хлѣбецъ съ поля.

И во всей полевой работѣ малый не отстаётъ отъ стараго и дѣлается свидѣтелемъ молитвы отца. Тутъ чувство религіозное передается непосредственно, оно воспитывается въ домашней жизни и закрѣпляется видимыми дѣйствіями. И въ добромъ молодцѣ религія становится много сдерживающею и направляющею его рѣшенія. Она охраняетъ его отъ простука,

согрѣваетъ его сердце и не даетъ угаснуть въ немъ чувству человѣчности даже въ тотъ моментъ, когда онъ доходитъ до возможности потери надъ собою власти. Мы уже видѣли добраго молодца въ рѣшимости итти на разбой, въ немъ уже созрѣли первыя мысли:

Оберу купца,
Убью встрѣчнаго
Мужика — глупца
За желѣзный грошъ.

Но въ ту же минуту у него мелькнула другая мысль; онъ вспомнилъ о Богѣ, о людяхъ, объ отвѣтѣ за свои дѣла.

Но не грѣхъ ли мнѣ
Будеть отъ Бога
Обижать людей
За ихъ доброе —

говорить онъ самому себѣ; и это движеніе его души становится высшимъ, сильнѣйшимъ движеніемъ. Добро побѣдило зло. Религія спасла молодца, и онъ отказывается отъ страшной мысли.

Въ деревнѣ постояннымъ и главнѣйшимъ авторитетомъ нравственности и духовнаго начала является священникъ. Онъ учитель сельскаго населенія, и слово его неоспоримое правило истины: оно исходитъ изъ ученія божественнаго. Не забылъ церковной проповѣди своего священника и нашъ добрый молодецъ — «удалая башка». Онъ вспомнилъ, какъ

Въ церкви попъ Иванъ
Міру гуторить,
Что душой за кровь
Злодѣй платится.

Итакъ, вопросъ о душѣ не забыть «удалою башкою», этотъ вѣчный, великій вопросъ народовъ.

Это же религиозное чувство и непосредственное, живое пониманіе вѣры заставляеть добраго молодца любить свою жизнь и дорожить ею, которая у другихъ народовъ или въ иныхъ слояхъ нашего общества ставится ни во что. Горькая доля, кручина, можетъ изсушить, какъ говорится въ пѣсняхъ,

добра молодца, но самъ онъ насильственно съ своей жизнью не разстанется и на себя руки не подниметъ. Отчаянія, паденія духа, презрѣнія къ жизни у крестьянскаго сына нѣтъ. Въ безысходномъ горѣ онъ говоритъ:

Нѣтъ силъ — усталъ я
Съ этимъ горемъ биться;
А на свѣтъ посмотришь,
Жалко съ нимъ проститься!

Въ другомъ мѣстѣ молодецъ Кольцова, отыскивая себѣ исходъ изъ томящаго горя, говоритъ:

Погубить себя? не хочется!

Это не дряблость характера, не малодушіе; напротивъ, это великая сила, воспитанная религіей. Ободрившись онъ вызываетъ себя изъ этого тяжелаго душевнаго состоянія и говоритъ молодости:

Размахни крылами,
Можетъ, наша радость
Живетъ за горами.

Если же этой радости нѣтъ и за горами, молодецъ не падаетъ духомъ по прежнему и заключаетъ словами:

Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся.

Это ли не герой духа, побѣдитель тьмы?

То же религіозное чувство мы видимъ и у красной дѣвицы. Удалицу приглянулась дѣвушка-красавица, дочка гостя новгородскаго; онъ говоритъ ей:

... ты кинь отца,
Ты бѣги ко мнѣ изъ терема,
Мы съ тобою птицы вольныя.

Что же отвѣчаетъ ему дѣвица?

За любовь твою, мой милый другъ!
Рада кинуть отца съ матерью,
Но боюсь суда я страшнова.

Дѣвушка вѣритъ, что бѣгство изъ дома родительскаго, что бракъ неосвященный церковью преступны, а для грѣшника страшнѣе послѣдній судъ. Вѣра крестьянина — живая,

дѣятельная вѣра; она освящаетъ его трудъ и сама проявляется въ его работѣ: гдѣ отсутствуетъ трудъ, тамъ наступаетъ царство злого духа, и у лѣниваго мужика

Изъ клѣтѣй домовой
Соръ метлою посмель.

Съ трудомъ же и молитвою счастье жизни обеспечено, потому что

Кто у Бога просить,
Да работать любить,
Тому невидимо
Господь посылаетъ.

Тѣсная связь съ родиной, любовь къ домашнему очагу, традиціонно унаслѣдованная отъ стариковъ, является у молодца другимъ важнымъ качествомъ его души.

Живая связь русскаго народа съ землею, которую онъ называетъ матерью-кормилицей, передана ему изъ временъ отдаленныхъ; условія же родового быта дали семьѣ значеніе священнаго начала. Въ родину, равнымъ образомъ какъ и въ семью, нѣтъ счастья и жизни въ производительномъ, свободномъ трудѣ. Тѣ временныя отклоненія отъ этого бытового принципа, которыя мы иногда замѣчаемъ въ жизни добраго молодца, объясняются влеченіемъ его молодаго сердца и жаждой подвиговъ до тѣхъ поръ, пока не угаснетъ огонь въ его крови. Родина, какъ хранительница старины, дорога нашему молодцу сама по себѣ. Она противопоставляется «чужой, дальней сторонѣ» такъ, какъ нѣчто положительное противопоставляется отрицательному, свѣтлое темному.

Въ чужихъ людяхъ вѣкъ домаять ли?

Сидя дома-ли состарѣться?

спрашиваетъ себя добрый молодецъ и въ его вопросѣ чувствуется разница между понятіями о чужихъ людяхъ, у которыхъ надо вѣкъ свой маять, и о домѣ, гдѣ можно покойно дожить до старости.

Кольцовъ, отмѣчая это качество своего героя, рисуетъ его внутреннюю жизнь полнѣе на чужой сторонѣ, чѣмъ у себя дома. Это вполне понятно. Вдали отъ родины крестъ-

янинъ на службѣ въ качествѣ батрака, наймита; онъ одинокъ, безъ ласки и привѣта, чужой для всѣхъ и чуждый самъ всего окружающаго, кромѣ своей работы. Но и тѣ, сравнительно немногія, указанія на отношенія добра молодца къ родинѣ, которыя мы встрѣчаемъ у Кольцова въ его пѣсняхъ, достаточны для того, чтобы по нимъ судить объ этомъ чувствѣ безъ параллели съ горемъ молодца на чужой сторонѣ. Косарь, уходя къ «Морю Черному» чтобы заработать себѣ золотую казну, прощается прежде всего съ своимъ селомъ.

Ты прости — прощай,
Село родное,

говорить онъ и, прощаясь съ нимъ вторично, прибавляетъ:

Ты прости, село,
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ.

Въ этихъ дальнихъ краяхъ другой молодецъ слушаетъ пѣніе соловья, но онъ готовъ отказаться отъ этого удовольствія и отсылаетъ залетнаго пѣвца на свою родину:

Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ,
Улети ты въ лѣса
Въ лѣса моей родины,

а на родинѣ онъ оставилъ свои думы и свое чувство, чтобы вернуться къ нимъ, когда придетъ время.

Отрицательными, но трогательными чертами рисуетъ Кольцовъ положеніе добра молодца на чужой сторонѣ; его жизнь здѣсь укладывается въ тѣсныя рамки работника, житье котораго, какъ извѣстно, не роскошество. Съ горестью въ сердцѣ говоритъ молодецъ объ этомъ житьѣ въ слѣдующихъ словахъ:

У чужихъ людей	Рѣчи вольныя
Горекъ бѣлый хлѣбъ,	Все какъ связаны,
Брага хмѣльная	Чувства жаркія
Не размычига;	Мрутъ безъ отзыва.

На чужой сторонѣ нужна сила, кровь горячая, воля безотмѣнная. Такъ говоритъ добрый молодецъ, и въ словахъ его

полная характеристика того, что значить «по людямъ ходить, за море плыть».

Съ представленіемъ о родинѣ тѣсно связано представленіе о семьѣ, о томъ домашнемъ житьѣ-бытьѣ, о которомъ мы упоминали выше. Въ родной хижинѣ, какъ это было видно, въ семьѣ идеаль счастья нашего молодца. Многолюдныя семьи въ крестьянскомъ быту всегда пользовались почетомъ и уваженіемъ. Старикъ крестьянинъ въ стихотвореніи «Размышленіе поселянина», одинокій въ своемъ трудѣ, но въ трудѣ тяжеломъ, свою жизнь сравниваетъ съ вышею возможностью благополучія, которое замѣчается только въ большой семьѣ:

Посмотришь — одинъ я
Батракъ и хозяинъ,
А живу чѣмъ хуже
Людей семьянистыхъ.

Слѣдовательно, семья и большая семья обезпечиваетъ прежде всего благополучіе жизни крестьянина. Виолнѣ естественна жалоба добра молодца, которую онъ высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ:

Нѣтъ у молодца Угла теплаго,
Золотой казны, Бороны, сохи,
Коня пахаря

и, кромѣ всего этого, «друга вѣрнаго» съ которымъ зимою лѣто жаркое, при бездожь «горе — не гòре».

Семья же была всегда хранительницей завѣтовъ старины и преданій родины: вотъ почему въ бесѣдѣ своей крестьяне ведутъ рѣчь не только про хлѣба и покость, но и про старинушку.

Тѣ же черты любви къ родинѣ и семьѣ находимъ мы и у красной дѣвицы. Женщина — хозяйка, царица своей «хижины». Понятенъ поэтому честный упрекъ красной дѣвицы своему милому, которому она говоритъ:

. . . Стыдно, совѣстно
Бросить домъ свой, отца старова
Да, Богъ вѣсть куда, завихриться.

«Домъ свой» — это гнѣздо, гдѣ воспитываются и зрѣютъ силы поселянина; здѣсь начало и конецъ ихъ; отсюда онѣ

исходять и живутъ въ молодомъ поколѣннн, хотя бы для того, чтобы не бросить отца стараго.

Мы разсмотрѣли внѣшнія и главнѣйшія изъ внутреннихъ качествъ русскаго добра молодца и красной дѣвицы, насколько позволялъ намъ это сдѣлать нашъ матеріалъ — пѣсни Кольцова. Въ обоихъ представителяхъ молодого поколѣннн мы видѣли героевъ, богато одаренныхъ физическою крѣпостью, сильныхъ своею любовью къ родинѣ и домашнему очагу. Такъ было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда Кольцовъ еще писалъ свои пѣсни. За это время въ русской деревнѣ нашла себѣ мѣсто новая сила, мало знакомая старинѣ: эта сила — грамотность. Будемъ надѣяться, что съ этою силою русскій добрый молодецъ и русская красная дѣвица стануть еще краше, еще лучше.

Отвѣтъ г. В. Андрееву.

М. Преображенскій, Полацкѣ.

Въ № 3 «Русск. Филол. Вѣстн.» появился «Отвѣтъ» г. В. Андреева на мою замѣтку, помѣщенную въ польской книжкѣ журнала «Гимназія» за 1892 г. Я предлагалъ свести два правила г. Андреева относительно того, какъ отличать простыя опредѣленія отъ сокращенныхъ придаточныхъ предложений, — въ одно: нѣсколько расширивъ область примѣненія «логическаго ударенія», введеннаго г. Андреевымъ въ рѣшеніе даннаго вопроса, можно было бы дать объясненіе пунктуаціи въ тѣхъ случаяхъ, которые не подходятъ ни подъ одно изъ его правилъ. Въ своемъ «Отвѣтѣ» г. Андреевъ, не соглашаясь поступиться редакціей своихъ правилъ, ставитъ меня въ положеніе, такъ сказать, обвиняемаго и ждетъ моихъ объясненій. Сущность этого обвиненія заключается въ томъ, что я, во-первыхъ, привелъ въ своей замѣткѣ разнохарактерныя примѣры (первые 7), очевидно, смѣшавъ во-едино «функции прилагательныхъ и причастій въ предложении»; что, во-вторыхъ, эти примѣры, составляя (въ большинствѣ) необычное, рѣдкое явленіе въ языкѣ, нимало не противорѣчатъ правиламъ г. Андреева, а, напротивъ, подтверждаютъ и оправдываютъ ихъ; въ-третьихъ, что я не вникъ въ смыслъ второго его правила; въ-четвертыхъ, что я не далъ объясненія своей пунктуаціи въ примѣрахъ: «Птицы улетѣли въ другія, болѣе теплыя страны» и «Я увидалъ другія, мнѣ неизвѣстныя мѣста», и, въ-пятыхъ, что я напрасно вижу въ логическомъ удареніи „cardo rerum“, единственное вѣрное правило для рѣшенія даннаго вопроса.

На чемъ основанъ первый пунктъ обвиненія г. Андреева? Во-первыхъ, — на томъ, что я въ примѣрѣ: «Здѣсь славнѣйшій мужъ своего вѣка, чудесный, единственный, — здѣсь онъ жилъ» слова: «чудесный, единственный» призналъ сокращеннымъ опредѣлительнымъ предложеніемъ, а не аппозиціей. Если мы сдѣлаемъ обзоръ наиболѣе распространенныхъ въ школахъ руководствъ по русскому синтаксису (Смирновскаго, Поливанова, Преображенскаго, Говорова, Кирпичникова, Киневича), то увидимъ, что всѣ они придерживаются стариннаго взгляда на приложеніе, какъ на опредѣленіе, выраженное именемъ существительнымъ и согласованное въ падежѣ съ опредѣляемымъ словомъ; такой же точки зрѣнія на приложеніе придерживается и Гротъ въ своемъ «Русскомъ правописаніи». Съ другой стороны, всѣ они признаютъ «сокращенныя опредѣлительныя и обстоятельственныя предложенія», тогда какъ научный синтаксисъ не признаетъ такого рода предложеній, считая ихъ частями простого предложенія въ видѣ аппозицій, согласуемыхъ или несогласуемыхъ. Такимъ образомъ то, что я называлъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ «сокращеннымъ придаточнымъ предложеніемъ», всѣ они, смѣемъ думать, признали бы таковымъ. Такъ какъ г. Андреевъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ № 2 «Русск. Фил. Вѣстн.», употреблялъ не научную, а школьную терминологию, признавая «сокращенныя опредѣлительныя предложенія», то и мы считали себя въ правѣ стоять въ своей замѣткѣ на школьной точкѣ зрѣнія, отнюдь не допуская мысли, чтобы между нами и г. Андреевымъ могло произойти какое-либо недоразумѣніе въ этомъ отношеніи.

Во-вторыхъ, первый пунктъ вышеуказаннаго обвиненія основанъ еще и на томъ, что я въ примѣрахъ: «Войско возвратилось въ лагерь, измученное и обезсиленное» и «Онъ иногда до поздней ночи сидитъ, печалень, надъ горой» слова: «измученное и обезсиленное» и «печалень» считаю сокращенными придаточными предложеніями (аппозиціями), тогда какъ, по мнѣнію г. Андреева, «возвратилось измученное и обезсиленное» и «сидитъ печалень» суть составныя сказуемыя, т. е.

«возвратилось» и «сидить» — предикативныя связки, а «измученное и обезсиленное» и «печалень» — предикативныя атрибуты, на этомъ основаніи выдѣленіе послѣднихъ запятыми считается излишнимъ. Что глаголы: «возвратиться» и «сидѣть» могутъ быть связками сказуемаго, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться; въ пользу предложенія г. Андреева отчасти говоритъ и то обстоятельство, что «обезсиленное и измученное» и «печалень» стоятъ послѣ глаголовъ. Тѣмъ не менѣе, слова: «измученное и обезсиленное» и «печалень», кажется, правильнѣе считать аппозиціями, чѣмъ предикативными атрибутами, во-первыхъ, потому, что въ данныхъ примѣрахъ глаголы: «возвратиться» и «сидѣть», по нашему мнѣнію, вполне сохраняютъ свое матеріальное значеніе, удовлетворяя насъ: первое — безъ причастій, а второе — безъ прилагательнаго; во-вторыхъ, — здѣсь причастія и прилагательное выражаютъ признаки, не какъ возникающіе въ подлежащихъ одновременно съ дѣятельностью, выражаемой глаголами, а какъ данные въ опредѣляемыхъ прежде возникновенія его, и, въ-третьихъ, — послѣ словъ: «въ лагерь» и «сидить», по-моему, ясно чувствуются голосовыя паузы. Категорически утверждать, что «измученное и обезсиленное» и «печалень» — предикативныя атрибуты, нельзя, ибо разница между послѣдними и аппозиціями бываетъ иногда трудно уловима (Потебня. «Изъ зап. по рус. грам.» Изд. 2-ое. Стр. 178). Необычность же мѣста постановки вышеуказанныхъ причастій и прилагательнаго можно объяснить цѣлями инверсіи, чѣмъ особенно часто, какъ извѣстно, пользовался Карамзинъ, чтобы «плавно заключать періоды, предложенія и даже отдѣльные члены предложеній» (Буслаевъ. «Ист. грам.»). А если мы признаемъ «измученное и обезсиленное» и «печалень» аппозиціями, то признаемъ и законность запятыхъ въ этихъ двухъ примѣрахъ. Примѣра: «Онъ, мятежный, просить бури» мы не будемъ касаться, такъ какъ, по признанію самого г. Андреева, вопросъ, чѣмъ считать «мятежный», можетъ имѣть субъективное рѣшеніе. Прежде чѣмъ обратиться ко второму пункту обвиненія г. Андреева, приведемъ 1-ое его правило; оно формулировано такъ:

«Имя прилагательное и причастіе, стоя позади опредѣляемаго слова, лишь въ томъ случаѣ могутъ считаться особыми придаточными предложеніями, когда они имѣютъ при себѣ дополненіе или обстоятельственное слово. Если же при прилагат. или причастіяхъ нѣтъ дополненій или обстоятельныхъ словъ, то они, стоя позади опредѣляемыхъ словъ, считаются только опредѣленіями». Я приводилъ («Гимназія». 1892 Іюль), какъ вышеуказанные, такъ и слѣдующіе примѣры, противорѣчащіе этому правилу: «Вырѣзные листья дуба, плотные и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могущества и долготія», «Въ воздухѣ, еще свѣтломъ, начинали густѣть и разливаться тѣни» и «На самомъ днѣ, сухомъ и желтомъ, лежатъ огромныя плиты глинистаго камня», а г. Андреевъ возражаетъ, что эти примѣры не противорѣчатъ его правилу, а подтверждаютъ послѣднее; по мнѣнію г. Андреева, въ первомъ примѣрѣ слова: «плотные и добротные» образуютъ фигуру *hendiadys* и равны выраженію: «добротные своею плотностью»; во второмъ предложеніи выраженіе: «еще свѣтломъ» равносильно выраженію: «въ то время свѣтломъ», и въ третьемъ — «сухомъ и желтомъ» черезъ посредство латинскихъ: «*idque*», «*atque id*», «*et id*» приравнивается выраженію: «сухомъ и въ то же время желтомъ» . . . Можетъ быть, все это и вѣрно, но редакция-то правила г. Андреева слишкомъ ясна, чтобы допустить возможность столь натянутого объясненія пунктуаціи въ данныхъ примѣрахъ. И къ чему было приводить г. Андрееву и фигуру *hendiadys*'а, и свои наблюденія надъ реченіями: «уже», «пока», «еще», «и», и терминъ «сокращенное придаточное предложеніе», когда всѣ слова, показанныя у меня между запятыми не только въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ, но и въ первыхъ четырехъ, могутъ быть разсматриваемы какъ аппозиціи, и, слѣдовательно, пунктуація сама-собою понятна? Повидимому, все это явилось на сцену только для того, чтобы доказать, что мои примѣры не противорѣчатъ, а подтверждаютъ первое правило г. Андреева. Но вотъ примѣры, исключаютъ возможность такихъ толкованій, — примѣры, взятые у Потебни: «Дѣвица, босая, вышла на морозъ» и «Онъ, хмѣльной, разбѣжался въ каменны ворота»

(«Изъ зап. по рус. грам.» Стр. 117 и 178). Кажется, комментариі здѣсь излишни. И напрасно г. Андреевъ полагаетъ, что большинство моихъ примѣровъ составляютъ рѣдкое, необычное явленіе въ языкѣ: приводя первыя попавшіяся на глаза предложенія, взятая у семи писателей, я не допускалъ мысли, чтобы г. Андреевъ могъ изречь свой приговоръ, повидимому, на основаніи только того, что я привелъ семь примѣровъ, а не больше. — Обращаюсь къ упреку г. Андреева, что я не вникъ въ смыслъ второго его правила, формулированнаго такъ: «Прилагательное имя и причастіе, находясь впереди опредѣляемаго слова, лишь въ томъ случаѣ считаются за цѣлыя придаточныя предложенія, когда они сами, т. е. эти прилагательныя или причастія, или относящіяся къ нимъ дополненія или обстоят. слова имѣютъ на себѣ логическое удареніе». Въ такой редакціи это правило, по-моему, допускаетъ только два случая постановки логическаго ударенія: 1) прилагательныя или причастія стоятъ съ дополненіями, или обстоятельственными словами, и логическое удареніе падаетъ на первыя, т. е. на прилагательныя или причастія, и 2) прилагательныя или причастія стоятъ съ дополненіями или обстоятельственными словами, и логическое удареніе падаетъ на послѣднія, т. е. на дополненія или обстоятельственныя слова. Никакого другого толкованія это правило въ вышеприведенной редакціи не допускаетъ. Изъ «Отвѣта» же я вижу, что г. Андреевъ имѣлъ въ виду, во-первыхъ, тотъ пунктъ, который помѣченъ у меня цифрою 2, и, кромѣ того, слѣдующій: причастія или прилагательныя стоятъ безъ дополненій или обстоят. словъ, но имѣютъ на себѣ логическое удареніе. Но въ такомъ случаѣ г. Андреевъ выпускаетъ изъ виду мой 1-й пунктъ, а тогда редакція правила остается все-таки неполной и неясной.

Что касается примѣровъ: «Птицы улетѣли въ другія, болѣе теплыя страны» и «Я увидаль совершенно другія, мнѣ неизвѣстныя мѣста», то я не берусь рѣшать, которая изъ пунктуацій правильнѣе: моя или г. Андреева. Я стоялъ за показанную пунктуацію на слѣдующемъ основаніи. Самъ г. Ан-

дреевъ признаетъ (№ 2 Р. Ф. В.), что совсѣмъ не ставить запятыхъ въ подобныхъ примѣрахъ совершенно ошибочно; слѣдовательно, все дѣло въ томъ, нужны ли, кромѣ показанныхъ, еще запятая, именно послѣ словъ: «теплыя» и «неизвѣстныя», или нѣтъ. По мнѣнію г. Андреева, запятая здѣсь нужны, ибо, «болѣе теплыя» и «мнѣ неизвѣстныя» суть антоципіи къ слову «другія». Мнѣ же казались эти выраженія не антоципіями, а собственно опредѣленіями (атттрибутами) къ существительнымъ: «страны» и «мѣста». Всякая антоципія, какъ извѣстно, отличается болѣею, чѣмъ атттрибутъ, самостоятельностью по отношенію къ опредѣляемому слову; между тѣмъ, въ данныхъ предложеніяхъ признаки: «теплыя» и «неизвѣстныя» тѣснѣйшимъ образомъ связаны со своими опредѣляемыми, т. е. составляютъ съ ними какъ бы одно понятіе. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на одно обстоятельство, допущенное г. Андреевымъ при защитѣ своей пунктуаціи въ этихъ примѣрахъ: онъ говоритъ, что «болѣе теплыя» и «мнѣ неизвѣстныя» суть антоципіи къ слову «другія». Если эти выраженія — точно антоципіи, то они должны, вѣроятно, относиться къ имени предмета, а не къ «другія»: чѣмъ же другимъ объяснить согласованіе? Точно такую же ошибку допустилъ г. Андреевъ въ объясненіи пунктуаціи и въ другомъ моемъ примѣрѣ: «Здѣсь славнѣйшій мужъ своего вѣка, чудесный, единственный, — здѣсь онъ жилъ»; «чудесный, единственный», по его мнѣнію, — антоципіи къ слову «славнѣйшій», а не къ слову «мужъ».

Не могу обойти молчаніемъ и того замѣчанія г. Андреева, что, при рѣшеніи даннаго вопроса, я вижу въ логическомъ удареніи „cardo regim“. Но, вѣдь, и г. Андреевъ не очень далеко отъ подобнаго признанія, утверждая, что въ интересующемъ насъ вопросѣ пунктуація поддается грамматическому опредѣленію единственно въ томъ случаѣ, когда прилагательныя или причастія съ дополнительными или обстоятельственными словами стоятъ позади своихъ опредѣляемыхъ словъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, по необходимости, приходится ввести въ употребленіе тотъ факторъ, который г. Андреевъ

называетъ логическимъ удареніемъ. Такъ, повидимому, смотритъ на дѣло и Потембня, говоря: «Различіе между опредѣленіемъ и приложеніемъ обозначается не столько порядкомъ словъ, сколько тономъ» («Изъ зап. по рус. грам.» Изд. 2-ое. Стр. 117).

Я далека отъ мысли, чтобы предложенная мною формулировка правилъ г. Андреева была безупречна; но если, въ концѣ концовъ, г. Андреевъ остается при своихъ двухъ правилахъ, то и мы держимся того мнѣнія, что редакція ихъ далеко не полна, не обнимая собою тѣхъ явленій языка, съ которыми приходится встрѣчаться сплошь и рядомъ.

По вопросу о классных переводах съ русскаго языка на древнiе.

П. Милотинъ, Карачевъ.

Главное воспитательное значенiе классныхъ переводовъ заключается въ томъ, что при письменныхъ переводахъ въ классъ достигается большее вниманiе учениковъ, а достиженiе всеобщаго вниманiя, по моему мнѣнiю, составляетъ главную цѣль преподаванiя; вниманiе ученика — это залогъ всѣхъ его успѣховъ.

Коснусь вопроса о веденiи и исправленiи классныхъ работъ. Замѣчу вскользь, что трудъ преподавателя былъ бы крайне неполонъ, еслибы состоялъ только въ просмотрѣ работъ и постановкѣ балловъ. Прежде всего слѣдуетъ стремиться, чтобы ученикъ относился къ заданной ему работѣ съ должнымъ вниманiемъ, чтобы отдавалъ себѣ отчетъ въ каждомъ переведенномъ имъ предложенiи и даже словѣ, словомъ, чтобы относился къ работѣ обдуманно и сознательно. Списыванiе или заимствованiе другъ у друга, конечно, должно быть строго преслѣдуемо. Составленiе фразъ (въ низшихъ классахъ) должно быть строго обдуманно на правила грам., твердо усвоенныя всѣми учениками, на правила, встрѣчавшiяся нѣсколько разъ въ домашнихъ работахъ или устныхъ переводахъ и заученныя учениками; словомъ, задаваемый въ классъ переводъ долженъ быть по силамъ даже слабѣйшимъ ученикамъ. Опытъ показываетъ, что задаванiе непосильныхъ работъ влечетъ за собой небрежное отношенiе къ нимъ и отнимаетъ охоту заниматься. При оцѣнкѣ переводовъ слѣдуетъ стараться, чтобы большинство

учениковъ въ классѣ получили удовлетворительныя отмѣтки. Чтобы возбудить интересъ учениковъ къ сознательному и внимательному отношенію къ заданной работѣ, считаю полезнымъ поощрять учениковъ къ тому, чтобы они послѣ подачи работъ разсуждали между собою о написанномъ ими переводѣ и сдѣланныхъ ошибкахъ; конечно, преподаватель самъ старается развить въ ученикѣ чувство сознанія; онъ послѣ подачи тетрадей или при возвращеніи ихъ спрашиваетъ болѣе слабыхъ учениковъ, какъ они перевели ту или другую фразу, въ чемъ встрѣтили затрудненіе, напоминаетъ о сдѣланныхъ ошибкахъ; если ученикъ помнитъ свои ошибки и объяснить тѣ затрудненія, которыя встрѣчались въ переводѣ, то такому ученику всегда слѣдуетъ, по моему мнѣнію, поставить удовлетворительную отмѣтку, несмотря на его ошибки, — чтобы возбудить въ немъ энергію къ самостоятельному труду. Приведу примѣръ изъ своей педагогической практики: ученикъ заданную фразу — «мы участвовали во многихъ битвахъ» переводить — *multorum pugnis interfuimus*, объясняя эту ошибку тѣмъ, что онъ написалъ ее аналогично съ заученной фразой — *amicorum querelis interfui*, не обративши вниманія, какими частями рѣчи выражены данныя опредѣленія. Ошибка безспорно грубая, но не слѣдуетъ, по моему мнѣнію, за нее уменьшать отмѣтку, принимая во вниманіе сознательность ученика. Время для исполненія письменныхъ работъ — трудно точно опредѣлить. Зависитъ это и отъ степени трудности работы и отъ состава класса (развитія) и другихъ причинъ, но всетаки преподавателю слѣдуетъ заранѣе опредѣлить сколько времени потребуется слабѣйшему ученику окончить всю заданную работу; но болѣе успѣвающимъ ученикамъ могутъ быть предложены и лишнія фразы, которыя при исправленіи будутъ списаны съ доски и всѣми остальными.

Относительно исправленія классныхъ работъ: исправленіе должно быть ясно, чтобы ученикъ понялъ родъ ошибки.

Относительно времени для исправленія, могу сказать почти безошибочно, что тщательное исправленіе ихъ съ повтореніемъ правилъ и писаніемъ болѣе трудныхъ фразъ на доскѣ потребуетъ вдвое

больше времени, чѣмъ сколько было опредѣлено преподавателемъ для исполненія всей работы сознательно всѣми учениками. Замѣчу, что пропустить ошибку, особенно при поправкѣ множества тетрадей, преподавателю очень легко, и очень часто ученики въ классѣ заявляютъ о пропущенной ошибкѣ, чего, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ возбранять, такъ какъ такое заявленіе свидѣтельствуетъ о внимательномъ отношеніи ученика къ исправляемой имъ работѣ; сплошь да рядомъ бываетъ, что ученикъ тверже усваиваетъ правило изъ ошибки, случайно пропущенной преподавателемъ. Наконецъ, исправленная работа должна быть переписана, по возможности, тщательно и безъ ошибокъ, и вновь провѣрена преподавателемъ; этотъ переписанный переводъ долженъ быть заученъ съ повтореніемъ правилъ грам., и преподавателю слѣдуетъ переспросить всѣхъ слабыхъ учениковъ; при этомъ полезно ученику вспомнить сдѣланныя имъ ошибки въ классной работѣ, для избѣжанія повторенія ихъ.

Въ заключеніе могу сказать, что, при такомъ отношеніи къ письменнымъ переводамъ въ классѣ, задавать ихъ часто невозможно, принимая въ соображеніе выше сказанное мною мнѣніе, что классные переводы принесутъ пользу послѣ того, когда правила грамматики твердо усвоены даже слабѣйшими учениками, когда есть извѣстный запасъ словъ, словомъ, когда и слабѣйшіе ученики въ состояніи исполнить самостоятельно и сознательно работу.

Нѣсколько словъ о литературныхъ бесѣдахъ учениковъ старшихъ классовъ гимназій.

А. Толубевъ, Люблинъ.

Въ послѣднее время какъ-то забыть въ педагогической литературѣ важный, по моему мнѣнію, вопросъ о томъ, какъ лучше и цѣлесообразнѣе вести такъ называемыя литературныя бесѣды съ учениками старшихъ классовъ гимназій, — вопросъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ живо интересовалъ и Министерство Народнаго Просвѣщенія, издававшее по этому вопросу распоряженія и инструкціи, и педагогическій міръ, преимущественно преподавателей русскаго языка и словесности, помѣщавшихъ свои статьи по тому же поводу въ филологическихъ журналахъ или издававшихъ ихъ отдѣльными брошюрами.

Нисколько не принимая на себя непосильную задачу разрѣшить данный вопросъ, я однако хочу ко многимъ подобнымъ попыткамъ, болѣе или менѣе удачнымъ, присоединить и свою, основанную исключительно на опытѣ, пріобрѣтенномъ въ теченіе пятнадцатилѣтней преподавательской дѣятельности.

Все, что до сихъ поръ было написано по поводу вопроса о литературныхъ бесѣдахъ, я старался провѣрить на практикѣ, которая, къ сожалѣнію, не давала болѣею частью вполнѣ утѣшительныхъ результатовъ. Самымъ господствующимъ мнѣніемъ о способѣ веденія этого дѣла, насколько мнѣ извѣстно, признается мнѣніе директора одной изъ Варшавскихъ гимназій, получившее даже санкцію со стороны Окружнаго Начальства.

Выдающійся пунктъ брошюры, трактующей объ этомъ вопросѣ, заключается приблизительно въ слѣдующемъ предложении: лучшею формой литературной бесѣды должно, по мнѣнію автора, признать дѣлаемый учениками художественный и историческій разборъ извѣстнаго литературнаго произведенія, что, по его словамъ, даетъ возможность всѣмъ присутствующимъ на бесѣдѣ ученикамъ болѣе или менѣе всесторонне ознакомиться съ даннымъ памятникомъ. Противъ такого значенія подобнаго рода бесѣды возражать не приходится; но дѣло представляется въ иномъ нѣсколько видѣ, если посмотрѣть на этотъ предметъ съ другой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія возможности достигать такихъ полезныхъ результатовъ. Разборъ всякаго литературнаго произведенія во время бесѣды можетъ происходить при двоякомъ предположеніи: или данное произведеніе знакомо всѣмъ присутствующимъ ученикамъ, или не знакомо, по крайней мѣрѣ, на столько, чтобы они могли вполне сознательно отнестись къ его разбору. Конечно, въ первомъ случаѣ цѣль бесѣды достигается скорѣе, но и тогда для разбора такого произведенія, какъ «Недоросль» Фонвизина, «Горе отъ ума» Грибоѣдова, «Евгеній Онѣгинъ» Пушкина и др., необходимо посвятить два или даже три собранія; иначе разборъ выйдетъ не всестороннимъ, а поверхностнымъ. Г. Балталонъ въ своей книжкѣ: «Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ» предлагаетъ, напр., во время литературной бесѣды разрѣшить 34 вопроса для разбора «Бориса Годунова» Пушкина. Исполнимо ли это въ одинъ или даже въ два сеанса, если только разрѣшеніе каждаго изъ этихъ вопросовъ должно заключаться въ связномъ изложеніи со стороны ученика? По моему крайнему разумѣнію, выполненіе такого сложнаго дѣла представляетъ значительныя трудности, почему такимъ способомъ можно въ теченіе учебнаго года разобрать три, много пять произведеній, тѣмъ болѣе, что разъясненіе со стороны ученика каждаго даннаго вопроса должно быть обосновано на мѣстахъ самого произведенія и не можетъ представлять изъ себя собраніе голословныхъ фразъ. Очень быть можетъ, что при веденіи бесѣды подобнаго рода я задавался

слишкомъ обширной задачей, или же, попросту, былъ мало опытенъ; но такъ или иначе, всё мои усилія въ этомъ дѣлѣ, самыя добросовѣстныя, не удовлетворяли меня, давая очень слабыя результаты. Прошу однако не думать, что я послѣ неудачныхъ опытовъ прекратилъ подобныя бесѣды; вовсе нѣтъ: я буду употреблять съ своей стороны всё усилія къ тому, чтобы довести дѣло до возможности улучшения, дѣло, которому я посвятилъ лучшія свои силы и которое заставило меня и въ настоящую минуту взяться за перо, чтобы подѣлиться своимъ, хотя бы и малымъ, опытомъ съ своими товарищами по оружію и вызвать ихъ на возраженія, ибо только при общихъ усиліяхъ возможно добиться какого-нибудь благопріятнаго результата во всякомъ педагогическомъ дѣлѣ или вопросѣ.

Быть легко можетъ, что взглядъ мой на способъ веденія литературныхъ бесѣдъ и ошибоченъ, но защитой для меня въ данномъ случаѣ пусть будетъ мудрое, хотя и старое изреченіе: „*humanum errare est*“. На этомъ основаніи я позволю себѣ изложить здѣсь тотъ способъ литературной бесѣды, какой я примѣняю уже больше 10 лѣтъ.

Практикуемыя мною литературныя бесѣды могутъ быть двоякаго рода: или въ видѣ разбора сочиненія одного изъ учениковъ извѣстнаго класса, или въ видѣ произнесенія учениками устно сочиненій, заблаговременно заготовленныхъ на извѣстныя темы.

Первый способъ заключается въ слѣдующемъ: преподаватель русскаго языка и словесности избираетъ лучшее сочиненіе, исполненное извѣстнымъ ученикомъ въ классѣ или на дому на тему, которая была дана всему классу для очереднаго сочиненія, и предлагаетъ его на обсужденіе каждому ученику порознь, рекомендуя, конечно, и наблюдая за тѣмъ, чтобы замѣчанія свои ученики дѣлали отнюдь не группами, а чтобы каждый изъ нихъ выразилъ во время самой литературной бесѣды свой личный взглядъ. Когда данное сочиненіе пройдетъ такимъ образомъ черезъ руки всѣхъ учениковъ извѣстнаго класса, тогда назначается время самой бесѣды. Для предоставленія большей самостоятельности ученикамъ въ дѣлѣ

предстоящей имъ критики преподаватель можетъ особеннымъ образомъ отнестись къ избранному имъ сочиненію, не выправляя его и даже не выставляя отмѣтки, ибо и то и другое не можетъ не повліять на оцѣнку данной работы со стороны критикующихъ учениковъ. Чтобы бесѣда носила на себѣ систематическій характеръ, необходимо предупредить учениковъ, что при своей критикѣ они должны соблюдать слѣдующій порядокъ, т. е. критика эта будетъ послѣдовательно касаться нижеслѣдующихъ вопросовъ: понялъ ли авторъ разбираемаго сочиненія тему, достаточно ли она развита и исчерпана въ планѣ сочиненія, систематически ли построены планъ, полно ли содержаніе сочиненія и вполне ли оно соотвѣтствуетъ требованію темы, вѣрны ли всѣ мысли сочиненія, достаточно ли разработана фактическая его сторона, связно ли изложеніе мыслей и, наконецъ, нѣтъ ли недостатковъ въ формальной сторонѣ сочиненія. Для того, чтобы съ даннымъ сочиненіемъ познакомились и ученики другихъ классовъ, также присутствующіе на литературной бесѣдѣ, сочиненіе это читается вслухъ въ началѣ самой бесѣды. Во время критики всякій ученикъ можетъ принять сторону автора или его оппонента въ каждомъ возбужденномъ вопросѣ. При чемъ дѣло, конечно, преподавателя направлять бесѣду и слѣдить, чтобы критика не стала придирчивой или мелочной. Для подтвержденія своей мысли каждый оппонентъ обязанъ сослаться на мѣста сочиненія, подлежащаго разбору, на извѣстный подлинникъ или какой-нибудь литературный авторитетъ. Когда указаны всѣ недостатки разбираемой работы, или — иными словами — когда кончена литературная бесѣда, одинъ изъ учениковъ или самъ преподаватель дѣлаетъ сводъ всѣмъ преніямъ и точно и опредѣленно группируетъ промахи даннаго сочиненія, указывая такимъ образомъ, какимъ должно бы быть это сочиненіе съ идеальной, такъ сказать, точки зрѣнія.

Бесѣда такого рода имѣетъ чрезвычайно важное значеніе какъ въ дѣлѣ начитанности учениковъ, такъ и по отношенію къ развитію способности выражать устно свои мысли на русскомъ языкѣ, что особенно важно для учениковъ не русскаго

происхожденія; къ этому присоединяется еще и третьяго рода польза, а именно та, что ученики вырабатываютъ лучшіе методы составленія сочиненій и стараются представить таковыя возможно лучше отдѣланными, чтобы удостоиться, такъ сказать, чести отдать свою работу на судъ своихъ товарищей. Подобная литературная бесѣда заключаетъ въ себѣ и ту хорошую сторону, что она не на столько суха и формальна, какъ бесѣда всякаго другого рода. Я по опыту могу смѣло утверждать, что ученики всѣхъ старшихъ классовъ въ высшей степени интересуются оживленными преніями и принимаютъ самое дѣятельное участіе въ разрѣшеніи каждаго возникающаго вопроса, такъ что часъ или даже два такой бесѣды проходитъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ и безъ всякаго утомленія со стороны участниковъ. Такой интересъ доказывается и тѣмъ, что это — единственная въ своемъ родѣ бесѣда, которая сама собою увлекаетъ учениковъ и не требуетъ понудительныхъ мѣръ къ ея посѣщенію. Съ другой стороны, ученики, принимающіе специальное участіе въ критикѣ сочиненія одного изъ своихъ товарищей, или оппонента, готовятъ ко времени литературной бесѣды свои замѣтки, выписываютъ или обозначаютъ въ книгахъ тѣ мѣста изъ писателей вообще и въ частности критиковъ, на которыхъ и ссылаются въ каждомъ необходимомъ случаѣ, и всегда стараются самымъ добросовѣстнымъ образомъ выполнить свою задачу. Часто еще послѣ подобной бесѣды нѣсколько дней спустя ученики ведутъ споръ о томъ или другомъ вопросѣ, который почему-либо остался недостаточно разъясненнымъ въ свое время, или обращаются за его разрѣшеніемъ къ соответствующему преподавателю. Опытъ показываетъ также, что посредствомъ такихъ бесѣдъ ученики пріобрѣтаютъ и правильный критическій взглядъ на предметы и способность опредѣленно и ясно выразить свои мысли. Все это отражается самымъ благотворнымъ образомъ на составленіи учениками русскихъ сочиненій. А такъ какъ темами для работъ, подлежащихъ критикѣ во время литературной бесѣды, бывають преимущественно вопросы изъ области русской литературы или рѣже изъ области исторіи, то ученики,

принимающіе дѣятельное участіе въ литературной бесѣдѣ, или даже только слушатели вырабатываютъ правильный взглядъ на тотъ или другой историко-литературный или историческій вопросъ.

Другого рода практикуемая мною литературная бесѣда не соответствуетъ вполнѣ этому понятію; она заключается въ слѣдующемъ: нѣсколькимъ или всѣмъ ученикамъ извѣстнаго старшаго класса преподаватель предлагаетъ для спеціальнаго разъясненія какіе-либо вопросы изъ области литературы или исторіи, и когда ученики напишутъ на данныя темы свои сочиненія, когда послѣднія будутъ исправлены и одобрены преподавателемъ, тогда авторы данныхъ сочиненій произносятъ ихъ въ назначенное время устно. Здѣсь трудъ въ большей степени ложится на преподавателя, который долженъ тщательно прочитать каждую работу, часто довольно обширную, такъ какъ она спеціально посвящена какому-нибудь историческому или литературному вопросу, который не могъ быть разъясненъ въ достаточной мѣрѣ на урокахъ за ограниченнымъ количествомъ времени; поэтому преподавателю часто приходится справляться съ тѣми источниками, которыми пользовался ученикъ, чтобы не допустить въ такія сочиненія никакого сомнительнаго или — тѣмъ болѣе — превратнаго сужденія.

Полезная сторона подобнаго рода бесѣды очевидна, хотя касается преимущественно тѣхъ учениковъ, которые разработали извѣстную тему. Конечно, въ нѣкоторой степени пользу извлекаютъ и слушатели изъ знакомства, болѣе основательнаго и болѣе подробнаго, съ тѣмъ вопросомъ, который не могъ быть разъясненъ всесторонне ни преподавателемъ во время уроковъ, ни самими учениками за недостаткомъ времени. Такія спеціальныя работы можно съ большимъ успѣхомъ предлагать ученикамъ старшихъ классовъ на болѣе свободное отъ обязательныхъ занятій время, какъ зимнія, весеннія или лѣтнія каникулы. Работы эти особенно важны для учениковъ VIII класса въ виду предстоящихъ имъ испытаній зрѣлости, среди которыхъ, какъ извѣстно, выдающееся и рѣшительное значеніе имѣеть русское сочиненіе, ибо опытъ доказываетъ, что въ

большинствѣ случаевъ абитуриентъ встрѣчаетъ затрудненіе именно въ отсутствіи достаточнаго матеріала для надлежащаго развитія данной темы, или — иначе — начитанности въ той или другой области наукъ, преимущественно же въ сферѣ наукъ историческихъ.

Да и вообще литературныя бесѣды, какого бы онѣ ни были рода, составляютъ не только необходимое подспорье въ дѣлѣ преподаванія исторіи русской литературы, но и существенное и ничѣмъ незамѣнимое условіе общаго умственнаго развитія учениковъ. Только при такомъ *sine qua non* условіи возможно подготовить учениковъ VIII класса надлежащимъ образомъ къ испытанію ихъ зрѣлости въ области русской литературы или исторіи, тѣмъ болѣе, конечно, въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, значительный контингентъ которыхъ составляютъ воспитанники нерусскаго происхожденія. Я даже, признаться, удивляюсь, какъ нѣкоторыя наши гимназіи и преподаватели русскаго языка и словесности не видятъ существенной пользы въ литературныхъ бесѣдахъ и не хотятъ исполнять требованій на этотъ счетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Нѣкоторыя такія гимназіи оправдываются недостаткомъ времени или нежеланіемъ лишнимъ трудомъ обременять учениковъ. По моему, и то и другое оправданіе неосновательно: сами ученики приходятъ къ убѣжденію, что литературныя бесѣды вообще и указанныхъ мною двухъ типовъ въ частности доставляютъ обильный матеріалъ для всякаго сочиненія, вырабатываютъ необходимыя приемы для составленія сочиненій, пополняютъ всякіе недостатки въ способѣ выраженія мыслей, однимъ словомъ, служатъ значительнымъ подспорьемъ въ такомъ трудномъ для учениковъ дѣлѣ, какъ развитіе всякой темы; онѣ же, наконецъ, способствуютъ общему развитію учениковъ, въ сильной степени расширяя ихъ умственный кругозоръ.

Если каждый ученикъ VIII класса серьезно относится къ дѣлу литературныхъ бесѣдъ и напишетъ при помощи разныхъ источниковъ нѣсколько сочиненій на спеціальныя темы, разъясняющія такіе вопросы, какъ происхожденіе и развитіе романтизма въ европейскихъ литературахъ, или происхожденіе и

развитіе басни, воспитательное значеніе поэзіи Жуковскаго, взглядъ Пушкина и Лермонтова на поэта и его дѣятельность, и много др., то онъ смѣло можетъ приступить къ испытанію зрѣлости и сразу примется за развитіе любой темы, ибо онъ не будетъ затрудняться матеріаломъ и приобрѣлъ достаточный навыкъ, какъ приступить къ составленію плана, что служить краеугольнымъ камнемъ для всякаго сочиненія.

Изъ всего сказаннаго нельзя не убѣдиться, что литературныя бесѣды безусловно служатъ лучшимъ факторомъ въ дѣлѣ общаго развитія учениковъ и, въ частности, въ дѣлѣ составленія ими русскихъ сочиненій, почему всякій преподаватель русскаго языка и словесности въ старшихъ классахъ гимназій долженъ обратить самое серьезное вниманіе на это дѣло, и тогда не будетъ въ педагогической жизни такого явленія, какое имѣло мѣсто въ Кіевскомъ учебномъ округѣ въ 1891 году, что въ большинствѣ гимназій ученики не могли справиться на испытаніи зрѣлости съ такой обыкновенной темой, какъ «Заслуги Карамзина».

C. Valerii Catulli carmen III.

(Переводъ развѣромъ подлинника).

Лейте слезы, Венеры, Купидоны.

Плачьте всѣ, красоты въ подлунномъ мѣрѣ

Изъ людей надѣленъ кто дивнымъ даромъ!

Смерть скосила воробышка-любимца

У подруги моей, царицы сердца,

Кто надъ жизнью моей и смертью воленъ.

Смерть похитила дерзкою рукою

То, что было дороже жизни самой.

Да и какъ не любить ту было птичку?

Нѣжно такъ она, мило такъ ласкалась,

Знала такъ хорошо свою хозяйку,

Отъ нея ни на шагъ не отходила, —

Все лишь прыгала возлѣ взадъ, впередъ и

Терлась, шикая, все своей головкой.

А теперь въ темнотѣ идетъ подземной

Въ царство тьмы и печали, блѣдныхъ тѣней,

Чтобъ ужъ болѣе къ намъ не возвратиться.

О, чтобъ вамъ было худо, своды Орка:

Все прелестное такъ своею пастью

Безопасно вы губите проклятой!

И теперь унесли мою вы птичку . . .

О преступные! Вѣдненькая птичка!

Вотъ ужъ изъ за тебя совсѣмъ опухли

Глазки нѣжные отъ слезинокъ горькихъ

У подруги моей, царицы сердца,

Кто надъ жизнью моей и смертью воленъ . . .

К. Котельниковъ, Владивостокъ.

По́льза искуства обученія.)

Чтобы обученіе производилось правильнымъ способомъ, это важно:

1. Для родителей, которые до сихъ поръ по большей части не знали, чего могли бы требовать отъ своихъ дѣтей. Они прискивали учителей, приглашали ихъ, ласкали ихъ подарками, также мѣняли ихъ столь же часто напрасно, какъ съ нѣкоторою пользою. Когда же разъ установленъ несомнѣнно вѣрный способъ преподаванія, то ожидаемый результатъ не замедлитъ показаться.

2. Для учителей, иному изъ которыхъ искусство обученія было совершенно неизвѣстно и которые, когда желали исполнить свой долгъ, измучивались и въ трудномъ напряженіи истощали свои силы или мѣняли способъ обученія, желая то тѣмъ, то другимъ способомъ достигнуть одного результата, но не безъ значительной траты времени и силъ.

3. Для учениковъ, которые въ состояніи будутъ безъ затрудненія и пресыщенія, безъ жалобъ и побоевъ, какъ бы играя въ свое удовольствіе, достигнуть высотъ знанія.

4. Для школъ, которыя въ улучшеніи способа обученія не только приобрѣтутъ свѣжесть силъ, но и будутъ безконечно размножаться. Онѣ будутъ, по истинѣ, пріятнымъ мѣстомъ игры и удовольствія.²⁾ И когда (вслѣдствіе несомнѣнности метода) изъ каждаго ученика выйдетъ учитель (низшей или высшей ступени), то никогда не будетъ недостатка въ дѣльных школьныхъ учителяхъ, и учебное дѣло всегда будетъ въ цвѣтущемъ состояніи.

5. Для государствъ, по вышеприведенному свидѣтельству Цицерона. Кому не покажутся справедливыми слова пифагорейца Діогена (у Стобея): Что есть основаніе всего государства? Воспитаніе юношей; ибо едва ли когда-нибудь виноградныя лозы, не имѣвшія хорошаго ухода, принесутъ полезныя плоды.

6. Для церквей, такъ какъ одно только благоустройство школьнаго дѣла въ состояніи содѣйствовать тому, чтобы у церквей не было недостатка въ образованныхъ учителяхъ и чтобы у образованныхъ учителей не было недостатка въ соотвѣтствующихъ слушателяхъ.

7. Наконецъ, для неба важно, чтобы школы были преобразованы въ цѣляхъ всесторонняго и общаго образованія духа, чтобы тѣмъ легче чрезъ сіяніе божественнаго свѣта могли быть выведены изъ мрака тѣ, которыхъ не могъ пробудить оглушительный звукъ божественной трубы. Хотя евангеліе проповѣдуется повсюду и, какъ мы надѣемся, будетъ проповѣдываться до конца міра: однако въ мірѣ мы видимъ то, что обыкновенно бываетъ на праздничныхъ собраніяхъ, въ шинкѣ или въ какомъ бы то ни было шумномъ собраніи людей, именно, что не того исключительно или по преимуществу слушаютъ, кто говоритъ лучшее, а всякаго, кто какъ съ другимъ встрѣтится, при немъ сидитъ или стоитъ, а также его своими шутками занимаетъ. Какъ бы ревностно служители слова ни исполняли свою обязанность, пусть они говорятъ, взываютъ, увѣщываютъ, заклинаятъ, бѣльшая часть людей ихъ всетаки не будетъ слушать. Многіе вовсе не посѣщаютъ священныхъ собраній, кромѣ особенныхъ случаевъ, другіе, хотя и являются въ нихъ, но своими закрытыми ушами и глазами не воспринимаютъ ничего, что тамъ происходитъ, такъ какъ въ душѣ своей они заняты другими вещами. Наконецъ, есть нѣкоторые, которые обращаютъ вниманіе и понимаютъ, къ чему служатъ священныя увѣщанія; однако они внутреннимъ образомъ не захватываются такъ сильно, какъ это необходимо было бы, такъ какъ господствующее тупоуміе и вошедшая въ привычку по-

рочность ослабляют у нихъ разсудокъ, ослѣпляютъ, ожесточаютъ, такъ что они не въ состояннн пробудиться отъ усыпленнн. Потому они остаются въ привычной слѣпотѣ и грѣховности, какъ прикованные, такъ что никто не можетъ избавить ихъ отъ застарѣлой порчи, какъ одинъ только Богъ, какъ говорить одинъ изъ отцовъ: это было бы почти чудомъ, еслибы какой-нибудь застарѣлый грѣшникъ обратился къ покаянню. Но, такъ какъ тамъ, гдѣ Богъ даетъ средства, требовать чуда значитъ искушать Бога, то мы должны согласиться, что и здѣсь дѣло не иначе. Потому мы думаемъ, что нашъ долгъ обдумывать средства, чрезъ которыя все христіанское юношество могло бы быть пламеннѣе возбуждаемо къ жизненной силѣ духа и къ небесной любви. И когда мы будемъ этого твердо держаться, то увидимъ, что небесное царство больше будетъ распространять свою силу, нежели прежде.

Итакъ, отъ столь священнаго дѣла, никто да не отвлекаетъ размысленн свое, желанн, силы и средства свои. Кто далъ желанн, Тотъ дастъ и исполненн его, и это мы должны съ полною надеждою думать о Божественномъ милосерднн. Дѣло идетъ о спасенн людей и о славѣ Всевышняго.

Гол. Вал. Андреев.

P. S. Постыдно сомнѣваться въ успѣхахъ и несправедливо пренебрегать чужими совѣтами.

Ученіе о преподаваніи.

Глава I.

Человѣкъ есть высшее, совершеннѣйшее и превосходнѣйшее созданіе.

1. Когда Питтакъ¹⁾ нѣкогда возвѣстилъ свое „γνώθι σεαυτόν“ (учись познавать самого себя), то это изреченіе было принято мудрецами съ такимъ одобреніемъ, что они — для того, чтобы рекомендовать его народу — утверждали, что оно ниспало съ неба, и что они приказали золотыми буквами написать его на храмѣ Дельфійскаго Аполлона (гдѣ обыкновенно стекалось несмѣтное множество людей). Последнее было мудро и справедливо; первое, хотя только для вида, но совершенно согласно съ истиною, какъ это для насъ болѣе ясно, чѣмъ для нихъ было.

2. Что иное значить голосъ, въ Писаніи говорящій съ неба, какъ не это: «человѣкъ, познай Меня, познай себя!» — Меня, источникъ вѣчности, мудрости и милости, себя, созданіе, образъ, мою радость?

3. Тебя Я создалъ Себѣ товарищемъ по безсмертію; для твоего пользованія я приготовилъ небо, землю и все, что въ нихъ; въ тебѣ Я соединилъ все, что другимъ созданіямъ далъ въ отдѣльности: бытіе, жизнь, чувство, разумъ. Я поставилъ тебя надъ дѣлами рукъ Моихъ, все Я положилъ къ ногамъ твоимъ, овцы и быки всѣ вмѣстѣ, также дикія животныя, птицы подъ небомъ и рыбы въ морѣ; славою и честію увѣнчалъ тебя (Пс. 8, 6). Наконецъ, чтобы ничего

тебѣ не доставало, Я далъ тебѣ Самого себя въ личное соединеніе, связавши Свою природу съ твоею въ вѣчность, чего не выпало на долю ни одному изъ созданій, видимыхъ и невидимыхъ. Какое изъ созданій на небѣ или на землѣ могло бы похвалиться, что Богъ открылся въ его плоти и явился ангеламъ (1 Тим. 3, 16)? Именно, не для того только, чтобы они видѣли и съ удивленіемъ смотрѣли на того, кого сильно желали видѣть (1 Петр. 1, 12), но чтобы они поклонялись во плоти явившемуся Богу, именно Сыну Божію и сыну человѣческому (Евр. 1, 6; Иоан. 1, 52; Мѡ. 4, 11). Познай, слѣдовательно, что ты верхъ Моихъ дѣлъ, чудное соединеніе ихъ, намѣстникъ Бога между ними, вѣнецъ Моей славы.

4. О еслибы все это не только было изображено на дверяхъ храмовъ, въ заглавіяхъ книгъ, наконецъ, не только произносилось языкомъ, слышалось ушами и было на глазахъ у всѣхъ людей, но также было напечатлѣно въ сердцахъ ихъ! За этимъ должны наблюдать тѣ, кому поручено образованіе людей, чтобы они ихъ руководили жить сообразно своему достоинству и своему преимуществу и къ достиженію столь возвышенной цѣли прилагали всѣ средства.

Глава II.

Послѣдняя цѣль человѣка внѣ этой жизни.

1. Что столь возвышенное созданіе назначено и для болѣе возвышенной цѣли, чѣмъ всѣ остальные созданія, это учить самъ разумъ; оно должно именно въ соединеніи съ Богомъ, верхомъ совершенства, славы и блаженства, вкушать совершеннѣйшую славу и совершеннѣйшее блаженство въ вѣчности.

2. Хотя изъ Писанія достаточно ясно и твердо мы вѣруемъ, что это вообще такъ, однако не будетъ потеряннымъ трудомъ, если мы только мимоходомъ коснемся того, сколь различно Богъ въ этой жизни изображаетъ наше «по ту сторону больше» (plus ultra).

3. И прежде всего и въ самомъ твореніи. Именно, Богъ не просто призвалъ человѣка къ бытію, какъ и остальное твореніе, но послѣ торжественнаго совѣщанія хотя тѣло образовалъ своими руками, но душу вдунулъ въ него изъ самого себя.

4. Свойства нашего существа показываютъ намъ, что все, что мы имѣемъ въ этой жизни, недостаточно: мы ведемъ здѣсь тройную жизнь: растительную (вегетативную), животную и разумную или духовную (интеллектуальную), изъ которыхъ первая нигдѣ не простирается внѣ тѣла, вторая чрезъ отпавленія чувствъ и движеніе распространяется на внѣшнія вещи, третья можетъ существовать также въ отдѣльности, какъ это мы видимъ въ ангелахъ. Такъ какъ ясно, что высшая ступень жизни затмѣвается и тормозится низшею, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что настанетъ будущее, когда она дойдетъ до высшей точки развитія.

5. Всѣ наши дѣла въ этой жизни показываютъ, что мы здѣсь не достигаемъ послѣдней цѣли, но что все въ насъ, какъ и мы сами, стремится куда-то въ другое мѣсто. Что бы мы ни были, чѣмъ бы мы ни занимались, что бы ни думали, говорили, что бы ни изобрѣтали, пріобрѣтали, чѣмъ бы ни владѣли, — все это не что иное, какъ извѣстная послѣдовательность ступеней, въ которой мы, постепенно подвигаясь впередъ, восходимъ на высшія ступени, не достигая однако никогда самой высшей.

Первоначально человѣкъ есть ничто, какъ и отъ вѣчности онъ былъ ничто; только въ утробѣ матери онъ получаетъ свое начало изъ капли отцовской крови. Слѣдовательно, что такое человѣкъ первоначально? Безформенная животная масса. Затѣмъ онъ принимаетъ очертанія тѣльца, но безъ чувства и движенія. Послѣ того онъ начинаетъ двигаться, силою природы выходитъ на свѣтъ и постепенно открываются глаза, уши и другія чувства. Съ теченіемъ времени выступаетъ внутреннее чувство, когда онъ начинаетъ сознавать, что видитъ, слышитъ и ощущаетъ. Въ дополненіе къ этому обнаруживается разумъ, посредствомъ котораго онъ замѣчаетъ различіе вещей, и, наконецъ, воля принимаетъ на себя роль руководителя, когда

онъ посвящаетъ себя извѣстнымъ вещамъ, а отъ другихъ отвращается¹⁾.

6. (Во всемъ наблюдается постепенность безъ конца). Но также въ перечисленныхъ отдѣльныхъ 4 ступеняхъ мы видимъ чистую постепенную послѣдовательность. Также постепенно проясняется познаніе вещей, какъ изъ глубокаго мрака ночи выступаетъ сіяніе утренней зари, и пока существуетъ жизнь, все прибавляется свѣта (если чловѣкъ вообще не одичалъ) до смерти. Подобнымъ же образомъ наши дѣйствія сначала скудны, слабы, грубы и слишкомъ запутанны; затѣмъ мало по малу вмѣстѣ съ силами тѣла раскрываются также преимущества души, такъ что у насъ, пока мы живемъ (если насъ не объяло вѣбшее усыпленіе и не погребло насъ заживо), никогда не будетъ недостатка въ поводахъ къ дѣйствованію, къ проектамъ и предпріятіямъ; и все это въ одномъ благородномъ духѣ стремится все выше, безконечно. Нѣтъ въ этой жизни нигдѣ конца желаніямъ и усиліямъ.

7. (Этому учить опытъ). Куда бы кто ни обратился, вездѣ онъ познаетъ это изъ опыта. Когда кто-нибудь ищетъ имущества и богатства, то его желаніе не можетъ быть удовлетворено, когда онъ даже овладѣлъ бы всею міромъ, что видно изъ примѣра Александра. Когда кто-нибудь воспламенился честолюбіемъ, то онъ не найдетъ бы покоя, когда бы и весь міръ ему поклонился. Если кто-нибудь предался удовольствіямъ, то пусть потоки наслажденій обдають его чувства, но все сдѣлается обыденнымъ, и требованіе будетъ восходить отъ одного къ другому. Если кто-нибудь обратилъ свой духъ къ изученію мудрости, то онъ не можетъ достигнуть цѣли, ибо чѣмъ больше кто знаетъ, тѣмъ лучше онъ видитъ, сколь много ему недостаетъ. Совершенно справедливо говорить Соломонъ, что не насытится око зрѣніемъ, не наполнится ухо слушаніемъ (Еклез. 1, 8).

8. (Также смерть не полагаетъ конца нашимъ желаніямъ). Но что также и смерть не есть конецъ вещей, этому учать примѣры умирающихъ. Кто здѣсь хорошо

прожилъ жизнь, тѣ радуются, что вступятъ въ лучшую; когда же они слишкомъ погрузились въ настоящую жизнь и теперь узнаютъ, что должны съ нею разстаться и идти куда-то въ другое мѣсто, то на нихъ нападаетъ страхъ, и они, если еще какъ-нибудь возможно, стараются примириться съ Богомъ и людьми. И хотя тѣло, сломленное страданіями, утомлено, чувства отуманиваются и самая жизнь гаснетъ, но духъ живѣе, чѣмъ когда-либо, выполняетъ свои отправленія, когда благоговѣнно, строго и осмотрительно дѣлаетъ распоряженія о семействѣ, наслѣдствѣ, государствѣ и т. д., и именно такъ, что тому, кто видитъ смерть благочестиваго и мудраго, кажется, что онъ видитъ разложеніе персти земной, — что тотъ, кто его слышитъ, думаетъ, что слышитъ ангела и что онъ долженъ сознаться, что здѣсь происходитъ дѣло подобное тому, какъ еслибы поселенецъ, предвидя разрушеніе своей хижины, выходилъ изъ нея. Это понимали сами язычники, и потому римляне, по Фесту, смерть называли отшествіемъ (*abitionem*), и греки часто для выраженія гибели, смерти употребляли слово *ἄφεσις*, что значить уходить, отходить (*abire*). Почему? Потому что думали, что смерть есть переходъ въ другое мѣсто.

9. (Что люди существуютъ для вѣчности, этому учить насъ примѣръ Христа). Еще болѣе ясно это для насъ христіанъ, послѣ того какъ Христось, Сынъ Бога живого, посланный съ неба для возстановленія въ насъ потеряннаго образа Божія, показалъ это своимъ примѣромъ. Зачатый во чревѣ матери и явившійся въ міръ чрезъ рожденіе, Онъ жилъ между людьми, затѣмъ умеръ, воскресъ изъ мертвыхъ, вознесся на небо, и смерть уже не имѣетъ власти надъ Нимъ. Онъ называется нашимъ Предтечею (Евр. 6, 20), Перворожденнымъ между братьями (Римл. 8, 2), Главою Членовъ Своихъ (Еф. 1, 22), Первообразомъ всѣхъ, кто долженъ быть созданъ по образу Божію (Римл. 8, 20).

Какъ Онъ самъ не для того былъ здѣсь, чтобы здѣсь остаться, а чтобы, по совершеніи своего дѣла, войти въ вѣчную обитель, такъ же и мы, Его братья, должны не здѣсь остаться, а перейти въ другое мѣсто.

10. (Мѣсто жизни человѣка троякое). Сообразно троякой жизни намъ приготовлено и троякое мѣсто жизни: утроба матери, земля, небо. Изъ перваго мы входимъ во второе чрезъ рожденіе, изъ второго въ третье чрезъ смерть и воскресеніе, изъ третьяго же мы никогда не выходимъ. Въ первомъ мы ничего не получаемъ кромѣ жизни съ первоначальнымъ движеніемъ и чувствомъ, во второмъ — жизнь, движеніе, воспріятіе съ начатками разума, въ третьемъ безграничную полноту всего.

11. (И жизнь троякая). Первая жизнь есть подготовительная ко второй, вторая къ третьей, третья же существуетъ сама для себя и не имѣетъ конца. Переходъ отъ первой ко второй и отъ второй къ третьей тѣсенъ и болѣзненъ, и въ обоихъ случаяхъ отлагаются оболочки (въ первомъ дѣтское мѣсто, въ послѣднемъ самый организмъ тѣла), какъ изъ разбитаго яйца выходитъ цыпленокъ. Первое и второе мѣста жизни суть какъ бы мастерскія, изъ которыхъ въ первой образуется тѣло для пользованія имъ въ послѣдующей жизни, въ послѣдней разумная душа для пользованія ею въ вѣчной жизни, третье же мѣсто жизни даетъ совершенство и наслажденіе тому и другому.

12. (Образъ этого дѣла — Израильтяне). Такъ Израильтяне (если этотъ образъ здѣсь подходитъ) родились въ Египтѣ, оттуда тѣснителями горь и Краснымъ моремъ достигли пустыни, строили палатки, научились закону, сталкивались съ различными непріятелями и только тогда, по переходѣ чрезъ Иорданъ, сдѣлались наследниками земли Ханаанской, гдѣ течетъ молоко и медь.

Глава III.

Настоящая жизнь есть не что иное, какъ приготовленіе къ будущей. ¹⁾

1. (Свидѣтели тому). Что настоящая жизнь, какъ полагающая цѣль свою въ другомъ мѣстѣ, не есть въ собственномъ смыслѣ жизнь, а только приготовленіе къ истин-

ной, вѣчно продолжающейся жизни, это очевидно изъ свидѣтельства прежде всего насъ самихъ, затѣмъ міра и, наконецъ, священнаго Писанія.

2. (Мы сами). Когда мы наблюдаемъ самихъ себя, то видимъ, что мы во всемъ постепенно подвигаемся впередъ, что всегда предшествующее есть подготовленіе къ послѣдующему. Напр., первую жизнь свою мы проводимъ въ утробѣ матери. Но почему? Ради насъ самихъ. Она только потому тамъ проводится, чтобы маленькое тѣло надлежащимъ образомъ выработалось въ жилище и орудіе души и для отправленій послѣдующей жизни, которую мы проводимъ подъ солнцемъ. Какъ скоро эта цѣль достигнута, мы рождаемся на свѣтъ, такъ какъ больше нѣтъ уже никакой цѣли для насъ въ томъ мракѣ. Подобнымъ же образомъ затѣмъ настоящая жизнь подъ солнцемъ есть не что иное, какъ приготовленіе къ вѣчной жизни, именно, чтобы душа съ помощью тѣла приобрѣла себѣ то, что необходимо ей для вѣчной жизни. Когда это выполнено, то мы уходимъ изъ этой жизни, потому что все, что кромѣ того могло бы быть здѣсь предпринято, недостижимо. Но нѣкоторые уходятъ изъ этой жизни неприготовленными или обрекаются на погибель, какъ бываютъ случаи, что и изъ утробы матери преждевременно извергается плодъ, и именно не для жизни, а для смерти; то и другое происходитъ по поущенію Божию, но по винѣ людей.

3. (Видимый міръ созданъ, чтобы служить разсадникомъ, питомникомъ и школою для людей). Самый видимый міръ, съ какой бы стороны мы его ни разматривали, свидѣтельствуетъ, что онъ созданъ не для какой-нибудь другой цѣли, какъ для

рожденія,	} рода человѣческаго.
питанія и	
образованія.)	

Такъ какъ Богу угодно было не въ одно мгновеніе создать всѣхъ людей, какъ Онъ создалъ ангеловъ, а сотворилъ только одного мужа и одну жену, при чемъ далъ имъ силу и благословеніе размножаться чрезъ рожденіе, то необходимо было

дать имъ потребное для постепеннаго размноженія время, и такимъ образомъ предоставлены были имъ тысячи лѣтъ. Чтобы это время не проходило въ запутанности, нѣмотѣ и слѣпотѣ, Онъ распростеръ небесный сводъ, снабдилъ его солнцемъ, луною и звѣздами и установилъ, чтобы чрезъ вращеніе ихъ происходили часы, дни, мѣсяцы и годы. Такъ какъ человѣкъ долженъ былъ быть существомъ тѣлеснымъ, которое нуждается въ мѣстѣ для поселенія, въ пространствѣ для дыханія и движенія, въ пищѣ для роста, въ одеждѣ для украшенія, то Онъ приготовилъ ему въ глубинѣ міра твердую почву, землю, и вокругъ нея разлилъ воздухъ, увлажнилъ ее водами и повелѣлъ расти разнообразнымъ растеніямъ и животнымъ, не только для нужды, но и для удовольствія. И такъ какъ Онъ человѣка сотворилъ по образу и подобію Своему и надѣлилъ его разсудкомъ, то, чтобы и для разсудка не было недостатка въ пищѣ, Онъ раздѣлилъ отдѣльныя созданія на различные роды, чтобы этотъ видимый міръ казался ему яснѣйшимъ зеркаломъ силы, премудрости и благости Божіей, и чтобы разсматриваніе міра научило его почитанію творца, содѣйствовало познанію Его и подвигло на любовь, такъ какъ скрытыя въ безднѣ вѣчности крѣпость, красота и пріятность просвѣчиваютъ во всѣхъ видимыхъ вещахъ и всюду представляются осязанію, зрѣнію и вкусу. Настоящій міръ, слѣдовательно, есть не что иное, какъ нашъ разсадникъ, нашъ питомникъ, наша школа. Есть, слѣдовательно, другой міръ, куда мы переходимъ изъ классовъ этой школы, какъ въ вѣчную академію. Такимъ образомъ этому насъ учитъ уже разумъ. Еще яснѣе мы познаемъ это изъ Слова Божія.

4. (Самъ Богъ въ своемъ Словѣ). Самъ Богъ у Осіи свидѣтельствуешь, что небо существуетъ для земли, земля для хлѣба, вина и елея, а эти вещи для человѣка (Ос. 2, 21. 22). Слѣдовательно, все существуетъ для человѣка, даже время. Дальше міръ не будетъ существовать, какъ сколько необходимо для исполненія числа избранныхъ (Апок. 6, 11). Когда это исполнится, то небо и земля погибнутъ, такъ что и мѣсто ихъ нельзя будетъ узнать (Апок. 20, 7). Будутъ по-

вое небо и новая земля, въ которыхъ правда живетъ (Апок. 21, 1, 2; Петр. 3, 23). Наконецъ, названія, даваемыя Писаніемъ настоящей жизни, показываютъ, что она есть только мѣсто приготовленія къ другой жизни. По этимъ наименованіямъ жизнь есть путь, странствованіе, врата, чаяніе, а мы странники и пришельцы, ожидающіе другого мѣста и притомъ постояннаго (Быт. 47, 9; Пс. 38, 13; Іов. 7, 12; Лук. 12, 34).

5. (Опытъ). Всему этому учить насъ самое дѣло и состояніе всѣхъ насъ, какъ могутъ видѣть всѣ люди.

Кто изъ родившихся не исчезъ опять послѣ своего появленія? Потому мы назначены для вѣчности. Такъ какъ мы избраны для вѣчности, то мы, по необходимости, переходимъ въ нее. Потому Христосъ говоритъ: будьте готовы, ибо въ который часъ не думаете, Сынъ человѣческій придетъ (Мѡ. 24, 44).

Потому то и бываетъ (и это мы знаемъ изъ Писанія), что Богъ нѣкоторыхъ уже въ самомъ раннемъ возрастѣ призываетъ отсюда, такъ какъ Онъ видитъ, что они уже готовы, какъ, напр., Еноха (Быт. 5, 24; ср. Прем. Сол. 4, 14). Почему Богъ являетъ Свое долготерпѣніе злымъ? Безъ сомнѣнія потому, что не хочетъ никого застать неприготовленнымъ, но чтобы онъ покаялся (2 Петр. 3, 9). Когда же кто злоупотребляетъ терпѣніемъ Божиимъ, то Богъ его прибираетъ.

6. (Заключеніе). Насколько вѣрно, что пребываніе въ утробѣ матери есть приготовленіе къ тѣлесной жизни, настолько вѣрно и то, что жизнь въ тѣлѣ есть приготовленіе къ будущей жизни, которая прекратитъ собою настоящую жизнь и будетъ продолжаться вѣчно. Счастливы, кто изъ утробы матери получить благообразные члены, но въ тысячу разъ счастливѣе тотъ, кто изъ этой жизни уйдетъ съ благовоспитанною душою.

Глава IV.

Три степени приготовления къ вѣчности: самопознаніе (и знаніе всего окружающаго), самоуправленіе и стремленіе къ Богу.

1. (Откуда познаются послѣднія цѣли нынѣшняго человѣка). Послѣднее назначеніе человѣка, очевидно, есть вѣчное блаженство въ Богѣ, подчиненное же и служебное въ отношеніи къ этой переходной жизни значеніе имѣютъ опредѣленія, вытекающія изъ словъ божественнаго совѣта предъ сотвореніемъ человѣка: сотворимъ человѣка (сказаль Онъ) по образу Нашему и по подобію Нашему: и да владычествуютъ они надъ рыбами морскими, и надъ птицами небесными (и надъ звѣрями), и надъ скотомъ, и надъ всею землею, и надъ всѣми гадами, пресмыкающимися по землѣ (Быт. 1, 26).

2. (Онъ есть I. цѣнитель всѣхъ вещей, II. управитель самого себя и III. радость Бога). Отсюда ясно также, что человѣкъ между видимыми тварями имѣетъ то назначеніе, чтобы онъ,

I. разумное созданіе,

II. господствующее надъ другими созданіями,

III. былъ созданіемъ, вмѣщающимъ въ себѣ образъ и подобіе Божіе и служащимъ радостью своему Творцу.

Эти три опредѣленія такъ связаны между собою, что нельзя допустить раздѣленія одного отъ другого, такъ какъ на нихъ покоится основаніе и настоящей, и будущей жизни.

3. (Что онъ есть разумное существо, это значитъ?) Быть разумнымъ созданіемъ значитъ быть изслѣдователемъ, наименователемъ и цѣнителемъ всѣхъ вещей, т. е. такому существу свойственно знать, умѣть наименовать и понимать, что въ мірѣ находится, какъ это ясно изъ книги Бытія II, 19 или какъ перечисляетъ Соломонъ (Премудр. Сол. 7, 17 и слѣд.), — свойственно знать устройство міра и дѣйствіе стихій, начало, конецъ и средину временъ, смѣны поворотовъ и перемѣны временъ, круги годовъ и положеніе звѣздъ, при-

роду животныхъ и свойства звѣрей, стремленія вѣтровъ и мысли людей, различіе растений и силы корней, однимъ словомъ, — все, и сокровенное, и явное и т. д. Сюда принадлежить также знаніе ремеслъ и искусства краснорѣчія, такъ чтобы ничего не было (какъ говорить сынъ Сирахова) ни въ одной вещи, малой или большой, что бы оставалось ему неизвѣстнымъ (Еклез. 5, 18). Тогда только онъ въ правѣ будетъ носить названіе разумнаго живого существа, когда знаетъ отношенія всѣхъ вещей.

4. (Что онъ есть господицъ твореній, значить?) Быть господиномъ твореній значитъ умѣть всякую вещь обращать въ свою пользу, употреблять ее сообразно присущей ей цѣли, сохранять дарованное достоинство, вездѣ царственно выступая между созданіями, т. е. благопристойно и добродѣтельно (такъ какъ человекъ поклоняется только творцу, ангеловъ же какъ сослужителей своихъ признаетъ стоящими рядомъ съ собою и всѣ остальные существа гораздо ниже себя), — не поработать себя никакому творенію, даже собственной плоти, всѣ вещи свободно заставлятъ служить себѣ, не ошибаться въ томъ, гдѣ, когда, какъ и въ какой мѣрѣ должно мудро пользоваться всякою вещью, гдѣ, когда, какъ и въ какой мѣрѣ должно подчиняться плоти, гдѣ, когда, какъ и въ какой мѣрѣ должно соглашаться съ волею ближнихъ, вообще, — умѣть мудро управлять всѣми движеніями и дѣйствіями, какъ внѣшними, такъ и внутренними, какъ собственными, такъ и чужими.

5. (Что онъ есть образъ и подобіе Божіе, значить?) Наконецъ, быть образомъ и подобіемъ Божіимъ значитъ быть живымъ представителемъ совершенства своего Первообраза, какъ говоритъ самъ Богъ: святы будьте, ибо святъ Я, Господь Богъ вашъ (Лев. 19, 2).

6. (Эти три требованія суть: I. преподаваніе, II. добродѣтель, III. благочестіе). Отсюда слѣдуетъ, что установленныя природою требованія отъ человека слѣдующія: 1. Онъ долженъ знать всѣ вещи, 2. управлять всѣми вещами и самимъ собою и 3. самого себя и все относить къ Богу,

источнику всёх вещей. Когда мы эти три требованія выразимъ общеизвѣстными терминами, то онѣ будутъ:

- I. преподаваніе (образованіе),
- II. добродѣтель, или добрые нравы,
- III. религія, или благочестіе.

Подъ преподаваніемъ мы разумѣемъ общее познаніе вещей, наукъ и языковъ*); подъ добродѣтелью—не только внѣшнюю благопристойность, но также внутреннее и внѣшнее упорядоченіе дѣятельности; подъ религію—ту внутреннюю набожность, чрезъ которую человѣческой духъ тѣсно соединяется съ Высшимъ Существомъ.

7. (Эти три требованія все для человѣка въ этой жизни; все остальное имѣетъ только второстепенное значеніе). Въ этихъ трехъ требованіяхъ полагается все преимущество человѣка, такъ какъ они одни основаніе и нынѣшней и будущей жизни, все же остальное (здоровье, сила, красота, богатство, честь, дружба, счастье и долгая жизнь), не что иное, какъ придача и внѣшнее украшеніе жизни, если Богъ кому это даетъ; но временныя блага являются излишнимъ вздоромъ, бесполезнымъ бременемъ и вреднымъ препятствіемъ, когда кто-нибудь слишкомъ предается имъ и страстно стремится къ нимъ и изъ-за нихъ пренебрегаетъ высшими благами.

8. (Поясненіе примѣрами: 1) часовъ). Я поясню дѣло примѣрами. Часы (солнечные или колесные) суть тонкій и для измѣренія времени совершенно необходимый механизмъ, сущность котораго заключается въ искусномъ измѣреніи всёхъ частей. Придаваемые имъ покрывки, рѣзба, позолота составляютъ случайныя принадлежности, которыя служатъ украшеніемъ внѣшности, но ничего не приносятъ въ сущность часовъ. Еслибы кто-нибудь захотѣлъ вмѣсто хорошихъ имѣть красивые часы, то такое дѣтское желаніе было бы весьма осмѣяно, такъ какъ онъ не замѣтилъ бы того, что существенно полезно. (2) лошади). Такимъ же образомъ достоинство лошади заключается въ ея силѣ, соединенной съ смѣлостью и быстротою, и въ ловкости, съ которою она продѣлываетъ всё требованія

всадника. Хвостъ, спускающійся плавно или завязанный въ узелъ, расчесанная или стоящая дыбомъ грива, позолоченная узда, фригійское покрывало и другія прибавки могутъ служить украшеніемъ, однако мы назвали бы неразумнымъ того, кто по такому украшенію сталъ бы судить о превосходствѣ лошади. (3) здоровья). Наконецъ, доброе свойство нашего здоровья основывается на хорошемъ перевариваніи пищи и на внутреннемъ чувствѣ довольства; мягко спать, пышно одѣваться, вкусно ѣсть, — все это не улучшаетъ нашего здоровья, а скорѣе ухудшаетъ; потому, кто больше заботится о лакомствахъ, чѣмъ о крѣпкой пищѣ, тотъ поступаетъ неразумно. Но еще больше неразуменъ тотъ, кто желаетъ быть человѣкомъ и однако больше обращаетъ вниманія на украшеніе человѣка, чѣмъ на его сущность. Потому Премудрый называетъ безумными и нечестивыми тѣхъ, кто на жизнь смотритъ, какъ на забаву или какъ на прибыльную торговлю и возвѣщаетъ имъ, что они лишены и одобренія, и благословенія Божія. (Премудр. Сол. 15, 12. 19).

9. (Заключеніе). Слѣдовательно, чѣмъ больше въ нынѣшней жизни употреблено прилежанія на приобрѣтеніе образованія, добродѣтелей и благочестія, тѣмъ больше мы приближаемся къ своему послѣднему назначенію. Эти три вещи должны быть задачею нашей жизни; все остальное составляетъ внѣшнюю прикрасу и служитъ къ замедленію въ достиженіи высшихъ благъ.

D I O G E N E S
C Y N I C U S

Redivivus

sive

De compendioſe philoſophando

Ad ſcholae ludentis exercitia olim accommodatus,
nunc autem lucidatus

Authore

J. A. Comenio

Amſtelaedami MDCLXII.

ДИОГЕНЪ ЦИНИКЪ

на сценѣ

или

ОБЪ УДОБНОМЪ ЛЮБОМУДРСТВОВАНИИ.

Составилъ некогда для училищнаго исполненія и нынѣ

издалъ въ свѣтъ

Я. А. Коменскій.

Переводъ Г. Янчевецкаго.

ИЗДАНИЕ Ж. «ГИМНАЗИЯ».

Ревель, Типографія «Ревельскихъ Извѣстій».

De compendio philosophando
 CYNICUS
 DIOGENES

De compendio philosophando
 CYNICUS
 DIOGENES
 A. A. Komenskij

DE COMPENDIO PHILOSOPHANDI
 CYNICUS
 DIOGENES
 A. A. Komenskij

Составил перевод для типографии вольный в писарь

вспомогательный

В. А. Коменский

Перевод Г. Радкевича

Издатель М. ГИИИ

Петербург, Типография Товарищества Издателей

Благороднѣйшимъ юношамъ

Іакову Грефу

сыну

Корнелія Грефа

Владѣтеля южнаго Полсбрека и пр. и пр., почтеннѣйшаго совѣтника
въ Амстердамѣ

и

Николаю Витсонію

сыну

Корнелія Іоанна Витсонія

также славнѣйшаго совѣтника

здоровья и мудрости.

Посвящаю вамъ, цвѣтушіе юноши, этотъ маленькій подарокъ, въ надеждѣ, что онъ не будетъ неприятенъ вашему распускающемуся уму и дарованіямъ.

Вашему возрасту свойственно увлекаться тѣмъ, что занимательно, и нѣтъ укора, если, при отсутствіи всего предосудительнаго, занимательному присуще полезное, — что вы сами и испытаете. Предъ вами интереснѣйшій философъ Діогенъ: выведенный на училищную сцену, онъ доставитъ вамъ удовольствіе разными красотоми мудрости. Смотрите на него, какъ на пріятнаго спутника, или вѣрнаго руководителя и замѣчательнаго художника краткаго любомудрія.

Соглашаясь на изданіе, я пожелалъ посвятить его вашему имени, сколько ради благодѣянія ко мнѣ вашихъ великодушныхъ родителей, столько же и для того, чтобы подбодрить васъ къ занятіямъ и дать поводъ къ усвоенію сокращенной мудрости, каковая состоитъ не въ подкрашенныхъ или завитыхъ фразахъ и мнѣніяхъ, а въ изящныхъ и дѣльныхъ словахъ и поступкахъ.

Будьте здоровы, и въ вашихъ занятіяхъ схватывайте то пріятное, посредствомъ котораго получается истинное, солидное образованіе. 10 іюня 1658. Желашій всякаго благополучія

Воменскій.

Къ читателямъ.

Нѣсколько времени тому назадъ, другъ мой, книгопродавецъ Petrus van den Berge спрашивалъ меня, не сохранилось ли чего-нибудь изъ моихъ бумагъ, спасенныхъ отъ пожара, что могло бы быть напечатаннымъ, въ родѣ изданнаго имъ изъ моихъ литературныхъ мелочей „Faber fortunae cum regulis vitae“; и я нашелъ рукопись одного ученическаго представленія, когда, около 20 лѣтъ тому назадъ, въ Лешненской гимназій, бывшей тогда подъ моимъ управленіемъ, начали было развиваться сценическія упражненія.

Перечитывая теперь, въ старости, я нахожу это не безполезнымъ для возбужденія интереса; вижу также подтвержденіе въ сужденіяхъ другихъ, такъ какъ, въ теченіе одного года, «Диогенъ», по просьбѣ посѣщавшихъ тогда графа лицъ, вызвалъ три представленія. Наконецъ, я нашелъ письмо ко мнѣ, неизвѣстно, какимъ образомъ сохранившееся, знаменитаго ученаго и серьезнаго богослова Фехнера, раздѣлявшаго тогда со мною изгнаніе, въ послѣдствіи профессора богословія въ Франкфуртѣ и затѣмъ ректора гимназій въ Силезіи и суперинтендента тамошнихъ церквей. Вотъ оно буквально:

«Дорогой мой соотечественникъ. Піеса «Диогенъ» мнѣ чрезвычайно понравилась, и я желалъ бы, чтобы такимъ же образомъ были представлены Пивагоръ, Сократъ, Платонъ, Аристотель, Епикуръ и пр., а также старшіе изъ боговъ этого рода: Александръ Великій, Крассъ, Киръ и т. д. Именно этимъ путемъ, болѣе чѣмъ какимъ-либо инымъ, возможно запечатлѣть въ юношескихъ умахъ не только то, что относится

къ исторіи, но и достопамятнѣйшія изреченія, познать самую древность, не говоря о пользѣ, извлекаемой для ума и для краснорѣчія.

«Да и относительно зрѣлыхъ слушателей или зрителей здѣсь не найдется ничего такого, что менѣе соединялось бы съ пріятнымъ удовольствіемъ.

«Въ дѣлѣ характеристики, быть можетъ, требовалась бы большая отдѣлка стили и выраженій, но это можно будетъ имѣть въ виду при печатномъ изданіи, которому я желаю непременно осуществиться» и пр.

Такъ онъ писалъ въ то время. Я воспользовался его совѣтомъ и, приступая къ изданію, исправилъ что нашель требующимъ большей отдѣлки.

Рекомендуя для училищъ подобныя упражненія, я имѣю въ виду не комедіи представлять (т. е. время жизни, назначенное для серьезнаго, не на пустяки тратить, что свойственно «нечестивымъ», для которыхъ жизнь «игралище», по словамъ Премудраго Соломона 15, 12). Моя цѣль — чтобы то, что пригодно для жизни, усваивалось умомъ всякими мягкими способами. Если кто готовъ послѣдовать нашему совѣту, хорошо; если нѣтъ, тоже хорошо. Прощайте.

Дѣйствующія лица:

1. Прологъ.
2. Чтець содержанія.
3. Діогенъ
4. Антисоенъ
5. Платонъ
6. Зенонъ
7. Амфилогъ
8. Елпидій
9. Игисій
10. Анонимы, нѣсколько
11. Филиппъ
12. Александръ
13. Клитъ, совѣтникъ Филиппа.
14. Пердикка
15. Парменіонъ
16. Кратиръ
17. Сцирпаль, начальникъ пиратовъ.
18. Гарпаксъ
19. Псилеть
20. Ксеніадъ, коринѳянинъ.
21. Діонисій, прежде Сиракузскій царь, потомъ учитель въ Коринѳѣ.
22. Мальчикъ, ученикъ его, съ нѣсколькими товарищами.
23. Акесторъ, врачъ.
24. Епиглогъ.
25. Нѣмыя роли: 1) толпа учениковъ и толпа народа.
2) свита царя Филиппа и Александра.
3) два сына Ксеніада.

Прологъ.

Гости! Собравшись посмотрѣть наше ученическое представленіе, серьезнаго вы ожидаете или шутиваго? Перваго нельзя требовать отъ насъ, толпы малолѣтнихъ, жатва которыхъ еще зеленѣетъ. Отъ насъ — юношей, которые отсюда уходятъ или скоро уйдутъ, можно желать только послѣдняго, потому что жизнь наша не «игралище», какъ учитъ Премудрый, и должна быть проведена не въ пустякахъ, а въ приготовленіи къ послѣдующей.

Жизнь настоящая должна проходить въ серьезныхъ занятіяхъ во славу Господа Бога, общественной жизни и всего человѣчества, куда бы ни направлялись его интересы.

Мы, которыхъ здѣсь видите, составляли ученическое собраніе, составляли — говорю — и не перестали еще составлять; дѣти — излагаемъ дѣтское, но думаемъ выйти мужчинами, способными на мужскія занятія, насколько Богъ позволитъ.

Къ этому стремятся наши образователи, подающіе намъ такія правила и примѣры, какіе, по ихъ мнѣнію, могутъ содѣйствовать для насажденія въ насъ сѣмянъ благочестія, добродѣтелей и всякаго рода образованности. Образецъ этого мы намѣрены представить въ вашемъ присутствіи, свидѣтельство ихъ заботливости и нашего прилежанія.

Это и будетъ, въ истинномъ смыслѣ, ни серьезное, ни шутивное, но уравновѣшенное изъ того и другого, такъ какъ «философы и поэты могутъ и увеселять и пользоваться».

Всѣ мы — ученики любомудрія, той науки, которая, во всѣхъ изысканіяхъ, сообщаетъ знаніе предметовъ божескихъ

и человѣческихъ. Мы имѣемъ чѣмъ гордиться, какъ граждане, по Божьему милосердію, Церкви Христовой, такъ какъ Господь Богъ, словомъ своимъ, изъ вещей, направленныхъ къ вѣчному спасенію, такъ удостоилъ насъ сотворить, что благоговѣнно внимающіе словамъ этимъ становятся, вмѣстѣ съ Давидомъ, мудрѣйшими всѣхъ мудрецовъ.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ Духъ Святой, наполняющій вселенную, кромѣ этихъ ясно въ церкви горящихъ свѣточей, восхотѣлъ, дабы въ самомъ глубокомъ языческомъ мракѣ возсіяли разныя искры отъ его свѣта, то эти, повсюду разсѣяныя искры наблюдать, собирать и примѣнять, для умноженія свѣта знанія и науки, благочестіе не возбраняетъ, умъ побуждаетъ, а сама древность, сохранившаяся доселѣ водительствою Промысла, даже приглашаетъ своими памятниками.

Подлинно, были философы язычники, въ божескихъ дѣлахъ оказавшіеся суетными, какъ говоритъ Апостоль, по своимъ измышленіямъ: но въ человѣческихъ дѣлахъ — нравственныхъ, экономическихъ, политическихъ, весьма многое изъ того, что они говорили и дѣлали, прекрасно, и заслуживаетъ удивленія и подражанія.

Въ числѣ таковыхъ лицъ былъ «Діогенъ Циникъ», интереснѣйшій философъ, котораго мы теперь выведемъ на сцену оживленнымъ съ удивительными, гениальными его поступками. Чтобы всѣ мы могли смотрѣть на него съ пониманіемъ, даже незнакомые съ исторіей, съ этимъ познакомитъ краткій обзоръ, послѣдующій за моимъ удаленіемъ, излагающій происхождение Діогена, жизнь, характеръ, привычки и пр., что относится къ лучшему пониманію.

плащи, перчатки, чулки, обувь (состоящая изъ подошвы, покрывки и ремней), башмаки, туфли, пробковыя подошвы и на обѣ ноги годныя ко- турны. 515. Гдѣ слѣдуетъ, все сдѣлается булавками, крючками и агра- фами, застежками и пуговицами. 516. Поясомъ опоясываемся и распо- сываемся, на шуркахъ затягиваемъ или развязываемъ узлы. 517. Плащи накидываемъ. 518. Какъ украшенія прибавляются: ленты (которыми свя- зываютъ волосы и прочее); шурки, кисти, бордюры, бахрома, обшивка. 519. Также: перстни, ожерелья, мониста, серьги, браслеты и пр., произведе- нія ювелировъ и гранильщиковъ; какъ и платочки, косынки. 520. Дожмотья у нищихъ. 521. Гинекей имѣеть свое украшеніе, матроны — прислужницъ.

XLVIII. О строительномъ искусствѣ.

522. Первоначально жили въ пещерахъ, берлогахъ, хижинахъ, шалашахъ изъ вѣтвей и дерна; теперь все наполнено зданіями. 523. Они бываютъ то высокія, то низкія. 524. Въ убогой хижинѣ кто охотно живеть? 525. Зодчій строить при помощи рабочихъ, топоромъ и молотомъ исполняющихъ работы свои. 526. Каменьщикъ изъ плитъ, приготовленныхъ каменосѣкомъ, по отвѣсу и перпендику- ляру строить стѣны и штукатурить известью или гипсомъ. 527. плотникъ, укрѣпивъ бревно желѣзными скобами, по отвѣсу обрубаетъ топоромъ (причемъ летятъ щепы и щепки), сверлитъ сверлиломъ, поднимаетъ блокомъ, соединяетъ въ стѣны и скрѣпляетъ, вбивая гвозди. 528. Лѣсетъ, чтобы не портился, рубить послѣ полнолунія. 529. Дровосѣкъ валить деревья, обрубаетъ, пилитъ пилою (опилки падаютъ), молотомъ вгоняетъ клинъ и разсѣкаетъ, складываетъ въ кучу, какъ и связки хвороста. 530. Столяръ стругаетъ доски стру- томъ, соединяетъ шипами, склеиваетъ клеемъ, покрываетъ лакомъ. 531. Кузнецъ въ кузницѣ раздуваетъ огонь мѣхами, разнородное желѣзо придерживаетъ щипцами и куетъ на наковальи, плющить и преобразовываетъ въ листы и жель. 532. Слесарь пилитъ пилою (остатки суть опилки), а напильникомъ уравниваетъ и сглаживаетъ, чтобы металлъ блестялъ. 533. Сюда же принадлежатъ мѣдники, ме- ханики, кровельщики; также бочари, токари, стекольщики и канат- чики, которые вьютъ канаты. 534. Поденщиковъ нанимаютъ за плату, чтобы прислуживали, передвигали тяжести рычагами, коро- мыслами и пр. 535. Горшечникъ лѣпитъ изъ глины горшки, кружки, крышки и др. вещи. 536. Домъ съ глубокимъ фундаментомъ, искусно построенный, на углахъ хорошо скрѣпленный и поддерживаемый колоннами, держится весьма долго. 537. Иначе онъ рушится, и обра- зуются развалины и мусоръ. 538. Поэтому качающійся нужно под- переть столбами и другими подпорами, падающій разрушить, обру- шившійся или срытый возстановить, воздвигнуть и возобновить. 539. Просторное жилище дѣлаетъ житье удобнымъ, тѣсное — неудобнымъ.

XLIX. О домѣ и его частяхъ.

540. Если хочешь войти въ домъ, то, чтобы не пошибиться,

frontispicium intuere: demum pulsa. 541. Si quis per transennam prospectat, aperiri roga; si aperit, pedem, ne ad limen offendas, attolle; caput, ne ad superliminare allidas (*impingas*) submitte: utrinque postes erunt. 542. Ubi pertransiveris ostium, occlude, pessulum obdendo aut obicem saltem. 543. Cardines ne strideant, aut fores crepent, lente commove. 544. Ex atrio in cætera conclavia aditus est: per scalas ad superiores contignationes. 545. Tectum columnibus incumbit; tignis et tigillis tegulæ (*imbrices*) vel scandulæ; culmen stramineum est. 546. Additamenta sunt: projecturæ et suggrundia, meniana et antibus (*antis*) innixæ pergulæ (*podia*). 547. Area impluvium dicitur; per posticum exitus est alio. 548. Sera clave clauditur et recluditur, id est, obseratur et reseratur.

L. De hypocausto.

549. Hypocaustum fornace calefit. 550. Fenestræ sunt vitreæ, et fenestræ ligneæ, cancellatæ aut clathratæ. 551. Pavimentum fistuca pavitum aut tessellatum est; laquear (*lacunar*) tabulatum, aut fornicatum. 552. Servandis rebus receptacula (*reconditoria*) sunt: arcæ, armaria, riscî, thecæ, capsæ, transportandis vero sportæ, cophini, calathi etc.

LI. De coenaculo.

553. Mensæ mappis stratae disci (sive sint orbis, sive quadrae) superponuntur, ut et salinum. 554. Apponuntur e canistro panis collyrae, aut buccæ scissæ, tum fercula. 555. Invitati convivæ, a convivatore in caenaculum (*triclinium*) introducuntur. 556. Et ubi suber pelvim ex aquali aut super malluvium e gutturnio se lavarunt et mantili terse-runt, per scamna vel disposita sedilia (suppositis scabellis) accumbunt. 557. In procinctu est structor, qui dapes praelibat et dispertitur. 558. Juscula et pulmenta cochlearibus, caetera edulia cultro (quem manubrio tene) sumuntur. 559. Civiles labia non exserta lingua lingunt lambuntve, sed mappella detergunt. 560. Neque bolos aut frusta glutunt, sed mansitando comedunt. 561. Muscæ abiguntur muscario. 562. Depromuntur e repositoio crateres et cyathi, calices, vitra et cululli, prolutaque in abaco reponuntur. 563. (Patera est patulo orificio poculum). 564. Tum cellarius temetum affert, pincerna vero ex obba, vel hirnea (*cirnea*), vel cantharo infundit et porrigit, propinantque alii aliis geniales haustus. 565. Opiparum convivium lautas habet epulas (non absque ferina) et quidem diversos missus. 566. Assaturis superadduntur in scutellis embammata (*intinctus*) lactucæ, raphanus et salgama, oliyæ, cappares, cucumeres, beta, tandemque bellaria. 567. Verum enim verò festiva colloquia praecipuum sunt condimentum. 568. Edaciores jentant, prandent, merendant, et caenant: sed qui sedentariam vitam agunt, jentaculo et merendâ abstineant. 569. Ter de die saturari nocet, nisi parce.

остановись передъ входомъ и посмотри на фронтонъ; потомъ стучись. 541. Если кто смотритъ въ окошко, проси отпереть; если отворяетъ, приподними ногу, чтобы не оступиться о порогъ; наклони голову, чтобы не удариться о надверный косякъ; по обѣ стороны будутъ косяки. 542. Когда войдешь, запри дверь, задвигая засовъ или хоть задвижку. 543. Чтобы крюки не скрипѣли или дверь не шумѣла, двигай ее тихо. 544. Изъ зала входъ въ прочія комнаты, а посредствомъ лѣстницъ въ верхніе этажи. 545. Крыша покоится на столбахъ, черепица и гонтъ — на стропилахъ и рѣшеткѣ; верхъ кровли изъ соломы. 546. Пристройки суть: навѣсы и подъѣзды, вышки и покоющіяся на столбахъ галереи. 547. Мѣсто за домомъ называется дворомъ; черный ходъ ведетъ въ другое мѣсто. 548. Замокъ ключемъ запирается и отпирается, т. е., замыкается и отмыкается.

L. О теплой комнатѣ.

549. Теплая комната нагревается печью. 550. Есть стеклянные окна и деревянные рѣшетчатые ставни. 551. Полъ убитъ копромъ или мозаичный; потолокъ обшить досками или сводчатъ. 552. Хранилища для вещей суть: ящики, шкапы, сундуки, коробки, шкатулки; для переноски вещей служатъ плетенки, корзины, кузова и пр.

II. О столовой.

553. На столъ, покрытый скатертью, ставятъ тарелки (круглы ли онѣ или четырехугольны), какъ и солонку. 554. Накладываютъ изъ корзины хлѣбъ, цѣбликомъ или ломтями, потомъ кушанья. 555. Приглашенныхъ гостей хозяинъ ведетъ въ столовую. 556. Умывшись надъ тазомъ изъ кувшина или надъ умывальникомъ изъ водоема и утершись полотенцемъ, гости располагаются по скамьямъ или кресламъ (подъ ними скамеечки). 557. Кравчій наготовѣ, который отвѣдываетъ и раскладываетъ кушанья. 558. Поливки и супы ѣдятъ ложками, прочія кушанья ножемъ (держи его за черенокъ). 559. Благовоспитанные люди не облизываютъ губъ, высунувъ языкъ, но утираютъ салфеткой. 560. Они не глотаютъ цѣльныхъ кусковъ, но ѣдятъ разжевывая. 561. Мухъ отгоняютъ опухомъ. 562. Изъ хранилища вынимаютъ чаши и черпала, бокалы, стаканы и кружки и, послѣ промывки, кладутъ на поставецъ. 563. Чаша — сосудъ съ широкимъ отверстіемъ). 564. Тогда дворецкій приноситъ вино, а виночерпій наливаетъ изъ графина или кувшина и раздаетъ; гости пьютъ за здоровье другъ друга. 565. На богатомъ пирѣ бываютъ вкусныя кушанья (не безъ дичи) и разныя блюда. 566. Къ жаркому подаютъ на блюдечкахъ салатъ, хрѣнъ и маринованные плоды, оливки, капорцы, огурцы, свеклу, а въ концѣ обѣда десертъ. 567. Но хорошіе разговоры — лучшая приправа. 568. Люди съ аппетитомъ ѣдятъ за завтракомъ, за обѣдомъ, послѣ обѣда и вечеромъ; но ведущіе сидячую жизнь воздерживаются отъ завтрака и послѣобѣденной ѣды. 569. Трижды въ день насыщаться вредно, если не ѣдятъ умѣренно.

LII. De cubiculo.

570. In dormitorio sponda cubile sustinet, sed deficiente lecto storea aut matta substernitur. 571. Strato superinicitur lodix, et huic cervical: tegetibus et stragulis nos integimus. 572. Pulvinar plumeum est, culcitra tomento facta. 573. Matula vesicae levandae et secessus (*latrina*) alvo exonerandae cubiculo necessaria requisita sunt. 574. Grabatus pro meridiana reclinacione est. 575. Qui supinus cubat et dormit in cubo (*ephialte*) molestatur, qui pronus, anhelitu. 576. Si edormisti et evigilas, vigila, ne obdormias rursus, experrectusque expergefasc alios. 577. Hyberno tempore antelucana diligentia probatur.

LIII. De balneo et mundicie.

578. Limpida faciem saepius abluere mundiciei est: fucio fucare spurcitiei. 579. In lavacris, balneis et thermis sordes et illavies, sudores et squalores eluuntur: 580. ubi tamen, honestatis ergo subligacula et castulae locum habent. 581. Sed vestimenta lavantur sapone (*smegmate*) aut everruntur setaceo pectine, aut exterguntur spongia: collaria roborantur amylo. 582. Cilicio et punice nos fricamur: vascula stramento (vel equisetu) stringuntur: quisquiliae scopis verruntur. 583. Ubi putei desiderantur, è quibus (crepidine circumdatis) tollenone et haustro vel situlis haurias, aquaeductus per tubos et canales, aut per incilia fieri convenit. 584. Tonsor crines forcice tondet (olim vellebant, ut et ovium vellera) vel deglabrat novacula. (585. Balneator insuper scarificat). 586. Coma (quas Germani alunt, Poloni capronas) pectine pectitur, calamistro cincinni crispantur. 587. Unciones, suffimenta et odoramenta, aspersionesque, ex ampullis, voluptuariorum sunt, quibus delibuti fragrant.

LIV. De conjugio et affinitate.

588. Conjugium est, cum maritus et marita ut conjuges cohabitant. 589. Caelebs matrimonium initurus dispicit sibi, quam prociat, virginem nubilem, aut viduus viduam. (590. Dos et forma nonnunquam rivalet exciunt). 591. Procus cum obtinet, ut ei despondeatur, fit sponsus, et quae nubit, sponsa: ille suum pronubum (*paranymphum*), haec suas pronubas habet. 592. A nuptiis vir et uxor dicuntur (postridie repotia fiunt). 593. Qui natam elocavit, socer est et socerus: qui duxit, gener: quae nupsit, nurus: reliqui agnati ex eo se affinium titulo cohonestant: levir glorem compellat. 594. Si comubium non arrisit, integrum fuit

LII. О спальнѣ.

570. Въ спальнѣ кровать на ножкахъ поддерживаетъ ложе; если нѣтъ пуховика, подстилають матрасъ или цыновку. 571. Ложе покрываютъ простыней и на нее кладутъ подушку; покрывалами и одѣялами мы покрываемся. 572. Подушка пуховая, матрасъ набить ватой. 573. Необходимо имѣть въ спальнѣ сосудъ для облегченія мочевого пузыря и уединенное мѣсто для очищенія желудка. 574. Купетка служитъ для полуденнаго отдыха. 575. Кто лежитъ на спинѣ и спитъ, того мучаетъ кошмаръ, а кто на животѣ — того одышка. 576. Когда ты выспался и проснулся, бодрствуй, чтобы снова не заснуть; и пробудившись, буди другихъ. 577. Въ зимнее время работа до разсвѣта похвальна.

LIII. О банѣ и чистотѣ.

578. Мыть почаще лицо чистой водой — признакъ опрятности; краситься румянами скверно. 579. Въ купальняхъ, въ баняхъ и въ ваннахъ смываются: грязь, нечистота и потъ. 580. Тамъ же ради благопристойности слѣдуетъ быть въ исподнихъ платьяхъ и фартукахъ. 581. Одежда моется мыломъ, или чистится волосяной щеткой, или же вычищается губкой; воротники крахмалятся. 582. Мы натираемся власяницей или немзой; шайки обтираются соломой или хвощемъ; соръ выметается метлой. 583. Гдѣ недостаетъ колодцевъ, изъ которыхъ (окруженныхъ срубомъ) черпають воду воротомъ, или насосомъ, или ведрами, тамъ надлежитъ проводить водопроводы чрезъ трубы, каналы или рвы. 584. Цирульникъ стрижетъ волосы ножницами (прежде выдерживали, какъ и переть овецъ) или брѣетъ бритвой. (585. Банщикъ сверхъ того пускаетъ кровь). 586. Волосы (ихъ нѣмцы отращиваютъ, какъ поляки свои чубы) расчесываются гребенкой; кудри завиваютъ щипцами. 587. Помады, благоуханія, духи и вспрыскиванія изъ флаконовъ — принадлежность изнѣженныхъ (людей); надушенные этимъ, они распространяють аромат.

LIV. О бракѣ и свойствѣ.

588. Бракъ состоитъ въ сожительствѣ мужа и жены, какъ супруговъ. 589. Холостякъ, желая вступить въ бракъ, высматриваетъ себѣ дѣвушку — невѣсту, за которой ухаживаетъ; вдовецъ ищетъ себѣ вдову. 590. Приданое и красота иногда порождаютъ соперниковъ. 591. Когда ухаживатель просватается, онъ дѣлается женихомъ, а вступающая въ замужество — невѣстой; онъ имѣетъ своихъ сватовъ, она — своихъ свахъ. 592. Послѣ свадьбы они называются мужемъ и женой; (на слѣдующій день послѣ свадьбы бываетъ пирушка). 593. Кто выдалъ замужъ дочь, тотъ называется тестемъ и тещей; кто женился — зятемъ; вышедшая замужъ — невѣсткой; остальные родственники вслѣдствіе этого именуются родичами; деверь называетъ такъ золовку. 594. Если не нравилась брачная жизнь, то въ старину

pridem nuptam repudiare, fiebatque divortium: hodie nil nisi alterutrius obitus sejungit.

LV. De puerperio.

595. Ut sexus, ita conjugalis copula thalamusque prolis causa est.

596. Vir in utre liquorem, mulier gravida in utero (*matrice, vulva*) foetum gestans, uter plus praestat? 597. Haec profecto: quae nisi abortit, filios et filias enititur, quandoque gemellos. 598. Puerpera sex septimanis (*hebdomadis*) latitare lege tenetur. 599. Pater gignit; mater parit; ambo educant, suaviant, osculantur, in sinu gremioque refovent. 600. Vitricus et noverca privignos non eodem modo diligunt, quia neuter genitor est.

LVI. De cognatione.

601. Qui ejusdem sunt progeniei et prosapiae, cognati et consanguinei dicuntur, ut sunt fratres et sorores (praesertim germani nam uterinos esse non tanti habetur), avus et avia. 602. Item: proavus, abavus, atavus; quod supra est, majores vocamus. 603. Collaterales sunt: patruus et amita, avunculus et matertera, patruelus, consobrini et amitini. 604. In descendentium serie sunt: nepos et neptis, pronepos et proneptis cum omni posteritate. 605. Sunt, qui cum careant sobole haeredibus, extraneos adoptant; sunt e contra, qui suos (ob inobedientiam) exhaeredant abdicantque. 606. Superstitibus pupillis (*orphanis*) minorennibus conservandae haereditatis gratia (cujus et posthumi participes sunt, minime vero spurii et nothi) tutores testamento dantur. 607. Qui si ex fide agunt, repertoria (*inventaria, regesta*) faciunt. 608. Testanti interea facultas est facultates suas partiendi, deque iis disdendandi et legandi, cui videtur, dimidium, trientem, quadrantem etc.

LVII. De oeconomia.

609. Quomodo pater et materfamilias familiam administrare, famuli et famulae obedire debeant, oeconomica praescribit. 610. Servus est, qui hero suo servit (nati autem ejus vernae sunt); mancipium, in quem vitae et necis potestas est; libertus manumissus. 611. Pensum facienti demensum suum debetur, diurnum, menstruum, annum. 612. Liberis parentes multa indulgent.

позволялось удалить новобрачную, и состоялся разводъ; теперь только смерть раздѣляетъ чету.

LV. О дѣтяхъ.

595. Какъ помы, такъ и супружеская связь и брачное ложе устроены для распространения потомства. 596. Мужъ, носящій сѣмя въ мошонкѣ, и беременная жена съ плодомъ во чревѣ: кто болѣе значить? 597. Конечно, послѣдняя: если не родить преждевременно, она рождаетъ сыновей и дочерей, иногда и близнецовъ. 598. Роженица закономъ установлено уединяться шесть недѣль. 599. Отецъ производитъ, мать рождаетъ; оба воспитываютъ, ласкаютъ, цѣлуютъ и трѣбуютъ на груди и на колѣняхъ. 600. Вотчимъ и мачиха не такъ любятъ пасынковъ, такъ какъ ни тотъ ни другая не родители ихъ.

LVI. О родствѣ.

601. Кто одного и того-же рода и происхожденія, называются кровными родственниками, какъ братья и сестры (особенно единокровные, такъ какъ родные по матери не такъ близкими считаются), дѣдъ и бабушка. 602. Также прадѣдъ, прапрадѣдъ и отецъ прапрадѣда; что сверхъ этого, считаемъ предками. 603. Въ боковой линіи состоятъ: дядя и тетка по отцѣ, дядя и тетка по матери, двоюродные братья по отцѣ и по матери и двоюродныя сестры. 604. Къ нисходящему поколѣнію принадлежатъ: внукъ и внучка, правнукъ и правнучка со всеми потомками. 605. Нѣкоторые, лишеныя потомства и наслѣдниковъ, усыновляютъ чужихъ; но, напротивъ, другіе своихъ дѣтей (за непокорность) лишаютъ наслѣдства и отрѣшаются отъ нихъ. 606. Для оставшихся несовершеннолѣтнихъ сиротъ завѣщаніемъ назначаются опекуны для сохраненія наслѣдства (въ которомъ участвуютъ и рожденные послѣ смерти отца, но не незаконнорожденные и побочные). 607. Если опекуны, добросовѣстно поступаютъ, то дѣлаютъ роспись (инвентарій, списокъ). 608. Между тѣмъ, завѣщатель имѣетъ право на раздѣлъ своего состоянія и, по желанію, назначать и завѣщать, кому желаетъ, половину, треть, четверть и т. д.

LVII. О хозяйствѣ.

609. Какъ хозяинъ и хозяйка должны управлять челядью, а слуги и служанки повиноваться, учить экономія. 610. Рабъ тотъ, кто служитъ своему господину (дѣти же его *vergae*); крѣпостной тотъ, надъ чьею жизнью и смертью имѣется власть; отпущенный слуга называется вольноотпущеннымъ. 611. Исполняющій работу получаетъ вознагражденіе, дневное, мѣсячное, годовое. 612. Дѣтямъ родители во многомъ потакаютъ.

LVIII. De urbe.

613. Urbem muniunt maenia, aggeres, valla et valli propugnaculaque. 614. Intervallum (*interstitium*) habet fossam; pomaerium intrò est, qua civibus ad moenia patet accessus. 615. Porta habet claustra sua, valvas, repagula et cataractas. 616. Plateae et vici lapide sunt strati, ut et forum cum porticibus, ne lutosae sint ambulationes. 617. Angiporti ut plurimum impervii sunt. 618. Suburbis oppidum ampliatur, turribus decoratur, potissimum si muratae sint et fastigiatae. 619. Non cuncti incolae privilegiati sunt, sed indigenae et municipes. 620. Ex his quidam a censu et oneribus publicis immunes sibi privatim vivunt. 621. Peregrini et inquilini sunt vectigales. 622. Templum, armamentarium, aerarium, granaria, civitatis robur sunt. 623. At cisternae, horologia, scholae, bene ordinata, belli regiminis indicium (*documentum*). 624. Pone praetorium custodia poni solet, in recessibus foricae. 625. Diversoria, cauponae, popinae, pro advenis parantur, asyla (*refugia*) pro sonfibus, xenodochia pro pauperibus. 626. Basilica est augusta aedes vel domus. 627. Specula in editiore loco sit, vigiles autem vigiles. 628. Vicini mutua sibi ministeria debent.

LIX. De templo.

629. Aedituus campanarum pulsu cactum ad sacra convocat. 630. Ubi conventum est, cantorum chorus ad pluteum psalmos et hymnos spirituales decantat. 631. Concionator (*Ecclesiastes*) e suggestu Spiritum Sanctum invocat, textum biblicum authenticum interpretatur, scripturas utriusque testamenti citat, ad poenitentiam (*resipiscentiam*) juxta decem praeceptorum (*decalogi*) tenorem hortatur, sontrita corda satisfactione meritoque Christi solatur, hoc scilicet modo Evangelium praedicans, et religione auditores rite imbuens. 632. Peracta precatione (*oratione*) festa indicit et concionem (quae quo frequentior, eo charior) dimittit. 633. Nonnunquam catechizat, baptizat, sacram coenam (*synaxin, Eucharistiam*) ministrat. 634. Absolvit poenitentes, a sacramentis arceat impenitentes, hypocritas conscientiae suae committit. 635. Encoenia et anniversariae solemnitates debita festivitate (biduo, triduo, octiduo) celebrantur. 636. Ceremoniae non apud omnes eadem sunt, nec ordinandi et initiandi ministros mos idem, sed disparitas haec innoxia est.

LVIII. О городѣ.

613. Стѣны, окопы, валы, палисады и укрѣпленія защищаютъ городъ. 614. Между валомъ и палисадомъ находится ровъ; внутри пустое мѣсто, гдѣ гражданамъ открытъ доступъ къ стѣнамъ. 615. Ворота имѣютъ свои замки, дверцы, задвижки и подъемныя рѣшетки. 616. Площади и улицы вымощены камнями, какъ и рынокъ со своими сводчатыми проходами, для защиты мѣсть гулянья отъ грязи. 617. Переулки не имѣютъ болѣею частію прохода. 618. Городъ увеличивается предмѣстьями, украшается башнями, особенно если онѣ каменные и высокія. 619. Не всѣ жители пользуются льготами, только туземцы и граждане. 620. Изъ нихъ нѣкоторые освобождены отъ народной переписи и податей и живутъ отдѣльно для себя. 621. Чужеземцы и постояльцы платятъ подати. 622. Церковь, арсеналъ, казначейство, амбары составляютъ силу государства. 623. Водопроводы, городскіе часы, школы, если онѣ хорошо устроены, знакъ хорошаго управленія. 624. Около судилища обыкновенно помѣщается тюрьма; въ отдаленныхъ мѣстахъ нечистоты. 625. Гостиницы, трактиры и кухмистерскія устраиваются для чужеземцевъ; убѣжища для преступниковъ; пріесты для бѣдныхъ. 626. Дворецъ есть прекрасно устроенное зданіе или домъ. 627. Каланчи находятся на возвышенномъ мѣстѣ, часовые бдительны. 628. Сосѣди обязаны взаимно услуживать другъ другу.

LIX. О храмѣ.

629. Звонарь призываетъ колокольнымъ звономъ прихожанъ къ богослуженію. 630. Какъ только прихожане соберутся, хоръ пѣвчихъ поетъ на хорахъ псалмы и духовныя пѣсни. 631. Проповѣдникъ призываетъ съ амвона Святаго Духа, объясняетъ подлинный текстъ Библии, читаетъ писанія обоихъ Заветовъ, призываетъ къ раскаянію, ссылаясь на десять заповѣдей, утѣшаетъ огорченныя сердца, указывая на искупленіе и заслуги Христа, проповѣдуетъ именно такимъ образомъ Евангеліе и учитъ слушателей истинной вѣрѣ. 632. По окончаніи молитвы онъ объявляетъ праздники и отпускаетъ общину, которая, чѣмъ болѣе, тѣмъ пріятнѣе. 633. Иногда учитъ Христіанскому закону, крестить и приобщаетъ прихожанъ. 634. Онъ освобождаетъ отъ грѣховъ кающихся, не допускаетъ нераскаянныхъ къ Святымъ Тайнамъ и усовѣщаетъ ханжей. 635. Праздники и годовыя торжества празднуются съ подобающею торжественностью два, три, восемь дней. 636. Церковныя обряды не у всѣхъ одинаковы, какъ и обычай посвящать и производить въ чины служителей церкви; но это различіе не вредитъ.

LX. De ecclesia.

637. Parochus est suae parociae inspector, illius autem antistes. 638. Praesules (abbates, praepositi, priores) monachis, abbatissae monialibus, sacellani sacellis, diaconi collectis praesunt. 639. Primitiae et decimae sacerdotibus offeruntur; eremitae eremum inhabitant. 640. Episcopi in conciliis schismata et sectas componunt, haereticos blasphemos cum asseclis, apostatasque ab ecclesiae unione excommunicant, doctrinae canonem constabiliunt.

LXI. De ethnicorum judaeorumque superstitionibus.

641. Pagani (*gentiles*) sacrificuli in delubris lucis suis sacrificia (*hostias, victimas*) super aras (*altaria*) immolabant, thura libabant et adolebant, et taliter idolis suis litantes, lustralique aqua sese lustrantes, piacula expiabant: sed abominatio fuit. 642. Profanum appellabant, ceu minus sacrum, quicquid extra fanum esset non consecratum. 643. Pontifex infulatus sacrarium (*adytum*) intrabat, flaminesque thuribulo (*acerra*) suffiebant, cymbalis, tintinnabulis, nolis crotalisque tinnientes. 644. Vates eorum, sagae et piatrices, vaticinabantur, non ex Numinis afflatu, aut inspiratione per raptum (*ecstasin*), ut prophetae Jsraëlis, sed ex auspiciis, (*auguriis*) aruspicina sortibusque superstitionis. 645. Hinc ariolari et augurari, pro divinare, usurpabant. 646. Habebant et oracula, sed erronea, a Vejove profecta. 647. Demortuos heroas divis accensebant. 648. Judaei in synagogis praepudia circumcidunt, sabbatho feriantur etc.

LXII. De curia.

649. In curia senatus consessus suos et de republica curas agunt. 650. Asservatur ibidem matricula civium (*album*) et tabulae publicae. 651. Consul deliberanda proponit, senatores sententias dicunt, ille concludit. 652. Notarius cancellis septus acta consignat: et ita quisque suo munere fungitur. 653. Ministratores illis sunt apparitores, id est, statores, accensi, scribae, et praecones. 654. Plebs in tribus tributa, suos habet tribunos, per quos plebiscita feruntur ad ratihabitionem senatusconsulto. 655. Habent et opifices curias seu collegia sua, ordinis causa: novitius artificium professus, curionibus det specimen.

LX. О церкви.

637. Священникъ — блюститель своей общины, но епископъ — надзиратель его самого. 638. Прелаты (аббаты, архіереи, игумены) управляютъ монахами, игумены — монахинями, священники—храмами; дьяконы завѣдуютъ приношеніями. 639. Десятую часть первыхъ плодовъ приносятъ священникамъ; отшельники живутъ въ пустыняхъ. 640. Епископы на соборахъ уничтожаютъ расколь и секты, отлучаютъ отъ общества церкви богохульныхъ еретиковъ съ ихъ послѣдователями и вѣроотступниковъ и подтверждаютъ правила вѣрной религіи.

LXI. О суевѣріяхъ язычниковъ и іудеевъ.

641. Языческіе жрецы закалывали въ своихъ капищахъ и рощахъ жертвы на жертвенникахъ (алтаряхъ), жертвовали и воскуряли енциамъ, и такимъ образомъ умилостивляли своихъ идоловъ, омывались освященной водой, очищали отъ грѣховъ; но это было омерзѣніе. 642. Мірскимъ, или не священнымъ они называли то, что внѣ капища не было освящено. 643. Старшій жрецъ въ митрѣ входилъ въ святилище, а другіе жрецы воскуряли кадиломъ, звяцали въ цимбалы, колокольчики, бубенчики, бубны. 644. Ихъ прорицатели, гадательницы и ворожеи прорицали не по внушенію отъ Бога, или по вдохновенію, въ экстазѣ, какъ пророки Израиля, а по птичьему полету, по внутренностямъ жертвъ и суевѣрнымъ признакамъ. 645. Отсюда у нихъ *agiolagi* и *auguragi* значило «гадать». 646. Они имѣли и оракулы, но изрекавшіе невѣрно, происходящіе отъ демона. 647. Умершихъ героевъ причисляли къ богамъ. 648. Іудеи въ синагогахъ обрѣзаютъ крайнюю плоть, празднуютъ субботу и т. д.

LXII. О городской думѣ.

649. Въ ратушѣ совѣтъ устраиваетъ свои засѣданія, и заботится о государствѣ. 650. Тамъ же сохраняется списокъ гражданъ и государственныхъ бумаги. 651. Бургомистръ объявляетъ, о чемъ говорить, совѣтники высказываютъ мнѣнія, онъ заключаетъ. 652. Письмоводитель, окруженный рѣшеткой, записываетъ дѣла; такимъ образомъ каждый исполняетъ свою должность. 653. Имъ даны служители: швейцары, разсылные, писцы и герольды. 654. Народъ, раздѣленный на трибы, имѣетъ своихъ трибуновъ, которые доносятъ всѣ его требованія на утвержденіе совѣта. 655. Ремесленники имѣютъ также собранія или засѣданія для порядка: новый мастеръ обязанъ дать образецъ своего искусства трибуну.

LXIII. De judiciis.

656. Duobus de quacunque controversia disceptantibus, tertium intervenire necesse est, qui litem dirimat, aut, de quo altercantur, diribeat; alias certamina et contentiones in infinitum ibunt. 657. Aut igitur arbitrum sibi deligant, ejus arbitrio acquiescant utrinque, aut sectentur forum, et secum experiantur jure. 658. Qui adversario dicam impingit (*scribit*), citat et arcessit eum ad praetorem (praeterquam nefasto die), insimulat et accusat noxiae. 659. Ad actoris petitionem accersitur reus, accusatio et excusatio cognoscitur: si diffitetur, admittuntur testes, et illi quidem jurati, si autoritas per se non sufficit. 660. Advocatus seu patronus clientem (utpote, qui se in clientelam ejus dicavit) ne destituat, sed defendat, ex aequo tamen et bono, ne rabula audiat. 661. Vitet et judex praepudicia maximopere, neque largitionibus corruptus, huc aut illuc propendeat, sed nude secundum probatorum evidentiam decernat. 662. Si adessores adsunt, praesidis est judicia colligere, illorum ferre, libere sed juste, ut sones damnentur, insontes justificentur. 663. Nam decreta et edicta consensu facta retractari, revocari, ac rescindi indecens est. 664. Causae decisio ut promulgata est, ocyus exsequutio fiat: nisi condemnatus protestetur, et ad tribunal superius provocet (*appellet*) ibi justitio, comperendinationi, aut etiam sequestrationi locus est. 665. Sed et vadantur litigatorem, ad sistendum se. 666. Interdum dilatio adhibetur, propter intercessionones et vadium fidejussionones: sed, quod quis spondet, praestare tenetur.

LXIV. De maleficis et suppliciis.

667. In praevaticatores animadvertendum est, et notoriis peccatis multa (*mulcta*) irroganda, ne impunitas in licentiam abeat. 668. Ad cöercendos atque compescendos improbos virgae sunt flagella, scuticae, compedes, manicae, numellae, cippi, ergastula, carceres, tormenta, patibula, ut per lictores et carnifices facinorosi rapiantur, vinciantur, constringantur, caedantur, verberentur, torqueantur, excrucientur, aut etiam morte afficiantur desperati. 669. Fures enim suspenduntur; moechi decollantur; homicidae et sicarii crurifragio plectuntur (quondam cruci affigebantur); parricidae cum serpentibus euleo insuti submerguntur; anus veneficae (*lamiae*) striges, et incendiarii, rogo cremantur; calumniatores maligni (*malitiosi*) elinguantur; prostibula aquis suffocantur,

ИЛИДА.

(См. «Гимназія» кн. LXII.)

Пѣснь вторая.

(Продолженіе).

Всѣ сѣли, стѣснились рядами, молчали. Одинъ лишь
 Ферситъ бранился, болтунъ безконечный: онъ въ сердцѣ
 своемъ неприличнаго много имѣлъ, чтобы дерзко, нелѣпо
 перечить царямъ, чтобы только смѣшинѣе казалось аргеемъ,
 и былъ безобразнѣйшій подъ Иліономъ: онъ былъ криво-
 ногій, съ одною хромою; плечи горбомъ, надавившись на
 грудь; и голова заостренная, жидкая шерсть проходила по
 ней. Одиссею и Ахиллу онъ былъ ненавистнѣйшій: ихъ
 онъ всегда задѣвалъ. Но теперь на Атрида, царя Агаме-
 мнона, громко кричалъ и злословилъ; за это ахеи ужасно
 сердились и его не терпѣли; теперь онъ изычно оралъ
 на царя и его поносили.
 Чѣмъ же еще ты теперь не доволенъ? Чего
 тебѣ хочется? Ставки твои переполнены мѣдью, мно-
 жествомъ и женщинъ отборныхъ, которыхъ первѣе всѣхъ
 отдаемъ мы тебѣ, если городъ какой разрушаемъ. Или
 золота хочешь, которое принесешь бы и троянецъ, и ко-
 нями богатый, на выкупъ за сына, а я бы поймалъ и при-
 велъ, или другой изъ ахеянъ? Или новой женщины себя
 на потѣху, чтобы подалше держать? Нѣтъ, Атридъ! кто

начальникъ, тому наступать на ахейскихъ сыновъ не при-
 годно. Нѣженки вы, срамники! не ахейцы, ахеянки!..
 235 Сядемъ сейчасъ на суда, а его здѣсь подѣ Троей оста-
 вимъ награды вкушать. Пусть узнаеть, пойдемъ ли и мы
 на защиту его. Теперь онъ Ахилла, гораздо славнѣйшаго
 240 мужа, обидѣль, награду отнялъ самъ и держить,
 самовольно; да только Ахиллъ незлопамятенъ, вялый, а то
 бы ты нынѣ, Атридъ, послѣдній разъ поглумился.

Такъ Ѳерситъ бранилъ Агамемнона, пастыря многихъ
 245 народовъ. И тутъ-то къ нему подошелъ Одиссей богород-
 ный, гнѣвно взглянулъ и тяжелыми молвилъ словами:
 — Ѳерситъ, безтолковый, крикливый болтунъ! пере-
 стань! и не смѣй перечить царямъ. Говорю тебѣ: хуже тебя
 250 человѣка нѣтъ изъ всѣхъ, кто подѣ Трою пошелъ
 съ Атридами; потому не тебѣ порицать своими устами имя
 царей; не тебѣ говорить имъ обиды, возвратъ наблюдать.
 Да мы и не знаемъ, какъ это будетъ: на счастье ли намъ
 255 возвращаться или на несчастье. Ты тутъ сидишь и
 злословишь Атрида, пастыря многихъ народовъ, за то,
 что ему очень много даютъ герои данаи, кричишь и поро-
 чишь! Я же тебѣ иное скажу, и навѣрное сбудется такъ:
 260 если еще я тебя здѣсь застаю въ такомъ, какъ теперь,
 безразсудствѣ, то пусть у меня голова на плечахъ отва-
 лится, пусть и отцомъ Тилемаха меня не зовутъ, если я
 не сорву съ тебя платье, хитонъ и хламиду, покровъ для
 265 стыда твоего, самого же отсюда вонъ къ судамъ прогоню
 со слезами, побивши позорно. портъ налетѣтъ
 Такъ сказалъ Одиссей и ударилъ его по плечамъ и
 270 спинѣ золотымъ своимъ посохомъ. Ѳерситъ скривился,
 горячія брызнули слезы, кровавый рубецъ побѣжалъ по
 спинѣ отъ посоха. Съль онъ, смутившись, болѣя, взгля-
 нуль глуповато и слезы отеръ. Данаи, хотя и жалѣли,
 но сладко надъ нимъ посмѣялись, и такъ говорили другъ

другу: «Да, да! Тысячи дѣлъ совершилъ Одиссей, направляя совѣты благіе, ополчаясь на брань, но это самое лучшее дѣло аргивянамъ сдѣлать: сдержалъ болтовню ругателя наглаго. Больше его не понудить духъ его дерзкій царей оскорблять поносною рѣчью».

Такъ говорили въ собраніи. Градорушитель тогда Одиссей съ своимъ посохомъ выступилъ; съ нимъ и Аѳина, свѣтлыя очи, подобная вѣстнику, кликнувъ народу молчать, дабы, какъ передніе, также и задніе слышали слово и вникли въ совѣтъ. Одиссей говорилъ благодушно; онъ молвилъ:

— Царь Атридъ! теперь очевидно ахейцы готовы оставить тебя на позоръ всѣмъ смертнымъ людямъ, не хотятъ завершить обѣщанія, съ коими вышли, отправляясь изъ Аргоса конеобильнаго — въ домъ возвратиться, разрушивъ Троянскія стѣны. Теперь, словно малыя дѣти и вдовыя жены, плачутся другъ передъ другомъ — домой возвращаться. Правда, домой возвращаться, измучившись, трудно. Иной, одинъ мѣсяць пробывши вдали отъ супруги, тоскуетъ на суднѣ своемъ многовесломъ, когда его бури осеннія несутъ да волны морскія; у насъ же девятый годъ обернулся, какъ мы здѣсь стоимъ. И я не гнѣвлюсь, что ахейцы тоскуютъ при суднахъ высокихъ; но всетаки стыдно и долго сидѣть и ни съ чѣмъ возвращаться. Други, стерпите на время. Узнаемъ, истинно ли Калхасъ пророкъ или нѣтъ. Всѣ мы то знаемъ, и всѣ вы свидѣтели, коихъ еще не похитили смертныя судьбы: будто вчера или утромъ случилось. Тогда въ Авлиду собрались суда, чтобъ нести Приаму съ троянами гибель, мы у ключа, на святыхъ алтаряхъ, совершали безсмертнымъ отборныя жертвы подъ букомъ прекраснымъ, откуда струился свѣтлый источникъ; и тамъ показалось великое чудо: драконъ съ пятнистой спиной, отвратительный, коего самъ олимпіецъ послалъ на

310 свѣтъ, выскочилъ вдругъ изъ ступеней и бросился вверхъ
на тотъ букъ, а на букѣ птенцы воробья находились,
малыя дѣти, на самой высокой вѣтви, подъ листьями спря-
тавшись, восьмеро; мать, ихъ родившая, была девятой. И
вотъ онъ всѣхъ ихъ, чирикавшихъ жалостно, тамъ же
315 пожралъ. Въ отчаянны мать ихъ летала вокругъ милыхъ
дѣтей; но взвившись, драконъ схватилъ и ее за крыло,
трепетавшую. Тутъ же, когда онъ съѣлъ и дѣтей воробья
и ихъ мать, пославшій богъ положилъ его знаменіемъ; въ
320 камень его превратилъ Зевсъ, сынъ Крона провидца. Мы
въ изумленіи стояли предъ тѣмъ, что случилось; и такъ
какъ страшное чудо боговъ посѣтило ту жертву, то Кал-
хасъ пророкъ говорилъ намъ:

— Что онѣмбли, ахеи косатые! Чудо великое намъ по-
325 казалъ Зевсъ промыслитель, чудо позднее, поздно свершимое,
слава же его никогда не погибнетъ. Какъ этотъ съѣлъ дѣ-
тей воробья, всѣхъ восьмеро, мать же родившая была де-
вятой, такъ же и намъ столько лѣтъ воевать тамъ при-
дется; въ десятый же годъ мы возьмемъ широкія улицы Трои.
330 Такъ говорилъ намъ Калхасъ, и теперь вотъ такъ все
и есть. Обождите же, славнопоножныя войны, здѣсь, покуда
возьмемъ высокій городъ Пріама.

Такъ сказалъ Одиссей; аргивяне гикнули страшно
всѣ, и отъ этого гика откликнулись грозно суда; всѣ по-
335 хвалили слова Одиссея. Къ аргивянамъ слово тогда гово-
рить сталъ Несторъ, старый наѣздникъ: — Да, да! Вотъ вы
здѣсь говорите, какъ малыя дѣти, конхъ военное дѣло
ничуть не печалить. Куда же пойдутъ ваши клятвы,
340 согласіе ваше? Въ огонь и совѣты пойдутъ, и заботы
мужей, возліанія чистыя, правыя руки — все, на что мы
положились. Все на словахъ препираемся; а исхода при-
думать не можемъ, хоть и долгое время здѣсь остаемся.
345 Ты, Атридъ, какъ и прежде, держи непоколеблемо волю,

начальствуй надъ всѣми въ сѣчахъ кровавыхъ, а тѣхъ оставь пропадать, одного или двухъ, кто мыслить особо, — цѣли они не достигнуть раньше, чѣмъ намъ возвратиться въ Аргосъ и извѣдать, ложно ли то обѣщаніе Зевса эгиднаго или неложно. Я говорю, что знаменье далъ намъ 350
всесильный Кроніонъ въ тотъ день, какъ аргеи на быстрыхъ судахъ пошли на троянъ, понесли имъ смерть и убійство: молніей справа сверкнулъ и вѣщее знаменье намъ показалъ. Потому, ни одинъ не спѣши возвращаться на родину, раньше чѣмъ уснуть съ женою троянца и тѣмъ 355
отомстить за труды и лишенія ради Елены. Если же кто такъ настойчиво хочетъ домой возвращаться, пусть тронетъ свой черный корабль доброналюбный: тотчасъ предъ всѣми настигнетъ и смерть, и судьбу. Такъ ты, 360
царь, все обдумай, но слушай другихъ, и то, что скажу, пусть будетъ тобой не отринуту: всѣхъ раздѣли по колѣнамъ, по братствамъ, и братство пусть пособствуетъ братству, колѣно — колѣну. Если такъ сдѣлаешь, если и всѣ такъ послушаютъ, скоро узнаешь, кто изъ вождей и кто 365
изъ народа похуже, кто лучше окажется: самъ за себя они будутъ сражаться; узнаешь также, божьей ли волей не властвуешь гордомъ или же трусостью ихъ да въ войнѣ недомыслиемъ.

Царь Агамемнонъ такъ отвѣчалъ: 370

— О, старецъ! ты въ совѣщаніяхъ всѣхъ побѣждаешь ахеянъ. О, Зевсъ отецъ, Аполлонъ и Аѳина! Еслибы мнѣ такихъ десять совѣтниковъ, скоро бы рухнулъ городъ 375
Приама, раскиданный нашими силами. Но Зевсъ Кронидъ всемогущій мнѣ скорби послалъ: въ безцѣльные распри, въ вражду повергаетъ. Вотъ и теперь мы съ Ахилломъ поссорились, ради дѣвицы, обидною рѣчью, я первый обидѣль; но еслибы мы на одно замыслили, тогда для тро- 380
янъ отклоненія гибели не было бы ни на сколько. Такъ

теперь ступайте обѣдать, дабы набратъся Арея; всякій
 385 итить хорошо приложи, хорошо дай конямя пообѣдать,
 всякій колеса свои хорошо осмотри, о войнѣ помышляй:
 потому что цѣлый день судиться мы будемъ Ареемъ.
 Отдыха въ битвѣ не будетъ нимало, развѣ наступить
 390 ночь и раздѣлитъ силу мужей. Вспотѣетъ ремень на
 груди отъ щита охранителя, подъ мечомъ рука истомится,
 вспотѣетъ и конь, колесницу таская легкую. Если-жъ
 кого я замѣчу вдаль отъ сраженья, здѣсь, при высокихъ
 395 судахъ, для того будетъ мало, чтобы птицы пожрали его
 и собаки.

Такъ говорилъ Агамемнонъ; аргивяне ахнули, словно
 395 какъ волны о берегъ высокій, когда ихъ двинетъ явив-
 шійся Нотъ на скалистый утесъ: и волны всяческихъ
 вѣтровъ его не бросаютъ, кои бываютъ и здѣсь, бываютъ и
 400 здѣсь. Встали ахейцы и всеѣ разошлись по судамъ; задымили
 въ налаткахъ и приняли нищу. Всякій жертвовалъ разному
 богу, молилъ убѣжать отъ ударовъ Арея и смерти. Царь Ага-
 405 мемнонъ быка закололъ пятилѣтняго, жирнаго, Зевсу все-
 мощному и пригласилъ именитыхъ ахейскихъ старшинъ
 и прежде всеѣхъ Нестора съ Идоменеюмъ царемъ, затѣмъ
 обоихъ Аяксовъ, Тидеева сына; шестой Одиссей былъ,
 умомъ равный Зевсу; Атридъ Минелай, славный кликами,
 410 самъ подошелъ: онъ зналъ въ своемъ сердцѣ, что братъ
 озабоченъ. Быка обступили и взяли ячмень, а предъ
 ними молился царь Агамемнонъ:

— Зевсъ преславный, великій тучегонитель, въ эфирѣ
 415 живущій! Да не зайдетъ солнце, не придуть и мраки,
 прежде чѣмъ въ прахъ низложу я чертоги Приама дым-
 ные, ворота сожгу ужаснымъ огнемъ, хитонъ же Гектора
 на груди разорву и мѣдью пробью, и кругомъ его други
 420 нищъ въ прахѣ зубами хватать будутъ землю.

Такъ говорилъ Агамемнонъ, но еще не свершалъ

ему жертвы Кроніонъ: жертву принялъ, но трудъ умножалъ 420
 непрерывный. Когда помолились, ячменемъ посыпали, под-
 няли голову вверхъ, закололи, содрали, обрѣзали кости бедро- 425
 выя, жиромъ покрыли два раза, на нихъ потроха положили,
 на полѣнахъ безлистныхъ все сожигали, а печень наткнув- 430
 ши держали надъ силой Ифеста; когда же кости сгорѣли,
 и печенюю все подѣлились, все остальное дробили, на вер- 430
 тѣла взяли и жарили все осторожно и снимали; когда
 же окончили трудъ, приготовили пиръ, пировали, и ни 435
 въ чемъ душа не нуждалась на пирѣ прекрасномъ. Когда
 же желаніе пищи и питья все насытили, началъ къ нимъ
 слово Несторъ, старый наѣздникъ:

— Атридъ преславный, царь Агамемнонъ! Не будемъ 435
 мы долго здѣсь сидѣть въ разговорахъ, откладывать дѣло,
 которое богъ довѣряетъ. Пусть вѣстники кличутъ народъ,
 собираютъ его къ кораблямъ, а мы сами вмѣстѣ пойдемъ по 440
 широкому стану, дабы поскорѣе возбудить острое мужество.

Такъ говорилъ ему Несторъ, и царь покорился: велѣлъ 440
 своимъ вѣстникамъ звонкоголосымъ сзывать на войну
 длиннокосыхъ ахеянъ. Тѣ ихъ сзывали, а тѣ собирались 445
 проворно. Кругомъ Атрида цари суетились, дѣлили, и съ
 ними Аѣнна, свѣтлая очи, съ эгидой священной, без- 450
 смертной и нестарѣющей. Кисти висѣли съ ней — сто, зо-
 лотыя, прекрасноцветныя, каждая во сто быковъ. И 450
 съ этой эгидой, блистая, Аѣнна по стану ходила, людей
 побуждала на брань, возбудила у каждаго въ сердцѣ силу
 разить неустанно; для нихъ война была слаще, чѣмъ 455
 ѣхать домой на глубокихъ судахъ въ свою милую отчую
 землю. Какъ въ заревѣ ясномъ лѣсъ безконечный го-
 ритъ на высокой горѣ, и пламя высоко виднѣется, такъ
 отъ ахеянъ идущихъ, отъ божеской мѣди, яркій свѣтъ
 проходилъ чрезъ эфиръ и до неба.

Какъ много племень перелетныхъ птицъ, гусей, жу- 460

461 равлей, лебедей длинношеихъ летаетъ сюда и сюда на
 азіійскомъ лугу, у Каистрія водъ, на крыльяхъ веселыхъ,
 и съ крикомъ одни предъ другими садятся, и лугъ откли-
 464 кается: такъ же и тѣхъ, отъ судовъ и шалатокъ,
 465 много племень стремилось въ долину Скамандра. Подъ
 ними грозно стонала земля, подъ ногами ахеянъ самихъ
 и коней ихъ. Стали въ долинѣ цвѣтистой Скамандра
 467 тысячи, — сколько весною бываетъ цвѣтовъ или листьевъ.
 470 Какъ много племень стустившихся мухъ въ шаланѣхъ па-
 стуха летаетъ весенней порою, когда сосуды хотятъ молока:
 столько тогда длиннокосыхъ ахеянъ предъ Троей на полѣ
 стояло, желавшихъ сразиться. И какъ козопасы легко раз-
 473 дѣляютъ большія стада своихъ козъ, если въ полѣ смѣ-
 шаются: такъ и тѣхъ раздѣляли вожди, дабы шли сюда
 и сюда на сраженіе, и между ними Атридъ Агамемнонъ
 царь, головой и глазами подобный Зеву, метателю
 480 молній, грудью — Посидону, а поясомъ — Арю. Какъ
 въ стадѣ бываетъ быкъ, отличный предъ всѣми; вели-
 чественъ онъ предъ собравшимся стадомъ коровъ: таковымъ
 поставилъ Зевсъ въ этотъ день и Атрида, отличнымъ и
 482 славнымъ надъ всѣми героями.

ОДИССЕЯ.

(См. кн. LXII.)

ПѢСНЬ вторая.

(Окончаніе).

Услышь меня, богъ мой, ты, что вчера въ мой домъ при-
 ходилъ, наказаль отправляться мнѣ съ судномъ въ без-
 брежное море, пути распросить отца, давно такъ ушед-
 шаго. Все затрудняютъ ахеи, а больше всего женихи
 самоуправные, злые. Такъ говорилъ Тилемахъ и молился; и тутъ же
 Аѳина къ нему подошла, во образъ Ментора: тотъ же и
 видъ, и голосъ. Она говорила крылатое слово: Да, Тилемахъ. Ты и впредь не окажешься трусомъ
 или недоумкомъ, если въ тебя хоть капля вканута стой-
 кости доброй, какая была у него, чтобы слово свое до-
 вершить или дѣло: тогда и свой путь до конца доведешь;
 онъ не будетъ напрасенъ. Но если ты не его родъ, не
 сынъ Пенелопы, то я не надѣюсь, чтобы ты довершилъ,
 что задумаль. Рѣдко бываетъ, чтобы сынъ былъ похожъ
 на отца, какъ рѣдко и то, чтобы лучше, а большею
 частью хуже. Но если ты и впредь не окажешься тру-
 сомъ или недоумкомъ, и если тебя не совсѣмъ оставилъ
 смыслъ Одиссея, то есть надежда трудъ довести до конца.

Ты рѣчи и цѣль жениховъ безразсудныхъ забудь; они люди безъ разума, люди безъ правды: не мыслятъ о смерти и черной судьбѣ, которая къ нимъ уже близко, 285 чтобы всѣмъ въ одинъ день имъ погибнуть; но до пути, что задумалъ, уже не далеко: я твой отцовскій товарищъ, на столько, что самъ уснащу тебѣ легкое судно, съ тобой и поѣду, а ты отправляйся домой, тамъ побудь съ женихами и все приготовь путевое, въ посуду всего набери, 290 въ амфоры вина, а муку — это мозгъ человѣку — въ плотные мѣхи изъ кожи. А я по народу пойду и охотниковъ кликну. Въ Итакѣ, водой окруженной, довольно судовъ и новыхъ, и старыхъ. Я высмотрю лучшее, быстро 295 его уснастимъ и спустимъ на море широкое.

Такъ говорила Аѳина, дочь Зевса. Не долго стоялъ Тилемахъ послѣ голоса бога, и тотчасъ домой поспѣшилъ, опечаленный въ любящемъ сердцѣ, и дома засталъ жениховъ самоправство: въ палатахъ его они чистили козъ, а 300 въ дворѣ опалали свиней. Антиной улыбался, на встрѣчу пошелъ Тилемаху, съ нимъ сросся рукою и такъ говорилъ: — Теперь, Тилемахъ, высокоговорливый, да въ гнѣвѣ несдержанный, ничѣмъ не печался въ груди — ни словомъ, ни дѣломъ, а ѣшь себѣ, пей, какъ и прежде; а 305 это ахеи тебѣ отлично устроятъ — и судно, и лучшихъ гребцовъ, чтобы ты поскорѣе могъ въ Пилосъ веселый пріѣхать за слухомъ о славномъ отцѣ.

Тилемахъ разумный ему отвѣчалъ: — Антиной! Не приходите съ вами спокойно сидѣть и еще угощаться, обидчики! Развѣ того не довольно, что 310 вы до сихъ поръ, женихаясь, губили здѣсь столько добра, когда я еще мальчикомъ былъ? Но теперь я большой: понимаю и рѣчи другихъ, набираюсь и мужества. Теперь я на васъ попытаюсь накинуть злыхъ мстителей, въ Пилосѣ ли когда буду, или здѣсь же, вотъ въ этой землѣ. Да — я

поѣду. Тотъ путь, что сказалъ я, не суетный будетъ ; поѣду, какъ путникъ, ничѣмъ, не причастный къ судну, ни къ весельникамъ, — какъ, вѣроятно, для васъ 320
показалось наилучше.

Такъ отвѣчалъ Тилемахъ и тихо отнялъ свою руку изъ руки Антиноя. Женихи хлопотали за пиромъ; смѣялись надъ нимъ, издѣвались въ бесѣдѣ и такъ говорили презрительно:

— Да, Тилемахъ намъ навѣрное смерть замышляетъ! 325

— Да, да; еще навезетъ заступателей изъ песчанаго Пилоса!

— О, да! пожалуй, изъ Спарты. Ужасно старается! — Да, да; пожалуй въ Ефиру захочетъ отправиться, яду оттуда добудетъ смертельнаго, да и броситъ намъ въ чашу и всѣхъ изведетъ! 330

Другіе такъ говорили презрительно:

— Кто знаетъ?! Пожалуй, пойдетъ, какъ отецъ, на глубокомъ суднѣ и заблудится и тамъ пропадетъ далеко отъ своихъ! И тогда еще больше хлопотъ намъ задастъ: придется 335

нажитки намъ вмѣстѣ дѣлить!... ну, домъ его матери можно отдать и тому, кто обратится съ нею.

Такъ женихи говорили. Тилемахъ спустился въ широкій, высокій отцовскій покой, гдѣ въ кучахъ лежала и мѣдъ и золото, въ ящикахъ платье, множество масла пахучаго; тамъ же въ рядъ, прислонившись къ стѣнѣ, стояли бочки съ виномъ усладительнымъ, старымъ, на время его возвращенія, даже по многихъ страданіяхъ. Для этого были заперныя крѣпкія двери двустороння; женщина 340

ключница тамъ и ночи и дни находилась и все берегла многознаньемъ ума, Евриклея, дочь Опа Писинорида. Ее Тилемахъ позвалъ въ отцовскій покой и сказалъ:

— Мама, налей мнѣ вина поскорѣе въ амфоры, сладкаго, самаго вкуснаго послѣ того, что ты бережешь, на случай онъ возвратится несчастный, отецъ богородный, 350

избѣгнувъ смерти и участи. Дай мнѣ двѣнадцать амфоръ,
и ко всѣмъ приладь крышки, а въ крѣпкія цѣльныя
355 шкуры насыплешь муки — чтобы было двадцать мѣръ
ячменной смолотой лучшей муки; но знай лишь сама, —
и все это пусть будетъ вмѣстѣ. Вечеромъ я заберу, когда
мать поживать пойдетъ въ горницу. Въ Спарту поѣду и
360 въ Пилось песчаный: хочу спросить о возвратѣ отца,
не узнаю ль чего.

Такъ говорилъ Тилемахъ Евриклеѣ. Заплакала милая
няня, сквозь слезы ему говорила крылатое слово:
— Что ты, судитя мое! милое! откуда въ сердцѣ
365 твоемъ такія мысли? куда ты поѣдешь за столько земель,
одинъ, нашъ любимый? Онъ погибъ, Одиссей богородный,
въ чужихъ людяхъ, далеко отъ родины. А какъ только
уѣдешь, то эти сейчасъ же худое задумаютъ, чтобы не
стало тебя, и самимъ это все подѣлать. Оставайся ты
370 дома, сиди на своемъ. А скитаться тебѣ по пустынному
морю да мучиться — не за чѣмъ.

Разумный Тилемахъ отвѣчалъ:
— Успокойся, мама: рѣшенье мое не безъ бога. А ты
покланись мнѣ, что матери милой не скажешь объ этомъ,
375 пока не пройдетъ дней десять — одиннадцать, или пока сама
не замѣтитъ и не узнаетъ, что я уѣхалъ: чтобы не пла-
кала, красоты лица не губила.

Такъ говорилъ Тилемахъ, и старуха клялась великою
клятвой боговъ; а когда поклялась и окончила клятву,
380 стала въ амфоры вино наливать, и въ плотныя шкуры
ячменной муки насыпать.

Тилемахъ между тѣмъ сидѣлъ съ женихами.
Въ это же время богиня Аѣина — свѣтлыя очи, иное
385 придумала. Принявши видъ Тилемаха, ходила повсюду
по городу, къ каждому спутнику съ словомъ сама заходила,
велѣла подь вечеръ собраться на быстрое судно; а бы-

страго судна, просила у Фронія славнаго сына, Ноймона, и онъ согласился радушно.

Солнце зашло, потемнѣли всѣ улицы, и тогда Ноймонъ спустилъ на море быстрое судно, сложили и всѣ снасти, какія нужны судамъ доброналюбнымъ; судно поставилъ въ пристани въ самомъ концѣ, и спутники смѣлые вмѣстѣ собрались; богиня ихъ всѣхъ торопила.

Тогда же опять иное задумала богиня Аѳина, свѣтлыя очи: въ домъ Одиссея пошла и всѣхъ жениховъ осыпала сладкимъ сномъ, шатала ихъ пьющихъ, кубки толкала изъ рукъ, и они потянулись по городу спать, не долго сидѣли, когда имъ на вѣки сталъ падать сонъ. И тогда Аѳина, свѣтлыя очи, принявши Ментора видъ и голосъ, вызвала Тилемаха изъ доброжитныхъ палатъ и сказала:

— Тилемахъ! товарищи въ пѣножахъ добрыхъ уже при веслахъ сидятъ, твоего отправленія ждуть. Такъ идемъ и не будемъ отъѣзда задерживать.

Такъ сказала Аѳина Паллада и быстро пошла впередъ; Тилемахъ по слѣдамъ шель богини. Когда пришли къ морю и къ судну, застали на берегу спутниковъ всѣхъ длиннокосыхъ, и къ нимъ говорила тогда Тилемаха великая сила:

— Други! пойдемъ, путевое возьмемъ: тамъ все уже сложено вмѣстѣ. Мать не знаетъ еще ничего, прислужницы тоже не знаютъ; одной только вѣдомо.

Такъ онъ сказалъ и повелъ, и тѣ поспѣшили; и все принесли и сложили на палубѣ, какъ имъ велѣлъ милый сынъ Одиссея. Затѣмъ Тилемахъ вступилъ на судно; впереди шла Аѳина, и сѣла у руля, а возлѣ сѣлъ Тилемахъ. Спутники имъ отвязали причалы, сами взошли и сѣли къ уключинамъ. Аѳина, свѣтлыя очи, послала попутный вѣтеръ — сильный зефиръ, шумѣвшій по темной пучинѣ; тогда Тилемахъ приказалъ своимъ спутникамъ

ГИМНЫ.

(См. кн. LXII.)

II. Къ Ерму.

(Продолж.).

И Ермъ много дровъ наносилъ и искусство огня добывалъ: взявъ лавръ — блестящее дерево, себѣ по рукѣ, 110
железомъ очистилъ, и — задышало дыханіе теплое: Ермъ
первый далъ огонь съ огневищемъ. Набралъ затѣмъ много
сухихъ и плотныхъ полѣнъ, и въ ямѣ земной положилъ
ихъ довольно; и пламя блестяло, свое дуновение слало
далеко: огонь тотъ сильно горѣлъ.

А пока огонь возжигала славная сила Ифеста, Ермъ 115
мычавшихъ коровъ кривоногихъ двухъ къ огню притащилъ,
— велика была сила его, — и тамже обѣихъ, храпѣв-
шихъ, долу на спины повергъ и жизни лишилъ.

Дѣло за дѣломъ Ермъ совершалъ: нарѣзалъ мяса съ 120
тучнымъ жиромъ, наткнулъ на вертѣлы древесные, жа-
рилъ то мясо — почетный хребетъ вмѣстѣ съ черною кровью,
въ утробу вмѣстивши; и тамже все разложилъ по мѣстамъ, и
кожи въ скалистой пещерѣ повѣсилъ, — какъ и нынѣ тамъ 125
пребываютъ по времени, на долго и впередъ безгранично.

Далѣе, радостный Ермъ на гладкихъ камняхъ
тучное тѣло тамъ разложилъ, подѣлилъ на двѣнадцать

частей, все по жребію, каждой честь воздавалъ надлежаще,
 130 и жертвенной святости Ермъ и себѣ пожелалъ: ужь сильно
 томила запаха сладость, хотя и безсмертнаго, Ерма; но
 все же духъ его алчный, при всемъ томъ желаньи, не
 смѣлъ преступить дальше шеи священной.

135 Въ пещерѣ высокой все уложилъ, и мясо, и жиръ,
 и высоко развѣсилъ, память воровства юности, а ноги и
 головы, собравъ на сухія дрова, уничтожилъ огнемъ.

Когда же все совершилъ по порядку, сандалии бро-
 140 силъ въ глубокой Алфей, костеръ потушилъ, черный
 прахъ уничтожилъ, въ ту ночь при свѣтѣ Селены, а къ
 утру назадъ поспѣшилъ къ высокимъ вершинамъ Киллены;
 и въ длинномъ пути не встрѣтилъ онъ никого — ни
 блаженныхъ боговъ, ни смертныхъ людей, и собаки не
 лаяли.

145 Тамъ сынъ Зевса, податель благой, согнувшись,
 проникъ въ почивальню свою чрезъ замокъ, уподобившись
 вѣянію лѣтнему, словно туманъ; къ колыбели поспѣшно
 пришелъ, въ челену завернулся, играя своимъ одѣяломъ,
 и, въ лѣвую руку взявъ черепаху любимую, легъ, какъ
 младенецъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Для человѣка, еще не получившаго надлежащаго стимула, разговоры твои „являются неопѣнимымъ благомъ; но для того, кому толчекъ уже данъ, „они скорѣе служатъ помѣхою, чѣмъ помощію для полнаго пониманія пользы „усвоенія добродѣтели, а съ нею и счастья“. — Возьмемъ для примѣра одно мѣсто изъ діалога Евѳронъ. Вопросъ идетъ о почитаніи родителей. Сократъ выставляетъ себя не умѣющимъ дать отчета, въ чемъ именно состоитъ благочестіе вообще и почитаніе родителей въ частности. Въ чемъ, спрашиваетъ философъ, заключаются общія свойства всѣхъ благочестивыхъ поступковъ? — Евѳронъ отвѣчаетъ, что священная обязанность каждаго привлечь, какъ въ данномъ случаѣ*), къ отвѣтственности лицо совершившее нечестіе, кто бы это ни былъ; самъ Кроносъ покаралъ отца своего Урана, Зевсъ покаралъ Кроноса. — „Дѣйствительно ли ты вѣришь въ эти басни?“ спрашиваетъ Сократъ: „я никакъ не могу заставить себя сдѣлать это, и, вѣроятно, за это меня и обвиняютъ въ оскорбленіи правовѣрія. Однако, разъ ты настаиваешь, я долженъ допустить твои доводы, не имѣя никакихъ аргументовъ противъ нихъ. Но вернемся къ дѣлу. Отвѣтъ, данный тобою, слишкомъ частный: есть не мало другихъ благочестивыхъ поступковъ, которые слѣдуетъ совершать. Въ чемъ же заключается общій типъ или образецъ, который человѣкъ можетъ примѣнить ко всѣмъ поступкамъ и опредѣлить тѣмъ благочестіе или нечестіе?“ Второй отвѣтъ Евѳрона заключался въ слѣдующемъ: „Что пріятно богамъ, то благочестиво. Но, какъ ты сейчасъ сказалъ, боги часто несогласны между собою, такъ что одинъ и тотъ-же поступокъ можетъ нравиться одному и не нравиться другому. Словомъ, такіе поступки, которые угодны всѣмъ богамъ, — а такіе поступки бываютъ — благочестивы, а тѣ, что всѣмъ ненавистны, — нечестивы и зловредны“. Тогда Сократъ входитъ въ разсужденіе, „любятъ ли боги поступокъ потому, что онъ благочестивъ, или становится онъ благочестивымъ потому, что они его любятъ?“ Евѳронъ высказывается за первое предположеніе. „Если такъ, то благоволеніе боговъ къ какому-ниб. дѣянію является чистою случайностію, и вызвано его существенными чертами, которыя еще не разъяснены“. Тутъ Евѳронъ признаетъ себя смущеннымъ; но скоро разговоръ прекращается, безъ опредѣленнаго рѣшенія вопроса.

Въ такомъ-же родѣ и другіе ранніе діалоги, къ которымъ могутъ быть присоединены оба Алкивіада и оба Гиппіи. Алкивіадъ, излагающій взглядъ Сократа на воспитаніе юношества, высоко цѣнился въ древности и всегда рекомендовался юношамъ, желавшимъ читать Платона. — Въ діалогѣ Гиппія Старшій Сократъ ведетъ бесѣду съ софистомъ о „прекрасномъ“. И здѣсь, какъ и въ другихъ діалогахъ этой-же группы, характерною чертою является незаконченность преній, и вопросъ о „прекрасномъ“ остается нерѣшеннымъ, послѣ того какъ всѣ опредѣленія, предложенныя Гиппіей, оказались несостоятельными. — Въ діалогѣ Гиппія Младшій мы можемъ

*) Евѳронъ явился къ архонту съ предъявленіемъ обвиненія въ убійствѣ противъ собственнаго отца.

видѣть образецъ Сократовской діалектики. Когда, на вопросъ Сократа, кого изъ двухъ гомеровскихъ героевъ слѣдуетъ ставить выше, Гиппія отвѣтилъ, что Ахиллъ благороднѣе Одиссея, потому что первый искрененъ и не лживъ, Сократъ путемъ наведенія ставитъ софиста въ необходимость признать, что лжець можетъ оказаться предпочтительнѣе правдиваго чело-вѣка, разъ только чело-вѣкъ умѣетъ совершать и зло, и добро. Но, остано-вившись на этомъ грубомъ парадоксѣ, Сократъ только удивляется, что самъ сбить съ толку.

Таковъ общій характеръ всѣхъ діалоговъ первой группы.

Б. Переходимъ теперь ко второй группѣ, которая была написана, какъ полагаютъ, подъ влияніемъ формальной логики Евклида изъ Мегаръ. Къ этой группѣ относятся: *Θεετήτης*, *Софистъ*, *Политикъ*, *Парменидъ*, *Филивъ* и *Кратилъ*, изъ которыхъ самымъ цѣннымъ мы должны считать *Θεετήτη*; въ этой группѣ, какъ и въ предыдущей, бесѣда посвящается исключительно изысканію и не завершается какимъ-нибудь положительнымъ результатомъ; но цѣль здѣсь уже не одно желаніе посредствомъ діалектики доказать невѣжество или бездарность того или иного софиста: въ *Θεετήτῃ*, напр., мастерски обсуждаются такіе вопросы, какъ: что такое знаніе? въ чемъ заключается связь одного измѣняющагося субъекта съ другими, изъ которой можетъ выработаться всемірная, необходимая истина? что такое мнѣніе? почему возможно ошибочное мнѣніе? въ чемъ заключается процессъ и критерій знанія? Діалогъ *Θεετήτης* носить на себѣ слѣды большаго успѣха въ области мышленія, и въ немъ подвергаются сократовскому *ἐλεγχος* (обличенію) теоріи мыслителей предшествующаго періода. Такъ, въ настоящемъ случаѣ подвергается критикѣ Протагорова теорія „всякая истина субъективна“ и „измѣнчивый чело-вѣкъ является мѣриломъ всякаго познанія“.

Софистъ раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ въ первой Платонъ пытается опредѣлить понятіе „софиста“ и говорить о трудности такого опредѣленія, въ виду того, что „это животное безпокойно и дается нелегко“. За тѣмъ слѣдуютъ логическія упражненія, имѣющія цѣлью установить мѣсто „рыболова“ въ родовомъ понятіи „искуства усвоенія“. Оказывается, что софистъ похожъ на рыболова, ибо онъ также ловитъ, но только молодыхъ и знатныхъ людей, и не съѣтъ, а мнимою наукою о добродѣтели, и потомъ получаетъ за это деньги. Вторая часть *Софиста* посвящается діалектикѣ, какъ искусству, занимающемуся раздѣленіемъ и соединеніемъ понятій.

Въ *Парменидѣ* излагается бесѣда юнаго Сократа съ двумя филосо-фами Элейской школы*), *Парменидомъ*, учившимъ, что „все есть едино“, и *Зенономъ*, полагавшимъ, что „ничто не есть многое“. Сократъ обсуждаетъ

*) Основателемъ этой школы былъ Ксенофанъ (VI в.), поселившійся въ Италіи въ колоніи Элей (Ἐλήνη). Элейцы положили основаніе діалектикѣ, т. е., изслѣдованію истины посредствомъ разговора. Изъ Элейцевъ самыми знаменитыми были *Парменидъ* (Παρμενίδης, V в.) и *Зинонъ* (Ζήνων, V в.), представитель искусства спорить.

трудность пониманія этихъ положеній и излагаетъ ученіе объ идеяхъ.

Въ Филевѣ, признаваемомъ однимъ изъ глубокомысленнѣйшихъ діалоговъ, разсматривается сущность „удовольствія“ и рѣшается вопросъ „въ чемъ состоитъ истинное благо?“.

Диалогъ Кратиль представляетъ чрезвычайно любопытную попытку разъяснить производство словъ. Платонъ опредѣленно высказываетъ увѣренность въ томъ, что слова выражаютъ самую сущность предметовъ.

О Политикѣ умѣстнѣе будетъ сказать нѣсколько словъ въ связи съ Республикой (Πολιτεία).

В. Слѣдующую группу составляютъ Іонъ и Еввндимъ, два интересныхъ діалога, въ которыхъ яснѣе, чѣмъ въ прочихъ, сказанся сатирическій тонъ. Главная цѣль сказанныхъ діалоговъ заключается въ осмѣяніи двухъ хорошо извѣстныхъ классовъ писателей. „Въ первомъ изъ этихъ произведеній Сократъ допрашиваетъ тономъ добродушной насмѣшки популярнаго рапсода, только что прибывшаго изъ Епидавра послѣ состязанія въ эпической декламациі и сообщающаго много интересныхъ подробностей о своей профессіи и о смѣлыхъ притязаніяхъ необразованныхъ декламаторовъ Гомера на всесвѣтное знаніе, заимствованное ими у этого всевѣдущаго барда. Для греческой публики поэмы Гомера были книгой, гдѣ вѣ всякаго сомнѣнія излагались вся нравственность и все богословіе. Большинство утверждало также, что у Гомера можно встрѣтить всѣ виды науки и „практической мудрости“, и поэтому понятно, почему Іонъ доказываетъ, что Гомеръ составляетъ основаніе всякаго образованія. Въ возраженіе мнѣнія Иона Сократъ излагаетъ теорію о вдохновеніи и утверждаетъ, „что Муза вдохновила Гомера до степени умопомѣшательства, отличающагося отъ разума, если не прямо противоположнаго ему; вслѣдствіе этого-то онъ и возвѣщалъ божественныя истины, самъ ихъ не понимая. Это безуміе передается рапсодомъ посредствомъ невѣдомаго воздѣйствія, и вѣщаетъ истину на основаніи вдохновенія, не дойдя до нея путемъ раціональнаго обсужденія или выводовъ“.

„Еввндимъ также рисуетъ передъ нами смѣшную картину ухищреній и выдумокъ двухъ софистовъ по профессіи, Еввндима и Діонисодора. Это опять не что иное, какъ передаваемый Сократомъ рассказъ о его преніяхъ съ этими двумя лицами, которыя завѣдомо преподавали фехтованье, судебную риторикку и добродѣтель, но съ недавняго времени, въ пору своей старости, одолѣли премудрость Эристики, и берутся заставлять замолчать всякаго, или посвятить въ тайны этой премудрости каждаго, желающаго заплатить требуемое вознагражденіе. Диалогъ этотъ переходитъ въ грубое и вульгарное шутовство, придающее Платону характеръ комическаго актера“.

Г. Диалогъ Менексенъ занимаетъ особое мѣсто: это погребальный панегирикъ, который Сократъ, по его увѣренію, перенялъ у Аспазіи, научившей, какъ онъ утверждаетъ, и Перикла его великому воззванію къ народу,

въ началѣ Пелопоннесской войны (λόγος ἐπιτάφιος*). Платонъ въ этомъ діалогѣ какъ-бы имѣеть цѣлью доказать неосновательность упрековъ, дѣлаемыхъ сторонникамъ Сократа, какъ неспособнымъ къ возвышенному краснорѣчію.

Д. Слѣдующую группу можно назвать совершенными діалогами. Это произведенія вполне созрѣвшаго генія Платона, гдѣ отрицательный оттѣнокъ сливается съ положительнымъ философскимъ ученіемъ, безъ ущерба для драматической формы. Это были: Протагора и Горгія, гдѣ высказываются различные взгляды на сущность добродѣтели, причемъ въ Протагорѣ „Сократъ доказываетъ, что она тождественна съ частною пользою, между тѣмъ какъ въ Горгіѣ онъ отвергаетъ этотъ взглядъ и утверждаетъ, что добродѣтель совершенно отличается отъ удовольствія. Другая пара діалоговъ, принадлежащихъ къ этой группѣ, Фэдръ и Пиръ, является въ главныхъ чертахъ бесѣдами, въ которыхъ Платонъ развиваетъ и защищаетъ свою теорію объ Эросѣ, хотя въ Фэдрѣ онъ касается и другихъ темъ. Наконецъ, Менонъ, разсматривающій вопросъ о „преподаваемости“ добродѣтели, поддерживаетъ это положеніе теоріей о предшествовавшемъ существованіи души и потому можетъ быть поставленъ въ связи съ Фэдономъ, доказывающимъ безсмертіе души. Изъ всѣхъ этихъ діалоговъ Менонъ, быть можетъ, наименѣе эффектенъ, какъ литературное произведеніе, зато отличается большою философскою глубиною и вдохновлялъ поэтовъ вплоть до нашихъ дней грандіознымъ представленіемъ о доземной жизни, объясняющимъ множество великихъ загадокъ, такихъ, какъ апіорное знаніе, благородство инстинктовъ, внезапныя открытія, выводя эти явленія изъ сокровищницы предшествоващаго существованія души. Эта гипотеза болѣе прославила діалогъ, чѣмъ его главный сюжетъ, „преподаваемость“ добродѣтели“.

„Фэдонъ, или послѣдняя бесѣда и смерть Сократа, безспорно является знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ твореній Платона, и онъ обязанъ этой славою не только безпредѣльному значенію своего сюжета, безсмертія души, но и трогательной обстановкѣ и патетическому положенію, среди которыхъ происходитъ діалогъ. Сократъ и его друзья въ тюрьмѣ, безмятежная душевная ясность жертвы, горе близкихъ, волненіе, охватившее даже тюремщика, — все это картины въ высшей степени трогательныя. Однако, эти сцены не составляютъ главнаго интереса діалога. Мыслящихъ людей всѣхъ вѣковъ приковывало къ себѣ ясное, радостное обѣщаніе будущаго блаженства; въ особенности оно увлекало тѣхъ, которые не обрѣли надежды на безсмертіе, уклоняясь отъ принятія христіанства. Темная могила разверзается предъ каждымъ изъ насъ, и вопросъ „что же будетъ дальше“ раздается немолчно. Въ этомъ заключается міровое горе, міровой страхъ, устранить который старается Платонъ, и отвѣтъ его успокоивалъ патріотовъ и мучениковъ многихъ вѣковъ и странъ“. — Но читатель, ожидающій въ этомъ діалогѣ встрѣтить рѣчь простую, сильно разочаруется. Фэдонъ все-же діалогъ,

*) Оукл., II, 34—46.

„преисполненный черствой метафизики. Пренія завершаются тщательно отдѣланнымъ и сложнымъ мѣромъ о будущей жизни, утомляющимъ умъ и не трогающимъ читателя“.

Всею рѣчею противоположенъ Фэдону діалогъ Пиръ, произведение блестящее, но настолько чисто-греческое, что современный читатель можетъ найти нѣкоторыя мѣста даже оскорбительными для чувства стыдливости. Пиръ, *Συμπόσιον*, есть рассказъ Аристодема о пиршествѣ, на которомъ Сократъ, врачъ Эриксимахъ, Аристофанъ, по временамъ Алкивиадъ и кое-кто изъ другихъ гостей обсуждали сущность „Любви“ и расточали ей хвалу. Введеніе весьма живописно и ярко рисуетъ предъ нами нравы утонченнаго аѳинскаго общества.

Діалогъ Фэдръ, въ которомъ бесѣда ведется только между Сократомъ и Фэдромъ; первый произноситъ рѣчь о любви, называя ее однимъ изъ величайшихъ благъ, дарованныхъ небомъ человѣку. Другою темою Фэдра служила сравнительная оцѣнка писанныхъ и устныхъ поученій; и объ этомъ Платонъ оставилъ намъ глубоко правдивую, хотя и преувеличенную теорію. Онъ презиралъ простыя, писанныя разсужденія, не вѣрилъ, чтобы подобными средствами человѣкъ могъ чему-либо научиться. „Пока онъ не обсудилъ какого-нибудь вопроса съ другими однородными умами, пока не подвергся тщательному допросу, пока взгляды его не были провѣрены другими, нельзя сказать, чтобы человѣкъ зналъ основательно что бы то ни было, или усвоилъ себѣ какой-нибудь предметъ“.

Такъ-какъ въ Фэдрѣ не мало мѣста отводится вопросамъ о риторикѣ, то этотъ діалогъ, естественно, примыкаетъ къ другому, къ Горгіѣ, гдѣ разсматривается тотъ-же вопросъ, но только продолжительнѣе и подробнѣе. „Риторика разбирается тутъ, какъ средство убѣждать толпу, подобно софистикѣ, которая имѣетъ цѣлью устанавливать нравственные и политическіе законы. Сократъ утверждалъ, что истинная политика заключается въ искусствѣ дѣлать людей счастливыми, дѣлая ихъ лучшими. Въ уста двухъ незначительныхъ послѣдователей Горгіи вложены нѣкоторыя отталкивающія теоріи эгоистической морали, права сильнаго, пользованія властью, на что Сократъ возражаетъ доказательствомъ, что порокъ-истинное бѣдствіе, и что для злодѣя всего лучше понести заслуженную кару, подобно тому какъ больной долженъ употребить мучительныя средства“. — Горгія, величайшій изъ языческихъ протестовъ утилитаризма, признающаго благо только въ удовольствіи. Въ этомъ возвышенномъ діалогѣ истиннымъ философомъ или вообще хорошимъ человѣкомъ признается только тотъ, кто можетъ презирать соблазны удовольствія и способенъ слушаться единственно своей совѣсти, не обращая вниманія на тѣлесныя страданія и мученія.

Цѣль діалога Протагора, содержаніе коего составляетъ „преподаваемость“ добродѣтели, — доказать, что добродѣтель сама по себѣ одна и состоитъ въ знаніи, и что, если на землѣ и могутъ быть учителя добродѣтелей, то дать человѣку добродѣтель можетъ одинъ Богъ. Независимо

отъ сего, въ настоящемъ діалогѣ имѣлось въ виду обнаружить недостаточность софистическихъ умствованій для познанія истины и показать, въ чемъ должна состоять истинная діалектика. Что касается слога діалога и обстановки, то они въ Протагорѣ еще болѣе блестящи и обработаны, чѣмъ въ Горгіѣ.

Е. Съ разсмотрѣнною группою діалоговъ стоятъ въ связи діалоги, которые можно назвать созидательными; ибо въ нихъ, хоть и въ главныхъ чертахъ, но можно усмотрѣть построение системы. Въ Тимѣѣ Платонъ высказываетъ свой взглядъ на міровой строй; въ немъ онъ ведетъ глубоко-мысленно рѣчь о созданіи міра, о сотвореніи человѣка, объ устройствѣ чело-вѣческаго тѣла, о зависимости болѣзней отъ устройства организма, о вліяніи ихъ на душу, о средствахъ противъ болѣзней; затѣмъ разсказывается о сотвореніи остальныхъ животныхъ, между которыми низшую ступень занимаютъ рыбы.

Государство наиболѣе совершенное изъ Платоновыхъ сочиненій. Формальнымъ образомъ діалогъ этотъ обсуждаетъ вопросъ «что такое справедливость?» Отъ этого вопроса Платонъ переходитъ къ описанію идеальнаго государства. Уже изъ Политики извѣстно, что Платонъ склонялся въ пользу единоличнаго управленія, даже автократическаго, лишь-бы нашелся тотъ идеальный характеръ, который могъ бы руководить страной. Въ Государствѣ онъ отдаетъ контроль въ руки немногихъ хранителей, но число ихъ не имѣетъ никакого значенія; отношенія ихъ другъ къ другу не принимаются въ соображеніе, авторитетъ ихъ разсматривается скорѣе, какъ отвлеченная единица. Единственный вопросъ, который кажется Платону жизненнымъ въ государственномъ устройствѣ, это — устраненіе публики отъ обсужденія государственныхъ дѣлъ и ограниченіе числа административныхъ лицъ однимъ или немногими избранными экспертами, которые не должны сообщать свои мотивы подчиненнымъ сословіямъ или допускать критику своихъ дѣйствій. Таково было отношеніе къ дѣлу всѣхъ аристократовъ, мечтавшихъ въ дни Платона о лучшей формѣ правленія: всѣ они глубоко вѣрили въ зло демократіи, а еще болѣе въ непригодность политиковъ-любителей. Неумѣлое законодательство черни или ея случайныхъ совѣтчиковъ казалось имъ нелѣпымъ въ виду важныхъ результатовъ, отсюда проистекающихъ, и они полагали, что тутъ именно болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходима „профессиональная умѣлость“. Государствомъ, по мнѣнію Платона, должны править философы, представители высшаго знанія наукъ, такихъ, какъ ариѳметика, геометрія, астрономія, діалектика. Демократія, олигархія, охлократія суть ни что иное, какъ извѣстныя ступени упадка государственнаго строя.

„Законы изображаютъ второй по достоинству видъ государственнаго устройства и дѣлаютъ много уступокъ сильнымъ національнымъ предразсудкамъ“. Это произведеніе какъ-бы даетъ намъ на выборъ третью форму правленія, когда оно говоритъ, что, если безупречныхъ правителей, знающихъ «форму» и «идею» вещей, невозможно найти, то тогда надлежитъ

установить возможно-лучшій кодексъ и придать ему святость и достоинство божественнаго откровенія.

Эпиномъ, приложеніе къ Законамъ, подробно вдается въ разсмотрѣніе воспитанія членовъ ночнаго совѣта, которымъ въ Законахъ ввѣряется храненіе конституціи. Это произведеніе состоитъ, главнымъ образомъ, въ изученіи астрономіи съ богословской точки зрѣнія, науки, къ которой склонялся, повидимому, Платонъ въ позднѣйшую пору своей жизни.

Критія, вмѣстѣ съ вступительными главами Тимэя, даютъ намъ вымышленный, но въ высшей степени интересный рассказъ объ обширномъ и могущественномъ материкѣ Атлантидѣ, существовавшемъ въ самыя отдаленныя времена и лежавшемъ гдѣ-то за Геркулесовыми столбами. Платонъ говоритъ о войнѣ, которую вели древніе обитатели Аттики съ жителями Атлантиды. Аѣиняне одержали побѣду; но въ теченіе однихъ сутокъ погибли какъ побѣдители, такъ и побѣжденные: произошло землетрясеніе и потопись, земля разверглась, а потомъ и вся Атлантида опустилась въ море *).

Намъ еще необходимо остановиться на двухъ сочиненіяхъ Платона: это Апологія и Критонъ, знакомящіе насъ съ практической стороною Сократовой жизни. Апологія воспроизводитъ рѣчь, которою Сократъ защищалъ себя предъ судомъ аѣинскихъ присяжныхъ. Въ этой рѣчи философъ отдаетъ отчетъ въ своей долготѣйшей жизни и дѣятельности. Три согражданина, Мелеть, Ликонъ и Анить, предъявили въ судъ обвиненіе противъ Сократа, что онъ подрываетъ основы государственной религіи и развращаетъ юношество. Сократъ доказываетъ, что, напротивъ, — вся его жизнь не только служить опроверженіемъ выставленныхъ противъ него обвиненій, но можетъ быть разсматриваема даже какъ благодѣяніе для государства; поэтому, онъ скорѣе заслуживаетъ высшаго почета въ городѣ, а не смерти, хотя и она для него есть не зло, а благо.

Другой діалогъ, Критонъ, приводитъ эпизодъ изъ послѣднихъ дней жизни Сократа, какъ-бы подтверждающій справедливость словъ философа. Сократъ, приговоренный къ смерти, заключенный въ темницу, не ожидавшій уже ничего отъ земныхъ своихъ судей, остается все-же примѣрнымъ гражданиномъ, высоко чтущимъ отечественные законы и готовымъ исполнить всякое ихъ предписаніе **).

Литературное достоинство Платоновыхъ діалоговъ заключается въ безконечномъ разнообразіи тона, въ серьезности стиля, соответствующаго важности изслѣдуемыхъ предметовъ, въ ясности и живости изложенія, наконецъ,

*) Рассказъ объ Атлантидѣ былъ принятъ аббатомъ Брассеромъ де Бурбуромъ (Commission scientifique du Mexique, т. III) за подлинное историческое преданіе. По мнѣнію многихъ, Платонъ своимъ повѣствованіемъ высказалъ предвидѣніе открытія Америки. Нѣкоторые склоняются къ мнѣнію, что острова между Африкой и Америкой суть остатки потопленнаго материка или, по крайней мѣрѣ, болѣе значительнаго числа большихъ острововъ, дававшихъ возможность сообщенія между Старымъ и Новымъ свѣтамъ.

**) Эти два послѣдніе діалога прекрасно изданы для употребленія въ нашихъ гимназіяхъ учителемъ А. Поспишилемъ. Кіевъ. 1884.

въ самой формѣ, въ формѣ маленькихъ драмъ, которыя древніе риторы заставляли своихъ учениковъ заучивать, при чемъ чтеніе сопровождалось всякій разъ особой интонаціей вмѣстѣ съ жестикулированіемъ, соотвѣтствовавшимъ роли выводимыхъ въ діалогѣ лицъ*).

Философія Платона носила характеръ поэзіи, унаслѣдованной еще отъ первыхъ философовъ и мыслителей, которые были въ тоже время и поэтами. Инаго направленія держался знаменитый ученикъ Платона, **Аристотель**, именемъ и дѣятельностью котораго принято заключать классическій періодъ греческой литературы. Если Платонъ можетъ быть названъ отцомъ философскаго идеализма, то Аристотеля можно признать родоначальникомъ „положительнаго“ (или „позитивнаго“) знанія. Говоря о его композиціи и стилѣ, мы должны указать на то, что онъ оставляетъ прежнюю, поэтическую манеру изложенія и строго держится чисто-ученаго способа изложенія, хотя и отъ него сохранился Гимнъ въ честь добродѣтели и три діалога, напоминающіе собою діалоги Платона, изъ коихъ въ одномъ приводятся доказательства существованія боговъ и управленія ими вселенной, а равно и вѣчности мірозданія. Кромѣ того, діалогъ Евдемъ рассказываетъ мнѣ о Силенѣ и Мидасѣ**). Поэтическія произведенія Аристотеля были главнымъ образомъ посвящены вопросамъ морали. Но философъ нашъ еще въ молодости отказался отъ этого рода литературнаго творчества и всецѣло посвятилъ себя серьезнымъ научнымъ изысканіямъ, которымъ и обязанъ своею неуваждою славой.

Аристотель (*Ἀριστοτέλης*, 384—322) родился въ Стагирѣ, на Стримонскомъ заливѣ, отчего часто называется Стагиритомъ (*Σταγίριτης*). Отецъ его Никомахъ былъ врачомъ у царя Македонскаго Аминты II. Рано оставшись сиротою, Аристотель семнадцати лѣтъ пріѣхалъ учиться въ Аѳины и съ двадцатилѣтняго возраста посѣщалъ академію Платона до самой смерти этого послѣдняго (348 г.). Въ 348 г. Аристотель вернулся въ Атарней***), къ своему опекуну Проксену, и здѣсь женился на дочери (или племянницѣ) тиранна Гермія. Но три года спустя Гермій былъ убитъ, и Аристотель бѣжалъ на остр. Лесбосъ. Тогда-то Филиппъ Македонскій пригласилъ его учить Александра. За время пребыванія у Филиппа Аристотель пріобрѣлъ много познаній по естественной исторіи, благодаря матеріальному содѣйствію, которое

*) Сочиненія Платона переведены на русскій языкъ профессоромъ Карповымъ.

**) Царь Фригійскій Мидасъ однажды принималъ у себя сбившагося съ пути учителя Діониса, Силена. Мидасъ принялъ Силена радушно и затѣмъ доставилъ его Діонису. Въ награду за это, Силенъ предложилъ Мидасу просить все, чего царь пожелаетъ. Мидасъ попросилъ, чтобы все, къ чему онъ прикоснется, обращалось въ золото. Оказалось, что и пища и вода, къ которымъ царь прикасался, обращались въ золото, и Мидасу грозила голодная смерть. Тогда царь сталъ просить бога взять его желаніе обратно, и Діонисъ приказалъ Мидасу выкупаться въ источникѣ Пактола, который постѣ этого и сталъ изобиловать золотомъ. — По другимъ сказаніямъ, тотъ-же Мидасъ получилъ ослиныя уши за смѣлость, съ которою онъ вступилъ въ состязаніе съ самимъ богомъ музыки и поэзіи, Аполлономъ.

***) Ἀτάρνεος, городъ съ областью въ М. Азіи, на супротивъ Лесбоса.

оказывалъ ученикъ-царь особенно зоологическимъ трудамъ своего учителя. Любопытенъ фактъ, будто, по приказу Александра, множество рыболововъ, охотниковъ и друг. заняты были доставкой естественно-историческаго матеріала для изслѣдованій Аристотеля. Въ 335 г. Аристотель возвратился въ Аѳины и здѣсь оставался 12-ть лѣтъ. Въ 323-мъ году, обвиненный въ нечестіи, Аристотель бѣжалъ изъ Аѳинъ въ Халкиду на Евбеѣ и здѣсь умеръ на 63-мъ году жизни. — За время пребыванія своего въ Аѳинахъ 335—323 Аристотель занимался преподаваніемъ и для этого избралъ аѳинскую гимназію Ликей (или Лицей*), имѣвшую крытыя галереи для прогулокъ или такъ наз. перипаты**), откуда слово перипатетики, какъ назывались ученики Аристотеля. На основаніи лицейскихъ чтеній и были составлены капитальные труды знаменитѣйшаго древняго ученаго. Это былъ человѣкъ всеобъемлющаго ума, энциклопедистъ своего вѣка, постигшій всѣ области тогдашняго знанія и оставившій намъ такія сочиненія, которыя по строгости метода, по опредѣленности и точности языка могутъ служить образцами и понынѣ. Будучи вмѣстѣ великимъ мыслителемъ и наблюдателемъ, Аристотель сдѣлался основателемъ многихъ наукъ; такъ, у него впервые получаютъ научную систему грамматика и логика, реторика и философія искусства; а зоологія и физиологія, анатомія, психологія впервые получили научный видъ, благодаря именно Аристотелю.

Лишь немногія изъ сочиненій Аристотеля, которыхъ насчитывали 400—1000 томовъ, были изданы имъ самимъ. Громадную библіотеку Аристотель оставилъ своему ученику и преемнику-перипатетику Теофрасту. Затѣмъ, библіотека, перенесенная въ Александрію, послужила основаніемъ знаменитой птоломеевой библіотекѣ. По преданію, рукописи сочиненій Аристотеля Теофрастъ завѣщалъ нѣкому Нелею, наслѣдники котораго небрежно обращались съ драгоценнымъ достояніемъ, вслѣдствіе чего онѣ пролежали въ погребѣ 130 лѣтъ. Этимъ-то обстоятельствомъ древніе объясняли сильную испорченность аристотелевскаго текста. Впослѣдствіи аристотелевскіе манускрипты попали въ Аѳины, откуда уже Сулла***) перевезъ ихъ въ Римъ. Здѣсь, гово-

*) Лицеумъ, Λύκειον, называлось мѣсто въ Аѳинахъ, посвященное Аполлону, который, кромѣ многихъ другихъ эпитетовъ, носилъ еще наименованіе Ликейскаго, Λύκειος, что собств. значитъ свѣтлый, хотя древніе производили это слово отъ λύκος волкъ (и отсюда волчій, истребитель волковъ). Этимъ словомъ, лицей, во Франціи называются среднеучебн. заведенія, у насъ нѣкоторыя высшія.

**) Περὶπατοῦ, глаголь περιπατέω прогуливаться. Аристотель читалъ лекціи два раза въ день, утромъ и вечеромъ, при чемъ во время преподаванія имѣлъ обыкновеніе прогуливаться по аллеямъ или галереямъ, откуда и названіе его послѣдователей или учениковъ περιπατητικοί. Утреннее преподаваніе, предназначенное для слушателей (ἀκροαταί въ собств. смыслѣ), уже приготовленныхъ понимать строго-научное изложеніе философа, называлось περιπατος ἐφθιμός; а вечернее, гдѣ Ар. излагалъ болѣе простыя и легкія отдѣлы наукъ, напр., реторику, этику и т. п., называлось περιπατος δευτερός. Подобнымъ образомъ и сочиненія его раздѣляются на акроатическія или акроаматическія (ἀκροατικά) и экстерическія (ἐξωτερικά, собств. внѣшнія), или популярныя. „Лекція“ по-гречески ἀκρόασις.

***) Въ первой половинѣ I вѣка до Р. X.

рять, грамматику Тиранніону ¹⁾ позволено было сдѣлать съ нихъ копию, а потомъ Андроникъ ²⁾ привелъ сочиненія Аристотеля въ порядокъ и раздѣлилъ на прагматей ³⁾.

Аристотель во время своей жизни былъ оцѣниваемъ различно и имѣлъ даже ожесточенныхъ враговъ. Его многіе ненавидѣли изъ зависти и ненависть свою удовлетворяли клеветой на великаго мыслителя. Римляне, не смотря на высокое уваженіе Цицерона къ Аристотелю, не были подготовлены въ научномъ отношеніи на столько, чтобы понимать глубокомысленнаго ученаго и философа. Въ средніе вѣка, большею частью, забывали совсѣмъ о Платонѣ, увлекаясь Аристотелемъ. Благодаря высокимъ достоинствамъ его произведеній, ни одинъ писатель древняго міра не имѣлъ такого громаднаго вліянія на умы въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій. По всему міру, на Востокѣ и на Западѣ, у христіанскихъ и у мусульманскихъ народовъ, у евреевъ сочиненія Аристотеля долгое время были главнымъ источникомъ и двигателемъ знанія и философскаго изслѣдованія; но особенно онъ усердно изучался арабами.

Сочиненія Аристотеля можно раздѣлить на пять разрядовъ.

А. Сочиненія логическія, подъ общимъ именемъ Органъ, Ὀργανον, что значить собств. орудіе, а въ данномъ случаѣ орудіе для познанія истины, т. е. логика, дѣлятся на:

1. Категоріи ⁴⁾ (κατηγορίαι), или ученіе о главныхъ классахъ понятій, объясняютъ различіе между гомонимомъ, синонимомъ и т. д., объясняютъ отношеніе подлежащаго къ сказуемому и перечисляютъ десять главныхъ понятій: 1. субстанція, 2. количество, 3. качество, 4. отношеніе, 5. мѣсто, 6. время, 7. положеніе, 8. владѣніе, 9. дѣятельность и 10. страдательное состояніе ⁵⁾;

2. Герменевтику (περί ἑρμηνείας, собств. выраженіе мыслей), посвященную разсмотрѣнію предложеній или вообще общимъ и частнымъ „сужденіямъ“;

3. Аналитику ⁶⁾ (ἀναλυτικά), состоящую изъ двухъ частей, πρότερα и ὕστερα, и трактующую объ умозаключеніяхъ и доказательствахъ;

4. Топики (τοπικά ⁷⁾, въ 8-ми книгахъ, къ отысканію „общаго“ метода для доказательствъ какихъ-угодно посылокъ; это сочиненіе имѣетъ скорѣе

¹⁾ Τυραννίωυ, рабъ жены Цицерона, которому онъ, между прочимъ, помогаль приводить въ порядокъ книги Цицерона.

²⁾ Ἀνδρόνικος, перипатетикъ вѣка Августа.

³⁾ Πραγματεῖαι, собств. занятія, въ данномъ случаѣ значить книги сочиненій.

⁴⁾ Κατηγορία въ поздн. значеніи значить сказуемое, признакъ.

⁵⁾ Это сочиненіе переведено на рус. яз. Касторскимъ. СПб. 1859.

⁶⁾ Отъ ἀνάλυσις разрѣшеніе: подъ слов. ἀναλυτικά греки разумѣли разложеніе умозаключеній къ послѣднимъ ихъ основаніямъ.

⁷⁾ Отъ τοπικός собств. мѣстный, а потомъ общій. Греческіе и римскіе риторы называли этимъ именемъ систематическое изложеніе извѣстныхъ общихъ понятій и умозаключеній, съ помощью которыхъ можно доказать или опровергнуть какое-ниб. положеніе.

практическую цѣль — болѣе удобное веденіе бесѣдъ и споровъ, и принадлежитъ къ самымъ популярнымъ и удобочитаемымъ трудамъ философа;

5. *Περὶ σοφιστικῶν ἐλέγχων**), въ 2-хъ книгахъ, объ обманчивыхъ умозаключеніяхъ софистовъ;

6. Ораторское искусство (*τέχνη ῥητορική***), сочиненіе (въ 3-хъ кн.), трактующее о трехъ родахъ краснорѣчія: совѣщательномъ, судебномъ и эффектномъ ***);

7. О поэзіи (*περὶ ποιητικῆς*), сочиненіе, очень важное для историка литературы: оно изслѣдуетъ теорію искусства, которое, по Аристотелю, есть не что иное, какъ „подражаніе“, но подражаніе творческое.

Два послѣднихъ сочиненія только до извѣстной степени стоятъ въ связи съ первыми пятью.

Б. Сочиненія собственно философскія дѣлятся на:

1. Метафизику (*τὰ μετὰ τὰ φυσικά†*), сочиненіе неполное, трактующее о существѣ и задачѣ философіи и критически обозрѣвающее начала, положенныя въ основу ея прежними мыслителями. По Аристотелю, божество — вѣчная невещественная форма, совершенствомъ которой обуславливается совершенство и вѣчность мірозданія;

2. О душѣ (*περὶ ψυχῆς*), сочиненіе въ 3-хъ книгахъ, дающее вполне научное основаніе для науки психологіи;

3. Этика Никомахова (*ἠθικά Νικομάχεια*), въ 10-ти книгахъ,

4. Этика Евдимова (*ἠθικά Εὐδήμεια*), въ 7-ми книгахъ,

5. Этика большая (*ἠθικά μέγαλα*), въ 2-хъ книгахъ.

Эти три послѣднихъ сочиненія трактуютъ о нравственной философіи. Ученіе Аристотеля о морали основано на той мысли, что стремленіе къ добродѣтели прирождено человѣку, и, если онъ не можетъ постигнуть ее знаніемъ, то все-же можетъ сдѣлаться добродѣтельнымъ путемъ воспитанія и упражненія. Разумъ, однако, долженъ постоянно руководить нашими дѣйствіями, и источникъ высшаго нашего счастья заключается въ разумной энергіи; жизнь же, посвященная единственно удовольствію и удовлетворенію страстей, свойственна животному. Но высшее счастье, соединяющее человѣка съ божествомъ, испытывается въ особенности тогда, когда онъ, руководимый разумомъ, достигаетъ совершенства въ своемъ дѣятельномъ участіи въ общественной жизни.

комиться и по русскому переводу, сдѣланному проф. Н. Скворцовымъ *);

2. Экономика (οἰκονομικά), въ 2-хъ книгахъ, изъ которыхъ только первая, безспорно, принадлежитъ Аристотелю.

Г. Сочиненія физикоматематическія составляютъ:

1. Задачи по механикѣ (μεχανικὰ προβλήματα **);

2. О недѣлимыхъ линіяхъ (περὶ ἀτόμων γραμμῶν);

3. Чтенія по физикѣ (φυσικὴ ἀκρόασις), излагающія главные законы природы (8-мъ кн.);

4. О небѣ (περὶ οὐρανοῦ), въ 4-хъ книгахъ;

5. О рожденіи и смерти (περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς), въ 2-хъ кн.

Содержаніемъ всѣхъ трехъ послѣднихъ сочиненій служитъ ученіе о природѣ. Природа, по Аристотелю, есть „то, что достигаетъ своей цѣли“, въ чемъ все имѣетъ опредѣленное свое назначеніе; природа притомъ есть непрерывный живой процессъ, и, если природа, порождая иной разъ уродовъ, какъбы не достигаетъ своей цѣли, то, въ оправданіе ей, надо сказать, что ошибаться можетъ только тотъ, кто дѣлаетъ что-нибудь съ цѣлью. Сочиненія эти глубоко интересны по своему энциклопедическому характеру, по обилію оригинальныхъ мыслей и наблюденій.

6. Къ сочиненію О рожд. и см. примыкаетъ Метеорологія (Μετεωρολογικά), въ 4-хъ книгахъ, основанная на тщательныхъ наблюденіяхъ, произведенныхъ подъ аѳинскимъ меридіаномъ. Съ этимъ сочиненіемъ имѣетъ сходство подложное О мірѣ (περὶ κόσμου) или Посланіе къ Александру о вселенной (Πρὸς Ἀλέξανδρον ἐπιστολὴ περὶ τοῦ παντός).

7. Теченіе и наименованіе вѣтровъ (ἀνέμων θέσεις καὶ προσήγορίαι), сочиненіе, которое, быть можетъ, составляетъ отрывокъ какого-ниб. большаго труда.

Д. Сочиненія естественноисторическія, о животномъ и растительномъ мірѣ. Они излагаютъ описательно, анатомически и фізіологически результаты долгихъ и трудныхъ изслѣдованій и наблюденій автора. Сюда относятся:

1. Исторія животныхъ (περὶ ζῶων ἱστορία), въ 10-ти книгахъ;

2. О членахъ животныхъ (περὶ ζῶων μορίων), въ 4-хъ книгахъ;

3. О рожденіи животныхъ (περὶ ζῶων γενέσεως), въ 5-ти книгахъ;

Затѣмъ нѣсколько мелкихъ сочиненій, какъ то: а. О растеніяхъ (περὶ φυτῶν), б. О слышимомъ (περὶ ἀκουστῶν), с. О цвѣтахъ (περὶ χρωμάτων), д. Объ удивительныхъ разказахъ (περὶ θαυμασίων ἀκουσμάτων), которыя признаются подложными;

5. Такъ наз. *Parva naturalia*, рядъ небольшихъ разсужденій по фізіологіи, числомъ 11-ть.

*) Политика Аристотеля. Переводъ съ греч. яз. съ примѣчаніями и изслѣдованіемъ. М. 1865 г.

**) Ими пользовался Витрувій, знаменитый римскій архитекторъ временъ Августа (I. в. до и по Р. X.).

Прежде чѣмъ перейти къ обзорѣнїю философіи вслѣдъ за Платономъ и Аристотелемъ, мы упомянемъ о **Гиппократѣ** (Ἱπποκράτης, 460—356). Будучи уроженцемъ остр. Коса, Гиппократъ принадлежалъ къ фамиліи, родоначальникомъ которой считался богъ-врачъ Асклепій (Ἐσκυλαπῆ). Въ числѣ его воспитателей, большею частью врачей, указываютъ между прочимъ на софиста Продика*). Вообще же подробности біографіи Гиппократа мало извѣстны. Намъ извѣстно, что это былъ знаменитый врачъ, положившій начало научному развитію медицины своимъ сочиненіемъ Афорисмы (Ἀφορισμοί). Онъ усовершенствовалъ унаслѣдованную отъ предшественниковъ патологию вмѣстѣ съ терапіей и развилъ хирургию. Но, помимо этихъ заслугъ Гиппократа, очень важныхъ въ исторіи медицины, онъ былъ еще и перворазряднымъ писателемъ.

Послѣ Платона и Аристотеля, греческая философія уже ищетъ очевиднаго, одно очевидное принимаетъ за истину. Творческое движеніе въ философіи уже прекратилось, хотя философія все-же продолжала оставаться насущною потребностью образованныхъ людей. Для Греціи настала пора тяжелыхъ испытаній: политическая свобода ея была уничтожена македонскимъ владычествомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свобода мышленія ограничивалась извлеченіемъ всевозможныхъ выводовъ изъ мыслей великихъ предшественниковъ классическаго періода. Но и въ эту переходную эпоху мы имѣемъ нѣсколько именъ, имѣющихъ немалое значеніе въ исторіи греческой литературы.

Теодоръ (Θεόδωρος, въ нач. III в.), прозванный „безбожникомъ“, въ своемъ сочиненіи О богахъ (περὶ θεῶν) прямо отрицалъ ихъ существованіе. Но очень много шуму произвела въ древнемъ мірѣ попытка его ученика **Евгемера** (Εὐήμερος, Euhemerus, III вѣка), уроженца Мессаны, послѣдователя Киренской школы**). Онъ хотѣлъ дать рациональное объясненіе господствующей народной религіи, вполне отвѣчая тогдашнему скептицизму и уровню исторической критики. Въ своемъ сочиненіи Ἱερὰ ἀναγραφὴ (Священная надпись) онъ, рассказывая о своемъ романическомъ путешествіи вокругъ Аравіи до Индіи, повѣствуетъ объ островѣ Панхѣѣ, гдѣ онъ будто бы изъ надписи узналъ, что боги суть не что иное, какъ обоготворенные великіе люди. Рассказъ этотъ положилъ основаніе особой системѣ, названной **евгемеризмомъ**.

Самымъ энергическимъ противовѣсомъ начинавшемуся разложенію философіи явился въ IV вѣкѣ стоицизмъ. Основатель его **Зенонъ** (Ζήνων, произв. ок. 300 г.) изъ Китія на Кипрѣ, прибывши еще въ молодые годы въ Аѣины, сначала изучалъ философію киниковъ и академиковъ, а потомъ самъ сталъ преподавать въ особой галлерей, или стоѣ, *στοά*, откуда и полу-

*) Имя этого софиста извѣстно въ исторіи литературы, благодаря Ксенофону, который въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ влагаетъ въ уста Продика прекрасный поэтический рассказъ о выборѣ Геракла между „добродѣтелью“ и „порокомъ“. (См. ниже).

**) Основателемъ школы Киренаиковъ или гедонитовъ (отъ ἡδονή, удовольствіе) былъ Аристиппъ. Въ основаніе своей философіи Аристиппъ клалъ чувственно-пріятное ощущеніе, но въ болѣе благородномъ смыслѣ, чѣмъ его послѣдователи.

чила наименованіе его школа. Онъ, между прочимъ, пользовался высокимъ уваженіемъ за свой безупречный образъ жизни. Отъ Зенона до насъ дошли только отрывки. — Ученикъ его **Клеанъ** (Κλεάνθης, жив. ок. 260 г.), оставилъ намъ прекрасное стихотвореніе Гимнъ Зевсу, въ которомъ излагаетъ свои идеи о богахъ и ихъ почитаніи.

Въ противоположномъ стоицизму возникла школа эпикурейская, начало которой лежитъ въ киренскомъ гедонизмѣ*). Основателемъ этой школы былъ **Эпикуръ** (Ἐπίκουρος, 342—270), сынъ аѳинскаго гражданина. Эпикурейская школа была первоначально тѣснымъ кружкомъ, проводившимъ веселую, но нисколько не предосудительную общественно-литературную жизнь. Древніе приписывали Эпикуру до 300 книгъ, изъ которыхъ впоследствии были сдѣланы многочисленныя извлеченія. Диогенъ Лаэртскій**) сохранилъ намъ значительную часть этихъ извлеченій, а знаменитый римскій поэтъ Лукрецій Каръ***) въ своей замѣчательной поэмѣ De natura rerum даетъ намъ очень наглядное представленіе объ эпикуреизмѣ.

Стоики и эпикурейцы искали счастья различными путями. Третью попытку въ томъ-же родѣ сдѣлали скептики, основывавшіе свое ученіе на сомнѣніи въ возможности познать истину. Основателемъ скептической школы былъ **Пирронъ** (Πύρρων) изъ пелопоннескаго Фліунта, современникъ Аристотеля. Но свѣдѣніями объ его ученіи мы обязаны ученику его **Тимону** †) (Τίμων, ок. 280 г.), прозванному „Силлографомъ“ ††) за свои сатирическія стихотворенія, направленныя противъ всѣхъ школъ, кромѣ скептической. Отъ него остались небольшіе отрывки, обнаруживающіе проникающую умъ и написанные языкомъ рѣзкимъ, язвительнымъ и въ то-же время тяжелымъ.

Аристотелемъ, какъ мы выше сказали, принято заканчивать собственно-классическій періодъ греческой литературы. Но, прежде чѣмъ перейти къ обзорѣ слѣдующей эпохи, Александрійской, намъ остается еще раз-смотрѣть литературу въ области **краснорѣчія**.

Въ демократическомъ государствѣ, какимъ были Аѳины, искусство краснорѣчія играло чрезвычайно важную роль. Государственные люди обязаны были быть прежде всего ораторами, и такими былиThemistocles, Аристидъ, Алкивиадъ и др., но особенно Периклъ, съ которымъ мы знакомимся, какъ съ ораторомъ, по сочиненію Фукидида. Громадное вліяніе на развитіе

*) См. стр. 77, примѣч.

**) Аѳинскій грамматикъ II в. по Р. X.

***) 98—55 гг. по Р. X.

†) Этого Тимона не слѣдуетъ смѣшивать съ Тимомомъ, по прозванію „мизантропомъ“ (μισάνθρωπος), жившимъ въ V-мъ вѣкѣ.

††) Отъ слова σίλλοι, которымъ назывались въ это время сатирическія стихотворенія, имѣвшія сходство съ ямбами Архилоха.

краснорѣчія оказали софисты*), игравшіе столь важную роль въ умственной жизни грековъ V-го и IV вѣковъ. Въ ту пору любознательность въ Греціи была такъ сильна, что къ софистамъ стекались цѣлыя толпы слушателей не въ однихъ Аѳинахъ. Появленіе какого-нибудь знаменитаго софиста, въ родѣ Горгіи, Протагоры или Гиппіи, которые такъ часто фигурируютъ въ „діалогахъ“ Платона, праздновалось въ городахъ и доставляло имъ почетъ и деньги. Такимъ образомъ, занятіе софистовъ, по существу своему благородное, стало съ теченіемъ времени зазорнымъ ремесломъ. Они учили всему, чего отъ нихъ требовали, и незнакомство съ тѣмъ или другимъ предметомъ преподаванія старались замаскировать искусствомъ оспариванія своихъ положеній посредствомъ всевозможныхъ ухищреній слова. Эта-то сторона въ софистахъ возмущала Сократа, который не пропускалъ случая обличить того или другаго софиста во лжи или шарлатанствѣ. Тѣмъ не менѣе заслуги софистовъ въ дѣлѣ пробужденія въ грекахъ желанія къ умственному саморазвитію очень велики. Если они и вносили въ общество сомнѣніе въ возможность познать сущность вещей, то виною этого были не они одни: до нихъ философскія попытки мыслителей привели къ самымъ разнообразнымъ рѣшеніямъ капитальнѣйшихъ вопросовъ бытія.

Появленіе софистовъ совпадаетъ съ вѣкомъ Перикла. Знаменитѣйшими изъ нихъ былъ Протагора, Горгія, Гиппія Элидскій и Продикъ Кеосскій.

Протагора (*Πρωταγόρας*, 480—410) изъ Абдеръ во Фракіи, одинъ изъ самыхъ ученыхъ софистовъ. Онъ самъ впервые назвалъ себя софистомъ и бралъ за курсъ ученія 100 минъ**). Ученіе его — грубый субъективизмъ: то, что „кажется“ человѣку, то и вѣрно; или: „человѣкъ мѣрило всѣхъ вещей“***). Обвиненный въ атеизмѣ, Протагора подвергся изгнанію изъ Аѳинъ, и сочиненія его были сажжены.

Другой софистъ, **Горгія** изъ Леонтинъ въ Сициліи, училъ, что нѣтъ ничего сущаго, что, если что-ниб. и имѣеть бытіе, то это что-нибудь не познаваемо; а если что-ниб. и можетъ быть познаваемо, то оно не можетъ быть выражаемо въ словѣ. Таково содержаніе его сочиненія *О несуществующемъ* или *О природѣ*.

Гиппія Элидскій и **Продикъ** Кеосскій были и ораторы и ученые люди, писавшіе по разнымъ отраслямъ тогдашняго знанія. Сочиненіе послѣдняго *О природѣ* людей (*περί φύσεως ἀνθρώπων*) было посвящено вопросамъ языка съ философской точки зрѣнія. Ему принадлежитъ сочиненіе о порокахъ и добродѣтели, въ видѣ аллегорическаго разсказа „Гераклъ на распутьѣ“, съ которымъ мы знакомимся у Ксенофонта, и благодаря которому первые

*) Отъ *σοφός* мудрый. Со времени Сократа такъ принято было называть тотъ классъ философовъ, которые за извѣстную плату учили, преимущественно, искусству управленія государствомъ и ораторскаго краснорѣчія.

***) Мина (*μνᾶ*) = ок. 25 руб.

***) Онъ брался учить также „дѣлать черное бѣлымъ“, *τὸν ἥτις λόγον κρείττω ποιεῖν* (или неосновательное положеніе дѣлать основательнымъ).

христіанскіе писатели ставили Продика въ число языческихъ авторовъ, заслуживающихъ изученія.

Обучая искусству говорить, внимательно относясь къ составу и значенію словъ живой и литературной рѣчи, софисты не мало содѣйствовали выработкѣ той правильной и изящной прозы, которою писалъ Платонъ и говорили знаменитые ораторы.

До насъ дошло слишкомъ достаточно образцовъ аѳинскаго краснорѣчія для того, чтобы составить вполне правильное сужденіе объ этомъ родѣ греческой литературы. Изъ ораторовъ, рѣчи коихъ сохранились въ памятникахъ письменности, уже древніе отличали главныхъ *десять* *) аттическихъ ораторовъ. Всѣ они жили и дѣйствовали въ V-мъ и IV вѣкѣ.

1. **Антифонъ**, сынъ Софила, уроженецъ аттическаго села Рамнунта, род. ок. 480 г. и былъ виднымъ политическимъ дѣятелемъ и учителемъ ораторскаго искусства. Сочиненіе его *Τέχνη ῥητορικὴ* не дошло до насъ. Главнымъ его занятіемъ было составленіе рѣчей для другихъ **). Изъ дошедшихъ до насъ 15-ти рѣчей Антифонта, 12-ть изъ нихъ принадлежатъ къ категоріи придуманныхъ случаевъ для упражненія въ ораторскомъ искусствѣ. Три другихъ дѣйствительно были произнесены по дѣламъ, разбиравшимся въ судѣ: одна по обвиненію мачихи въ отравленіи, двѣ защитительныя по дѣламъ о двухъ другихъ убійствахъ. Рѣчи Антифонта отличаются чрезвычайною обработкою и остроуміемъ, а стиль ихъ и приемы вполне напоминаютъ рѣчи, встрѣчающіяся у Фукидида.

2. Ближайшимъ по времени къ Антифону ораторомъ, рѣчи котораго дошли до насъ, былъ **Андионидъ**, уроженецъ Аѳинъ. Онъ былъ аѳинскимъ стратегомъ и посломъ и дважды подвергался изгнанію, между прочимъ одинъ разъ за оскверненіе святыни. Сохранилось три его рѣчи.

3. **Лизія** (459—379), уроженецъ Сиракузъ. Отецъ его переселился въ Аѳины по приглашенію Перикла. Самъ Лизія произнесъ только одну рѣчь; обыкновенно же онъ писалъ рѣчи для другихъ, какъ логографъ. По плодовитости онъ превзошелъ всѣхъ логографовъ, такъ-какъ ему приписывали 425 рѣчей, изъ которыхъ, впрочемъ, еще въ древности подлинными считали только 230. Значеніе его рѣчей заключается не только

*) Вотъ имена ихъ всѣхъ: 1. Ἀντιφῶν, 2. Ἀνδοκίδης, 3. Λυσίας, 4. Ἴσοκράτης, 5. Ἰσαῖος, 6. Λοκῶδρος, 7. Ὑπερίδης, 8. Δημοσθένης, 9. Αἰσχίνης и 10. Δημάδης.

**) При немъ сочинители рѣчей или такъ наз. *λογογράφοι* впервые получили большое значеніе въ Аѳинахъ, хотя это занятіе, крайне необходимое для гражданъ при аѳинскихъ судебныхъ порядкахъ, сначала и не пользовалось почетомъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ стороны обязаны были говорить сами; въ дѣлахъ уголовныхъ обвинителемъ могъ быть каждый гражданинъ, но обвиняемый не имѣлъ права выставить за себя защитника, а только могъ, высказавшись по главному пункту обвиненія, пользоваться содѣйствіемъ друзей для дальнѣйшаго разъясненія того или другаго обстоятельства. Аѳиняне, имѣвшіе дѣла въ судахъ, крайне нуждались поэтому въ посторонней помощи для сочиненія защитительныхъ рѣчей, и нерѣдко ограничивались произнесеніемъ рѣчей, сочиненныхъ другими. Такими „логографами“ были не только Антифонъ, но и позднѣйшіе ораторы, не исключая самого Демосеена.

въ ихъ необыкновенной ясности и отчетливости изложенія, но и въ превосходномъ выясненіи характеровъ*). До насъ дошла 31 рѣчь Лизіи.

4. Гораздо большею славою, чѣмъ слава Лизіи, пользовался въ древности младшій его современникъ **Исократъ**, (436—338) Аѳинянинъ, ученикъ Горгіи, Продика и въ послѣдствіи Сократа, который возлагалъ на него большія надежды; но слабость голоса и прирожденная застѣнчивость помѣшали ему отдаться желанному политическому поприщу. Онъ открылъ школу краснорѣчія и сдѣлался тѣмъ, что греки называли „ораторомъ“ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Онъ составлялъ рѣчи о разныхъ предметахъ и прославился какъ самый блестящій риторъ и учитель краснорѣчія въ свое время даже между иностранцами. Не одинъ изъ чужеземныхъ царей и владѣтельныхъ лицъ обращался къ нему за составленіемъ рѣчей по тому или иному случаю. Такимъ образомъ Исократъ приобрѣлъ огромное состояніе. Дѣйствительно, дошедшія до насъ рѣчи Исократа обличаютъ въ немъ великаго мастера слова. Кто хочетъ изучить греческій языкъ, тому Исократъ можетъ служить болѣе, чѣмъ какой-нибудь другой писатель, образцомъ въ чистотѣ, отдѣлкѣ и правильности литературной эллинской прозы. Но изящество формы преобладаетъ въ рѣчахъ Исократа надъ содержаніемъ, которое никогда не возвышалось надъ уровнемъ практической полезности. Изъ его школы вышло немалое число извѣстныхъ ораторовъ и политическихъ дѣятелей: Исэй, Ликургъ, Гиперидъ и другіе. До насъ дошла 21 рѣчь Исократа. Собственно это не рѣчи, произнесенныя гдѣ-нибудь, а цѣлыя сочиненія въ формѣ рѣчей: самъ Исократъ рѣчей никогда не говорилъ. Таковы его: *Πανηγυρικός* (Панегирікъ), хвалебная рѣчь въ честь Аѳинъ и воззваніе къ согласію между эллинскими государствами; *Ἀρεοπαγίτικος*, хвала доброму старому времени; *Παναθηναϊκός*, патриотическое прославленіе Аѳинъ; *Πλαταικός*, въ защиту платейцевъ, угнетаемыхъ ѳиванцами; *Περὶ εἰρήνης*, въ пользу мира съ союзниками, въ которыхъ нуждались аѳиняне. Такова же его *Ἀντίδοσις***), рѣчь, какъ-бы сказанная въ свою защиту по поводу одного личнаго дѣла.

5. Предъ громкимъ именемъ Исократа блѣднѣютъ имена другихъ преподавателей-риторовъ, изъ числа коихъ упомянемъ **Исэя*****), отъ котораго

*) Въ заслугу Лизіи древніе ставили *ἡθοποιία*, *ἐνάρχεια* и *διατόπωσις*, что значить: искусство обрисовки характеровъ, живость и правдивое изображеніе жизни.

**) *Ἀντίδοσις* собств. обмѣнъ (состояній). Владѣя большимъ состояніемъ, Исократъ забылъ записаться въ число 300-тъ зажиточныхъ гражданъ, обязанныхъ на свой счетъ снарядить военное судно, что называлось литургіей (*λειτουργία*, общественное служеніе). Нѣкто Мегаклидъ, призванный къ обязательному участию въ сварженіи судна, заявилъ, что Исократъ богаче его, вслѣдствіе чего Исократъ былъ присужденъ или поставить тріеру, или, какъ требовалъ аѳинскій законъ, обмѣнять свое состояніе на состояніе Мегаклида, сдѣлать то, что и называлось *ἀντίδοσις*. Исократъ предпочелъ снарядить тріеру, а потомъ написалъ подъ сказаннымъ заглавіемъ рѣчь, въ которой онъ предполагаетъ, что одинъ сикофантъ (донощикъ) открылъ противъ него уголовный процессъ, что ему угрожаетъ смерть, и что онъ находится въ положеніи Сократа.

***) Родомъ Халкидець, жилъ въ перв. половинѣ IV вѣка.

стались 11-ть рѣчей, всё по дѣламъ о наслѣдствахъ. Эти рѣчи обличаютъ въ Исѣѣ настоящаго мастера-адвоката. Исѣй не только писалъ рѣчи для другихъ, но ему нерѣдко приходилось выступать въ судѣ и самому въ защиту своихъ кліентовъ.

6. Слѣдующій изъ „десяти“ ораторовъ, **Ликургъ** Аѳинскій (408—326 г.), пользовался у древнихъ славою уже политическаго оратора. Онъ долгое время управлялъ финансами аѳинской республики и безпощадно преслѣдовалъ всякаго рода злоупотребленія. Изъ всѣхъ рѣчей Ликурга, большею частью обвинительнаго характера, до насъ дошла только одна, противъ Леократа, въ которой ораторъ требовалъ смертнаго приговора надъ аѳинскимъ богачемъ, убѣжавшимъ изъ Аѳинъ послѣ Херонейскаго сраженія (338 г.) и поэтому нарушившимъ преданность отечеству. Еще отъ Ликурга сохранился маленькій, но блестящій отрывокъ другой рѣчи, противъ Лизикла.

7. Въ число „десяти“ древніе ставили еще двухъ менѣ значительныхъ ораторовъ. То были Гиперидъ и Демадъ. **Гиперидъ**, уроженецъ Атики, современникъ Демосѳена и то его политическій сторонникъ, то противникъ. Изъ его 77-ми государственныхъ рѣчей мы имѣемъ: а. рѣчь за Евксениппа, в. ἐπιτάφιος, с. κατὰ Δημοσθένους и d. отрывки рѣчи за Ликофрона.

8. **Демадъ** аѳинянинъ, политическій противникъ Демосѳена, отличался большимъ ораторскимъ талантомъ; но уже Цицеронъ не зналъ никакихъ рѣчей этого оратора.

Переходя за симъ къ двумъ великимъ именамъ, характеризующимъ цѣлое столѣтіе политической исторіи Греціи, мы ограничимся только названіемъ менѣ извѣстныхъ ораторовъ, не обозначенныхъ въ числѣ „десяти“. То были Динархъ (Δεινάρχος, род. 361 г.), Алкидамантъ (Ἀλκιδάμας), про сочиненіе котораго „Тέχνη“ говорятъ, что оно служило руководствомъ для Эхина и Демосѳена, Гегесиппъ (Ἠγήσιππος) и Фокіонъ (Φωκίων), современники Демосѳена.

9. **Эсхинъ** (Ἀισχίνης, 389—314), сынъ бѣдныхъ и незнатныхъ аѳинскихъ гражданъ, первоначально былъ аѳлетомъ, потомъ актеромъ въ роли тритагонистовъ, а съ теченіемъ времени секретаремъ (γραμματεὺς) при судѣ. Только по достиженіи 40-лѣтняго возраста онъ выступилъ на политическое поприще и вскорѣ сталъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ людей въ Аѳинахъ какъ разъ въ ту пору, когда могущество Македоніи стало угрожать свободѣ Греціи. Эсхинъ былъ сначала сторонникомъ антимакедонской партіи и держалъ даже рѣчь противъ Филиппа. Но въ 347 году Эсхинъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ Демосѳеномъ въ число членовъ посольства къ Македонскому царю, и съ тѣхъ поръ онъ уже перешелъ на сторону Филиппа и былъ до конца жизни противникомъ политическихъ плановъ Демосѳена, а слѣдовательно и его соперникомъ на поприщѣ государственнаго краснорѣчія. Вскорѣ по возвращеніи изъ Македоніи другъ Демосѳена, Тимархъ, готовился обвинить Эхина въ государственной измѣнѣ; но Эсхинъ предупредилъ обвиненіе, самъ выступивъ съ обвинительной рѣчью Противъ Тимарха

(κατὰ Τηράρχου), опозорившаго себя безнравственной жизнью, и одержалъ блистательную побѣду. Но въ 343 г. Демосеень уже самъ возбудилъ противъ Эсхина прежнее обвиненіе, и на этотъ разъ Эсхинъ защищался рѣчью Περὶ παραπροσβείας (т. е. о посольствѣ, не исполнившемъ своего долга) и остался оправданнымъ. Въ 336 г. Эсхиномъ была произнесена третья изъ сохранившихся его рѣчей Противъ Ктезифонта (κατὰ Κτησιφώντος). Ктезифонтъ сдѣлалъ предложеніе наградить Демосеена золотымъ вѣнкомъ за услуги государству и возложить этотъ вѣнокъ при всемъ народѣ, въ театрѣ. Эсхинъ обвинялъ Ктезифонта въ государственномъ преступленіи, такъ-какъ де онъ дѣлаетъ незаконное предложеніе — вѣнчать гражданина, не отдавшаго еще отчета въ отправленіи своихъ обязанностей. Событія, послѣдовавшія за поражениемъ при Харонеѣ, отсрочили это дѣло на 6-ть лѣтъ, по истеченіи которыхъ Демосеень, вслѣдъ за произнесенной Эсхиномъ рѣчью, выступилъ съ своею знаменитою рѣчью О вѣнкѣ, и Эсхинъ потерпѣлъ полное поражение; послѣ чего удалился въ добровольное изгнаніе на остр. Родосъ, гдѣ и умеръ.

Нельзя не сознаться, что въ литературномъ отношеніи послѣдняя рѣчь Эсхина отличается ясностью, опредѣленностью, богатствомъ мыслей и легкостью изложенія; но въ логическомъ развитіи она все-же далеко уступаетъ какъ въ частности рѣчи О вѣнкѣ, такъ и вообще всѣмъ рѣчамъ Демосеена, знаменитѣйшаго въ исторіи человѣчества оратора.

10. **Демосеень** (Δημοσθένης Δημοσθένους Παιανιεύς*), т. е. Демосеень сынъ Демосеена Пэаніецъ) род. ок. 383 г. въ аттическомъ демѣ Пэаніи (Παιανία). До насъ дошло не мало біографическихъ очерковъ Демосеена; но полнѣе и интереснѣе всего сочиненіе Плутарха. Родители Демосеена принадлежали къ людямъ зажиточнымъ, хотя и не знатымъ. Отецъ, умирая, оставилъ семилѣтняго Демосеена и свою единственную дочь на попеченіи двухъ племянниковъ, Афоба и Демофонта, и одного друга Териппида, возложивъ при этомъ на опекуновъ извѣстные обязательства и назначивъ имъ въ пользованіе нѣкоторую денежную сумму вплоть до той поры, когда сынъ достигнетъ совершеннолѣтія. Ни одно изъ распоряженій завѣщателя, кромѣ захвата денегъ, не было выполнено безсовѣстными опекунами. Достигши совершеннолѣтія**), Демосеень увидѣлъ себя совершенно разореннымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обратился за содѣйствиемъ къ Исэю искуснѣйшему въ то время практику-адвокату, и затѣмъ предъявилъ искъ противъ Афоба. Это былъ первый поводъ къ составленію рѣчей. Демосеень выигралъ искъ, но съ Афоба взять было нечего, потому что онъ заблаговременно перевелъ свое имущество

*) Всѣ граждане должны были быть приписаны къ какому-ниб. дему (δῆμος) какъ въ Римѣ къ трибѣ (tribus), и официально къ имени и отчеству лица прибавлялось и обозначеніе его дема. Также: Σωκράτης Σωφρονίσκου Ἀλωπεκῆθεν.

**) Время совершеннолѣтія въ отдѣльныхъ государствахъ опредѣлялось различно. Въ Афинахъ семейно-правое совершеннолѣтіе вмѣстѣ съ гражданскимъ наступало на 18 году, два года спустя послѣ достиженія возмужалости.

на имя зятя своего Онетора; Демосѳену пришлось вести процессъ съ этимъ послѣднимъ; но, въ концѣ концовъ, выигравъ процессъ, онъ получилъ только ничтожную сумму въ сравненіи съ 10-ю талантами*), на которые претендовалъ нашъ ораторъ въ началѣ иска. Однако, веденіе дѣла съ опекунами не осталось безъ пользы для Демосѳена: онъ приобрѣлъ извѣстность, какъ „логографъ“, и зарабатывалъ хорошія деньги составленіемъ рѣчей для тяжущихся сторонъ.

Цѣлыя десять лѣтъ (364—354 гг.) послѣ своего процесса съ опекунами Демосѳенъ занимался составленіемъ рѣчей. Всѣ показанія древнихъ единодушно изображаютъ Демосѳена труженикомъ, не пьющимъ ничего кромѣ воды, человѣкомъ необщительнымъ, проводившимъ ночи или въ изученіи политики, или въ писаніи рѣчей. Онъ посвящалъ каждую минуту умственному труду. Аттическое право и судебное краснорѣчіе изучалъ у Исая, о которомъ мы выше упоминали, изучалъ онъ и произведенія Платона и Исократы, но любимѣйшимъ его авторомъ былъ Фукидидъ, исторію котораго онъ восемь разъ переписалъ и изучилъ наизусть. О настойчивости его въ достиженіи намѣченной цѣли рассказываютъ цѣлыя басни. Говорятъ, что первые опыты Демосѳена на поприщѣ политическаго оратора были неудачны. Его тонкій голосъ, угловатая манера, длинные, неясные періоды, вмѣстѣ съ косноязычествомъ произвели непріятное впечатлѣніе на слушателей, и ораторъ оставилъ кафедру подъ градомъ насмѣшекъ. Но Демосѳенъ не упалъ духомъ. Чтобы достигнуть своей цѣли, онъ направилъ всѣ усилія на уничтоженіе тѣлесныхъ недостатковъ. Такъ, желая приучить себя ясно произносить букву ρ, онъ бралъ въ ротъ камешки и усиливался говорить громко нарочно подобранныя мѣста. Для укрѣпленія груди и усиленія голоса, онъ быстро всходилъ на высокія горы, декламируя въ то-же время отрывки изъ поэтовъ. Въ жестикуляціи упражнялся передъ большимъ зеркаломъ; а чтобы отучить себя отъ некрасиваго движенія однимъ плечомъ, онъ становился подъ висячій мечъ, который долженъ былъ ранить его всякій разъ, когда онъ дѣлалъ это движеніе. Говорятъ еще, что онъ самъ себя брилъ голову, чтобы лишить себя возможности выходить въ общество и тѣмъ не прерывать своихъ упражненій. Во время декламаціи бѣгалъ онъ также по берегу моря, чтобы приучить себя къ шуму толпы. Если большинство этихъ рассказовъ и вымышлены, во всякомъ случаѣ существованіе ихъ доказываетъ на чрезвычайныя усилія, которыя дѣлалъ Демосѳенъ съ цѣлью выработать изъ себя то, что Греки называли *δυνατότατος ῥητόρων*.

Отъ десятилѣтняго періода времени, о которомъ мы выше сказали, до насъ дошла рѣчь, написанная въ 359 г., За вѣнокъ триерарха.

354-й годъ былъ годомъ начала политической дѣятельности Демосѳена. Онъ выступилъ съ рѣчью Противъ Лептина (*Πρὸς Λεπτίνην*), предложившаго прекратить раздачу льготъ гражданамъ за государственныя заслуги.

*) Около 1,500 рубл.

За этою рѣчью въ томъ же году слѣдовала рѣчь *Περὶ τῶν συμμοριῶν* *), вызванная господствовавшимъ среди грековъ безпокойствомъ по случаю большихъ военныхъ приготовленій персидскаго царя. Въ этой рѣчи Демосеенъ излагаетъ свой проектъ по преобразованію флота.

Въ 353 году Демосеенъ выступилъ съ рѣчью, имѣющею связь съ предыдущею; это *Ἔπερ Μεγαλοπολιτῶν*.

Въ 351 году Демосеенъ произноситъ рѣчь *Περὶ τῆς Ῥοδίων ἐλευθερίας*.

Въ обоихъ этихъ рѣчахъ ораторъ высказываетъ горячее желаніе, чтобы аѳиняне были вѣрны своимъ преданіямъ и защищали слабыхъ отъ сильныхъ, демократію противъ олигархіи, грековъ противъ варваровъ.

Наконецъ, поступилъ періодъ нашествія Филиппа съ сѣвера. Филиппъ стремился расширить свои владѣнія къ морю и завладѣлъ Амфиполемъ, Пидной, Потидеей, Меоной, Олинѳомъ; война велась вло со стороны аѳинянъ и очень дѣятельно со стороны Филиппа.

Въ 351 году Демосеенъ произнесъ первую Филиппику **), *Κατὰ Φιλίππου Α*. Онъ совѣтуетъ Аѳинянамъ подготовить значительныя силы на родинѣ и небольшой летучій отрядъ близъ театра войны, но, прежде всего, возмущается упадкомъ энергіи народа, проводящаго время въ пустыхъ разговорахъ, въ голосованіи, и ничего ровно не дѣлающаго.

Въ 349 г. Демосеенъ произноситъ Первую Олинѳскую рѣчь, *Ῥολυνθιακός Α*, по случаю прибытія отъ Олинѳа пословъ, просившихъ заключить союзъ и послать помощь противъ Филиппа. Ораторъ Демадъ высказывался противъ союза. Тогда Демосеенъ выступилъ за принятіе предложенія Олинѳянъ и настаивалъ на немедленной посылкѣ войска. Но такъ какъ Аѳиняне, принявъ совѣтъ Демосеена, все-же медлили съ вооруженіями, то Демосеенъ произнесъ Вторую Олинѳскую, *Ῥολυνθιακός Β*, въ которой доказывалъ, что опасенія аѳинянъ на счетъ Филиппа не основательны. Воодушевленные этою рѣчью, аѳиняне послали войско подъ начальствомъ Хореса. Въ началѣ было нѣсколько удачныхъ стычекъ союзниковъ съ Македонянами; но потомъ войско аѳинское разсѣялось за неполученіемъ жалованья.

*) *Συμμορία*: для цѣлей снабженія государства флотомъ, съ 357 года, 1200 самыхъ богатыхъ гражданъ раздѣлены были на 20 отдѣленій или симморій, каждая симморія на синтеліи (*συντέλεια*), отъ 5—16 челов. въ каждой, и эти-то синтеліи обязаны были поставлять оснащенный корабль. Во главѣ симморій стояли т. н. *ἡγεμόνες*, самые богатые граждане, которые, располагая лишними деньгами, сужали другихъ согражданъ. Отсюда происходили злоупотребленія и обиды. Демосеенъ предложилъ измѣнить порядокъ: отнынѣ каждый, имѣвшій 10 талантовъ, обязанъ былъ поставить тріеру, имѣвшій 20 тал. — двѣ и т. д.

**) Древніе справедливо называли всѣ рѣчи, относящіяся къ борьбѣ между Аѳинами и возникающимъ могуществомъ Македоніи, *Φιλίππικοί* (т. е. *λόγοι*). Ихъ насчитывали 11-тъ, изъ которыхъ 8-мъ несомнѣнно подлинны; вотъ перечень ихъ въ хронологическ. порядкѣ: 1. *Κατὰ Φιλίππου Α*, 2. *Ῥολυνθιακός Α*, 3. *Ῥολυνθιακός Β*, 4. *Ῥολυνθιακός Γ*, 5. *Περὶ εἰρήνης*, 6. *Κατὰ Φιλίππου Β*, 7. *Περὶ τῶν ἐν Χερρονήσῳ*, 8. *Κατὰ Φιλίππου Γ*. — Сомнительной подлинности: 1. *Κατὰ Φιλίππου Δ*, 2. *Πρὸς τὴν ἐπιστολὴν τὴν Φιλίππου* и 3. *Περὶ συντάξεως*.

Халкидскіе города, тѣснимые Филиппомъ, обратились въ Аѳины за помощью. Чтобы склонить своихъ согражданъ къ послыжѣ простой помощи, Демосѳенъ произнесъ Третью Олинѳскую, Ὀλυμπιακὸς Γ, въ 348 году. Помощь была послана, но не своевременно, вслѣдствіе чего Олинѳ былъ взятъ и разрушенъ, а жители проданы въ рабство.

Эти четыре „Филиппики“ составляютъ первую группу рѣчей противъ Филиппа.

Послѣ взятія Олинѳа борьба между сторонниками войны и мира еще болѣе обострилась. Нѣкто Мейдія (Μειδίᾱς), принадлежавшій къ партіи мира и состоявшій къ тому-же въ родствѣ съ опекунами Демосѳена, забылся до того, что публично напалъ на Демосѳена въ театрѣ, въ то самое время, когда онъ, облаченный въ праздничное одѣяніе, руководилъ хоромъ своей трибы, и нанесъ оратору пощечину. Народъ немедленно постановилъ приговоръ противъ Мейдіи. Дошедшая до насъ рѣчь по дѣлу „о пощечинѣ“ (περὶ τοῦ κονδύλου) была написана для послѣдующаго разбирательства. Дѣло кончилось значительнымъ штрафомъ (30 минъ), выплаченнымъ Демосѳену.

Въ концѣ концовъ, самъ Демосѳенъ убѣдился въ необходимости мира и написалъ рѣчь Περὶ εἰρήνης, въ 346 году, въ которой онъ предостерегаетъ аѳинянъ отъ безразсудныхъ увлеченій. Дѣло въ томъ, что не задолго передъ произнесеніемъ этой рѣчи, по настоянію Филократа, было отправлено къ Филиппу посольство, въ числѣ 10-ти человекъ, между ними Демосѳенъ и Эсихинъ, которые принесли отъ Филиппа письмо, полное разнаго рода обѣщаній. Аѳиняне заключили перемиріе, но скоро горько раскаялись, что прекратили вооруженіе; потому что Филиппъ, по заключеніи мира, занялъ Θермопилы и самовольно вступилъ въ члены Амфиктіонѳовъ, т. е. въ семью греческихъ государствъ.

Въ 344 году Демосѳенъ произноситъ Вторую Филиппику, Κατὰ Φιλίππου Β, которой, вмѣстѣ съ рѣчью О мирѣ, открывается вторая серія рѣчей противъ Филиппа. Вторая Филиппика указываетъ на неизбѣжность возобновленія войны. Патріотическая партія съ Демосѳеномъ во главѣ обвиняютъ предъ судомъ главныхъ виновниковъ мира, и Гипериду въ 343 году удается добиться приговора надъ Филократомъ.

Въ томъ-же 343-мъ году Демосѳенъ произноситъ свою рѣчь Περὶ τῆς παραπροσβείας, отъ послѣдствій которой спасли Эсихина такіе союзники и ораторы, какъ Евбулъ и Фокіонъ.

Въ 341 году Демосѳенъ выступаетъ съ рѣчью О событіяхъ въ Херсонесѣ (Περὶ τῶν ἐν Χερρονήσῳ, въ которой ораторъ указываетъ, что Филиппъ не перестаетъ дѣйствовать во вредъ Аѳинъ, налагая руку на Θракійскій Херсонесъ, на Византію, на главныя морскія сообщенія аѳинянъ.

Въ 340 году Демосѳенъ произноситъ такъ наз. Третью Филиппику, которая, по мнѣнію критиковъ, считается величайшею изъ рѣчей, когда-либо произнесенныхъ. Она была вызвана объявленіемъ войны Филиппомъ послѣ

покоренія имъ Фракіи. Его слова убѣдили заклятыхъ враговъ аѳинянъ, Оиванцевъ, заключить наступательный союзъ.

Три года, 340—338, Демосѳенъ почти одинъ управлялъ Аѳинами. Но роковое сраженіе при Херонеѣ, въ 338 году, положило конецъ свободѣ Греціи и предало ее въ руки Македонскаго царя. — Само собою разумѣется, враги напали на Демосѳена; но народъ отвѣчалъ на нападки тѣмъ, что оказалъ честь оратору, поручивъ ему произнести надгробное слово въ честь гражданъ, павшихъ за отечество.

Сверхъ всякаго ожиданія, Филиппъ предложилъ миръ. Заключивъ миръ, аѳиняне тотчасъ принялись за укрѣпленіе города, и Демосѳенъ пожертвовалъ на это сто минъ. Къ этому-то времени (337 г.) относится предложеніе Ктезифонта о награжденіи Демосѳена золотымъ вѣнкомъ. Эсхинъ возсталъ противъ этого предложенія; но наступившія событія заставили отложить это дѣло на нѣсколько лѣтъ.

Въ 336 году умеръ Филиппъ. Надежды эллинскихъ патріотовъ оживились. Но преемникъ Филиппа, Александръ, скоро разрушилъ ихъ. Греки были усмирены, Александръ провозглашенъ вождемъ всей Еллады, и, если удалось отказать молодому царю въ выдачѣ Демосѳена и его единомышленниковъ, то единственно благодаря великодушію побѣдителя.

Въ то самое время, когда Востокъ былъ блестящею ареною дѣяній, въ Аѳинахъ происходила жестокая борьба между сторонниками Демосѳена и Эхина. Послѣдній возобновилъ преслѣдованіе противъ Ктезифонта, направленное въ сущности противъ Демосѳена. Демосѳенъ въ 330 году отвѣчалъ на нападки Эхина блестящею своего рѣчью, подъ наименованіемъ Ἑπεὶ Κτεσιφῶντος περὶ στεφάνου, грандіознѣйшею изъ рѣчей, дошедшихъ до насъ изъ древности*).

Послѣ этой рѣчи голосъ великаго оратора для насъ почти совсѣмъ замолкаетъ.

Въ 324 году Демосѳенъ долженъ былъ бѣжать изъ отечества, и вотъ по какому случаю. Нѣкто Гарпаль, которому Александръ, отправляясь въ Индію, поручилъ храненіе денегъ, убѣжалъ изъ Вавилона вмѣстѣ со всѣми порученными ему сокровищами и прибылъ въ Аѳины, имѣя намѣреніе поднять Грецію противъ Александра. Не смотря на возраженія Демосѳена, аѳиняне приняли бѣглеца. Но когда правитель Македоніи Антипатръ потребовалъ выдачи Гарпала, Демосѳенъ воспротивился этому, на томъ де основаніи, что аѳинское государство имѣетъ право сохранять свою самостоятельность и обязано уважать права гостепріимства. Гарпаль бѣжалъ, оставивъ деньги въ размѣрѣ, какъ онъ говорилъ, 700 талантовъ. Деньги эти, до прибытія повѣреннаго отъ Александра лица, были положены на храненіе въ Акрополѣ. При провѣркѣ этой суммы оказалось только около 400 талантовъ. Тогда Демосѳенъ вмѣстѣ съ другими лицами былъ обвиненъ въ утайкѣ денегъ и

*) О послѣдствіяхъ этой рѣчи для Эхина см. выше.

въ содѣйствіи бѣгству Гарпала. Демосеенъ потребовалъ суда; но былъ при-
сужденъ къ уплатѣ штрафа въ 50 талантовъ и заключенъ въ темницу,
откуда однако бѣжалъ и жилъ то въ Эгинѣ, то въ Тройзенѣ.

Послѣдовавшая внезапно въ 323 году смерть Александра послужила
сигналомъ къ новому возстанію Греціи. Народъ призвалъ Демосеена и
устроилъ ему торжественную встрѣчу.

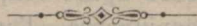
Въ 322 году закончилась Ламійская война сдачею Аѳинъ Антипатру.
Демосеенъ бѣжалъ на островъ Калаврію и тамъ, на ступеняхъ храма Посей-
дона, принялъ ядъ въ ту самую минуту, когда его настигли агенты
Антипатра.

Сорокъ лѣтъ спустя, Аѳиняне, во вниманіе къ патриотическимъ заслу-
гамъ Демосеена, поставили ему на площади бронзовую статую (оригиналъ
нашихъ теперешнихъ портретовъ) и присудили воздать его потомству
высшія почести.

Мы вкратцѣ разсмотрѣли лишь главнымъ образомъ политическія
рѣчи Демосеена. Всѣхъ рѣчей александрійскіе ученые (Каллимахъ) при-
писывали Демосеену 46: двадцать двѣ общественныхъ и двадцать четыре
частныхъ. Въ подробности мы не будемъ разбирать остальныхъ рѣчей,
а замѣтимъ только, что древнія рукописи въ распредѣленіи ихъ не придержи-
ваются хронологическаго порядка, а подраздѣляютъ ихъ на рѣчи обще-
ственныя или *δημόσιοι* и рѣчи частныя или *ἰδιωτικοί*. Первые въ свою
очередь подраздѣляются на пять *συμβουλευτικοί* („совѣщательныя“), одиннадцать
φιλιππικοί *) и восемь *δικανικοί*, или судебныхъ, но политическаго характера,
въ родѣ рѣчи О вѣнкѣ. *ἰδιωτικοί*, или рѣчи, касающіяся интересовъ
частныхъ лицъ, либо частныхъ споровъ, подраздѣляются на *a.* рѣчи объ
опекѣ надъ собственностью Демосеена, *b.* рѣчи объ отсрочкахъ юридическихъ
дѣлъ, *c.* рѣчи о контрактахъ, *d.* нападеніяхъ и т. д.

Обозрѣніемъ литературной дѣятельности Демосеена мы заканчиваемъ
разсмотрѣніе „Аттической эпохи“ съ тѣмъ, чтобы перейти къ слѣдующей
эпохѣ, „Александрійской“.

*) Эти 17-ть рѣчей превосходно изданы въ отдѣльномъ томѣ Weil'емъ (Paris. 1881)
подъ заглавіемъ *Δημοσθένους αἱ δημηγορίαι*.

III

Александрійская эпоха.

III вѣкъ до Р. Х. по I вѣкъ по Р. Х.

Началомъ „Александрійской эпохи“ служитъ распространение македонскаго владычества на Востокъ, а концомъ — падение этого владычества. Эта эпоха характеризуется упадкомъ теоретическаго и художественнаго творчества и господствомъ эрудиціи.

На рубежѣ этой эпохи стоитъ перипатетикъ **Теофрастъ**, которому Аристотель вмѣстѣ съ бібліотекой оставилъ и свою аѳинскую школу. Теофрастъ (Θεόφραστος) род. въ 384 г. до Р. Х. на остр. Лесбосѣ и былъ двѣнадцатью годами моложе Аристотеля. Теофрастъ писалъ очень много, но большинство его сочиненій извѣстны намъ только по однимъ заглавіямъ. Нынѣ мало кто интересуется его Исторіей растений (περὶ φυτῶν ιστορία, въ 10-ти книгахъ), его Происхожденіемъ растений (αἰτία φυτικά, въ 8-ми кн.), его Минералогіей (περὶ λίθων) и сочиненіемъ Объ огнѣ (περὶ πυρός). Литературное имя создалъ себѣ Теофрастъ исключительно Характерами (ἠθικοὶ χαρακτῆρες). Это тридцать очень коротенькихъ, но мастерски написанныхъ очерковъ, въ которыхъ писатель старается изобразить нравственныя странности въ людяхъ съ ихъ смѣшной стороны. Такъ, напр., въ числѣ его характеристикъ есть три различныхъ очерка, посвященныхъ разнымъ видамъ „болтуновъ“: 1. ἀδολέσχης, пустомеля, надѣдающій всякому своею праздною безсмысленною болтовней; 2. λάλος, болтунъ, готовый говорить обо всемъ, что угодно, и непрерывно прерывающій другихъ; 3. λογοποιός, враль, вымышляющій всякую небывальщину. „Суевѣріе“ (δεισιδαιμονία) Теофрастъ между прочимъ характеризуетъ словами: „Суевѣріе вообще можно опредѣлить какъ страхъ передъ божествомъ. Суевѣрный такого рода человекъ, который, вымывъ руки въ ключевой водѣ и окропивъ себя священной водою, кладетъ въ ротъ лавровый листъ и такъ разгули-

„ваеть весь день *)“, и т. д. Характеристикамъ Теофраста впоследствии подражали многіе древніе и новыя писатели. Теофрастъ умеръ въ 287 году, любимый всѣми, знавшими его.

Вмѣстѣ съ Аристотелемъ и его ближайшимъ сотрудникомъ Теофрастомъ заканчивается творческая пора греческой литературы, такъ-какъ ни философія, ни поэзія не обогатились за время Александрійской эпохи ниоднимъ великимъ и оригинальнымъ произведеніемъ. Александрійскіе писатели упражнялись во всѣхъ родахъ литературы, но главная ихъ заслуга заключалась въ собираніи, объясненіи и критической оцѣнкѣ литературныхъ памятниковъ классической поры, въ переводѣ еврейскихъ Ветхозавѣтныхъ книгъ на греческій языкъ, въ изученіи египетской исторіи, въ разработкѣ геометріи (Евклидъ). Литература и искусство нашли себѣ ревностныхъ покровителей въ лицѣ преемниковъ (діадоховъ) Александра, а особенно египетскихъ Птолемеевъ, привлекавшихъ въ Александрію извѣстнѣйшихъ ученыхъ и писателей и собравшихъ громадную библіотеку. Тѣ-же Птолемеи по совѣту аѳинянина Деметрія Фалерейскаго основали въ Александріи особое учрежденіе подъ названіемъ Музея**), который былъ вмѣстѣ и академіей и школой, собраніемъ ученыхъ и учителей. Хотя начиная съ III вѣка до Р. Х. Александрія считывала не мало поэтовъ всякаго рода, и всѣ они отлично владѣли стихомъ, многіе были даже очень плодовиты, но творческой оригинальности у нихъ уже не было, а потому и потомству они ничего достопамятнаго не оставили.

За то въ высшей степени почтенны усилія ученыхъ грамматиковъ этой эпохи въ области собиранія и тщательнаго пересмотра литературныхъ памятниковъ минувшихъ вѣковъ. Съ именемъ грамматина Александрійской эпохи, славы котораго рѣдко кто не добивался, соединялось понятіе о громадной начитанности и библіографической учености. Знаменитѣйшими грамматиками были Каллимахъ, Ликофронъ, Зенодотъ, Аристофанъ Византійскій и Аристархъ.

Каллимахъ (*Καλλίμαχος*, ум. ок. 235 г.), уроженецъ Кирены, будучи приглашенъ въ Александрію въ Музей Птолемеемъ Филадельфомъ, сдѣлался здѣсь смотрителемъ царской библіотеки. Онъ первый поставилъ себѣ задачей разобратъся среди массы литературныхъ произведеній, хранившихся въ свиткахъ библіотеки, и отдѣлить подлинное и достовѣрное отъ неподлиннаго и сомнительнаго. Его *Πίνακες****) представляютъ критическій каталогъ книжныхъ сокровищъ библіотеки, строго раздѣленный по различнымъ областямъ знанія, и считаются началомъ исторіи литературы. Этотъ каталогъ

*) Лавръ былъ посвященъ Аполлону и считался растеніемъ, предохраняющимъ отъ бѣды, во избѣжаніе которой суевѣрные не только разводили это дерево передъ домами, но и жевали его листья.

**) *Μουσείον*, собственно мѣстопробываніе музъ, богинь-покровительницъ наукъ и искусствъ.

***) *Πίναξ* первонач. значить „дощечка для письма“.

былъ улучшенъ позднѣйшими грамматиками и снабженъ комментариемъ. Учениками Каллимаха (т. наз. *Καλλιμαχείοι*) были такіе знаменитѣйшіе ученые тогдашняго времени, какъ Ератосѣенъ, Аристофанъ Византійскій, Аполлоній Родосскій и др. Но Каллимахъ считался не только первымъ ученымъ: онъ былъ и первостепеннымъ поэтомъ Александрийской эпохи, хотя муза его не столько блещетъ поэтическими достоинствами, сколько ученостью, свойственною разсматриваемой эпохѣ. Каллимахъ писалъ всевозможныя стихотворенія, однако современникамъ нравились больше всего его элегии*). До насъ дошло очень мало отрывковъ отъ этихъ элегій; но одна изъ нихъ, Кудри Вероники**), обнаруживаетъ въ поэтѣ много ума и искусства. Каллимахъ писалъ также эпиграммы и „гимны“ въ честь Зевса, Деметры и Аполлона.

Другой ученый поэтъ-грамматикъ, современникъ Каллимаха, **Ликофронъ** (*Λικόφρων*), работалъ надъ приведеніемъ въ порядокъ сочиненій комическихъ поэтовъ и написалъ трактатъ *Περὶ κωμῳδίας*, много трагедій, а также дошедшую до насъ поэму *Ἀλεξάνδρα* или *Κασσάνδρα*, написанную довольно темно, но изобилующую мифологическими, историческими и географическими свѣдѣніями. Въ поэтическомъ отношеніи эта поэма имѣетъ мало достоинствъ.

Выше двухъ предыдущихъ, какъ поэтъ, стоитъ **Аполлоній** 247—221 Родосскій, ученикъ и соперникъ Каллимаха. Его поэма *Ἀργοναυτικά* (о походѣ Аргонавтовъ), въ четырехъ пѣсняхъ, считается лучшимъ произведеніемъ александрийской эпохи. Въ этой поэмѣ Аполлонію въ высшей степени удалось изображеніе страстнаго и романческаго настроенія Медеи.

Другіе поэты александрийской эпохи, которыхъ не считали въ числѣ членовъ Музея, были, между прочимъ Евфоріонъ Халкидскій, Аратъ, Никандръ и Мениппъ Синопскій.

Εὐφορίων, род. въ 276 г., ученый и поэтъ, писавшій совершенно въ духѣ александрийскихъ грамматиковъ. Отъ его многочисленныхъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній сохранилось только нѣсколько стиховъ. Въ древнеклассической литературѣ онъ больше извѣстенъ благодаря римскому эллисту Корн. Галлу, который подражалъ и переводилъ Евфоріона***).

Ἀρατος, жившій въ половинѣ III вѣка, написалъ дидактическое сочиненіе въ стихахъ *Φαινόμενα καὶ Διασημεῖα*, гдѣ говорится о размѣщеніи звѣздъ и созвѣздій, о временахъ ихъ восхода и захода, о примѣтахъ

*) Напоминаемъ, что элегіей древнѣе называли стихотвореніе, написанное двустипхіями, состоящими изъ гексаметра и пентаметра.

**) Вероника (*Βερονίκη*) супруга Птолемея III (въ пол. III вѣка) въ благодарность за побѣды, одержанныя ея мужемъ въ Азій, принесла свои чудные волосы въ даръ Афродитѣ. Когда на слѣдующее утро эти кудри исчезли изъ храма богини, астрономъ Кононь Самосскій объявилъ, что боги вознесли ихъ на небо и превратили въ созвѣздіе. — Стихотвореніе Каллимаха прекрасно переведено римск. поэтомъ Катулломъ.

***) О немъ-же съ симпатіей упоминаетъ и Вергилій (*Ecl. X, v. 50*).

погоды и т. п. Это стихотвореніе высоко цѣнилось древними, благодаря чему дошло и до насъ.

Μένιππος, жившій около половины III вѣка, авторъ сатиръ, написанныхъ прозой въ перемежку со стихами, въ которыхъ трактовалъ о серьезныхъ предметахъ въ шутовскомъ тонѣ. Извѣстностью въ литературѣ главнымъ образомъ Мениппъ обязанъ римскому писателю М. Тер. Варрону*), который подражалъ ему въ такъ наз. *Saturae Menippeae*.

Νίκανδρος, жившій около половины II вѣка, уроженецъ Колофона; отъ него сохранились двѣ поэмы; одна, подъ заглавіемъ *Θηριακά*, сообщаетъ средства противъ укушенія ядовитыхъ змѣй, а другая, подъ заглавіемъ *Ἀλεξιφάρμακα*, рекомендуетъ средства противъ отравленія вообще.

Кромѣ указанныхъ поэтовъ — ученыхъ отъ Александрійской эпохи до насъ дошло еще много другихъ именъ, менѣе значительныхъ; но не въ поэзии была сила александрійскихъ писателей, а въ тѣхъ работахъ, которыя создали имъ имя грамматиковъ. Что касается исторіи этого термина, мы должны замѣтить слѣдующее. Уже у Платона впервые употребляется слово „грамматикъ“, *γραμματικός*, въ смыслѣ человѣка, стремящагося постигнуть законы языка, а слово „грамматика“, *γραμματική*, въ смыслѣ искусства (*τέχνη*) отыскивать эти законы. Первоначально же подъ этимъ словомъ „грамматика“, конечно, разумѣлось лишь искусство сочетать буквы или *γράμματα*, и преподаватели, начинавшіе элементарное обученіе съ этого сочетанія, назывались поэтому *γραμματισταί*. Такъ какъ учителямъ приходилось отъ обученія чтенію переходить и къ объясненію читаемаго, то отсюда, естественно, къ грамматикѣ въ точномъ смыслѣ этого слова присоединились критика и толкованіе или герменевтика, а потому подъ понятіемъ „грамматикъ“ стали разумѣть человѣка, занимающагося объясненіемъ и оцѣнкой писанныхъ произведеній, или общее — человѣка, посвятившаго себя изученію письменныхъ памятниковъ. Такими грамматиками и были александрійскіе ученые, изъ коихъ наиболѣе извѣстныхъ насчитываютъ до двадцати. Дѣятельность ихъ не ограничивалась отдѣльными изслѣдованіями по грамматикѣ; напротивъ: главная ихъ заслуга именно заключается въ стремленіи установить редакцію завѣщанныхъ предшественниками сочиненій, опредѣлить исторически и хронологически достовѣрность ихъ, намѣтить достоинства и недостатки ихъ и распредѣлить по роду и времени. Мы обязаны этимъ людямъ текстомъ Гомера и другихъ классическихъ писателей въ томъ видѣ, въ какомъ теперь имѣемъ, и, не будь этихъ кропотливыхъ тружениковъ, мы не знаемъ, дошла ли бы до насъ и десятая доля тѣхъ великихъ памятниковъ греческой литературы, которыми располагаемъ въ настоящее время. Если же, все-таки, громадное множество древнеклассическихъ произведеній не сохранились для насъ, то не они были тому причиной, какъ то намъ извѣстно изъ исторіи.

*) Величайшій римск. ученый, жившій 116—28 гг. до Р. Х.

Знаменитѣйшими александрийскими грамматиками-непозтами считаются Зенодотъ, Аристофанъ Византійскій и Аристархъ.

Ζηνόδοτος, изъ Ефесса, былъ воспитателемъ Птоломѣя Филадельфа, который назначилъ его старшимъ библіотекаремъ александрийской библіотеки. Онъ приобрѣлъ себѣ извѣстность критическою обработкою и изданіемъ пѣсенъ Гомера. Онъ писалъ комментаріи къ Гомеру въ видѣ монографій, имѣющихъ то или иное отношеніе къ гомеровскому вопросу. Онъ первый выступилъ съ доказательствами, что изъ многочисленныхъ эпическихъ произведеній, приписываемыхъ Гомеру, подлинными слѣдуетъ считать только Илиаду и Одиссею.

Ἀριστοφάνης Βοζάντιος, жившій 260—183 г. до Р. Х., переселился еще въ ранней молодости въ Александрію и тамъ учился у Зенодота и Каллимаха. Онъ предпринялъ новое изданіе Гомера, основывая свой трудъ на тщательномъ сравнительномъ сличеніи и изученіи всѣхъ лучшихъ текстовъ, ходившихъ въ то время, и такимъ образомъ устраняя многія измѣненія и исключенія, которыя дѣлалъ Зенодотъ въ своемъ изданіи. Этому-же Аристофану приписываютъ введеніе удареній, которыя, по его мнѣнію, должны были облегчать чтеніе поэта.

Еще бѣльшую извѣстность, чѣмъ Зенодотъ и Аристофанъ, приобрѣлъ третій критикъ Гомера, **Аристархъ**, изъ Самоеракіи, жившій 280—180 до Р. Х. Онъ былъ ученикомъ Аристофана Византійскаго и процвѣталъ главнымъ образомъ при Птоломѣѣ Филометорѣ, ок. 170 года. Онъ занимался толкованіемъ многихъ греческихъ поэтовъ, Пиндара, Аристофана-комика, трагиковъ Эсхила, Софокла и др.; но славу себѣ стяжалъ и по наши дни критикою текста Гомеровскихъ поэмъ, которыя издалъ вновь, при чемъ тщательно анализировалъ эпическое употребленіе словъ и фразъ, равно какъ и эпическія формы и варианты мѣровъ. Мнѣніе свое выражалъ Аристархъ рядомъ критическихъ „отмѣтокъ“*), и, благодаря его критическимъ исправленіямъ, гомеровскія рапсодіи приняли тотъ приблизительно видъ, въ какомъ онѣ издаются обыкновенно и по настоящее время. По свидѣтельству стариннѣйшаго греческаго лексикографа, Свида (Suidas, ок. 940 по Р. Х.), Аристархъ написалъ ок. восьмисотъ книгъ комментаріевъ, изъ которыхъ, однако, до насъ дошли лишь отрывки, и то главнымъ образомъ въ примѣчаніяхъ или такъ наз. схоліяхъ къ Гомеру.

Кромѣ этихъ трехъ главныхъ александрийскихъ грамматиковъ, упоминаемъ еще: **Диметрія** Скепсійскаго (Δημήτριος ὁ Σκήψιος), написавшаго сочиненіе въ 30-ти книгахъ подъ заглавіемъ Троянское построеніе (Τρωϊκὸς δίακοσμος), въ которомъ тщательно и остроумно обсуждаетъ географическія данныя, встрѣчающіяся въ Илиадѣ; **Дидима**, Δίδυμος, жившаго ок. Р. Х., и извѣстнаго своею обширною литературною дѣятельностью, такъ-

*) дошедшихъ до насъ въ одной изъ рукописей, хранящихся въ Венеціанской библіотекѣ; знаки эти: —, знакъ сомнѣнія (въ подлинности), ≡, обозначалъ вариантъ противъ изданія Зенодота; ·≡· обозначалъ подлинныя стихи, — и др.

какъ древніе приписывали ему 3,500 сочиненій, изъ которыхъ главнѣйшимъ считается *Περὶ τῆς Ἀριστάρχου διορθώσεως* (О поправкахъ Аристарха); этому сочиненію Дидима мы обязаны почти всѣми нашими свѣдѣніями о трудахъ Аристарха. — Современникомъ Дидима былъ **Аристоникъ** изъ Александріи, жившій тоже до и послѣ Р. Х. и извѣстный главнымъ образомъ объясненіемъ значковъ (*Περὶ σημείων*) Аристарха, становившихся, повидимому, въ ту уже пору мало понятными.

Изъ позднѣйшихъ грамматиковъ упомянемъ только **Никанора** (*Νικάνωρ*), жившаго въ эпоху императора Адріана (117—138) и извѣстнаго своимъ сочиненіемъ о знакахъ (*σημαί*) препинанія у Гомера *).

Если мы выше и сказали, что „Александрійская эпоха“ отмѣчена преобладаніемъ эрудиціи и упадкомъ творческаго духа въ поэзіи, то это не значитъ, что-бы въ эту эпоху поэзія совершенно заглохла. Этой эпохѣ мы обязаны появленіемъ новаго рода поэзіи, поэзіи **пастушеской** (пастораль), главнымъ представителемъ которой и творцомъ считается **Теокритъ**.

Теокритъ (*Θεόκριτος*, жилъ ок. 252 г.), уроженецъ Сиракузъ въ Сициліи, придавъ художественную форму пастушескимъ пѣснямъ, которыя съ незапамятныхъ временъ сочинялись сицилійскими пастухами, въ формѣ попере-мѣннаго или состязательнаго пѣнія. Отъ слова *βουκόλος* (пастухъ) стихотворенія получили наименованіе **буколикъ**, создавшихъ особый родъ „буколической поэзіи“. Каждое въ отдѣльности изъ стихотвореній Теокрита представляетъ собою „картину“ или идиллію (*εἰδύλλιον*) и изображаетъ по преимуществу какую-нибудь сцену изъ жизни пастуховъ. Идилліи его дошли до насъ почти цѣликомъ, числомъ тридцать. Впрочемъ, между идилліями Теокрита много стихотвореній, сюжетъ которыхъ взятъ либо изъ жизни гражданъ, какъ маленькія комическія сцены Сиракузяне, либо изъ мифологіи и эпическихъ сказаній, какъ стихотворенія, подъ заглавіемъ **Діоскуры**, **Елена**, **Циклопъ** и др., либо изъ разныхъ случаевъ общественной жизни, какъ **Прялка** (*Ἠλακάτη*), **Магикъ** (или *Φαρμακουργία*), **Посланіе къ Герону** (*Χάριτες* или *Ἰέρων*) и др. Что вообще сообщаетъ особый характеръ произведеніямъ Теокрита, это картина жизни полей. Нельзя сказать, чтобы первые штрихи такой картины принадлежали Теокриту: есть черты пастушеской поэзіи у Гомера, Гезіода, трагиковъ и даже у комиковъ. Но заслуга и оригинальность Теокрита заключается именно въ томъ, что онъ выдѣлилъ въ особый родъ поэзіи тѣ чувства и мысли, которыя до него составляли только часть, и то второстепенную, большихъ эпическихъ и драматическихъ композицій, и внесъ въ свои идилліи не

*) Въ числѣ древнихъ грамматиковъ ставится также **Зоилъ** (*Ζωῖλος*, 285—247 г. до Р. Х.), уроженецъ Македоніи, маловажный критикъ Гомера, заслуживающій упоминанія лишь потому, что имя его сдѣлалось нарицательнымъ: „Зоиломъ“ мы называемъ мелочнаго и придирчиво-недобросовѣстнаго критика; древніе прозвали Зоила „Гомеробичеватель“, *Ὁμηρομάστιξ*.

только вдохновеніе, но и любовь къ красотамъ природы. Сиракузское общество временъ тиранна Герона, привыкшее къ нѣгѣ и роскоши, испытывало чувства пресыщенія жизнью, и вотъ новому роду поэзіи, созданному Теоокритомъ, какъ нельзя болѣе кстати, выпало на долю возратить въ людяхъ вкусъ къ природѣ и къ созерцанію прелестей деревенской жизни. Буколической поэзіи предстояло развиваться и впоследствии, въ Римѣ при Августѣ, когда поэтъ Вергилій выступилъ съ своими буколиками и георгиками; этотъ-же родъ поэзіи сталъ процвѣтать позже, въ XVI столѣтіи, въ Италіи, и въ XVII столѣтіи во Франціи. — Кромѣ идиллій, Теоокритъ писалъ еще элегіи, гимны, ямбы; но отъ нихъ намъ почти ничего не осталось *).

Съ Теоокритомъ соединяютъ обыкновенно имена двухъ другихъ идиллическихъ поэтовъ, Біона и Мосха, современниковъ Теоокрита.

Біонъ, Βίων, уроженецъ города Смирны, послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Сиракузахъ. Изъ его сочиненій сохранились одна большая поэма На смерть Адониса, Ἐπιτάφιος Ἀδώνιδος, и нѣсколько мелкихъ стихотвореній отрывочнаго характера.

Ученикомъ Біона считается **Мосхъ**, Μόσχος, изъ Сиракузъ, отъ котораго до насъ дошло стихотвореніе На смерть Біона, Ἐπιτάφιος Βίωνος, и двѣ идилліи-поэмы. У Мосха больше изысканности и манерности, чѣмъ у обоихъ его старшихъ современниковъ.

Въ числѣ сицилійскихъ поэтовъ ставятъ еще **Ринѳона** (ρίνθων, 320—305 до Р. Х.), уроженца Сиракузъ или Тарента. Хотя отъ Ринѳона до насъ почти ничего не дошло, кромѣ ничтожныхъ отрывковъ, тѣмъ не менѣе имя его заслуживаетъ упоминанія уже по тому, что онъ считается изобрѣтателемъ новаго вида драмы, такъ называемой Гиларотрагедіи (Γιλάρωτραγωδία, Hilarotragedia), чтò въ переводѣ значитъ забавная трагедія или просто трагикомедія. Можно думать, что это была комическая пародія на трагедію, по крайней мѣрѣ судя по тому, что Ринѳонъ сюжеты и форму бралъ изъ аттическихъ трагиковъ, а сцены и лица — изъ обыденной современной жизни. Ему приписывали 38 трагикомедій, и полагаютъ, что Плавтова комедія Амфитріонъ (Ἀμφιτρίων) имѣла своимъ образцомъ одну изъ гиларотрагедій Ринѳона того-же имени.

Если „Александрийская“ эпоха насчитываетъ только двухъ-трехъ поэтовъ, заслуживающихъ носить это имя, зато потомство обязано этой эпохѣ многими весьма цѣнными прозаическими произведеніями и преимущественно въ области научно-исторической.

Въ эту эпоху, благодаря заботамъ первыхъ Птоломеевъ, были переведены на греческій языкъ **60-ю толковниками** еврейскія книги Ветхаго заветъа.

Въ то-же время писали свои ученые трактаты по геометріи, математикѣ и механикѣ Евклидъ, Аполлоній изъ Перги и Архимедъ.

*) Идилліи Теоокрита есть въ русскомъ переводѣ.

Евклидъ (Ἐυκλείδης, ок. 300 г. до Р. Х.) изъ Александріи, знаменитѣйшій геометръ, сочиненіе котораго считалось до новѣйшаго времени образцомъ учебника: мы говоримъ о его такъ называемыхъ Элементахъ или Στοιχεῖα, въ 13-ти книгахъ. По арабскимъ переводамъ изданы первыя латинскія обработки, по которымъ въ средніе вѣка сдѣлалось извѣстнымъ это сочиненіе. Другое сочиненіе Евклида, касающееся геометрическаго анализа, носитъ заглавіе Данныя (Δεδομένα); оно состоитъ изъ 90 теоремъ. Кромѣ того ему приписывается сочиненіе подъ заглавіемъ Πορίσματα (заключенія, королларіи), сохранившееся въ отрывкахъ александрійскаго философа Паппа (Πάππος, 379—392 по Р. Х.), и другое, астрономическаго содержанія, носящее заглавіе Φαινόμενα (Явленія). Полное изданіе сочиненій Евклида появилось въ послѣдній разъ въ 1814 г.

Другой знаменитый математикъ греческій былъ **Аполлоній** изъ Перги (въ М. Азіи), прозванный еще въ древности „Великимъ геометромъ“; онъ жилъ во второй половинѣ III вѣка до Р. Х. и оставилъ намъ сочиненіе подъ заглавіемъ Κωνικά στοιχεῖα (Коническія сѣченія) въ 8-ми книгахъ, составившее эпоху въ наукѣ; его методъ до сихъ поръ сохраняетъ свое значеніе. Изъ этихъ 8-ми книгъ послѣдняя утрачена, а изъ 7-ми прочихъ четыре первыхъ мы имѣемъ въ оригиналѣ, а три слѣдующихъ по переводу съ арабскаго. О другихъ сочиненіяхъ Аполлонія намъ извѣстно изъ Паппа (см. выше).

Какъ Аполлоній заслужилъ имя „Великаго геометра“, такъ **Архимедъ** (Ἀρχιμήδης) приобрѣлъ прозвище „механика“ (ὁ μηχανικός). Онъ родился въ 287 году до Р. Х. въ Сиракузахъ и былъ между прочимъ ученикомъ Евклида. Онъ нашелъ отношеніе между діаметромъ и окружностью, между объемами шара и цилиндра и въ своихъ сочиненіяхъ Περὶ τῆς σφαιρας καὶ κολίνδρου, Περὶ κύκλου μετρήσεως, Περὶ κωνοειδέων καὶ σφαιροειδέων и наконецъ Περὶ ἐλίκων*) излагалъ важнѣйшія основныя ученія объ отношеніяхъ плоскостей и тѣлъ и объ измѣреніи кривыхъ линій. Отправляясь отъ этихъ теоретическихъ основоположеній, онъ проложилъ путь для научной механики и въ частности для гидростатики. Всѣмъ извѣстенъ „Архимедовъ законъ“, что тѣло, погруженное въ воду, теряетъ въ своемъ вѣсѣ столько, сколько вѣситъ вытѣсненный имъ объемъ жидкости*). Успѣхи машиностроенія вызвали въ самомъ Архимедѣ необыкновенное воодушевленіе, высказавшееся въ его знаменитыхъ словахъ, обращенныхъ къ тиранну Герону: „Дай мнѣ гдѣ стать, и я сдвину землю“ (δοῦς μοι ποῦ στῶ καὶ τὴν γῆν κινήσω). Впрочемъ,

*) Чтò значить о спиральныхъ линіяхъ — одно изъ труднѣйшихъ сочиненій Архимеда.

*) Кому не извѣстенъ рассказъ, какъ Архимедъ, открывшій свой законъ во время купанья, отъ радости забылъ одѣться и въ такомъ видѣ побѣжалъ по городу съ крикомъ εὕρηκα („нашелъ“). Извѣстно также, какъ Арх. съ помощью открытаго закона открылъ злоупотребленіе одного мастера, которому тираннъ Геронъ заказалъ корону изъ чистаго золота, а получилъ ее въ смѣси съ серебромъ.

П. Бракенгеймеръ.

**УНИФОРМИРОВАНИЕ
ВЪ ЯЗЫКАХЪ ЛИТОВО-СЛОВЕНСКОЙ СЕМЬИ**

съ изслѣдованіемъ

УРАЛО-АЛТАЙСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

Составлено по Ал. Фрикеру — „Litau-Slavische Studien“ и докт. Авг. Алквиста: „Forschungen auf dem Gebiete der Ural-altaischen Sprachen“.

Fr. R. Kreutzwaldi nim.
Eesti Nõu
Riiklik Asalik
Raamatukogu

ОДЕССА.

Центральный типо-литографія, уг. Авшинникова переулка и Почтовой ул., домъ Болгарова.

1893.

№ 1000

П. Д. Давыдов

УНІФОРМІРОВАНІЕ

ВЪ ЗВѢЯХЪ ЛИТОВО-СЛОВЕНСКОЙ СЕМЫ

УРАЛО-АЛТАЙСКИХЪ НАРѢДІЙ

Дозволено цензурою. Одесса, февраля 15-го дня 1893 г.

ОДЕСА

1893

Есть живѣйшій свидѣтель въ видѣ костей,
оружія и гробницъ — и это ихъ языкъ.

Я. Гриммъ.

Понимаемая въ широкомъ смыслѣ — исторія каждого народа, заключаая въ себѣ опытность міра и разумъ вѣковъ, представляетъ, по остроумному выраженію Сегюра д'Аргессо (Louis Philippe) апелляціонныя жалобы на современныя заблужденія, или ошибки, поданныя въ судъ потомства.

„Представляя лишь выраженное поступкомъ *)“, чуждая лирическаго начала, исторія спеціальнаго обсужденія жизнедѣятельности народа можетъ ли титуловаться свѣтлымъ послухоомъ въ громоздкомъ архивѣ подернувшейся въ иноязычествѣ туманомъ дали? Всѣ исторіи общають намъ правду, и ни одна не передаетъ ея безъ искаженія. Лишь языкъ, справедливо замѣтилъ Моммсенъ, въ изображеніи извѣстной эпохи есть вѣрная картина: онъ одинъ можетъ быть признанъ за вѣрное орудіе обслѣдованія переворотовъ въ области нравственной и въ практическомъ мірѣ. По убѣжденію М. Миллера — отражать исторію культуры народа способенъ лишь языкъ его.

Строго-лингвистическимъ путемъ добытыя данныя переживаютъ сѣдину вѣковъ.

Прошлое финновъ, если вѣрить Тациту, не противорѣчитъ современному о нихъ представленію: старина ихъ сурова. Кастрень учитъ, что они были бѣдны, питались охотой, жили въ палаткахъ, облачались въ кожи и т. п. Все это — особенности, которыя во времена Тацитовы, по всей вѣроятности, замѣчались и у нашихъ предковъ.

*) Ор. Миллеръ.

I.

Извѣстность факта родства языковъ славянскаго и литовскаго установлена еще въ прошломъ столѣтїи*), хотя, большею частью, — изъ рассмотрѣнїя коренныхъ словъ обоихъ языковъ, а не изъ грамматики ихъ. Нельзя не замѣтить, что это сходство — лишь кажущееся, не взирая на сродство звуковъ или значенїя. Большинство литовскихъ словъ заимствовано изъ языка славянскаго**), что можетъ быть доказано географїею страны и исторїею ея развитїя. Не глухимъ послухомъ служить въ данномъ дѣлѣ уже одно сосѣдство съ славянами западными и русскими въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ — самое тѣсное; а отсюда:

- а) взаимныя нападенїя 1040 г., 1044 и др. на русскїя границы***);
- б) мирныя торговыя сношенїя *впковья* славянъ, собственно — русскихъ, и литовцевъ;

*) Такъ, особеннаго вниманїя заслуживаетъ „Untersuchungen über die nordischen Völker“—Thunmann'a, также, „Vie de Russie“ — Tooke, не говоря уже о Шафарикѣ: „Geschichte der slav. Sprache und Literatur“ Поттъ: „Etymolog-Forschung“, Крашевскомъ и др.

**) „Dzieje starożytne narodu Litewskiego“—Narbutt'a. Ср „Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji“—I. Дрошевича.

***) До Азова въ 1396 г., при Ольгердѣ Гедиминовичѣ: со смертью Ольгерда завоеванныя земли переходятъ во владѣнїе русскихъ.

- в) главенство русской церкви *); —
- г) вторжения на польскую территорию 1229... **);
- д) ежедневное общение чужеземцевъ съ туземцами: обоюдное заимствование.

Вліяніе стихій славянской сказалось не только на составѣ литовскаго языка, но и въ роваціяхъ, суевѣрныхъ примѣтахъ, въ обычаяхъ и нравахъ, а также — въ одеждѣ и въ способѣ питанія ***).

*) Ср. значеніе обоюдности брачныхъ союзовъ и эмиграціи недовольныхъ политиковъ въ Россію. Успѣшное распространеніе русскими христіанства въ Литвѣ способствовало усиленному росту привилегированнаго положенія русскаго языка, а съ пріобрѣтеніемъ правъ официальности утверждается перевѣсъ его надъ туземнымъ, или литовскимъ.

**) 1323 г. — при бракосочетаніи литовской принцессы Алдоны съ Казимиромъ польскимъ 24000 рабовъ отпущены изъ Польши въ отечество и поселены въ серединѣ Литвы. Общеніе пришлаго элемента съ туземнымъ заставляло, естественно, послѣднихъ позаимствоваться изъ языка первыхъ. О соперничавшей судьбѣ славянскаго на литовцевъ воздѣйствія, можно сказать, что русское вліяніе — до 1569 г., съ момента же окончательнаго соединенія Литвы и Польши перевѣсъ надъ русскимъ верховенствомъ переняло господство вліянія польскаго: въ 1525 г. въ Вильнѣ была русская книгопечатня, но съ 1569 г. языкъ польскій сталъ языкомъ туземнымъ. Опасенъ предположительный взглядъ на литовцевъ, какъ на племя вымирающее: причина — польскій элементъ; въ деревняхъ, напр., говорятъ по-литовски и по-польски; школъ съ литовскимъ образованіемъ не было (только лат., нѣм., польск.): 1) Витольдъ хотѣлъ было поднять яз. литовскій, но крестоносцы воспротивились, 2) свидѣтели утверждаютъ, что въ литовскихъ проповѣдяхъ (въ Вильнѣ и др.) употреблялись слова польскія съ литовскими окончаніями, напр. — smūtnas — печальный; б) искреннихъ и усердныхъ пособниковъ-радѣтелей литовскій языкъ имѣлъ мало: первые труды Сирвида XVII и еп. Волончевскаго въ наше время не удержались изъ-за своей обособленности.

***) Ср. ограниченіе лишь т. указаніемъ, которому подвергся языкъ. При порабощеніи русскихъ племенъ литовскими — первая были выше въ

Уже въ XVIII ст. считали общепризнаннымъ фактомъ, что литовскій и славянскій языки тѣсно весьма между собою связаны. Но тогда выходили, большею частью, изъ разсмотрѣнія структуры словъ обоихъ языковъ. Дѣйствительно, сходство между словами коренными литовскаго и славянскаго языковъ гораздо очевиднѣе, нежели между ихъ грамматиками. Однако, если присмотрѣться внимательнѣе, нельзя не замѣтить, что это сходство отчасти только кажущееся — гласный законъ обращается въ мнимую величину; не трудно убѣдиться даже, что между литовскими и славянскими словами, схожими по звуку между собою и значенію, только извѣстная часть указываетъ на сродство вокализаціи, между тѣмъ какъ другія къ такому заключенію не приводятъ: они заимствованы литовскимъ языкомъ у славянскаго. Какъ и когда произошло это заимствованіе — изъ какихъ славянскихъ нарѣчій, указать на это составляетъ задачу слѣдующихъ строкъ.

Всюду, гдѣ прекращается морское побережье, литовскій народъ примыкаетъ къ славянамъ, а именно — къ западнымъ славянамъ и къ русскимъ. Въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ литовцы находились съ этими славянскими народами въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи. Сожительство породило взаимныя нападенія и завоеванія, послужило кольцомъ

культурномъ отношеніи: потому, воздѣйствіе, естественно, оказывали „подневольные“ на покорителей. См. также примѣч. о разсмотрѣніи краткомъ, для разительнѣйшей наглядности, вліянія языка нѣмецкаго на литовскій которое усматривается лишь съ 1500 г. — по исчезновеніи прусскаго элемента: сильная разнообразность въ заимствованіи литовцами у нѣмцевъ; такъ, *blótas* — облатка и мн. др., о чемъ см. у Александра Брикнера, въ его „Litu-Slavische Studien“, въ предварительн. ст. и далѣе, равно и въ приведеніи примѣровъ въ этой книгѣ.

торговых сношеній, обмѣна; сосѣдству же обязана Литовская страна и обращеніемъ въ христіанскую вѣру.

Въ первомъ нападеніи, о которомъ упоминаетъ и лѣт. Несторъ, починъ принадлежитъ русскимъ: въ 1040 г. и 1044 выходилъ великій князь кіевскій, Ярославъ, противъ литовцевъ и принудилъ ихъ къ ежегодной дани. Съ этого времени и литовцы начали совершать свои набѣги, напавъ прежде всего на непосредственныхъ сосѣдей, кривичей — бѣлоруссовъ, бурно грабя ихъ имущество. Набѣги эти начались въ 1048 г. и повторялись въ 1063, 1070 и 1103. Въ 1131 г. кн. Мстиславъ ворвался въ глубину Литвы; но этотъ опустошительный набѣгъ не остановилъ литовцевъ отъ новыхъ нападеній на Россію. Разъ возбужденная жажда къ наживѣ могла находить удовлетвореніе только въ безпрестанныхъ хищническихъ набѣгахъ. И дѣйствительно, мы находимъ литовцевъ въ 1140 1163 и 1183, далѣе въ 1185 гг. снова въ Русской землѣ, именно—подъ стѣнами Великаго-Новгорода.

Всѣ эти вторженія были кратковременны: продолжались нѣсколько недѣль. Но, не взирая на видимую краткосрочность, „варварскія знакомства“ въ исторіи славяно-литовской цивилизации пріобрѣли гражданственную роль, съ одной стороны — подготавливая плодотворную почву для будущаго литовскаго государства, съ другой — все болѣе и болѣе заставляя литовцевъ знакомиться съ языкомъ славянскимъ и обычаями.

Въ правленіе князя Рингольда, по другимъ—Гернгольда, литовцы сильно укрѣпились въ Россіи.

Послѣ многихъ непродолжительныхъ опустошеній, имѣвшихъ мѣсто, по указаніямъ русскихъ лѣтописцевъ, въ 1204, 1205... годахъ, Рингольдъ вторгся въ 1230 *) г. въ сѣверную

*) Это вторженіе было повторено и въ 1234 г.

часть Россіи, въ землю кривичей, побилъ въ 1235 г., у Могилны (Mogilna), союзныхъ русскихъ князей и къ концу своей жизни *) расширилъ литовское владѣтельство до городовъ Полоцка, Витебска, Орсы и Смоленска.

Эти-то завоеванныя владѣнія и послужили, такимъ образомъ, основаніемъ образовавшейся впоследствии, такъ называемой, литовской Руси.

Рингольдовъ сынъ — Миндовгъ, предпринимая набѣги на русскія области, распространилъ свои владѣнія далеко за Гродно-Брзескъ (Grodno-Brześć **) и утвердилъ въ этихъ мѣстностяхъ превосходство литовцевъ, задержавши и покоривши орды монголовъ (1242), которымъ, относительно, обязана своимъ паденіемъ русская княжеская власть.

Въ 1246, 1247, 1248, 1256 и 1257 годахъ доблестный витязь-князь предпринималъ набѣги, повторялъ хищническія вторженія на Русскую землю.

Послѣ его насильственной смерти (1263), у литовцевъ наступили большія смуты; однако разъ завоеванная часть Россіи нисколько не была уменьшена, напротивъ — она даже способствовала нѣкоторому „округленію“ литовской территоріи за свой счетъ.

Лутаворъ и сынъ его Витенесъ оставили, наконецъ, въ Литвѣ новую династію, и Витенесъ владѣлъ, незадолго передъ своею смертію (1315), почти всю землю кривичей съ городами: Туровъ, Цинскъ, Брестъ, Слонимъ, Волковискъ, Гродно.

*) Смерть Рингольда относится къ 1239 г.

**) Въ виду крайней смѣшанности, въ текстѣ и словарѣ, нѣсколькихъ нарѣчій семьи славянской и др. діалектовъ съ языкомъ литовскимъ предпочтительнымъ, кажется, для простоты дѣла, является подведеніе подъ единообразный способъ передачи на письмѣ общихъ различнымъ словамъ двузвучныхъ консонантовъ. Такъ, наше *ж*, пл. *rz* (*ž*), напр., чешск. *ž*, =*ž*; наше *ч*, пл. *cz* и пр. =*č*; наше *ш*, пл. *sz* =*š* (какъ то и по-литовски). Значить, Brześć = Bžeść и пр. т. п. То же и съ др. зв.: пл. *w=v* и т. п.

При его сынѣ - наследникѣ, Гедиминѣ, владычество литовцевъ на славянской землѣ увеличилось значительно, именно — въ 1320 г. Гедиминъ покорилъ Кіевское княжество и часть Сѣверскаго; мирнымъ путемъ перешла къ нему Волынь *); ему же прислгнули въ вѣрности Псковское и Новгородское вѣча (республики?).

Наиболѣе расширилась литовская Русь при сынѣ и наследникѣ Гедиминовомъ — Ольгердѣ. Къ концу его славнаго тридцати-двухъ лѣтняго княженія **) Литвѣ принадлежали Волынь, Украина, Брянское княжество, вся Сѣверская область, часть Подольской и Смоленской земли. Ольгердъ самолично назначалъ князей въ Ржевѣ и Можайскѣ; Тверь была въ его зависимости; три раза ***) подходилъ онъ съ разбойничьими ордами своими къ стѣнамъ Москвы.

Его племянникъ и наследникъ, Витольдъ, не только утвердилъ свою власть въ завоеванныхъ земляхъ, но и увеличилъ еще свое вліяніе походами на Москву, Великій Новгородъ и противъ татаръ ****).

Годъ 1430 можетъ считаться историческимъ закатомъ величества Литовскаго. Послѣ смерти Витольдовой (1430) литовцы не предпринимали болѣе завоевательныхъ походовъ на Русь; напротивъ, смежныя земли, пограничныя пункты этой области, которая растянулась отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отходили подъ все болѣе и болѣе усиливавшуюся власть Русскаго государства; такъ, потеряли литовцы Ржевъ и Великіе-Луки въ 1479, Сѣверскъ — въ 1490 г. и т. д.

*) Собственно — къ сыну его, Любару.

**) Кн. 1945 — 1977.

***) Въ 1365 г., 1370 и 73.

****) Онъ перешелъ черезъ Донъ въ 1395 г.; въ 1396 г. подступалъ къ Азову, въ 1397 г. ходилъ близъ самой Волги.

Порабощенныя литовцами русскія племена стояли, при своемъ покореніи, на гораздо высшей ступени культуры, нежели ихъ завоеватели. Послѣдовавшее за 400 лѣтъ обращеніе въ христіанство и тѣсное общеніе съ византійской культурой ссудили русскимъ превосходство надъ литовцами. Но, какъ случается часто, произошло здѣсь слѣдующее: побѣжденный сообщилъ покорившему свое умственное образованіе, потерялъ самостоятельность и сдѣлался въ культурномъ отношеніи рабомъ поработившаго его народа.

Обмѣнъ и торговля происходили въ теченіе столѣтій мирнымъ путемъ между литовцами и русскимъ народомъ. Русская торговля, одна изъ самыхъ цвѣтущихъ въ средніе вѣка, распространилась и между литовцами, вытѣснивъ даже Ганзейскую. Такъ, мы знаемъ въ частности, что новгородскіе торговцы уже въ древнѣйшія времена содержали торговые дома въ литовскихъ городахъ — въ Вильнѣ, Ковнѣ, Велькомирѣ; въ самой Вильнѣ былъ еще второй торговый домъ, сгорѣвшій въ 1366 и вновь выстроенный въ 1375 году.

Русскіе торговые караваны ежегодно проѣзжали черезъ Литву, и здѣсь происходилъ обмѣнъ сырыхъ произведеній; такъ, цѣнныя мѣха, янтарь и медъ, воскъ и хлѣбъ и т. п. мѣнялись на металлическіе товары, соль и разнаго рода предметы роскоши...

Вслѣдствіе установившагося обмѣна въ непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ, знакомство съ русскимъ языкомъ и обычаями должно было, естественно, все болѣе и болѣе распространяться между литовцами.

Такое вліяніе Русской земли укрѣпилось вскорѣ еще сильнѣе и потому, что русская церковь рано завоевала значительное положеніе въ Литвѣ. Большинство литовскихъ князей женились на русскихъ княжнахъ и иногда даже сами

крестились. Такъ поступили, на примѣръ, два сына Миндовга : Арвидъ *) и Тавдивиль, одинъ изъ внуковъ котораго былъ игуменомъ монастыря св. Іліи въ Новгородѣ. Три сына князя Тройда **) крестились по русскому обряду; тѣмъ же извѣстенъ и Война ***) , братъ Гедимина; полоцкій князь, сынъ Миндовга, Василько ****) , сперва монахъ, затѣмъ вступившій на престолъ, успѣшно подвизался въ дѣлѣ распространенія христіанства въ Литвѣ. Успѣшному развитію Христова ученія не мало споспѣшествовали литовскія семейства, переселявшіяся въ Россію вслѣдствіе политическихъ смуть : въ 1265 г. эмигрировали изъ Литвы и крестились въ Псковѣ 300 литовскихъ семействъ, въ 1266 г. Довмуть — со всѣмъ домомъ своимъ, въ 1346 — Явмуть и мн. др.

Вторая и третья жены Гедимина, Ольга и Ева, были русскія; Марія Витебская и Юліана (Юлія) Тверская, вторая и третья жены сына его Ольгерда, были также русскія.

Эти княжны и многія другія приводили съ собой въ Литву весь свой дворъ, имѣли свои дворцовыя капеллы и т. д. При полнѣйшей вѣротерпимости литовцевъ, христіанство, по необходимости, имѣло многихъ послѣдователей, такъ что уже въ 1347 году воздвигается въ Вильнѣ церковь св. Николая. Великій князь Ольгердъ самъ основалъ нѣсколько церквей : до 1387 года, когда литовцы обратились въ католичество, уже половина жителей Вильны принадлежала Византійской церкви. Благодаря вѣроисповѣданію, русскій языкъ еще легче проникалъ въ Литву.

*) Называемый также Думунтомъ.

**) Умеръ 1283 г.

***) Извѣстный поздне подъ именемъ Василія.

****) Vojziek, или Valseynik.

Чужой языкъ ютился сперва лишь при дворахъ князей: оттуда проникалъ онъ въ первыя семьи страны, а потомъ сталъ гнѣздиться и въ высшихъ классахъ народа.

Съ тѣхъ поръ, какъ русскій языкъ сдѣлался придворнымъ и официальнымъ, перевѣсъ его надъ литовскою рѣчью былъ, такъ сказать, утвержденъ.

Однако славяне и литовцы сходились не только на русской почвѣ. Подобныя соприкосновенія имѣли также мѣсто въ Мадовіи, Куявіи, Добрынѣ и во многихъ другихъ польскихъ центрахъ. И земли эти грабили литовцы, какъ свидѣлствуютъ лѣтописцы, въ 1229, 1246, 1264 и др. гг. Такъ, одинъ Миндовгъ предпринималъ девять походовъ, послѣ каждаго изъ которыхъ уводилъ съ собою по нѣскольку тысячъ плѣнныхъ; число этихъ плѣнниковъ однажды *) простиралось до 20000.

Въ 1325 г., при бракосочетаніи литовской принцессы Алдоны съ Казимиромъ польскимъ, 24000 рабовъ были отпущены изъ Польши въ свое отечество. Такіе военноплѣнные, въ большинствѣ, водворялись въ самой серединѣ Литвы, и ежедневное общеніе этихъ чужеземцевъ съ туземцами приводило къ извѣстному уравненію, вслѣдствіе котораго коренное населеніе заимствовало языкъ и обычаи у „посѣдковъ“.

Превосходство русскихъ въ Литвѣ продолжалось до 1569 года. Съ этого времени, т. е. со времени окончательнаго соединенія Литвы и Польши, польское вліяніе возымѣло перевѣсъ надъ русскимъ.

До этого времени (до 1569 г.) преимуществовалъ русскій языкъ: въ 1525 г. возникла въ Вильнѣ первая книгопечатня, въ которой печатались лишь русскія книги или церковно-

*) Въ 1323 г.

славянскія. Съ 1569 г. польскій языкъ сдѣлался языкомъ, общественнымъ,—туземной рѣчію.

Такъ работали непрерывно два славянскіе языка— русскій и польскій—къ уничтоженію языка литовскаго. И это имъ не удалось.

Ежели принять въ соображеніе то обстоятельство, что, по старымъ картамъ, границы литовскихъ владѣній широко простираются еще дальше, чѣмъ нынче,—что литовскій языкъ распространенъ исключительно въ низшихъ слояхъ и совершенно, можно сказать, исчезъ изъ городовъ, да прибавить еще къ тому фактъ замѣчаемаго систематическаго вымиранія его: нельзя не согласиться, что не далеко то время, когда оставшіеся полтора милліона сильныхъ нѣкогда литовцевъ скажутъ о себѣ то самое, что I. Parum Schultze и Henning возвѣстили въ свое время, о полабахъ. Къ тому же, не лишне обратить вниманіе и на то явленіе, что въ мѣстахъ, гдѣ нынче еще говорятъ по-литовски, относительно, много есть такихъ деревень, въ которыхъ крестьяне понимаютъ польскую рѣчь и литовскую и говорятъ на этихъ двухъ языкахъ.

Понятно, какъ вредитъ такое смѣшеніе сохраненію въ чистотѣ „оставшихся остатковъ“ языка.

Впрочемъ, что могло помѣшать такому постепенному вымиранію (уничтоженію?) языка?

Школь, гдѣ бы учили литовскому языку, не было; въ нихъ учили только польскому да латинскому, иногда— нѣмецкому. Никто не предоставлялъ литовцамъ заботы о сохраненіи своего языка, какъ это было у латышей, *) у которыхъ Рижскій епископъ Hennig von Scharfenberg съ 1424 г. ревностно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы поставляемые священники владѣли латышскимъ языкомъ. Уже съ 1631 г.

*) О соотношеніи яз. собственно-литовск. къ латышск. см. т. Пр.

въ основанной Густавомъ Адольфомъ Рижской гимназіи преподавался латышскій языкъ. Тѣ не многіе священники, которые говорили по-литовски, считали этотъ языкъ злокозненнымъ измышленіемъ, лукавой выдумкой діавола, въ особенности — въ болѣе раннія времена. И, когда герцогъ Витольдъ пожелалъ поднять литовскій языкъ, крестоносцы, которымъ онъ, къ несчастью, сообщилъ свое намѣреніе, нагло отсоувѣтовали, увѣряя его, что это послужитъ возвращенію къ язычеству. Ужаснувшійся Витольдъ отказался отъ своего намѣренія и забросилъ славный планъ. Такимъ образомъ, пала послѣдняя подпора, способная охранять историческія судьбы литовскаго языка, или народа.

Свидѣтели утверждаютъ, что литовскія проповѣди, произносившіяся польскими священниками въ Вильнѣ и въ другихъ мѣстахъ, состояли, въ большинствѣ случаевъ, изъ польскихъ словъ съ литовскими окончаніями. И отъ этихъ-то проповѣдей произошли безчисленныя литовскія слова, означающія отвлеченныя понятія. Такъ, напр., *smūtnas* — печальный, *spraakailivus* — спокойный, *snatlivus* — добродѣтельный, *pakarnus* — смиренный, *rišnus* — гордый, *paslušnus* — усердный, *svagus* — грозный и т. п.

Искреннихъ и усердныхъ пособниковъ-поборниковъ литовскій языкъ имѣлъ мало.

Первые труды какого-то Сирвида, въ началѣ XVII ст., и епископа *Vołončevsk'*аго до нашего времени не удержались, именно — вслѣдствіе своей обособленности.

Столькими-то способами вторгались славянскіе элементы въ литовскій языкъ.

Дворъ, школа, торговля все глубже способствовали ломкѣ, ослабленію литовскаго языка, о сохраненіи котораго, какъ видно, мало кто и заботился.

Примѣры, подтверждающіе истинность выводимаго положенія, свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и очевидное значеніе вліянія славянскаго. Это вліяніе мы можемъ усмотрѣть всюду: оно проникаетъ не только въ языкъ; его мы находимъ, и не въ малой мѣрѣ, въ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ въ обычаяхъ и нравахъ; оно глубоко коснулось одежды и способовъ питанія. Однако всего этого мы не намѣрены касаться. Наша задача ограничивается указаніемъ на то лишь вліяніе, которому подвергся языкъ.

При этомъ, чтобы не допустить никакого сомнѣнія относительно того, какъ проникъ славянскій элементъ въ литовскую рѣчь, рассмотримъ вкратцѣ, какое оказалъ вліяніе на литовскій словарь языкъ нѣмецкій.

Нѣмецкій элементъ оказываетъ вліяніе на Литву только съ 1500 г., когда исчезла прусская стихія, служившая какъ бы бастиономъ. И, тѣмъ не менѣе, какъ заимствованія литовскаго изъ нѣмецкаго уже разнообразны, достаточно разсмотрѣть слѣдующую группочку словъ: *ablótas* (также *ollótas*)—облатка, *ákas*—кирка, *akrutas*—рекрутъ, *ákselis*—соломорѣзка, *almonas* (*hofman*)—придворный, *almusas* и *alamusyna* (*almosin*)—милостыня, *anusas* (*hans*)—безпечный человѣкъ, *aogna* (*ahorn*)—кленъ и пр.

Если, такимъ образомъ, нѣмецкій языкъ, въ продолженіе трехъ лишь столѣтій столь глубоко успѣлъ проникнуть въ литовскую туземную рѣчь, наводнить ея лексиконъ иноземными реченіями, то какъ сильно, слѣдовательно, должно было быть дѣйствіе славянской силы, вліяніе которой началось четырьмя столѣтіями раньше!*)

*) Хоръ славянской колонизаціи литовскихъ областей древнѣйшей поры, вѣроятно, состоялъ въ тѣсной зависимости относительно религіозныхъ движеній, по необходимости племенной, воспринимая хотя бы отголоски,

Переходя къ указательной части изложенія, необходимо, кажется, начертать и ходъ развитія сужденій.

Изобиліе славянизмовъ въ žemaitisch'ъ и въ древнѣйшемъ письменномъ языкѣ.

Славянизмъ въ памятникахъ, діалектахъ.

Явленіе славянизма въ прусско-литовскомъ яз. и въ прусскомъ: необходимость имѣнія изложенія лексическихъ различій отдѣльныхъ нарѣчій — доводы Нессельмана (песокъ).

Ограниченіе вліянія славянскаго на литовскій народъ вопросомъ: „какія нарѣчія *попреимуществу* повліяли на литовскій языкъ, и въ какой степени каждый изъ воздѣйствовавшихъ элементовъ принималъ въ этомъ участіе?“

Относительная сила вліянія славянскаго элемента на литовскій—а) со стороны бѣлоруссовъ, б) малоруссовъ и в) поляковъ.

Разборъ заимствованныхъ литовцами словъ — *iškalà, iškada....*

преобразовательныхъ идей западныхъ, если не неестественнымъ почитается фактъ, свидѣтельствующій, что, пока дезидеральныя сужденія реформаторовъ въ просвѣщенной части Европы продолжали считаться неприложимою мечтою, въ Чехіи слова англичанина Виклѣфа, отвергавшаго авторитетъ папы, требовавшаго согласованія существующей церкви съ коренными началами христіанства, сдѣлались голосомъ народнымъ: ибо здѣсь, въ Чехіи, гдѣ почва была готова, живое преданіе хранило образъ искомой церкви и ожидало сознательнаго выраженія, уже до появленія сочиненій англійскаго ученаго, проповѣдники чешскіе, увлекавшіе за собою народъ цѣлыми толпами, высказывали мысли, отрицавшія самыя начала католицизма; такъ, задолго до появленія Гусса, род. 1369, извѣстны впечатлительными ученіями въ данномъ смыслѣ Миличъ—изъ Кромбѣрижа, ум. 1374 г., и ученикъ его Матвѣй—изъ Янова: Миличъ Кромбѣрижскій замѣчательнъ еще, между прочимъ, и тѣмъ, что оиъ сталъ проповѣдывать по-чешски, тогда какъ до него проповѣдники, рассчитывавшіе на успѣхъ въ Чехіи, говорили, обыкновенно, свои слова по-вѣмецки.

Ср. роль завоевательныхъ стремленій Австріи — носительницы вѣмецкой образованности, или т. н. „*deutsche Kulturträgerin*“ на Востокѣ: А. Гильфердингъ, II, 253 и далѣе; см. тамъ же IV, 247—461.

Пробный камень рѣшенія происхожденія извѣстнаго слова въ литовскомъ языкѣ (есть ли данное слово славяно-литовскаго происхожденія или оно заимствовано) — приложимость или несоответствіе языку литовскому звуковъ: „с“, „ch“, „f“, „z“.

Общепризнаніе въ послѣднемъ „ch“ и „f“ и ограниченіе относительно „с“ и „z“.

Подведеніе извѣстныхъ (возможныхъ) рубрикъ въ дѣлѣ опредѣленія признаковъ, отдѣляющихъ коренное, самостоятельное значеніе слова или его заимствованія.

Обзоръ въ области фонологіи: „sa“ („sā“, „su“, „s“); „y“ („i“); „l“ — мягкое; сл. „ā“ (= „ē“) — въ лит. „ā“ (= „o“); явленіе „u“ или „e“, „ė“, „jė“ — вм. гласн. + носовой.

Недостаточность основанія Бродовскаго: „ž“ вм. „g“ въ словахъ, подобныхъ — *važnūse*.

Гипотеза вѣрнаго расчлененія, при пользованіи удареніемъ, литовскихъ словъ — своихъ и заимствованныхъ.

Служебная роль суффиксовъ въ дѣлѣ опредѣленія заимствованія.

Сигнификація или значеніе предлоговъ — въ сложныхъ словахъ и пр.

Обращеніе литовскаго языка съ несвойственными ему звуками: 1) „с“, 2) „f“, 3) „h“, 4) „ch“, 5) „z“.

Звукъ „o“ бѣлоруссовъ, малоруссовъ, поляковъ и „a“ литовцевъ (мнѣніе Шмидта): его діалектическія колебанія — *ū, u*.

Славянское „у“ и литовское „ū“.

Трудность обслѣдованія звука „e“; причины:

1) сбивчивость передачи и

2) безразличіе „ie“ и „e“.

Характеръ измѣненія — „ā“ и „e“.

Носовые звуки.

Полногласіе.

Вставочные звуки — „e“ и „o“.

Приставка и вставка гласныхъ.

Количество (долгота и краткость) гласныхъ.

Разсмотрѣніе согласныхъ —

а) гортанныхъ: переходъ звуковъ „g“ и „j“ (*gabartai* и *javartai*),

2) замѣна „č“ на „k“ (противъ обыкновеннаго перехода „č“ въ „tj“);

б) губныхъ „b“ и „v“: законная — въ силу родственности — замѣна одного другимъ (*balbe* и *balvius*),

2) выпаденіе „v“ (*lekārsta* и *lekarstva*),

- 3) рѣдко встрѣчающееся явленіе — замѣна „m“
черезъ „b“ grabniè, вмѣсто польск. — gronnica);
а) замѣстительство „m“ черезъ „v“ (šiřmas
и šiřvas),
б) болѣе частая замѣна „m“ и „n“ (grandau
и grandau);
в) плавныхъ — „r“ и „l“: простая замѣна (gruntas
и рядомъ — gluntas);
г) шипящихъ: различныя измѣненія — „s“ и „š“, „š“
и „z“; „s“, „z“ и „ž“; силлабическое „š“ и аффри-
катное „č“; „s“ и „c“.

Переходъ согласныхъ: замѣна tenuis и media. l и t и
Переходъ и перестановка.

Приставка и вставка согласныхъ.

Мѣсто для „j“: въ производныхъ нѣмецкихъ словахъ
и чаще послѣ „r“ и „l“ — передъ гласными.

Отпаденіе и выпаденіе отдѣльных буквъ и слоговъ:
объясненіе Витнея.

Метатезисъ, или перестановка.

Удареніе.

Родъ и число заимствуемыхъ словъ.

Предлогъ.

Заключеніе.

Отдѣльные памятники и діалекты довольно расходятся
касательно содержанія въ нихъ славянской стихіи; žemaitische,
напротивъ, равно и древнѣйшій письменный языкъ, въ противо-
положность прусско-литовскому и также новѣйшему письменному
языку, въ особенности избилуютъ славянизмами; прусско-
литовскій, равно и производный отъ него новѣйшій письменный
языкъ ограждены отъ вліянія славянскаго элемента žemaitisch'a,
отъ котораго произошла древняя письменность; зато въ
žemaitisch'ѣ мы находимъ много славянизмовъ, прусско-литов-
скій же содержитъ либо чисто литовскія слова, либо отдаетъ
германизмовъ.

Относительно письменныхъ памятниковъ XVI и XVII
ст. должно замѣтить, что здѣсь приходится имѣть дѣло съ
христіанствомъ, или, точнѣе — съ началомъ христіанства, и
что, по тому, тѣ, которые писали тогда по-литовски, вводили,

незамѣтнымъ образомъ, и славянизмы, не будучи въ состояніи окинуть взоромъ всё богатства того языка, который, преимущественно, не былъ ихъ родною рѣчью. Это замѣчается, въ особенности, относительно двухъ самыхъ древнихъ памятниковъ — катехизиса 1547 и Forma Chrikstima 1559 г.

И издатель ихъ, Mažvydas (Mosvidus), употребляютъ много славянизмовъ, не извѣстныхъ въ нынѣшнемъ письменномъ языкѣ, какъ, на примѣръ: abavena, apsvicċiti, dachadas и т. п. Гораздо большее количество славянизмовъ обезображиваютъ новѣйшую žemaitich'ную письменность, преимущественно — религіознаго содержанія; уже одни заглавія переполнены ими; на примѣръ: broma atverta ing viċnasti и пр.

Но не только въ обоихъ коренныхъ діалектахъ, или нарѣчіяхъ видимъ мы славянизмы: они встрѣчаются, кромѣ явленія перѣдвѣга въ прусско-литовскомъ и въ прусскомъ, также и въ другихъ мѣстныхъ говорахъ. Однако, чтобы вполне уяснить себѣ этотъ вопросъ, нужно необходимо имѣть изложеніе лексическихъ различій отдѣльныхъ нарѣчій. Теперь позволительно удовольствоваться нѣкоторыми доводами Нессельмана: изъ его объясненій вытекаетъ, что заимствованное, на примѣръ, изъ славянскаго слово — „piċskos“ — „песокъ“ и литовское — „smiltis“ — „песокъ“, каковое слово раньше было въ общемъ употребленіи, теперь встрѣчается лишь къ сѣверу отъ Мемельштрома и т. п.

Многое можно сказать касательно вліянія славянскаго на литовскій языкъ. Намъ же надлежитъ нынче первѣ всего рѣшить вопросъ: какія именно нарѣчія, по преимуществу, повдѣяли на литовскій складъ слововыраженія, и въ какой степени каждое изъ этихъ нарѣчій принимало въ лексической лонкѣ участіе? Очевидно, что литовцы наиболѣе позаимствовались у славянъ, съ которыми приходилось имъ жить въ самомъ

тѣсномъ и продолжительномъ союзѣ, именно — у бѣлоруссовъ, которыхъ и должно, значитъ, поставить на первомъ мѣстѣ относительно заимствованій, — на второмъ планѣ стоятъ малоруссы, а затѣмъ, на третьемъ — поляки. Съ малоруссами неоднократно соприкасались литовцы, сперва — вслѣдствіе завоеваній въ Малороссіи, именно — въ Волыни, въ Подоліи и т. д., затѣмъ — въ силу продолжительныхъ сношеній ихъ съ Киевомъ, такъ какъ училища этого города еще до XVII или XVIII ст. охотно посѣщались литовцами.

Вліяніе Польши, въ извѣстномъ смыслѣ, имѣетъ большее значеніе: сначала ополячилось высшее литовское сословіе, а затѣмъ — и города.

Великорусскій элементъ до послѣдней поры не имѣлъ никакого вліянія на литовскій языкъ; лишь теперь, къ патристической гордости нашей, въ силу доброславнаго измѣненія политическихъ условій, проникаютъ нѣкоторыя великорусскія слова въ литовскій языкъ: нѣкоторыя изъ нихъ въ настоящее время уже пронесены стараніями Сирвида въ литовскіе словари.

Можно привести здѣсь небольшой разборъ, по которому, относительно, легко рѣшить, заимствовано ли то или иное литовское слово изъ мало- или бѣлорусскаго словаря.

Литовское слово — *iškala* (школа, училище), *izbõnas* (вружка), *iškada* (вредъ), *išdvoditi* (измѣнять) и др., соответствующія польскимъ словамъ: *szkoła* *), *dzban*, *škoda*, *zdradzić*, свидѣтельствуютъ о своемъ заимствованіи лишь изъ малорусскаго или изъ бѣлорусскаго, на что указываетъ чуждое языку польскому „i“.

Точно также соответствуетъ звукъ — „e“ въ литовскихъ словахъ: *cietas* (время), *cegoi* (чары), *cernas* (черный) и т. п.

*) Школы. См. примѣч. стр. 9.

гласнымъ — совершенно чужда литовскому: и, поэтому, явление вставки „l“ epentheticum'a въ словахъ литовскаго языка — признакъ заимствованія; такъ, напримѣръ, литовское слово bliūdas есть заимствованное изъ русскаго — блjudo (блюдо).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ славянское „ѣ“ есть результатъ перехода изъ славянскаго же „а“, или, иначе — славянское а въ нѣкоторыхъ, и не рѣдкихъ, случаяхъ переходить въ „ѣ“; въ литовскомъ же изъ соотвѣтственныхъ слова, въ большинствѣ случаевъ, измѣняютъ это „а“ въ „о“, что служитъ яснымъ доказательствомъ незаимствованія; напримѣръ, славянское гѣра (рѣпа) — литовское гѣре (garus? garės), гѣра, ruoba'.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ литовскомъ языкѣ услѣдить можно бываетъ тотъ же переходъ; напримѣръ — viėrà (вѣра), очевидно — изъ бѣлорусскаго: вѣра.

Въ большинствѣ случаевъ литовскимъ словамъ привычно содержать гласный звукъ съ носовымъ; поэтому, если, вмѣсто такихъ звуковъ, встрѣчаются гл. — „и“ или „è“, „ë“, „jè“, на подобное слово можно смотрѣть, какъ на позаимствованное изъ русскаго: ибо не подлежитъ сомнѣнiю, что русскiе диалекты замѣняютъ древнее „я“ чрезъ „и“, „е“ — чрезъ „ja“; такъ, напр., литовское — sūdas, соотвѣтствующее польскому — sad, заимствовано изъ русскаго — sud (судь). Однако, нужно замѣтить, это, къ сожалѣнiю, не всегда служитъ вѣрнымъ признакомъ дѣйствительнаго заимствованiя.

Слова bažnyčė — церковь, žyvatas — тѣло, žyvnastis — пища и др., по Бродовскому*) — заимствованныя на что указываетъ ихъ начертанiе. Дѣйствительно, если бы они были чисто литовскiя слова, то писались бы чрезъ „g“. Но и это опять — не совсѣмъ надежный критерiй.

Словарь.

Служить ли удареніе вѣрнымъ признакомъ заимствованія? И на это отвѣтить положительно нѣтъ возможности*). Вообще нужно согласиться, кажется, что удареніе производныхъ литовскихъ словъ вполнѣ соответствуетъ ударенію тѣхъ словъ, которыя стоятъ къ нимъ въ отношеніи коренномъ: это легко достигается — при подвижности литовскаго языка. Можно привести здѣсь нѣсколько примѣровъ этой подвижности. Въ то время какъ коренныя литовскія слова, какъ-то: *klastorius* — обманщикъ, *sarņorius* — мечтатель и др. имѣютъ удареніе на суффиксѣ — „o“, производныя: *žirogius* — лодочникъ, *žincorius* — хозяинъ и пр. имѣютъ удареніе на коренномъ слогѣ — соответственно съ тѣми словами, отъ которыхъ они произошли, — нѣм. *Schiffer*, польск. *żynkarz***) и т. п.

Суффиксы тоже лишь въ немногихъ случаяхъ служатъ безповоротнымъ рѣшеніемъ заимствованія. Такимъ образомъ, на примѣръ, слова: *kvikščionis*, *mieščionis* заимствованы изъ польскихъ словъ — *chřeścjan*, *mieścjan*, такъ какъ подобнаго суффикса въ литовскомъ языкѣ не существуетъ.

Яснымъ признакомъ заимствованія служитъ тотъ случай, когда литовское слово — сложное и заключаетъ не-литовскій предлогъ; такъ, напр., *gaspustas* (гордость) слѣдуетъ считать заимствованнымъ изъ языка польскаго, ибо это слово состоитъ изъ не-литовскаго предлога „*gaz*“ и *√pus*.

Какъ скоро какое-нибудь слово обще литовскому яз. и славянскому и въ то же время не встрѣчается въ латышскомъ, это — признакъ незаимствованія. То же нужно замѣтить и о случаѣ, когда какое-нибудь слово встрѣчается лишь въ яз. латышскомъ либо въ древне-прусскомъ, или въ славянскомъ.

*) Относительно этого вопроса источники пользованія оказываются недостаточными: *Nesselmann*, *Geitber* и *žemaitische Schriften* в. небрежно обозначаютъ удареніе.

**) Пл. ф. *szynkarz*. Ср. примѣч. стр. 21.

Другія же слова, хотя они одинаково встречаются во всѣхъ
грехъ, нарѣчійхъ, балтійскихъ, могутъ быть разсматриваемы,
какъ заимствованныя. Въ случаѣ, когда, какъ это часто бываетъ, литовскіе
законы ничего намъ не говорятъ, нужно обратиться
къ исторіи культуры, которая не слабымъ иногда можетъ
служить доказательствомъ въ дѣлѣ заимствованій.

Извѣстно, что, напримѣръ, слова: tuuui, kiviuija, kiralo
суть славянскія, и что, напримѣръ, petman, iaunik и т. п.
служать означеніемъ польскихъ должностей; отсюда ясно, что
литовскія слова: tivunas, kivuiſe, etmonas — заимствованныя.
То же относится и къ названію очень многихъ культурныхъ
растений, какъ, напримѣръ, литовск. сл.: grika — гречиха,
котораго происхождение очевидно изъ назв. слова: gryka.

Нельзя не замѣтить, хотя бы и при обзорѣ обзорѣ
законовъ фонологическихъ, что литовскому языку почти совер-
шенно чужды звуки „с“, „t“, „n“, „ш“, „z“; если же въ
заимствованномъ словѣ встрѣчается одинъ изъ этихъ звуковъ,
литовецъ обращается съ нимъ не одинакимъ образомъ: либо „с“
сохраняется, какъ, напримѣръ, ceselė, cesorius и т. д., либо
„с“ измѣняется — а) въ „с“: celas, cinė и пр., — б) въ „s“
svičiti, — в) въ „t“: tvikiti, — г) въ „s“: sviklas“).

Въ области гласныхъ звуковъ — усматривается замѣна
„а“ звукомъ „о“. Является вопросъ: правдоподобно ли,
чтобы литовскій языкъ, у котораго были въ распоряженіи
„ā“ и „a“ — для передачи славянскаго „а“, прибѣгалъ всегда
къ длинному „ā“? Приводить примѣры такой перемѣны
звуковъ, вслѣдствіе ихъ многочисленности, было бы лишне.

(*) Сб. „с“ встрѣчается вм. „с“, равно и „t“ — вм. „s“, smosnas
вм. smosnas и мн. др. т. д. что гласитъ Сп. ф. 111 (**)

Конечно, нужно замѣтить, что существуютъ многія исклю-
ченія, въ вторыхъ. Впрочемъ, кажется, имѣютъ мажоранное
значеніе, такъ какъ, во-первыхъ, всегда должно имѣть въ виду
вкрадывавшіяся ошибки, и при этомъ, во-вторыхъ, почти во
нашихъ лексикографы, какъ, напр., Сирвидъ, Вродовскій и др.,
владѣли только польскимъ языкомъ письменнымъ и по его
образцу, естественно сознательно и безсознательно передѣ-
ливали известное литовское слово. При всемъ этомъ, не слѣ-
дуетъ забывать, что были и действительныя диалектическія,
такъ называемыя, колебанія.

Въ заимствованныхъ словахъ „о“ и „а“ иногда измѣ-
няются въ „и“, напримѣръ *radūnas, zadūtkas* и мн. др.
Причина измѣненія весьма ясно сказывается; такъ, въ *radūnas*,
напр., и *zadūtkas* слогъ „*ū*“ замѣняется литовскимъ *ū*,
въ остальныхъ является, очевидно, приставка къ литовскому
предлогу „*ū*“.

Менѣе поддаются объясненію ф. ф. *piugas, piugas,*
lūnas, lūna и мн. т. п.

Часто замѣчается замѣна славянскихъ „а“ и „о“ посред-
ствомъ звука — „и“: *buklogas, grūmodas, kulcius, nebūvakas*
и др., большею частью — передъ плавными: „*i*“ и „*u*“.

Звукъ „ш“ передаетъ славянское „у“: *builas, напр.,*
buitis, pribuitis и др. *)

Разсѣдованіе относительно звука — „е“ — неизмѣримо
труднѣе, во-первыхъ, вслѣдствіе сбивчивости передачи, во-
вторыхъ, еще и потому, что нѣтъ, даже у Нессельмана,
никакого различія между звуками — „*e*“ и „*e*“.

*) Если покажется, можетъ быть, страннымъ, почему литовецъ не
замѣняетъ славянскаго „у“, то нужно вспомнить, что славянское и литов-
ское „у“ одинаковы не по произношенію, а исключительно по изображенію.

Славянскіе зв.— „ja“, „je“ — соотвѣтствуютъ то литовскимъ „ja“, „je“, то — „é“; напр. — arėka, bieda, kalėdo, vėža и пр.,

Особеннаго вниманія заслуживаютъ измѣненія звуковъ „á“ и „e“. Такъ, „á“ замѣняетъ славянское „e“; напримѣръ: bartišus, čeraslas, grakas, tašlas, žardas, и т. д.; „e“ — вмѣсто славянскаго „a“: bulverkas, emalkas, katenka, kerbas, kertokas, poreckas и мн. др. Звукъ „e“ замѣняетъ „i“, можетъ быть только въ словѣ — reganka: литовское „i“, вмѣсто славянскаго „e“, встрѣчается чаще — ásilas, baviŋna, stipinas, šilkaŋi и мн. др.

Носовые звуки, свойственные нынѣ польскому языку, въ литовскомъ удерживаются; такъ, напр. — gansorus, ganstus, mentals. Иногда „a“ (an) замѣняется посредствомъ „un“ — подѣ влияніемъ носоваго звука: munka, vunditi.

И, такъ называемыя, полныя гласныя формы, составляющія особенность исконную языка русскаго, удерживаются въ литовскомъ; значить, бѣлорусское, малорусское и великорусское „оло“, „оро“, „еле“, „ере“ получаютъ видъ „ala“, „ara“, „ele“, „ere“; такъ, напримѣръ — asaladitas, balanà, kaladà и др. Иногда эти слоги сокращаются въ „al“, „ar“, „el“, „er“: karvujus, šeiprè и т. п.

Вставочные звуки — „e“ и „o“ — для легкости произношенія, общіе русскому и польскому, не достаютъ соотвѣтствующей литовской формѣ; напримѣръ — dastotkas, польск. — dostatek, род. п. ед. ч. — dostatku.

Приставка гласныхъ: atkoniča Syrv., iškalà и školà, izgranda и zgranda; arpsàlmas и psàlmas литовцы не умѣютъ ясно произнести“; *) abrėdėlis и brėdėlis и пр.

Вставка гласныхъ (vokalenfaltung), или svarab-

*) Kuršat: gramm. § 121.

hakti : n gemine (польск. — gmina), karšema и karšama (т. сл. польск. — karšma) и др.

Что касается долготы и краткости гласныхъ, то нужно замѣтить, что, кромѣ зв. „è“, „ie“ *) „u“, „o“, „io“, „i“, которые уже по самой природѣ своей долги, — длина и короткость „a“ и „e“ зависитъ отъ того, ударяемъ или не ударяемъ слогъ; „i“ и „u“ остаются, въ особенности въ германизмахъ, краткими.

Указавши на нѣсколько примѣровъ дифтонгировки простыхъ гласныхъ, какъ-то: сл. зв. „ai“ вмѣсто „u“, напр. — lauriti, kauliti; „ei“, — вм. „e“: veiza; „ai“ — „a“: dainuše, — „e“: maišas, что объясняется, вѣроятно, циркуфлекснымъ удареніемъ, позволено, кажется, будетъ перейти къ разсмотрѣнію и согласныхъ.

Въ сферѣ гортанныхъ слѣдуетъ упомянуть о переходѣ звуковъ: „g“ и „j“; напр. — gabartai и javartai (рѣшетка), gentaras и jentaras (янтарь) и пр.

Судя по такимъ примѣрамъ, какъ skydas, paskiepyto и др., можно съ вѣроятной достовѣрностью заключить, что „č“ переходить въ „k“ **)

Губной „b“ и звукъ „v“ — родственны; поэтому, обоюдная замѣна ихъ не удивительна: balbė при — balvius, gnevoti и gneboti, senovė и senobė и пр.

Слова, подобныя lėkarsta и lėkarstva, свидѣтельствуютъ о выпаденіи звука „v“.

Иногда, или точнѣе — рѣдко весьма встрѣчается замѣна „m“ посредствомъ звука „b“, какъ, напримѣръ, grabnušė — вмѣсто польскаго — grampica; ***) равно и „m“ — посредствомъ „v“: širmas и širvas — сѣрый; чаще бываетъ замѣна „m“ и „n“: grāmdau и grandau и пр. т. п.

*) Ср. шлейхеровское „è“.

***) Обыкновенно — литовское „č“ переходить въ „tj“.

***) Священная свѣча, отъ 2 февраля, какъ спасительное орудіе противъ разрушительнаго дѣйствія силы грома.

1.0 .1) Заменяетъ и въ слѣдующихъ (grūntas и glumtas) — ūimas и ūilnas (также — surnas и sulnas) и мн. др. и др. (вспомогательные глаголы).
2.1) Различнымъ переходамъ и подверженымъ шипящимъ — sibilantes: во мѣсто „š“ и „s“ рядомъ съ шипящимъ, является „š“; напримеръ — ankštirai и anštirai (личинка майского жука), āpsakas, или āpsas (ваблуть, т. у. устье), kastūvas и kaštūvas (скребница), mastas и maštas (мачта), šikšnà или šikšnà (кожа), šilkaì и silkaì — шелкъ, šopāgas и šopāgas — сапогъ и т. п.

Беззвучный (tonlose) шипящий „š“, окруженный ударными гласными, переходитъ въ шипящий „ž“ и наоборотъ: — anuše и anuže — имя, gaižus и gaisus — испорченный*), sluzus и slušnus — послушный, žaras**) — рядъ, линия и т. п.

Stimmtonetzung'омъ объясняется замѣна „š“ „ž“ и наоборотъ; anužas и anuzas — анисъ, arkužas или arkusas — листъ бумаги, žašiti и saupiti — болтать и пр.

Сибилическое „š“ и аффрикатное „č“ весьма уважаютъ ободную замѣну; такъ: šiekšlas и šiekšlas — колода, чурбанъ, šerponas и šerponas — шафранъ, šermukas и рядомъ šermukas — вепренокъ и др.

Измѣненіе sb. „s“ и „c“ — совершенно соответственно: gaspada (польск. — gospoda), loska (польск. — łaska) и пр.

Знаменательно весьма, что сочетание „šc“ остававшееся въ древней письменности неизмѣненнымъ, въ позднѣйшемъ произношеніи упрощается: комбинарованный звукъ „šc“ обращается въ единичный „š“; напр. — šur (изъ šour) — крыса и т. д.

Въ области перехода согласныхъ особенно интересна замѣна tenuis и media: plakas и blakas — олово, bližgè и plizgè — тряпка, kartúpelis и kardúpelis — картофель, kaukağà и kau-

*) Собственно, gaižus или gaisus значитъ — противный.

**) Ср. малорусск. жарг. žar — жаръ.

guris — холмъ; возвышенность (крутая*)); okleba vòti и g'leba vòti — дѣлать, kvailus и guailus — глухой, plėka (***) и plėga — ударъ, (также — стукъ (мгновенный)) и т. д. и др. Переходъ и перестановка abšterbli и škerblė — выстрѣлъ, kruša и truša — группа, plėcius и klėcius — мѣсто, būbnas и būgnas — барабаны и пр. и др. sterbė и т. п. Проставка согласныхъ: skuska и kuska — платок***), skieblejas — проповѣдникъ и kalbėjimas — рѣчь, sprėciū и plėciū — выпрямлять и др.

Вставка согласныхъ: zopostas (изъ польскаго — zapas), pešvėtis (изъ малорусск. — pešat'), puyniė (изъ польск. pijanica, нынѣшн. — pijak), vitravtis (изъ польск. — vitrich) и т. п.

Призвукъ — „j“ — встрѣчается въ производныхъ отъ нѣмецкихъ словъ, въ особенности — послѣ „r“ и „l“ — передъ гласными типа „u“; напримѣръ — briunas или braun — коричневый, laupis****) — похвала, liogaris (lager) — лагерь, lampra (lampe) — лампа и пр.

Отпаденіе и выпаденіе отдельныхъ звуковъ и слоговъ: agli, krotos, rapnikas, razmas, švėga, tavorška, jomarkas, losnas... Для объясненія даннаго случая удобно воспользоваться словами Витнея: „причина всякаго измѣненія звуковаго заключается въ стараніи человека облегчить выговоръ (произношеніе), — сбросить, поэтому, весь лишній балластъ за бортъ. Это — результатъ врожденной лѣности“.

Метатезы (Metathesen): alerka, ceverykas, murolius, pinavė, želkorus, torėlus, keraists и ragaisis, skrobiti и skorbiti, šėmas и šėlmas (грязь) и др.

*) √ kuk: k-au.

) Jd. √ plak. „o“ и „a“ означаютъ звукъ чередующійся ()

***) Сл. малороссійск. — chustka.

****) √ lob. „o“ и „a“ означаютъ звукъ чередующійся (**)

Удареніе, обыкновенно, остается то же.

Въ силу утраты литовскимъ языкомъ средняго рода — славянскій средній родъ имень передается или а) мужескимъ: *bognas, bliūdas, ūduas* и т. д., или б) женскимъ — *džola, kouvona, lakamstva, lēkarstva* и пр.

Часто заимствованное слово мѣняетъ родъ: *abydas, amalaĩ, bromas, ūėėrė, dunajė, gramodas* и др. Въ этомъ отношеніи особенно интересны русско-польскія слова, имѣющія въ именительномъ падежѣ одинаковое окончаніе для мужескаго и женскаго рода: *burlokas, kozuadėjas, siratas* и др.

Pluralia tantum также, при заимствованіи, мѣняютъ число: *bařšėi, ūėkinei, ūėmeruūėy, kucas* и пр.

При заимствованіи, не рѣдко предлогъ не-литовскій замѣняется чисто-литовскимъ; такъ, славянск. „rod“ — чрезъ „ra“; напримѣръ, *rakamogė* — изъ польск. *rodkomogę* и т. д.

Обозрѣвши всѣ эти второстепенныя звуковыя измѣненія, можно съ достовѣрностью сказать, что, въ періодъ проникновенія славянскихъ словъ въ литовскій языкъ, законы, которые отдѣляли его отъ ближайшихъ ему родственниковъ, *) пребывали уже въ бездѣйствіи. Такимъ образомъ, является слѣдствіе, противоположное общепризнанному принципу, по которому „e“ въ словахъ — *dėkà, rėlizis, pėtnuūė, ūėdyti, rėdas* — произошло сперва на литовской почвѣ изъ „ep“, — по допущеніи чего выходитъ, будто эти слова заимствованы еще съ носовымъ звукомъ, и сначала „ep“ въ области литовской фонологіи перешло въ „e“ („ie“) **. Но для подобнаго превращенія всѣ эти слова слишкомъ молоды; поэтому, и не возможно, кажется, категоричное заключеніе.

*) Напр. — переходъ длиннаго „a“ въ „o“, отчасти — измѣненія нѣкоторыхъ „ep“ въ гласный „e“ и др.

**) Ср. *miesà*, изъ — *mensa* (мясо) и пр.

Зданіе литовскаго языка было вполнѣ выстроено до того еще времени, когда въ него стали проникать свѣтъ иноземнаго свѣтила, — гораздо, видимо, раньше, чѣмъ литовскій лексиконъ стала тревожить чуждая стихія: вліяніе всѣхъ даже славянскихъ нарѣчій до сихъ поръ еще не было въ состояніи его пошатнуть.

Конечно, это не относится къ тѣмъ вѣтвямъ отдѣльнымъ литовскаго развѣсистаго дерева, которыя примыкаютъ непосредственно къ границамъ малорусскимъ и бѣлорусскимъ. Здѣсь замѣчаются два факта: а) поляки, русскіе и, слѣдовательно, также литовцы въ Русской Литвѣ говорятъ, напр. „nje“, вмѣсто „nè“: gridnjėti вмѣсто — gridnėti; б) на юго-востокѣ Литвы передъ мягкими гласными, какъ „ie“, „i“ и др., „d“ произносится, будто „dz“, „ts“, зв. „č“ — какъ „c“: tatučis — taticis, marčas — marcās и др.

Часто наблюдается, что при заимствованіи: измѣняется и коренное значеніе слова; напр., прусско-литовское dėti значить — положить, поставить, посадить; žemait'ное же означаетъ и понятіе — дѣлать. *)

*) Ср. польск. — dziąć, напримѣръ, или малорусск. — діяти.

Вообще необходимо принять въ руководство соображеніе, что для легчайшаго ориентированія, — удобнѣйшаго, или, точнѣе — вѣрнѣйшаго пониманія и, слѣдовательно, толкованія подобныхъ явленій звуковаго начала, нужно бываетъ, и весьма часто, сообразоваться съ польскимъ или нѣмецкимъ подлинниками.

См. о томъ же заключеніе Al. Brückner'a: Litu-Slaviche Studien. Сл. ми. П. Н. Рыбникова, въ письмѣ его къ К. С. Аксакову о приуроченіи имени историческихъ Литвы къ стольному Киеву (Былины: ч. 2, II) — въ связи съ характеристикой отношеній Русской земли къ древней Литвѣ (Ibid.: ч. I, V). Чит. былины княжескіи и безыменныя.

Не не любопытны въ этомъ отношеніи возможные итоги, подвѣдимые воздѣйствіямъ на ядро литовской рѣчи со стороны составившихся въ равновѣсіи — быта, грамотности, просвѣщенія, какъ силы цивилизующей, каковая однимъ уже значеніемъ культуры не могла не притягивать къ себѣ, хотя бы на основѣ лишь идеальнаго обобщенія, разбросанныхъ по далекимъ разстояніямъ народностей великаго авангарда юнѣйшей въ Европѣ семьи.

Б. Вліяніе славянское на литовскій словарь.

- А — устарѣлая ф. „о“ N и, по;
- Abā иди; *блрск. м. прк. польск. а.*
- Abarā **) дворъ; *блр., м. пр., н. а. а. а.*
- Abaras, aburas R. спутанная пряжа; *блр. и н. а. обора.*
- Abatas ***)) иди; *н. а. obařanek ***))*
- Abavem — въ катехизисѣ 1547 г. — тогда; *н. а. opat.*
- Abazas лагерь; *н. а. aboviem, alšoviem.*
- Abecēla азбука; *н. а. aboz.*
- Abrozās образъ; *н. а. abecadlo.*
- Abyda ****)) обидѣ; *блр., м. пр., н. а. obraz.*
- Abrušas утиральникъ (платъ, убрусъ?); *блр. obida.*
- Adamoška *****) камка; *блр. суено, полотно, холстъ.*
- Adamoška *****) *блр. adamaska.*
- *) См. примѣч. стр. 9, 21, 25.
- **) Не извѣстное въ прусско-литовскомъ.
- ***)) Нов. тожкая веревка, употребл. при обертываніи ногъ ошучами.
- ****)) Не извѣстное въ протестантск. прусско-литовскомъ — по N.
- *****) Слово не очень древне: въ прусско-лит. не употребляется.
- *****) Встрѣчается только въ žemaitisch'ъ.

Adina,	s. gadynė.	адина	Adina
Adnūs,	s. gadnusis	аднүс	Adnūs
Agūrkas,	agurkėlis	агурка; огурецъ;	Agūrkas
		огорек.	
Ajstas		аистъ;	Ajstas
		аистъ Mik.	
Akrūtas,	также ėkrūtas	акруатъ;	Akrūtas
		окрет.	
Aktàva		8-й день послѣ праздника;	Aktàva
		остава,	
		блр. то же *).	
Akvàta	žem.	бодрость, веселость, подвиж-	Akvàta
		ность; живость;	
		блр., нл. ochota,	
	žem	то же;	
	achativas	бодрый, живой, веселый **)	Achativas
		радостный ***);	
		блр. и нл. ochotlivuj.	
Alazas		крикъ;	Alazas
		блр. hałas.	
Albà ****)		или;	Albà
		блр., млр. нл., albo.	
Alė		да — RM., то же = но;	Alė
		блр., млр. и нл. ale.	
Aliėjus		масло;	Aliėjus
		блр. olėj,	
		нл. olej.	
Alyvà		оливка:	Alyvà
	alyvú mēdis	оливковое дерево;	
	alyvas и alyvà	въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ	
		син. sirynga vulgaris. Linn.;	
		нл. oliva — оливковое дерево.	

*) Влияніе яз. латинскаго (?).

**) Ср. нѣм. winter.

***) Сл. нѣм. vergnügt.

****) Употр. въ калехизисѣ 1547, 9—10; обветн. старца К.

Bátas	законопогъ;	Азъ и азъ
	лр. bob, tot.	Бука
Bavilna	шерсть;	
	лр. bavelna.	Вагола
Bãžyti	вляться;	
	лр. božytys'a, božitišja, božičašab.	
Baika	сказка;	
	лр. и лл. baika.	
Biedà	нужда;	
biėdnas	жалкій, горемычный;	
biedùtis	бѣдный человекъ (бѣднякъ);	
	лр. bėda, bėdnijj, лл. bieda, biedak.	
Bėsas	бѣсъ, чортъ;	
	лр. bėsas.	Валдирисъ (*)
Bezdonis, bezdžiėne, beždžiankà	обезьяна;	
	лр. beždžiankà.	Валтисъ — балтисъ
Biblija, bible (*)	книга;	
	лр. biblja.	Валтисъ
Blynai	блины;	
	лр. blynai.	Валтисъ (**)
Blėgas	слабость;	
	лр. blėgas.	Валтисъ
Blúda	глупость;	
bludas	глупый;	
	лр. bludas.	Валтисъ
Blúdas	ошибка.	
	лр. bludas.	Валтисъ (***)
Bóba	старая женщина;	
	лр. baba, starucha;	

*) Zemait.

boba *)	бабушка ; <i>блр.</i> baba, обыкновенно — babka;
bobél(n)e	наковальня, на которой гуют косу.
Bočius	дѣдъ ; <i>блр.</i> bacà — отецъ.
Boviti **)	проводить время ; <i>блр.</i> bavić, bavića.
Brang'ti	грабить ; <i>блр.</i> и <i>нл.</i> bronic' — возбранять, прекословить и др.
Brilus ***)	шапка ; <i>блр.</i> и <i>млр.</i> bryl, bryljok.
Britvà	бритва ; <i>блр.</i> и <i>млр.</i> britva.
Brokas	ошибка ; <i>нл.</i> brak.
Būbnas и bubnà	барабанъ.
Bublos	бубликъ ; <i>блр.</i> и <i>млр.</i> bublik.
Budavóti	строить ; <i>нл.</i> budovac'.
Buketelis	букетъ ; <i>нл.</i> bukiet.
Bùksos и búksvos	штаны ; <i>нл.</i> buksy.
Buras	сѣрый ; <i>млр.</i> búryj — красновато-сѣрый.
Buróka	буракъ ; <i>нл.</i> burak.
Builé ****)	картофель ****).

*) Id.

**) обыкновенно — bovitis'.

***) Zemait. —

****) Zem. cf. — bulbé: id. ср. *млр.* bulba.

Ciėėorius, ciėėorius	цесарь ; л. cesař.
Cibukas, cino cibukelis	мундштукъ ; л. cybuch.
Cit	тихо, смирно ; л. cyt.
Cytana	цитра ; л. cytra.
Cytrina, cytryna	цитронъ ; л. cytryna.
Cnata	добродѣтель ;
cnatyvas	добродѣтельный ; л. spóta, snotlivy, snotlivošė.
Cúkorius, cukryys	сахаръ ; л. cukier.
Čiařtas	чортъ (ср. стр. 38) ; лб. и мр. čort,
Čiėditi	щадить ; лб. řadzić.
Čėpėus	чепчикъ ; лб. řepė.
Čėpřonas	шафранъ ; л. řafran.
Čerepakas	черепаха ; лр. řerapača.
Čertablakė	трава-чертополохъ ; лр. řertopóloch.
Čiėsas	время ; лб. мр. и л. řas :
nečėštis	несчастье.
Čėtulė*)	тетка ; л. ciotula.
Četvertis	четверть ; лр. řetvert, лб. řetvertyj — четвертый.

*) Ind. Sirv.

Čytas		: щитець (ум. отъ сл. — щить); нл. ščyt.
Čulka		: чулокъ; млр. čulka.
Damyče		: горшокъ; нл. donica.
Darmai		: напрасно; нл. darmo, daremnie.
Dekavòné		: рѣдкій; благодареніе; благодарный.
	dekà	: благодареніе;
	dekíngas	: благодарный.
Didkè, dilké		: маленькая монета; нл. dulek.
Dÿvas		: чудо; чудесный; удивляться; удивленіе; блр. dziv и dzívo, dzivnyj и dzivícća.
	dynas	: чудесный;
	divytis	: удивляться;
	padyva	: удивленіе;
Draska geležinë		: желѣзная чешуя; млр. droška — чешуя.
Drebnus		: маленький; нл. drobny.
Duda		: олений рогъ; блр. и млр. dudá.
Dula		: груша; блр., млр. и нл. dúlá.
Dušé		: душа; нл. duša.
Etmonas		: предводитель; млр. hetman.
Gadynà, adyná		: часъ; блр. hodzina — часъ время и вообще — пора.
Gansorius		: горшечникъ, гончаръ (горшениа); блр. hončar.

Gaspadà и gaspadà)	гостиница ;	gatas
	<i>блр.</i> hospóda.	
Gātavas	готовый ;	Galka
gatāvuti	приготавливать ;	
	<i>блр.</i> hotovuj, hotovac'.	
Góda	хвала, честь ;	
godoti	хвалять ;	
	<i>блр.</i> (и <i>мл.</i>) hodac'—говорить.	
Gojas, gojus *)	роща ;	
	<i>блр.</i> haj,	
	<i>мл.</i> gaj.	
Graiti	играть,	
	<i>мл.</i> grac'.	
Griėkas	грѣхъ ;	
griėsyti	погрѣшать ;	
	<i>мл.</i> grech (grešny).	
Gročus	игрокъ ;	
	<i>мл.</i> grac' (см. в).	
Grōmiata	письмо ;	
	<i>млр.</i> hramóta.	
Gronyėe	граница ;	
	<i>мл.</i> gronica.	
Gubas—въ dvigubas	двойной (сл. сугубый) ;	
trigubas	тройной.	
Gúne	погоня ;	
	<i>блр.</i> húná, húnka.	
Idai	черви ;	
	<i>млр.</i> hyd.	
Iėkada	вредъ ;	
	<i>блр.</i> (и <i>млр.</i>) škóda.	
Jalmužna, almužna	милостыня ;	
	<i>мл.</i> jalmužna.	
Jekėsis, jekėtis	топоръ ;	
	<i>мл.</i> okėa.	

*) Ср. древне-литовск. eikas.

Kasà	; адръа	коса ;	жвѣ
	мр. kasà.		
Kaštanas	; (дѣланъ)	каштанъ ;	жкѣ
	мр. kaštan.		
Kaštavóti	; конеръа	пробовать ;	жвѣжвѣ
	мр. koštovac'.		
Kotě	; колота	кошка ;	жвѣжвѣ
	катинас. kolobá	котъ ;	
	мр. kot.		
Kauliti	; колотитъ (дѣл)	бранить, ругать, поносить ;	жвѣжвѣ
	мр. chulyty.		
Kaúras	; кривъа	боверъ ;	жвѣжвѣ
	мр. kover.		
Keruzė	; колота	зимняя шапка ;	
	мр. karuza.		
Kėšenius	; колота (снѣгола)	карманъ ;	жвѣжвѣ
	мр. kiešėi.		
Kiklikas	; колота	куртка ;	жвѣжвѣ
	мр. Ńechel.		
Klapotá	; колота	хлопоты ;	жвѣжвѣ
	кларпатути. klarpàtyti	хлопотать ;	
	мр. klópot.		
Klebatì	; колота	лѣстить ;	жвѣжвѣ
	мр. prochlebjać.		
Klijei	; колота	клей ;	жвѣжвѣ
	мр. klj.		
Klōštorius	; колота	монастырь ;	жвѣжвѣ
	мр. klaštor..		
Kodis	; колота	кружка ;	жвѣжвѣ
	мр. kadz,		
	мр. и влр. kad'.		
Kóloti	; колота	поричать ;	жвѣжвѣ
	мр. kolac'.		
Kopija	; колота	копье ;	жвѣжвѣ
	мр. kopja.		
Kortà	; колота	карта ;	жвѣжвѣ
	мр. karta.		

Kóše	: каша;	каша
	<i>нл.</i> kaša.	
Krāpinti	: кропить;	кропить
	<i>блр.</i> и <i>нл.</i> kropić;	
Krivās	: кривой;	кривой
	<i>блр.</i> krivuj	
Krópa	: каша (ср. в.);	каша (ср. в.)
	<i>нл.</i> krupu.	
Krupké	: пуговица;	пуговица
	<i>нл.</i> kropka — точка.	
Kucos	: кутья;	кутья
	<i>блр.</i> kuścā,	
	<i>млр.</i> и <i>слр.</i> kutja.	
Kiunēna	: конина;	конина
	<i>нл.</i> kopina.	
Kulė, kulka	: шаръ;	шаръ
	<i>нл.</i> kula, kulka.	
Kupa	: куча;	куча
	<i>блр.</i> и <i>млр.</i> kupa.	
Kurābaš	: трубка *).	трубка *
Kúrpė	: башмакъ;	башмакъ
	<i>млр.</i> и <i>нл.</i> kurpie.	
Kuska	: платокъ	платокъ
	<i>блр.</i> и <i>млр.</i> chustka.	
Kvajė	: сосна;	сосна
	<i>млр.</i> chvoja.	
Kvalčavótė	: мутесикъ;	мутесикъ
	<i>блр.</i> chval's,	
	<i>нл.</i> falšovañie.	
Kvārba	: краска;	краска
	<i>блр.</i> chvārba.	
Kvartúna	: счастье;	счастье
	<i>блр.</i> chvortuna,	
	<i>нл.</i> fortuna.	

*) Тр. изъ бумаги Qu. s. (— karabas).

Łakanka	; шыя лохань ;	Łakanka
Łančiti	; шыя ланчань ;	Łančiti
Lavenda	; шыя лавенда — то же, что лаванда (растение—Lavuuudula Spika);	Łavenda
Ličkornis	; шыя врачъ ;	Ličkornis
Ledăkas, ledôkas	; шыя безпорядочный ;	Łedăkas, ledôkas
Lelë	; шыя кукла ;	Łelë
Lêvas	; шыя левъ ;	Łêvas
leviëš	; шыя львица ;	Łeviëš
Likvârius	; шыя подсвѣчникъ ;	Łikvârius
likterna	; шыя фонарь ;	likterna
Lyra	; шыя лира ;	Łyra
Litera, literêlë	; шыя буква ;	Łitera, literêlë
Lojoti (сл. kauliti, 44)	; шыя бранить, ругать ;	Łojoti (сл. kauliti, 44)
Łoskà *)	; шыя милость ;	Łoskà *)
Lùba	; шыя крошка ;	Łùba
Lúkai	; шыя лукъ ;	Łúkai
Lutis	; шыя буря ;	Łutis
Łutà	; шыя мр. lut'.	Łutà

*) Въ эт. зн. рѣдко; обыкновенно — łoskà.

Mācyti		лѣчить, помогать; ср. <i>нл.</i> помос.
Majentnastis		имущество; <i>нл.</i> majėtnošć.
Matka		кормилица; <i>мвр.</i> и <i>нл.</i> matka.
Marūditi		мѣшать, надоѣдать. <i>бвр.</i> morudzić (ср. <i>мвр.</i> moroćyty?).
Mašna		мѣшокъ; <i>мвр.</i> mošna, <i>бвр.</i> mošonka.
Matula		мать; <i>бвр.</i> matúlja.
Mečius		мечъ; <i>нл.</i> (и <i>мвр.</i>) mieč.
Melńiče		мельница; <i>мвр.</i> melnica, melnik.
	melninkas	мельникъ;
Miėstas		городъ (<i>нл.</i> miasto, <i>мвр.</i> miŝto);
	miėscioniŝ	мѣщанинъ; <i>бвр.</i> mėsto, <i>нл.</i> mieŝcan.
Meškà		медвѣдь;
	mėŝkins, meške	медвѣдица; <i>нл.</i> miešek (маленькій мѣхъ).
Meškóti		идти тихо; <i>мвр.</i> mėŝkat ³ (=медлить въ ч.-л.); <i>нл.</i> mieškać (=жить).
Melelnmkas		скоморохъ; <i>бвр.</i> metalnik, <i>нл.</i> mielelnik.
Migdolas, migdala		миндаль; <i>нл.</i> migdał.
Militi		ошибаться; <i>нл.</i> mylić się.

Mistras	мастеръ ;
Móčeka, močká	нл. mistř, majěster. мачеха ;
Moliavóti	врл. mačecha, (млр. mačucha). рисовать красками ;
Moterŷnas	блр. maleváć. материнка (растение — душина, Origanum vulgare) ;
Mozoti	врл. и млр. materynka, нл. macieřanka. мазать ;
Mukà	блр. mázać. мука ;
Mũilas	млр. muka, (нл. meka). мыло ;
Múras	блр. и млр. myło. стѣна ;
Murksinti	блр. mur, нл. mulař. пачкать (ср. печь мурвл.).
Navas	новый ;
Nečestis	ср. блр. noviná. несчастіе ;
Nepras — Dnieper:	млр. nešastje, нл. niešćesie. сп. млр. піпро.
Nodějė	надежда ;
Nuprõznas	нл. nadzieja. напрасный ;
Nudnas	блр. и млр. naprašnyj, нл. naprõžno — тщетно. скучный ;
Obyvatėlis	блр. núdnyj, нл. nudny. житель ;
	нл. obywatel.

Ovitiš	бодрствовать;	Равига
Probžanas	жавісі ся жав. благодетельный;	Равига
Paceleta	пробождоу. платокъ (носовой).	Равига
Padkavà	подкова;	Равига
Paduška	подушка;	Равига
Pakajus	комната;	Равига
Pakara	покаяніе;	Равига
Pakvošus	пучокъ;	Равига
Palmiskas	чашка, тарелка.	Равига
Palocus	дворецъ;	Равига
Palvas	плывный, блеклый;	Равига
Pančeka	пучокъ;	Равига
Popartis	попартисъ;	Равига
Papuža	папуга;	Равига
Pargaminis	пергаментъ;	Равига
Pargamynas	пергаментъ;	Равига

Pleponas, plepon *	пасторъ ; лб. plebân.	Рѣбѣас
Plēcius	мѣсто ; л. plac.	Рѣлѣцѣс
Pléme	племя ; лб. plémie.	Рѣлѣмѣ
Plēpēti	болтать ; л. plac.	Рѣлѣпѣтѣс
Plostras	мостовая ; л. plaster.	Рѣлѣстрѣс
Plugas, plūgas	плугъ ; л. pluh.	Рѣлѣгѣс
Pomētis	память ; лб. pamjač, л. pamjat'.	Рѣлѣмѣтѣс
Pōprieris	бумага ; л. papier, papiern'a.	Рѣлѣпѣрѣс
Požitkas	выгода, барышъ ; лб. požítok, л. požytek.	Рѣлѣжѣтѣс
Prájovas	(диковина) ; лб. prójava.	Рѣлѣвѣс
Prašŷti	требовать, усиленно просить ; л. prašić.	Рѣлѣпѣжѣс
Priētelius	пріятель ; лб. priácel', л. pryatel', л. pryaciel.	Рѣлѣтѣлѣс
Priemingas	пріятный ; лб. prijėmnyj.	Рѣлѣмѣнгѣс
Priklodas	примѣръ ; л. pŷklad.	Рѣлѣклѣдѣс
Prūditi	думать ; лб. prūdzić.	Рѣлѣдѣтѣс

* Рядомъ -- др. ф.: pleponas, м.

Roná		рана.
		<i>н. rana.</i>
Rožè		роза;
		<i>блр., млр. и н. róža.</i>
Rūbas		платье;
		<i>блр. rub.</i>
Rubokas		червь;
		<i>блр. rybák,</i>
		<i>н. robak.</i>
Sagonas		котель;
		<i>н. sagan.</i>
Solota, solótas		салатъ;
		<i>млр. и н. salata.</i>
Sčëstis *)		счастье.
		<i>блр. и млр. ščasíce (**)</i>
Sièras, sierà		сѣра;
		<i>млр. séra, síra, sírka,</i>
		<i>н. siarka.</i>
Sèta		пряжка ***).
Sylà		сила;
	sỹlyti	принуждать;
		<i>блр. šíla, šílic,</i>
		<i>млр. syła.</i>
		<i>н. siła.</i>
Siłkè		селедка;
		<i>влр. обыкн. ф. мн. ч. — selidy,</i>
		<i>млр. seledka,</i>
		<i>блр. seledzée,</i>
		<i>н. śledź.</i>
Skaba		подкова;
		<i>влр. skoba.</i>
Skàpas		овца;
		<i>н. skop, skopiec.</i>

*) Ср. nesčestis — несчастіе; см. в.: стр. 48.

**) Ср. блр. neščište, также и млр.

***) Le corset (?) — корсетъ. N.

Sklēpas	сводъ, склепъ ; <i>нл.</i> skler.
Skryпка	скрипка ; <i>млр.</i> skryпки, <i>нл.</i> skrypce.
Slānas	слонъ ; <i>нл.</i> slōn.
Slēsorias	слесарь ; <i>млр.</i> šlusar', <i>нл.</i> šlusař.
Sodžiei	сажа ; <i>нл.</i> sadza.
Spyžarnē	столовая ; <i>блр.</i> и <i>нл.</i> spižarna.
Sragus	лютый, суровый ; <i>нл.</i> srogī.
Staminti	дымить ; <i>блр.</i> stomit' и stomic', <i>млр.</i> tomyty.
Styga	струна ; <i>млр.</i> styh, steh.
Stódas	стадо ; <i>млр.</i> и <i>нл.</i> stado—стадо скота.
Storõnie	забота ; <i>нл.</i> starañie (ср. starać się).
Strovà	кушанье ; <i>блр.</i> stráva.
Strúsas	страусъ ; <i>нл.</i> struš.
Súdas	кружка ; <i>блр.</i> súdy, <i>млр.</i> sosud.
Sumienē	совѣсть ; <i>нл.</i> sumienie.
Sviētas	свѣтъ.

Svíkla	свекла; (нл.) и мр. <i>śvíkla</i> .
S'albierius	обманщикъ; блр. <i>šalbēr</i> , нл. <i>šalbieř</i> .
S'arpūti	сѣшить; блр. и нл. <i>šarpać</i> — схватить.
S'ěpa	ящикъ; нл. <i>šafa</i> (<i>šafař</i> — ключарь).
S'erstelis	шерсть; влр. <i>šerst'</i> , нл. и нл. <i>šerść</i> .
S'ilkaĩ	шелкъ; влр. <i>šełk</i> , блр. и мр. <i>šook</i> .
S'irénka	шейный платокъ; блр. <i>širina</i> , нл. <i>šyrŭnka</i> .
S'koła	школа; нл. <i>škoła</i> , <i>školny</i> .
S'lově *)	слава; нл. <i>śława</i> .
S'mākas	вкусъ; нл. <i>smak</i> .
S'iolblis	сабля; блр. и нл. <i>šablja</i> .
S'potnas	грязный; блр. <i>špétnyj</i> , нл. <i>špetny</i> (невзрачный).
S'riúba	винтъ; блр. <i>šrub</i> , нл. <i>šruba</i> .
S'túrmas	буря (и штормъ); нл. <i>šturm</i> .

*) Сл. *nešlově* — безславые; нл. *niesława*.

S'urkštùs	острый;	
S'viežias	свѣжій;	
S'vínas	свинецъ;	
Táncus	танецъ;	
Télas	теленокъ;	
Temnyčià	темница;	
Teróti	терять;	
Tyká, tykùmas	тишина;	
Tymiðnas	туміамъ;	
Tobličè	таблица;	
Tolėrius	тарелка;	
Totorus, totoris	татаринъ;	
	м.р. и н. татар.	

*) Ср. блр. talérka, м.р. talir, н. Teller.

Triumna	: алетняны гробъ;	Valimiera
	блр. truná,	
	: нл. trumna.	Valé
Tronas	(* айюв н мр. и мр. айюв) тронъ;	
	: нл. tron.	Valé
Triubà	: труба;	
	блр. trubà и trubić:	Valé
	: нл. traba.	
Triuškis	: кроликъ (ср. в., 43);	
	блр. truś,	Valé
	: мр. trucha.	
Tulponá	: тюльпанъ;	
	: нл. tulipan.	Valé
Tuštas	: пустой, бѣдный.	Valé
Tvérti	: творить, производить;	
	: нл. tvořyc, stvořyc.	Valé
U'bagas	: убогий, нищій;	
	блр. ubóhuj,	Valé
	: нл. ubogi.	
Udilai	: удила;	Valé
	: мр. vudylo,	
	: нл. vėdzidlo.	
Ungūlis	: подковный гвоздь;	
	: мр. uchal.	Valé
Ūksūsas;	: укусъ;	
	: мр. uksus.	
Ustavičnai	: постоянно;	Valé
	: нл. ustavičnie.	
Uvožoti	: уважать;	
	: блр. и нл. uvažác	Valé
Vadka *)	(**** айюв) водка;	
	: нл. vódka.	
Vaiškas	: войско;	
	блр. и нл. vojsko,	
	: мр. vijsko.	

*) Также — vatka (гдѣ t при k — изъ d).

Valdimieras	правитель; млр. volodymir.
Valé	воля; блр. и млр. volja *)
Váranka **)	воронка; влр. voronka.
Vargõnai	органъ; блр. arhonnik, мл. organy.
Vaška	фунтъ; блр. и млр. vážko***)--тяжело.
Varvalis	рыбий жиръ (ворвань); влр. vorvañ.
Važnyče	извозчикъ; мл. vozniса.
Večèrè	ужинъ (вечера); мл. viečeга.
Vejunis	Наминъ-рыба; млр. vjun, vijun.
Velýkos	Пасха; блр. veliçko, млр. veľykdeñ, мл. vielka.
Verbliūdas	верблюдъ; млр. verbljūd, мл. vielblād.
Vèstè, vēstis	вѣсть; млр. višt', мл. viešć.
Vilna	шерсть; млр. vónna****) мл. veľna.

*) Ср. и прилагательн.—vólñuj.

**) Тоже и—vérenka.

***) Сл. važuty—вѣшать (важить: Wage).

****) Въ блр. яз.: воуіанкі — родъ грибовъ.

Vobiti	манить; блр. и нл. vābić.
Vosilkà	василекъ; млр. vasylok.
Zalatorius	золотыхъ дѣлъ мастеръ; блр. и млр. zołotar' (при сл.— zołotó).
Zbaras	собрание; нл. zbór.
Zdroða	измѣна; блр. и нл. zdráda, млр. izrada.
Zelkorius	зеркало; млр. zerkalo.
Znókas	знакъ; блр. znakí, нл. znak.
Zvānak	колоколь; блр., млр. и нл. dzvon.
Žebrokas	нищій (ср. в., 57); блр. и нл. žebراك.
Žėglis	парусъ; нл. žagiel.
Žegnóti	благословлять; блр. žehnáć, нл. žegnać.
Žėstis—ės	жестъ; влр. žest'.
Žyciti	желать; блр. zŷćić', нл. žŷćyé'.
Žūponas	жупанъ. блр. и нл. žŷpan.
Žviras	камешки; нл. žvir.

В. Вліяніе славянскаго языка на литовскіе корни и синтаксисъ.

Въ предыдущей главѣ сдѣлана попытка указать на то вліяніе славянскаго языка, какое оказалъ онъ на литовскій. Естественнымъ, потому, кажется, представляется вопросъ, не испытывали ли и другія какія-либо стороны языка литовскаго подобнаго вліянія?

При обзорѣ литовскихъ корней выступаетъ цѣлѣтма не литовскихъ суффиксовъ:

„ba“ въ словѣ: svodbà — свадьба и др.*);

„da“ „ „ kviđá — неправда и пр.**); суффиксъ—

„ionia“ — тоже славянскаго происхожденія и мн. др.

Т. н. вторичный суффиксъ — „pa“, образующій имена прилагательныя, также является заимствованнымъ; однако, гдѣ онъ — первичный, незаимствованность его сейчасъ же весьма просто сказывается ***).

Суфф. — „ogius“ — не вполне правильно разсматривается изслѣдователемъ Карловичемъ, какъ заимствованный.

Суфф.: „nučia“, вмѣсто чисто-литовскаго — „inučia“, легко поддается разбору.

Суфф.: „tva“ или „tuva“ въ сл.—britvà ****).

Суфф. — „stva“ *****) — произведенъ изъ польскаго; въ литовскомъ — tvã : senãtvė.

Префиксъ — „da“ — заимствованъ изъ языка славянскаго; „dėjas“ *****) — изъ польскаго.

*) Ср. službà — служба и др.

**) Сл. kliaudà — ошибка и пр.

***) Какъ-то: plónos — тонкій, rónas — полный и др.

****) Вм. должной формы — briėtuvas.

*****) Въ словахъ: lakamstva, raspalstva и пр.

*****) Ср. пл. „dziej“: piktadėjas, пл. złodziej — злодѣй.

При обзорѣни литовскаго синтаксиса оказывается приблизительно слѣдующее: синтаксисъ прусско-литовскій всего болѣе осаждается германизмами; такъ, *nĩ, kō*, вмѣсто —*ariẽ kã*: *nĩ* съ родительнымъ замѣнъ одного падежа, или — самостоятельнаго родительнаго.

Отдѣльные германизмы: *jis tai peĩ tiẽsã laĩko — aš peĩ tai dũvyjũs...*

Предлогъ — „*rõ*“ — съ родительнымъ падежемъ: *rõ dešinẽs* — направо, *rõ kairẽs* — направо... заимств. изъ польскаго.*)

Нарѣчія о томъ же свидѣлствуютъ; такъ, *potãm* — потомъ, вмѣсто обыкновеннаго — *potõ* (изъ пл. *potem*).

Употребляемое въ литовскомъ обращеніи *rõns* и *rõnẽ* вмѣстѣ съ глаголомъ въ 3 лицѣ единственнаго числа тоже, по всей вѣроятности, взято изъ польскаго: *rõns bũs tõks gers* или: *rõnẽ bũs takiã gera* — тождественно вполнѣ польскому выраженію: *pan bẽdzie taki dobry, pani bẽdzie taka dobra*.

Страдательный залогъ часто очень передается возвратною формой: *jes teip vadinasi* — такъ называется...

Употребленіе 2 л. ед. ч. прошедш. вр. несовершен. — вмѣсто д. 3 л. можно считать славянизмомъ; такъ, напр., *bũk švenñciamas tãvo vãrdas* — вмѣсто *t̃esiẽ...*

Замѣна сказуемаго существительнаго посредствомъ *instrumentalis'a* — также намекаетъ на славянское (польское) заимствованіе; такъ, напр., *aš esũ žmoguni* — по-польски: *jestem Ćłowiekiem*. И воздѣйствіе это на литовскую рѣчь со стороны стихіи славянской не ограничивается извѣстной сферой: оно обнимаетъ весь литовскій словарь.

Слѣдующія измѣненія, напр., не могутъ быть объяснимы безъ посредства, болѣе или менѣе сильнаго или слабаго, вліянія славянскаго: *peĩ bẽznã šlũžyti* — служить слугою, вмѣсто болѣе вѣрнаго выраженія — *bẽrnu še* (пл. за *panobka slũžyć*) *kãs tai peĩ žmogũs*, вмѣсто — *kõkst...* соотвѣтствуетъ польскому выраженію: *co to za Ćłowiek*; *çiã bũvo kõks šimts, kokiẽ devyni man* — было либо 100, либо 9 = пл. выраженію: *tu bylo jakich sto, jakich dzieveć*.

Г. Литовскія слова, заимствованныя изъ языка
славянскаго.

Литовцы приходили въ частыя соприкосновенія съ племенами славянскими, въ особенности — съ бѣлоруссами и малоруссами (отчасти и съ великоруссами) *); рѣже приходилось имъ сталкиваться съ поляками: приводимыя въ азбучномъ чинѣ слова подтверждаютъ выраженное сужденіе, заключаая къ вѣроятности, если не къ правдивости, хотя бы и относительной, положенія.

Ablava	облава; <i>нл.</i> obława.
Agurkas, lit. aguřkas	огурецъ.
Bàba, lit. bóba	старуха (бабушка, баба).
Balamute, lit. balamutas	болтунъ.
Baraškaš, baraškas	баранки; <i>нл.</i> obařanek.
Baznica, lit. bažnyčė	храмъ.
Belaks	бѣлый заяць; <i>блр.</i> bėlják.
Birkavs, birkava	берковецъ; <i>влр.</i> berkovec.
Bûda, lit. budá	будка.
Bulvâns, lit. balvõnas	пугало (болванъ?).
Cicars, lit. ciėėorius	царь.
Čaba	жаба; <i>блр.</i> и <i>нл.</i> žaba.
Čarka	чарка; <i>блр., мвр., влр.</i> и <i>нл.</i> čarka.

*) Такъ, извѣстно между прочимъ, что литовцы называютъ русскихъ общимъ именемъ — „krevi“: и въ этомъ имени нельзя, кажется, не узнать древнихъ нашихъ кривичей, т. е. бѣлоруссовъ.

- Čědišana (lit. čědyti--щадить) пощада.
Čigans, lit. cigōnas цыганъ (татарск. čingenè?).
Čuguns чугунъ;
вр. čugun (млр. čuhun).
Čučka собачка;
блр., вр. čučka.
Dobūti получить;
вр. добыть,
мл. dobyc'.
Dīgāt, lit. dīgāti двигать;
вр. dvigat' (млр. dvyhaty).
Dzilnis дятель;
блр., вр. želna.
Gaspaža госпожа;
блр. hospožeńka,
вр. gospoža.
Gem bas ротъ;
мл. geba (= губа).
Gņidas гнида;
блр. и млр. hnidu.
Guži, lit. gužė гусь;
блр. huś,
вр. guś.
Gubīt, lit. gubīti прогонять;
блр. hubic' (мл. gubić),
вр. gubit' (уничтожать).
Indiks индюкъ;
мл. indyk.
Jermulka ермолка;
мл. jarmòlka.
Kalačit (= kalačiti) будить;
мл. kołatać (= стучать).
Kalps холопъ;
блр. chołór (= мл. chłop).
Kanere, lit. kanāpės конопля.

Karata	женская одежда (капотъ);
Karmančiks	карманщикъ;
Karðgs	флагъ;
Kurpe, lit. kúrpė	башмачекъ.
Kvars	слабый;
Lāška, lit. locká	милость.
Lapšas, lit. lapati	лапотъ.
Lemesis	лемехъ;
Leste	кадь;
Ližika	ложка;
Lulkis	дудка;
Mēms	нѣмой;
Militis, lit. militi	ошибаться.
Muninš	деньги;
Mužiks, lit. mužikas	мужикъ.
Naimītis	поденщикъ;
Negadns, lit. gadnūs	негодный.
Oboze, lit. ābazas	обозъ.
Obrazse, lit. ābrōzas	образъ.
Pātaga, lit. botāgas	взнуть (батогъ)
Pak melš, lit. pakmelis	пихмель.
Palkavnėks, lit. palkavnikas	полковникъ.
Paščūks, lit. gaščiti (=)	пастухъ.
Pavada, lit. pavads	поводъ (ремень у узды коня);

Pazuka и pazucha	; авиця	пазуха.	Силіа
Pekele и pekeles	авиця	пропасть *)	
Plecs и plece	; авиця	плечо;	Силіа
	авиця	плесу.	
Pluts, гл. pluti (=плутовать)		плуть.	Силіа
Polaks	авиця	полякъ;	
	авиця	полак.	Силіа
Popravitis и papravitis	авиця	поправиться, устроиться.	Силіа
Põvs, lit. põvas	авиця	павлинъ.	Силіа
Pralka, lit. prālika	авиця	прялка.	Силіа
Pribaka, lit. pribaks	; авиця	прибавка.	Силіа
Prošava (poprošiti =прошаться)		прощаніе.	
Pulks, pulka, lit. pulkas	авиця	изобиліе; множество.	Силіа
Rabota, lit. rabatà	авиця	работа, занятіе.	Силіа
Rāmis	авиця	паромъ;	Силіа
	авиця	мор. рогом.	Силіа
Rente, lit. randà	авиця	аренда.	Силіа
Rõbēža, lit. rubēžius	авиця	рубежь, граница.	Силіа
Rūčnēks	авиця	ручникъ, утиральникъ;	Силіа
	авиця	ручник.	Силіа
Sānus	авиця	сани;	Силіа
	авиця	саніе.	Силіа
Sažens (saženiti = измѣрять)		сажень.	Силіа
Silke, lit. silkė	авиця	селедка (ср. в., 53).	Силіа
Skrīne, lit. skrūnė	авиця	ящикъ;	Силіа
	авиця	скруція.	Силіа
Slēde (slēditi = слѣдить)		слѣдь.	Силіа
Slėnas	авиця	слюна;	Силіа
	авиця	слінжа.	Силіа
Sluga, lit. slūga	авиця	служанка.	Силіа
Sõma, sõms	авиця	сума.	Силіа
Spegs, lit. spėgas	авиця	шпіонъ, сыщикъ.	Силіа
Stakans и stokans	авиця	стаканъ.	Силіа
Stulpane	авиця	тюльпанъ;	Силіа
		н. tulipan.	

*) Ср. лит. *pekla* — адъ = мр. *peklo*.

Sunkis	свинка ;
Svāti	м. sviūka. сватъ ;
Svežs, lit. švēžas	млр. и м. svat. свѣжій ;
Svins, lit. švinas	мл. švežy. свинець.
S'artus (šartiti = шутить)	шутка *)
S'inelis	шинель.
S'pickas	спички.
S'ūba, lit. šuba	шуба ; блр. и млр. šuba.
Tavariča, lit. tavōrėcius	товарищъ ; млр. tovarišč.
Tėprīt, m. l.	терпѣть, переносить.
Timpa, m. и l.	маленькая монета ; блр. timpa.
Tolks, lit. tūlkas	совѣтъ, помощь, содѣйствіе.
Tuce, id. l.	туча ; блр. tucja.
Vaina (ai — изъ i)	вина, причина.
Verniba и vėrniba	вѣрность.
Virīt, lit. vierà (= вѣра)	вѣрить.
Vnicitis	учиться (сл. внимать).
Zakis, lit. zuikis	заяць.
Zastava, т. и гл. ф.	застава.
Zizlis	жель.
Zvans, lit. zvānas	колоколъ :
zvāniti	звонить.
Žerbinš	жребій.
Žuls	желчь ; мл. žolė.
Živati	домашнія животныя ; блр. životy.

*) Par šartu — въ шутку; пл. — prez žart — шутя и пр.

II.

Урало-алтайскія нарѣчія, въ силу недалекаго сосѣдства съ литовцами — съ одной стороны, съ другой — по влиянію, относительному, на складъ ихъ жизни міра славяно-русскаго, по праву историческому своему разсчитываютъ на вниманіе, — изслѣдованіе.

А. Географическая замѣтка.

Западно-финскимъ народомъ, или, иначе — Балтійскими финнами принято называть тѣ племена урало-алтайскаго, или, точнѣе — финско-угрскаго происхожденія, которыя занимаютъ восточные берега Балтійскаго моря, начиная отъ Рижскаго залива. Пространство это граничитъ, по западной сторонѣ, съ Балтійскимъ моремъ и заливомъ Ботническимъ, съ восточной — линіей, проводимой отъ Рижскаго залива, чрезъ южную часть Псковскаго озера, до устья р. Волхова: отъ Волховскаго устья нить пограничная тянется до Онежскаго озера и, наконецъ — до Бѣлаго моря. Сѣверную часть этого пространства занимаютъ лапландцы, пасущіе стада свои на бесплодной равнинѣ и на горахъ трехъ-четырехъ, граничащихъ между собой, государствъ — Норвегіи, Швеции, Россіи съ ея вѣтвью-княжествомъ Финляндіей. Лапландцы, принадлежащіе Русскому государству и населяющіе, такъ называемый, „Русско-лапландскій полуостровъ“, исповѣдуютъ православную вѣру и не имѣютъ никакихъ литературныхъ памятниковъ на своемъ языкѣ, который, впрочемъ, много отличается отъ языка вышеназванныхъ лапландцевъ. *)

Языкъ лапландцевъ служитъ соединеніемъ между собственно балтійско-финскимъ народомъ и восточно-финскимъ.

Остальные балтійско-финскіе народы дѣлятся, по своему

*) Всѣхъ финновъ — 20000. См. Forschungen auf dem Gebiete der Ural-altäischen Sprachen“ von dr. August Ahlquist.

діалекту, на двѣ вѣтви; именно — Karjalaiset (корельцы) и Nämälaiset, именуемыя въ русскихъ хроникахъ: Jam (ями), Jäm, Jämen и по-шведски: Tavaster. Karjalaiset'ы населяютъ западную часть Архангельской губерніи, сѣверозападную сторону Олонецкой и почти всю губернію Петербургскую, а также — Новгородскую и Тверскую. *) Nämälaiset'ы (или — Jämen) занимаютъ страны, лежащія въ западномъ направленіи отъ названныхъ мѣстностей. Это — потомки упоминаемыхъ въ лѣт. Несторомъ вѣсовъ.

Съ которой поры народы эти занимаютъ населенныя ими нынѣ страны, не извѣстно; но весьма возможно признать, или, точнѣе — вѣроятно предположеніе, что появленіе ихъ ведетъ свое начало со времени Рождества Христова.

Которое изъ племенъ арійскаго происхожденія успѣло оказать свое воздѣйствіе на финновъ, цивилизовать ихъ, — еще и въ настоящее время не вполне определено.

Для рѣшенія этого вопроса существуютъ, правда, историческія записки; но ихъ очень мало; при томъ нельзя положительно ручаться за ихъ достовѣрность: поэтому, остается единственный вѣрный источникъ — языкъ. **)

Б. Фонологія.

Иностранныя слова, переходя въ языкъ финскій и въ западные діалекты его, сильно измѣняются. Такъ, наиримѣръ, шведскія имена: Peter, Henrik на финскомъ — Pekka, Heikki и т. п.

Но всѣ подобныя измѣненія производятся по нѣкоторымъ правиламъ, именно: слоги, не составнаго слова могутъ содержать въ себѣ или только твердые гласные: „а“, „о“, „у“, или только мягкіе: „ä“, „ö“, „ü“. И, значить, въ двусложныхъ словахъ слѣдуетъ смотрѣть на второй (отъ конца) слогъ, чтобы узнавать, которые гласные въ финскомъ языкѣ

*) Ок. 30000.

**) Сд. мн. Ив. С. Аксакова, въ письмѣ къ покойному М. О. Кояловичу („Нов. Вр.“ 6097), о пробужденіи заснувшего духа побалтской литово-финской Руси, — съ показаніемъ различія во взглядѣ на служеніе славяно-русское, въ просвѣтительной миссіи, западной Европы (по письмамъ Ив. С. къ В. О. Пуцыковичу: „Моск. сборн.“ 1887, стр. 24, 27, 34)

(въ финскихъ нарѣчіяхъ) будутъ стоять въ послѣдующемъ слогѣ. Такъ, напримѣръ, шведское слово — *väskä* — соответствуетъ вполне финскому — *väskü*.

Въ словахъ трехсложныхъ и вообще — многосложныхъ встрѣчаются нерѣдко твердые и мягкіе гласные вмѣстѣ. Это явленіе слѣдуетъ изъ того, что большая часть словъ многосложныхъ — составныя.

Иностранныя слова, вошедшія въ лексиконъ финскій, не измѣняютъ гласныхъ, хотя, правда, и существуютъ нѣкоторыя выраженія съ измѣненными гласными; такъ, напр., шведск. — *offer* — выговаривается финномъ — *uhri*, гдѣ, по-видимому, „о“ шведскому соответствуетъ „и“ финское и пр.

Но въ народномъ языкѣ, равно и въ болѣе старой рѣчи слова сохраняютъ свои первоначальныя гласныя.

Коренныя гласныя звуки остаются неизмѣнными.

Только „о“ имѣетъ обыкновеніе переходить въ „и“; такъ, напр., шведскія слова — *stock*, *loft* — на финскомъ языкѣ произносятся отчетливо: *tukki*, *luhti*. Часто также гласный — „е“ — германской приставки — „ge“ — переходитъ въ „и“; такъ, шведское слово — *gessäll* (или *gehäng*) звучитъ по-фински: *kisälli* (*kihengi*).

Что касается долготы гласныхъ или ея измѣненія, нужно замѣтить слѣдующее:

а) долготу „а“, употребляемую въ новѣйшемъ шведскомъ языкѣ, соответствуетъ обыкновенное въ финскомъ діалектѣ „ä“ и, наоборотъ, —

б) шведскому „ä“, которое, впрочемъ, произошло изъ „ä“, соответствуетъ финское „ä“ (тоже долгое); такъ, напримѣръ, шведскія слова — *äm* (или *häf*), *käk* — звучатъ по-фински: *aami*, *haavi*, *kaakki*;

в) встрѣчаются при этомъ финскія слова, въ которыхъ шведское „ä“ перешло въ „uo“, — напримѣръ, *mana* (имя) по-фински: *muona*, также иногда*) — въ „ou“: *plät* — по-фински: *loutu* и т. п.;

*) Очень рѣдкое, впрочемъ, явленіе.

г) шведское „ä“ в финскомъ языкѣ еще болѣе удлиняется; напр.,— läp, häf на финскомъ выражается: lään, jääni и т. п.;

д) гласные — „i“, „u“, „y (ii)“ не измѣняются;

е) шведскому „ö“ соответствуетъ въ первомъ слогѣ финское „uo“; напр.,— stol, lod: по-фински — tuoli, luoti;

ж) долгій звукъ — „ō“ — во второмъ слогѣ переходитъ въ „ui“; напр., diagon — на финскомъ: gaikuina;

з) шведское „o“ подвергается измѣненію аналогичному; напр.,— kök, на финскомъ: kyökki;

и) въ далекихъ (отъ конца) слогахъ финскіе говоры умѣютъ также дифтонгировать „ö“ въ yö (шö);

і) шведскій долгій звукъ — „e“ — въ первомъ слогѣ, по фонологическому закону финскаго діалекта, переходитъ въ „ei“: въ остальныхъ слогахъ „e“ не удлиняется.

Въ окончаніяхъ шведское „a“ переходитъ въ языкѣ финновъ въ „u“; такъ: kroka, resa и пр. передаются на финскомъ — kruucci, reissu и т. п.

„j“ соответствуетъ окончанію существительныхъ на „e“, которое, по всей вѣроятности, произошло изъ „i“; такъ, напр., skräddare, по-фински räätäri.

Въ силу существующаго въ языкѣ финновъ закона, по которому каждое слово должно оканчиваться гласнымъ, **) называемымъ, обыкновенно, въ финскихъ грамматикахъ соединительнымъ гласнымъ, — ко всякому иностранному слову присоединяется гласный „i“; такъ, напримѣръ, lag, по-фински — laki.

Множество старыхъ словъ принимаютъ вмѣсто „i“ гласный — „a“, какъ „соединительный“; напримѣръ, лит. alup, по-фински: alupa.

Что касается согласныхъ — замѣтить слѣдуетъ, что звуки — „b“, „g“, „d“ и „f“ никогда не оканчиваютъ слова.

**) Ср. о томъ же въ фонологіи славянскихъ языковъ: има и др.

и въ корняхъ, и въ приставкахъ звуки — „b“, „d“ и „s“ переходять въ „p“, „t“ и „k“; такъ, напр., bod звучитъ по-фински ruoti и др.

Переходъ согласнаго „f“ въ „v“ замѣчается весьма рѣдко: только въ нѣкоторыхъ словахъ старыхъ „f“ перешло въ „v“; „f“ обладаетъ способностью измѣняться иногда (тоже очень рѣдко) въ придыхательный — „h“.

Въ окончаніяхъ — „f“ переходить, какъ то извѣстно и въ шведскомъ языкѣ, въ „v“.

Двойное „f“, въ корняхъ и въ окончаніяхъ, переходить въ „hv“; такъ, напримѣръ, huff на языкѣ финновъ является въ формѣ — huohvi.

Во многихъ урало-алтайскихъ языкахъ существуетъ законъ, по которому приставка не можетъ содержать въ себѣ согласныхъ звуковъ нѣкоторое накопленіе; поэтому, въ большей части приводимыхъ нарѣчій первые согласные выпадаютъ: въ нѣкоторыхъ, правда, приставкахъ первый согласный сохраняется, и выпадаетъ лишь второй. Существуютъ также слова, приставки которыхъ могутъ, какъ сохранять первый и выбрасывать второй, такъ и отсѣкать первый, удерживая второй, — напримѣръ, слово — gpor — передается по-фински — guorra и kuorra.

Не лишне, однако, замѣтить, что только корельскій діалектъ строго подчиняется изложенному правилу.

Сочетанія согласныхъ — „gt“ и „kt“ — свободно переходять въ „ht“; такъ, напр., doktor, звучитъ по-фински tohtori, lektor — lehtori, takt — tahti.

И, если двузвучному — „gt“ или „kt“ предшествуетъ согласный „n“, „g“ или „k“, ассимиляція дѣйствуетъ къ конечному „t“; напримѣръ, Bengt (Benedict) — Pennti, punkt — puntti и т. п.

Согласный „g“ имѣетъ обыкновеніе, если ему предсѣдуетъ „l“, переходить въ „u“ (иногда — въ „v“); напр., haget, pagel (первоначально — hagi, pagl), по-фински: hauli, paula и т. д.

Если передъ „g“ стоитъ „e“, то „g“ переходитъ въ „i“; на примѣръ: *segel*, по-фински — *seili* и пр.

Когда за „g“ слѣдуетъ „n“, то „g“ переходитъ въ „u“; на примѣръ: *vagn*, по-фински — *vauhi* и др.

Двузвучное сочетаніе — „ng“ — переходитъ въ дифтонгъ: „nk“; напр., *greng*, по-фински — *renki*.

Въ соединеніи: „gd“ — „g“ переходитъ въ „u“; такъ, на примѣръ, *fogde* звучитъ по-фински — *vouhi* и пр.

Согласный — „g“, слѣдуя за плавнымъ — „r“, переходитъ обыкновенно, въ корнѣ:

а) — въ „i“, напр., *färga*, по-фински — *värjään*;

б) — въ „v“, напр., *bogare*, по-фински — *porvari*.

Двойной „gg“ („gg“) измѣняется въ финскомъ языкѣ въ консонантъ: „k“; такъ, напр., *brugga*, по-фински — *ruki*.

„De“ или „dde“ видоизмѣняются въ „tl“; на примѣръ, *puddela*, по-фински — *putlaan*.

Въ народномъ языкѣ финскомъ между плавными зв.: „l“, „n“, и „r“ — въ сочетаніи: „lr“ и „nr“ — вставляется окончательный отзвукъ: „t“; напр., *fänrik*, по-фински — *väntrikki*. Т. н. дифтонгъ плавно-звучный — „nd“ — переходитъ въ отзвучный — „nt“; напр., *stund*, по-фински — *tunti*.

Сочетаніе — „pt“ — нерѣдко переходитъ въ „tt“; напр., *kapten* (*kapiten*), по-фински — *kateeni*; въ окончаніяхъ же — въ „ht“; напр., *recept*, по-фински — *resehti*.

„ft“ перерождается, обыкновенно, въ „ht“; напр., — *saft*, по-фински — *sahti*.

Въ сочетаніи — „fl“ — зв. „f“ замѣняется въ финскомъ языкѣ посредствомъ гл. — „u“ („y“); напр., *tafla*, по-фински — *taulu*.

Въ дифтонгѣ — „fr“ зв. „f“ примѣняется къ родственному отзвуку — „h“; напр., *öfr*, по-фински — *uhri*.

Фонема — „fs“ — видоизмѣняетъ предконечный „f“ въ отзвукъ губнаго — „p“; напр., *tofs*, по-фински — *tupsu*.

Удвоенный „f“ („ff“) переходит, обыкновенно, въ „hv“; напр., gaffel, по-фински — kahveli.

То же изменение происходит также и съ простымъ (одиночнымъ) „f“: professor — profvessori.

Соединение звука губнаго — „m“ — съ заднеязычнымъ, или гортаннымъ — „k“, фонема — „mk“ — переходитъ въ сочетание — „nk“; напр., jemka звучитъ на финскомъ — jänkkään.

Въ дифтонгахъ — „mi“ и „ni“ — между „m“, съ одной стороны, и „i“ либо „n“ — съ другой, вставляется отзвучный губной — „r“; напимѣрь, kamritis, kamelot: по-фински — kampritsi, kamplotti.

Финскій языкъ не терпитъ соединения многихъ согласныхъ; поэтому, въ слова съ дифтонгами — для благозвучія — вставляется гласный; напр., hamn — hamina или sämsk — säämyskä, sembla, semla — sämpylä и пр.

Въ окончаніи мужескаго рода плавный — „r“ — перѣдко видоизмѣняется въ „as“; напр., konungr — kuningas, vargr — vargas (varas) и пр. (т. е. п. *)

Иногда финскія, лапландскія и ливонскія нарѣчія къ слову, начинающемуся гласнымъ, приставляютъ согласный — „v“ или „j“; напр., uohi, по-литовски — uochi и т. п. **)

Въ болѣе цивилизованныхъ земляхъ финскій языкъ не терпитъ, на подобіе корельскому диалекту, твердыхъ согласныхъ: „k“ („g“), „t“, „p“ — передъ плавными: „l“ и „r“; потому, замѣняетъ ихъ звукомъ — „n“. Такъ, напр., корельскому — karlas, hapras, äpräs, korra и пр. соотвѣтствуютъ финскія — kaulas, haugas, äygäs, konna.

То же правило примѣчается и въ отношеніи къ иностраннымъ словамъ; напр., rutro — ruho.

Перѣдко иностраннаго происхожденія слова, переходя

*) Впрочемъ, нужно замѣтить, что окончаніе — „as“ — также часто встрѣчается и не въ значеніи флексіи надежной мужескаго рода.

**) Въ лапландскомъ диалектѣ подобныя приставки встрѣчаются особенно часто.

въ языкѣ финскаго народа, теряютъ первый свой слогъ, если на немъ не стоитъ удареніе; такъ, напримѣръ, inspektor, по-фински—pehtori, epaulette—(olka-) poletti; и пр. т. п. Русскія слова: извозчикъ, горохъ и т. п. финнъ передаетъ — vossika, rokka. *)

Бываютъ въ языкѣ финновъ случаи, когда сложные слова теряютъ свою вторую часть, оставляя только первую; напримѣръ, пароходъ — höyrylaiva: сокращенно — höyry. **)

Двусложныя слова подчинены слѣдующимъ измѣненіямъ: соединительный гласный а (ä) переходить ***) въ однихъ случаяхъ въ „о“, въ другихъ — въ „і“; звукъ же чистый — „а“ — переходить всегда въ „і“.

Относительно примѣняемыхъ письменныхъ знаковъ, отсутствующихъ отъ буквъ обыкновенныхъ, необходимо замѣтить слѣдующее:

- а) гласный звукъ — „і“ — произносится, какъ русское и;
- б) „о“ обозначаетъ зв. серединный между „ц“ и „о“;
- в) согласный „š“ выговаривается, какъ русское „ш“;
- г) зв. „t“ читается, какъ р. „ч“;
- д) „ž“ произносится, какъ р. „ж“;
- е) „z“ соотвѣтствуетъ р. „з“ (или нѣм. мягкому „s“);
- ж) зв. „h“ однозвученъ р. „х“;
- з) g читается, какъ р. „к“;
- и) „п“ есть „носовое“ = „п“;
- к) „i“ звучитъ срединно между „g“ и „r“;
- л) буквы — „d“, „l“, „n“, „r“, „s“, „t“ — изображаютъ звуки: „d“, „l“, „n“, „r“, „s“, „t“, смягченныя при звукомъ — „і“.

Въ угрскихъ (вогуло-остякскихъ) словахъ буквою „w“ изображаютъ звукъ, соотвѣтствующій англійскому „w“.

*) Произн. vosika, rok(h)a.

**) Объясн. накл. выраженія; ср., напр. народн. — Лександръ, лебастръ, и пр., вм. — Александръ, алебастръ...

***) Ср. переходъ, или измѣненіе во мн. ч., предъ гласн. „і“.

В. Б ы т ъ я .

Человѣческаго рода древнѣйшая исторія покоится на подобіе его языка: и только изслѣдованіе тщательное языка въ состояніи бываетъ бросить лучи свѣта на нее.“

Я. Гриммъ. *)

И въ настоящее время еще съ трудомъ поддается разработкѣ почва болотистаго сѣвернаго европейскаго міра.

Нѣкогда охота и рыбная ловля составляли единственный источникъ пропитанія народовъ, населяющихъ эти мѣстности — неприютныя и угрюмыя.

У самыхъ сѣверныхъ поморовъ можно встрѣтить изъ домашнихъ животныхъ однѣхъ лишь собакъ. А у береговъ океана встрѣчаются также и олени сѣверные. И только болѣе южные финны имѣютъ возможность владѣть лошадьми и коровами.

Подробное изслѣдованіе названій этихъ животныхъ подтверждаетъ предположеніе, что финны, благодаря только извѣстнымъ арійскимъ племенамъ, узнали о большой пользѣ, какую приносятъ имъ теперь лошадь съ коровою и, главнымъ образомъ, сѣверный олень съ подругой — собакою.

Вѣрнѣйшій спутникъ охотника и номада, какъ свидѣтельствуютъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ, — собака. Въ финскомъ языкѣ она имѣетъ много названій, самое обыкновенное изъ которыхъ — *peni*, въ современной рѣчи сохраняемое лишь въ формѣ уменьшительной — *penikä* (собачка).**)

Этому имени соответствуетъ эстонское слово — *peni*,

*) Dr. Aug. Ahlquist, cap. I: Viesucht.

**) Слово — *penikka* — родственно имени — *peniti* = щенокъ собаки или волка, также — лисицы.

у ливовъ — riü; на діалектѣ же лапландскомъ оно звучитъ — boen, мордва произноситъ — riue или riä, черемисы говорятъ — ri, въ рѣчи вотяка слышится — riuu, у зырянъ стяженное — rop, у венгровъ видоизмѣненное (съ перестановкой гласнаго) — eb, у вогуловъ и остяковъ (съ согласнымъ вставнымъ) — amр и oamр.

Другое названіе для собаки существуетъ у эстовъ — kut's и kut'sik, у ливовъ (съ конечнымъ гласнымъ i) — kut'siki, которое соответствуетъ имени — kuta — у вотяковъ и венгерскому — kutya.

Слово это, по всей вѣроятности, арійскаго происхожденія.

Оно встрѣчается и въ русскомъ языкѣ — въ формѣ уменьшительной: кут-ёнокъ (kut'jónok А.), и у литовцевъ — kutsa (сука) и kutsens.

Оттуда и произошло слово — hurtta, эстонское — hurt, ливское — kūrta (лягавая или гончая собака), оригиналомъ которыхъ нельзя не признать русское слово — хортъ (hort), литовское — kurtas, lett'ское — kurts.

Самое употребительное имя, или названіе для собаки, какъ дружественнѣйшаго въ отношеніи къ человѣку животного, встрѣчается также и въ языкахъ-нарѣчійхъ эстовъ, вотяковъ и вепсовъ.

Имя — koiga — сближается, кажется, съ таковымъ въ словарѣ остяковъ: hõmas (самецъ), которое, кстати замѣтить, часто весьма встрѣчается въ соединеніи и съ другими названіями животныхъ; такъ, напр. hõ-amр. и т. п.

Можетъ быть, слово это, финское вначалѣ, служило также первою составною частью сложнаго имени — koiga-repi, которое, въ такомъ случаѣ, вполне соответствовало бы остяцкому — hõ-amр. Не вѣроятно, видимо, сужденіе, что вторая часть этого слова могла выпасть, *) а первая составная сохранила значеніе полного сложнаго слова. Можетъ быть, именемъ этимъ обозначали сначала различіе нѣкоторое отъ названія — repi, которое значило: 1) „собака“ (вообще = песъ) или 2) — „собака“, которой пользовались для цѣлей охотничьихъ.

*) Случай, свойственный финскому языку: см. отд. фонологическ. в.

Слово это, можно думать, и на языкѣ финскомъ обозначало самца: доказательствомъ является то обстоятельство, что имя прилагательное, образованное отъ разбираемаго имени, въ соединеніи съ названіями различныхъ животныхъ, опредѣленное имѣетъ значеніе; такъ, напримѣръ, *koirassusi* обозначаетъ волка-самца и пр.

Отъ имени —, собака — естественнымъ можетъ быть названъ переходъ къ разсмотрѣнію слова, обозначающаго скотъ.

Nauta называетъ скотъ вообще, безъ различія пола.

Оригиналомъ этого имени послужило древнесѣверное названіе скота — *naut*, которое, по общему правилу фонологіи скандинавскихъ нарѣчій, перешло въ нынѣшнее *nöt* (*Nöd*)*)

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слово это употребляется и въ первоначальномъ своемъ значеніи.

Имя — *gaavas* — также встрѣчается, какъ названіе скота; но, главнымъ образомъ, оно имѣетъ значеніе скота, опредѣленнаго на убой. Значеніе этого слова, какъ въ сѣверно-финскомъ, такъ и въ русско-корельскомъ, такъ называемомъ, весьма просто — старый.

Этотъ случай, полагають, основывается на томъ, главнымъ образомъ, что народъ употребляетъ, большею частью, на убой скотину старую, непригодную въ работахъ.

Въ языкѣ финновъ, равно какъ и въ другихъ диалектахъ урало-алтайской группы, существуетъ множество отдѣльных словъ — для обозначенія различія пола животныхъ и его молодыхъ. Такъ, вола финны именуютъ — *harka*, быка — *sonni*; у эстовъ постоянно встрѣчаются слова: *harg*, *sonn* или *sonn*; финск. *vasa* или *vasika* (теленокъ), у эстовъ — *vasik* или *vasikas* и пр.

Лапландское слово — *mulli* — произошло изъ шведскаго — *mulle*, которому соответствуетъ англійское — *bull* и слово славянское — волъ, быкъ.**))

*) Ср. (по Ahlquist'y) Rietz, *Svenkst Dialekt-Lexikon*, p. 468.

**) Ibid. ср. R. p. 447: Jönson, *Oldnordisk Ordbog*; S. 65 и тамъ же — *das einfache Puodukt der Kuh*.

Произведение коровы — молоко — имѣть во всѣхъ финскихъ нарѣчіяхъ, исключая лишь вѣтви лапландцевъ и остяковъ, различныхъ названія.

По-лапландски молоко именуется — *mielke*, каковое слово взято у скандинавовъ. Остяки называютъ молоко сложнымъ именемъ: *ēsem-jink*. Буквальное значеніе его — грудная вода. Это явленіе обуславливается тѣмъ, что остяки лишь въ послѣднее время научены русскими доить сѣверныхъ оленей.

Самыя обыкновенныя названія для молока у финновъ — *maito* и *piimä*, также, рядомъ — *rieska* — *maito*, *rieska* — *piimä* или только — *rieska*.

Lönnrot's полагаетъ, что слово — *rieska* — произошло изъ языка шведскаго. *) Это предположеніе подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Калевалѣ **) слово — *rieska* — встрѣчается въ значеніи: молодой, свѣжій (ранній). Въ мордвинскомъ или мордовскомъ языкѣ молоко называется словомъ — *lofsta* или *lovsu*. Отъ этого имени образовался въ финскомъ лексиконѣ глаголъ — *lupsä*. ***)

Не подлежитъ, очевидно, никакому сомнѣнію, что финское слово — *lupsä* ****) — образовано аналогично съ шведскимъ — *mjölka* — и нѣмецкимъ: *melken*.

И для лошади, какъ для скота вообще, взято названіе — *hepo*, *hevonen* — изъ языковъ индоевропейскихъ.

Но не слѣдуетъ, вторя прежнимъ изслѣдователямъ, принимать греческое *ἵπλος* за основаніе финскому *hepo*. Гораздо ближе стоитъ къ нему шведское *härra*, *härrä*, которое вообще употребляется въ южной Швеціи со значеніемъ — кобылица ****), равно и датское *hoppe* (= *hørrø* — въ томъ же самомъ значеніи.

*) Сл. *frisk*, что обозначаетъ понятіе — свѣжій.

Ср. нѣм. *frisch* — свѣжій, новый, холодный.

**) 26 : 198.

***) Ср. нѣм. *melken* — доить.

****) Равно какъ и названіе молока — *lupsä*.

*****) Id. Rietz, S. 278.

Болѣ всего приближается къ этой формѣ эстонское — hobo, которое опять въ другомъ діалектѣ приближается своею формой — hebo — къ финскому: „hero“.

И въ финскомъ языкѣ это слово имѣло въ прежнія, по крайней мѣрѣ, времена, отчасти, то же значеніе, какое выражаютъ и выше разобранныя: въ переводѣ „Landslag'a“ Ljung'омъ Thomassons'омъ *) встрѣчается оно въ значеніи — кобылица; ласкательное же — hevonen, напротивъ, означаетъ имя — жеребчикъ.

Еще и въ нынѣшнее время слово — hebo — встрѣчается въ вепскомъ нарѣчій также со значеніемъ — кобылица **).

Съ этой стороны, языкъ финскій не имѣлъ надобности пользоваться словомъ, взятымъ изъ другихъ языковъ, такъ какъ онъ имѣетъ самъ свои особенности, которыми и можетъ пользоваться, давая собственныя названія для обоого пола животнаго.

Такъ, на примѣръ, финское имя — tamma (кобылица), orih или oris, orit (жеребецъ), — эстонское: tāk, вепское: ueh, вотяцкое: jaati — жеребецъ, — ливонское: kev *** — кобылица, iга — жеребецъ (и жеребенокъ).

Но это заимствованное слово сдѣлалось общимъ названіемъ для подобнаго рода животныхъ.

Холощенная лошадь не имѣетъ въ языкѣ финновъ никакого названія. Оно и понятно. Этотъ способъ искалѣчиванія животнаго вошелъ въ употребленіе у финновъ только въ позднѣйшее время отъ сосѣднихъ народовъ, успѣвшихъ на полѣ оплодотворенія сѣменами цивилизаціи.

*) Это изложеніе законовъ есть провинціальное право короля Кристофера; другое, подобное этому, есть „Stadslag“ — городское право. Оба имѣли силу, какъ въ Швеціи, такъ и въ Финляндіи до тѣхъ поръ, пока не былъ введенъ полный сводъ законовъ (въ 1734 г.); оба были переведены въ концѣ XVI столѣтія на финскій языкъ священникомъ, весьма даровитымъ и оч. сильнымъ въ свое время, — Ljung'омъ Thomassons'омъ. Чит. примѣч. Ahlquist'a, стр. 9—10.

**) По всей вѣроятности, славянское слово — кобыла — того же самаго происхожденія, какъ и вышеупомянутыя названія.

***) Ср. литовск. — kėve.

Названія для мерина суть: valakka, общепотребительное въ западной и южной Финляндіи, и ruina, употребляемое, главнымъ образомъ, внутри Карельской области.

Первое слово есть германское — vallask, Wallach, происхожденіе котораго, по всей вѣроятности, можно найти въ названіи народа Валахій.

Такимъ же образомъ французское hongre (меринъ) произошло, вѣроятно, изъ Hongrie *).

Оба же названія указываютъ на то, что обычай скопить лошадей ведетъ свое начало отъ народовъ восточныхъ или, по меньшей мѣрѣ, — на то, что люди, посвященные въ это искусство, принадлежали къ національностямъ восточнымъ.

Въ древнемъ сѣверно-нѣмецкомъ нарѣчій встрѣчаются для выраженія этого понятія также слова германскаго происхожденія: gauh — меринъ, каковое имя тѣсно связано съ древне-сѣверно-нѣмецкимъ глаголомъ — gauen **), означющимъ — рѣзать, вѣрзывать и т. п.

Въ сѣверныхъ нарѣчійхъ существовало слово — runi — въ значеніи — холощенный кабанъ; и это самое слово встрѣчается въ вышеупомянутомъ кодексѣ провинціального права, гдѣ Lossenius переводитъ его на латинскій языкъ чрезъ caballus (меринъ) и Ljung Tomassons — на финскій: ruina.

Въ нѣмецкомъ переводѣ этого свода законовъ сл. — runi передано словомъ: кабанъ, Ihre и Schlyter переводятъ его также именемъ — veges.

Слѣдовательно, слово — runi, или, вѣрнѣе — значеніе runi можетъ подлежать сомнѣнію: хотя и Lossenius, и Ljung Tomasson ошибались немного, все же ошибка ихъ показываетъ намъ, что значеніе стараго сѣверно-нѣмецкаго слова — gauh (меринъ) — не было не знакомо или не употребляемо въ болѣе старомъ шведскомъ нарѣчій для соответствующаго — runi.

Но, если и предположить, что это древне-сѣверное слово

*) У ливовъ кастраторъ носитъ названіе — ungor или ungoris: слово которое, какъ видно, указываетъ на мѣсто происхожденія этого занятія, отъ котораго и не-юное сердце содрогается, — на земли при Дунаѣ.

**) Сл. новое съ древне-нѣмецк. — gauen.

не имѣло значенія упомянутого, при всемъ томъ мы имѣемъ въ литовскихъ словахъ гл. *gūnit* *), которое еще и теперь употребляется, — оригиналь для финск. *guupa*.

Къ слову, что называется, не лишне замѣтить и нѣкоторое этико-лингвистическое соотношеніе разбираемаго между верхнимъ (лѣвымъ) и нижнимъ (приуральскимъ) наклономъ алтайской вѣтви **).

У черемисовъ имя мерина извѣстно подъ названіемъ — *alaša*, а у вогуловъ: *uloša*, каковое слово явственно весьма послушествуетъ о заимствованіи изъ языка татарскаго — *alaša* ***); у вогуловъ и остяковъ *meḡin* — простое заимствование изъ народнаго словаря языка русскаго.

То же сужденіе явствуетъ и въ отношеніи къ поименованію быта земледѣльческаго, промысла, многообразнаго, ремесль, — названію жилищъ, домашняго скарба, равно и мореплаванія, характеристики гражданскаго (мѣщанскаго) собранія и пр. т. п.

*) *Id. lat*: „*equum castrare*“.

**) Извѣстно не малое количество словъ и въ отечественной рѣчи, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ смыслѣ воздѣйствія на способъ выраженія русскаго человѣка со стороны, напр., татарства: баба, башка, баштанъ, казанъ, капуста и пр. Сл. ми. повѣрья, суевѣрья... И это-го взаимовоздѣйствіе различныхъ народностей, составляющихъ многомилліонное населеніе государства, сообщаетъ послѣднему великую внутреннимъ значеніемъ силу, выросшую изъ земскихъ и политическихъ отношеній, внушительную и вѣршимъ единствомъ, — силу, безъ посредства актовъ дипломатическихъ служащую здравомыслящимъ соревнованіемъ, поддѣянкомъ Самодержавія, въ дѣлѣ общаго преусиленія. И, значитъ, русская земля не представляетъ собою случайнаго соединенія пространствъ и народовъ, безъ внутренняго ладу и складу: она являетъ собой организмъ живой, созданный исторіей и народнымъ характеромъ — съ потребной мѣрою матеріи и силы, съ своимъ внутреннимъ распорядкомъ.

Сл. различіе въ жизни отдѣльныхъ областей, напримѣръ, Австріи „Славянск. ежегодн.“ Н. Задерацкаго, 1878, I.

Ср. роль современнаго волацюка. Сношенія порождаютъ и заимствования. Истина, которая, впрочемъ, въ пересолѣ являетъ убійственную пародію на самыя цѣлѣнныя мѣста родной рѣчи: „м. г. г. Позвольте мнѣ въ импорціальной формѣ резюмировать индивидуальность и конкретность пауперизма въ его ассеквенціи за аномальностью идей цивилизованныхъ расъ и цинизмовъ принциповъ, мистифируя авторитетъ амплитомовъ парадоксальной пидэзии, парализируя ресурсы...“

***) *Id. comp.* Wallach.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Исторія не помнитъ единства языка и народа, потомки котораго являются на ея страницахъ разселенными уже по всему земному шару и говорящими на разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Всевозможныя повѣствованія о ростѣ человѣческой жизни не рождаютъ ни тѣни преданія объ образованіи языка. Наука предполагаетъ, что онъ возникъ путемъ естественнымъ и состоялъ вначалѣ изъ ограниченнаго весьма числа корней — для выраженія самаго тѣснаго круга понятій первобытнаго царя вселенной, ознакомленіе съ которой вѣрвалось времени. Единая нѣкогда семья человѣческая въ теченіе довольно продолжительнаго періода, уходящаго за горизонтомъ историческаго бытія, успѣла сильно размножиться и разойтись по всему лицу необъятной земли, раснавшись на отдѣльныя племена и народности. Естественно, что каждая отдѣльная племенная вѣтвь стала говорить своимъ языкомъ, отличнымъ отъ собратней. Причины неувидимыя въ дѣлѣ окаменѣнія древнѣйшихъ и рожденія—оплодотворенія яз. юнѣйшихъ всюду и всегда однѣ и тѣ же: худосочіе, старческа я немощь — съ одной стороны, съ другой — новыя повсемѣстныя условія климатическія, почвенныя, географическія, бытовыя и мн. др. сильно вліяютъ на выработку новаго съ предварительнымъ измѣненіемъ стараго — первоначальнаго.

Грамматика отвѣчаетъ на вопросъ о научномъ значеніи тысячелѣтнаго брата — языка славянскаго: „съ появленія первой славянской рукописи, перваго разумнаго употребленія письма, славяне вступали въ число христіанскихъ народовъ цивилизующейся Европы, пріобрѣтали оружіе для обезпеченія себѣ своего будущаго“ *) — и въ то же время стали воздѣйствовать на духовное развитіе собратилитовца.

А. А. Кочубинскій: лекціи — „Обозрѣніе славянскихъ нарѣчій“
к. 2 ч., 1878-9 г.

Языки индо-европейскаго *) семейства распадутся на два отдѣла: а) южный (древнѣйшій) и б) сѣверный (позднѣйшій).

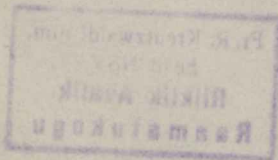
Къ южному дѣленію относятся классы — индійскій и иранскій: первый титулуется язычнымъ дѣдомъ діалектовъ нынѣшней Индіи, развившихся на основѣ санскрита, древнѣйшіе памятники котораго сохранены въ священнѣхъ книгахъ индѣйцевъ — Ведахъ (составляющихъ краеугольный камень Браманской религіи и восходящихъ до XV ст. предъ Р. Хр.); второй — обнимаетъ нарѣчія Персіи, Афганистана, Курдистана, Бухары, Арменіи и Осетіи, развившихся на основѣ зендской, на которомъ написана Зендавеста — священная книга послѣдователей Зороастра, жившаго еще задолго до временъ Кира. Къ сѣверному отдѣлу индо-европейскаго семейства относятся: а) кельтскій классъ, къ которому теперь отчисляются діалекты Валлиса, Бретани, Шотландіи, Ирландіи и острова Мэна *); б) италійскій классъ, возникшій на основѣ діалектовъ древней Италіи — латинскаго, оскскаго и умбрскаго ***); в) эллинскій, подраздѣляющійся на древне- и ново-греческій яз.; г) германскій классъ (или тевтонскій), подраздѣляющійся на двѣ вѣтви — германскую (въ тѣсномъ смыслѣ) и скандинавскую ****); д) литово-славянскій классъ, раз-

*) Конечно, и не-арійскаго начала народности могли, какъ свидѣтельствуютъ словари живыхъ и почившихъ царствъ, вліять на лексическую сторону той или иной вѣтви; такъ, не слабо воздѣйствовали въ свое время семьи семитскіе (яз. арабскій, еврейскій, арамейскій съ халдѣйскимъ и сирійскимъ) и туранская (яз. тунгузскій, монгольскій, тюркскій, самоѣдскій, финскій и пр.).

**) Въ нынѣшнюю пору кельты не пользуются политической самостоятельностью; но въ древнѣйшія времена вся Галлія, Бельгія и Британія были кельтскія владѣнія: сѣверная Италія населялась ими же — преимущественно.

***) Новые языки, возникшіе на основѣ италійскаго діалекта, называются романскими: португальскій, испанскій, французскій, итальянскій, румынскій (валашскій) и рето-романскій.

****) А. Собственно-германская вѣтвь даетъ два отпрыска — верхне-нѣмецкій (яз. литература: баварскій, швабскій, австрійскій, франскій — вдоль Майна, саксонскій и др.; сюда же примыкаетъ умершій въ IX ст. языкъ готскій, на который была переведена Библия еп. Ульфилы, род. 311 г.) и ниже-германскій — съ діалектами сѣверной, или низменной Германіи (Plattdeutsch): для литературныхъ цѣлей не употребляется, —

росшія въ два вѣтвистыхъ древа — литовское и славянское съ ихъ этнографическими сѣченіями на вѣтвочки*).

Славянское племя, какъ видно, самое многочисленное въ семьѣ арійской и занимаютъ огромное пространство земли. Съ незапамятныхъ временъ пришли они изъ Азіи въ Европу и посѣли на всей восточной ея части. Ихъ владѣнія простирались отъ моря Балтійскаго до Чернаго и Адриатическаго и отъ Волги до Лабы (Эльбы). Сначала они говорили на одномъ языкѣ, разумѣется, составляя одно великое племя; съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ многоразличныхъ обстоятельствъ и въ силу своей разбросанности по огромному пространству — по причинѣ разнообразія климатовъ занимаемыхъ ими земель, влѣдствіе воздѣйствія разнохарактерности другихъ народовъ, съ которыми приходилось сталкиваться — они и успѣли выработать отдѣльные свои особенности по нарѣчіямъ, въ совокупности благотворно влія на углубившагося въ дебри лѣсовъ ближайшаго собрата, который, въ силу долгаго сожителства, одинъ, вмѣстѣ съ славянскимъ представительствомъ, въ замѣчательной чистотѣ сохранилъ древній строй, ближе др. европейскихъ языковъ стоя къ санскритскому, красуясь въ сравнительной грамматикѣ.

сюда же относится и англійская вѣточка съ вымершимъ англо-саксонскимъ нарѣчіемъ, также голландская — съ нарѣчіями жителей Фрисландіи (С. В. Нидерландіи).

Б) Къ скандинавской вѣтви относятся три отпрыска: датскій, шведскій и исландскій (съ многими мѣстными нарѣчіями въ замкнутыхъ долинахъ и фіордахъ Норвегіи: литературный языкъ — датскій).

*) А. Литовскую вѣтвь составляютъ яз.: а) литовскій (въ тѣсномъ смыслѣ: на с. з.), б) латышскій (въ Лифляндіи и Курляндіи) и древне-пруссскій, умершій въ XVII ст.

Б. Славянское древо даетъ вѣтви сѣверо-западную и юго-восточн.: къ первой относятся языки польскій, пораздѣленный между тремя государствами, — чешскій, дающій три отпрыска (с. чешскій — въ Богеміи, моравскій — въ Моравіи, словацкій — въ з. Венгріи), — лужицкій: верхне-луж. и нижне-луж.; юго-восточную вѣтвь составляютъ языки — русскій, болгарскій и сербскій: послѣдній дѣлится на нарѣчія — с. сербское (Сербія, Черногорія, Боснія, Герцеговина, Кроація, Далмація, Славонія, Истрія, Военная граница, Баната и др.), хорватское, или кроатское (Хорватія, ч. з. Венгріи), хорутанское, или словинское, (Штирія, Каринтія, Крайна и др.); болгарскій — въ мѣстѣ др. славянъ; р. вѣтвь составила изъ трехъ вѣточекъ — великорусской (главнѣйшей), малорусской и бѣлорусской.

Fr. R. Kreuzwaldi nim.
Eesti NSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

**Для подарковъ
НОВЫЯ ИЗДАНІЯ**

«Русско-славянскаго книжнаго склада»

(К. Ю. Геруца).

Петроградъ, Больш. Морская, д. 30. (Отдѣленіе: Невскій, 74).

„ВОЛНА“

Русская художественная лирика въ выборѣ **Н. А. Шляпкина.**

Миניатюрное изданіе 400 страницъ in 32°.

Цѣны въ роск. переплетахъ:

Коленкоровомъ 1 р.; шелковомъ (разныхъ цвѣтовъ) 1 р. 25 к.;
полукожаномъ 1 р. 60 к.; пергаментномъ, англійскомъ и ко-
жаномъ (съ золот. обрѣзомъ) по 2 руб. За **пересылку** 40 коп.

Стихотворенія распределены по слѣд. отдѣламъ:

Поэзія, о поэзіи; Жизненная борьба, Женщина, Любовь,
Родина, Созерцаніе природы, Смерть, Религія.

ПРОДАЕТСЯ

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ

СВЯТѢЙШИХЪ ПАТРИАРХОВЪ МОСКОВСКИХЪ

(съ изображеніями ихъ)

О. Четыркина.

96 стр. Цѣна въ роск. коленк. перепл. **80 к.**

За перес. **20 коп.**

Въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга **ПРОДАЕТСЯ**

вышедшая **новымъ изданіемъ**

КРАТКАЯ ГРАММАТИКА

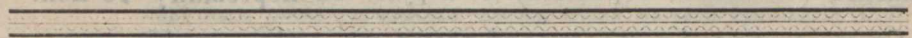
Латинскаго языка.

Примѣнительно къ гимназическимъ программамъ.

Составилъ **Н. САНЧУРСКИЙ.**

Этимологія и Синтаксисъ. 1-ое изданіе одобрено Учен. Комит. Мин. Нар. Пр. какъ учебное руководство для гимназій и прогимназій Мин. Нар. Просв. **Цѣна** 1 р. 25 к.

Складъ изданія въ СПБ. въ книжн. маг. **Фену** (Невскій просп.) и **Стасюлевича** (В. О., 5 л., д. 28) и **у автора** (Окр. Инсп. С.-Петербур. Уч. О., Управл. Округа).

У всѣхъ книгопродавцевъ

(складъ СПБ., у Геруца, Б. Морская, 30)

продается

СЛАВЯНСКАЯ МУЗА.

Переводы и подражанія

В. Уманова-Каплуновскаго

(одобренная Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. для приобрѣтенія въ ученич. библіот. старшаго возр. сред. уч. завед.).

Цѣна: 1 р. 25 к. (съ перес. 1 р. 50 к.), въ роскош. пер.
2 р. (съ перес. 2 р. 50 к.), на веленовой б. 3 р.
(съ пер. 3 р. 50 к.).

ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „ГИМНАЗІЯ.“

Ф. Экштейнъ.

ПРЕПОДАВАНІЕ ЛАТИНСКАГО И ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКОВЪ

перев. подъ ред. **Г. Янчевецкаго.**

Ч. I. Лат. преподаваніе А. *Исторія.* Гл. I. Преподаваніе у римлянъ. Гл. II. Въ средніе вѣка. Гл. III. Съ XV вѣка. Гл. IV. Съ XVI—XVIII вѣка. Гл. V. Исторія преподаванія въ гимназіяхъ. — Б. *Методъ.* Гл. I. Грамматика. Гл. II. Писатели. Гл. III. Письменные работы.

Ч. II. Греч. преподаваніе. I—IV. Общія замѣчанія. А. *Исторія.* Преп—ніе со временемъ реформации. Б. *Методъ.* Гл. I. Грамматика. Гл. II. Писатели. Гл. III. Письм. работы. — Ц. 3 р.

К. Негельсбахъ. Гимназическая педагогика. Перев. съ 3 изданія, Н. Кораблева. I. Учитель. II. Дисциплина. III. Дидактика. — Ц. 1 р.

Г. Бржоска. Необходимость педагог. семинарій при университетахъ. Перев. подъ ред. **Г. Янчевецкаго** (нѣтъ въ продажѣ).

I. Винкельманъ.

ИСТОРИЯ ИСКУСТВА ДРЕВНОСТИ.

Перев. **С. Шаровой,** подъ ред. **Г. Янчевецкаго.**

Ч. I. Изслѣдованіе искусства по его сущности. Гл. I. Происхожденіе искусства. Гл. II. Искусство у египтянъ, финикянъ и персовъ. Гл. III. Искусство этрусковъ. Гл. IV. Искусство у грековъ. Гл. V. Искусство у римлянъ.

Ч. II. Искусство въ связи съ обстоятельствами времени. Гл. I. Искусство до Фидія. Гл. II. Отъ Фидія до Александра В. Гл. III. Послѣ Александра. Упадокъ искусства. Гл. IV. Греческое искусство въ Римѣ. Гл. V. Упадокъ при Септиміи Северѣ. — Мелкія статьи. — Ц. 3 р.

В. Шрадеръ.

ГИМНАЗИИ И РЕАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА.

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ.

Перев. подъ ред. **Г. Янчевецкаго.**

Цѣна **3** р., безъ перес.

Складъ изданія: СПб., Литейный пр. 48. Кн. маг. **Н. П. Карбасникова.**

А. Фогель. Филос. основанія педагогик. (Локкъ — Кантъ — Гегель — Шлейермахеръ — Гербартъ — Бенеке). Ц. **1** р.

J. Spangenbergius.

BELLUM GRAMMATICALE.

ВОЙНА ВЪ ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИКЪ.

Пер. съ лат. **Д. Янчевецкій.** Ц. **50** к.

VI годъ

VI годъ

ГИМНАЗІЯ

ежемѣсячный

ЖУРНАЛЪ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ.

1893 г.

VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Цѣна 8 руб. съ перес.

(За границу 10 руб.).

Адресъ сост.-издателя:

Ревель. Гимназія Императора Николая I.

Директору Григ. Андр. Янчевецкому.

Ученымъ Комитетомъ М. И. Пр. журналъ „Гимназія“ признанъ заслуживающимъ особенной рекомендаціи для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для содѣйствія возможно большому распространенію между преподавателями сихъ заведеній. (Предлож. Г. Министра Гг. Попечителямъ уч. округовъ 28 февр. 1889 г. № 3899).

Павсанія. Описаніе Еллады, или Путешествіе по Греціи во П в. по Р. Х., перев. Г. Янчевецкаго. Ц. 5 р. — Содержаніе: Введеніе. Кн. I. Атика. Кн. II. Коринѳка. Кн. III. Лаконика. Кн. IV. Мессинія. Кн. V. Илида А. Кн. VI. Илида Б. Кн. VII. Ахайя. Кн. VIII. Аркадія. Кн. IX. Віотія. Кн. X. Фокида.

Ксенофонтъ. Полное собр. сочиненій, перев. Г. Янчевецкаго въ 5 ч. Ц. 7 р. Ч. I. Анабазисъ. 1 р. 25 к. Ч. II. Воспоминанія о Сократѣ. 80 к. Ч. III. Кинопедія. 1 р. 50 к. Ч. IV. Исторія Греціи. 1 р. 50 к. Ч. V. Мелкія статьи. Ц. 2 р.

Содержаніе Мелкихъ статей (Scripta Minora): I. Ширъ. II. Апологія Сократа. III. Лакед. государство. IV. Аѳинское государство. V. О хозяйствѣ. VI. Геронъ. VII. Агисилай. VIII. Доходы города Аѳинъ. IX. Гиппархъ. X. О конницѣ. XI. Охота.

Полные экземпляры ж. «Гимназія» за 1888, 1889, 1890 и 1891 годы продаются по 5 р. съ перес.; за 1892 годъ 8 р. съ перес.

Дозволено цензурою. — Ревель, 7 Іюня 1893 г.

Печатня «Ревельскихъ Извѣстій».

EESTI
RAHVUSRAAMATUKOGU
AR

65.647